

СамИздат

Annotation

06:19 по центральноевропейскому времени Цель выглядела старше, чем на фотографиях. Свет уличного фонаря подчеркивал глубокие морщины на его лице и бледный, почти болезненный цвет лица. Виктору этот человек казался на взводе, то ли из-за нервозности, то ли из-за слишком большого количества кофеина. Но каким бы ни было объяснение, через тридцать секунд это уже не будет иметь значения.

-

Том Вуд

Охотник

1

Париж, Франция

понедельник

06:19 по центральноевропейскому времени

Цель выглядела старше, чем на фотографиях. Свет уличного фонаря подчеркивал глубокие морщины на его лице и бледный, почти болезненный цвет лица. Виктору этот человек казался на взводе, то ли из-за нервозности, то ли из-за слишком большого количества кофеина. Но каким бы ни было объяснение, через тридцать секунд это уже не будет иметь значения.

Имя в досье было Андрис Озолс. гражданин Латвии. Пятьдесят восемь лет. Рост пять футов девять дюймов. Сто шестьдесят фунтов. Он был правшой. Никаких заметных шрамов. Его седеющие волосы были коротко и аккуратно подстрижены, как и его усы. Глаза Озолса были голубыми. Носил очки из-за близорукости. Он был элегантно одет, темный костюм под пальто, начищенные туфли. Обеими руками он прижимал к животу небольшой кожаный чемоданчик.

У входа в переулок Озолс оглянулся через плечо — дилетантский ход, слишком очевидный, чтобы сбить с толку тень, и слишком быстрый, чтобы ее заметить, если он это сделает. Озолс не видел человека, стоящего в тени всего в нескольких ярдах от него. Человек, который был там, чтобы убить его.

Виктор подождал, пока Озолс исчезнет из света, прежде чем нажать на курок плавным, равномерным нажатием.

Приглушенные выстрелы нарушили утреннюю тишину. Озолс получил два удара в грудь подряд. Пули были маломощные, дозвуковые 5,7 мм, но более крупные снаряды не могли быть более смертоносными. Свинец в медной оболочке прорвал кожу, кость и сердце, прежде чем застрять бок о бок между позвонками. Озолс рухнул навзничь, с глухим стуком ударившись о землю, раскинув руки и откинув голову набок.

Виктор растворился в темноте и сделал размеренный шаг вперед. Он повернул FN Five-seveN и пустил пулю Озолсу в висок. Он уже был мертв, но, по мнению Виктора, излишества не было.

Израсходованная гильза звякнула о брусчатку и остановилась в луже, мерцающей натриево-оранжевым светом. Единственным другим звуком был тихий свист из двойных отверстий в груди Озолса. Из все еще надутых легких вырывался воздух — последний вздох он так и не успел сделать.

Утро было холодным и темным, приближающийся рассвет только начинал окрашивать небо на востоке. Виктор находился в самом сердце Парижа, в районе узких проспектов и извилистых переулков. Переулок был уединенным — никаких окон, выходящих на улицу, — но Виктор на мгновение проверил, не заметил ли кто-нибудь убийство. Никто не мог этого услышать. С дозвуковыми боеприпасами и глушителем шум каждого выстрела был приглушен до тихого лязга, но это не могло предотвратить случайный шанс того, что кто-то решит, что это конкретное место было хорошим местом для опорожнения мочевого пузыря.

Удовлетворенный тем, что он был один, Виктор присел на корточки рядом с телом, осторожно избегая попадания крови из выходного отверстия в четверть дюйма в виске жертвы. Левой рукой Виктор расстегнул кейс и заглянул внутрь. Предмет был там, как он и ожидал, но в остальном чемодан был пуст. Виктор взял флешку и сунул ее во внутренний карман пиджака. Маленький и безобидный, он едва ли казался достаточной причиной для убийства человека, но так оно и было. Одна причина не хуже другой, напомнил себе Виктор. Все это было вопросом перспективы. Виктору нравилось верить, что он не делает ничего, кроме того, что ему платят за то, что человечество совершенствовало на протяжении тысячелетий. Он был просто кульминацией этой эволюции.

Он тщательно обыскал тело, чтобы убедиться, что ему больше не о чем знать. Только карманный мусор и бумажник, который Виктор открыл и выставил на свет. В нем было обычное: кредитные карты и водительское удостоверение на имя латыша, наличные деньги, а также выцветшая фотография младшего Озола с женой и детьми. Хорошая семья, здоровая.

Виктор положил бумажник обратно и поднялся на ноги, мысленно пересчитывая, сколько выстрелов он сделал. Два в грудь, один в голову. Семнадцать осталось в журнале FN. Это была простая математика, но, тем не менее, протокол. Он знал, что в тот день, когда он сбился со счета, он нажмет на курок только для того, чтобы услышать щелчок ужасного мертвеца. Он уже слышал это раньше, когда пистолет был в чужой руке, и тогда он пообещал себе, что никогда не умрет так.

Его взгляд снова осмотрел местность в поисках признаков воздействия, но в поле зрения не было ни людей, ни машин, не было слышно шагов. Виктор открыл глушитель и сунул его в карман пальто. С установленным глушителем оружие было слишком длинным, чтобы его можно было правильно спрятать, и слишком медленным, чтобы его можно было быстро вытащить. Он повернулся на месте, найдя и забрав три пустых гильзы до того, как их достигла растекающаяся кровь. Два были еще теплыми, но один из лужи был прохладным.

Полумесяц ярко светил в небе над головой. Где-то за звездами вселенная продолжалась вечно, но с того места, где стоял Виктор, мир был мал, а времени слишком мало. Он чувствовал свой пульс, медленный и ровный, но, может быть, целых четыре удара в минуту превышал его частоту сердечных сокращений в состоянии покоя. Он был удивлен, что она была такой высокой. Он хотел сигарету. В эти дни он всегда так делал.

Он пробыл в Париже неделю, ожидая разрешения, и был рад, что работа почти закончена. Все, что осталось, это спрятать предмет сегодня вечером и связаться с брокером, чтобы сообщить его местонахождение. Это не был трудный или даже рискованный контракт; во всяком случае, это было просто, скучно. Стандартное «убей и собери», ниже его навыков, но если клиент был готов заплатить свою возмутительную плату за работу, которую мог бы выполнить любой дилетант, Виктору было не место спорить. Хотя что-то в глубине его сознания подсказывало ему, что это было слишком просто.

Он вышел из переулка, почти бесшумно ступая по твердой неровной земле. Прежде чем исчезнуть в городе, он бросил последний взгляд на человека, которого убил без слов и совести. В тусклом свете он увидел широко распахнутые обвиняющие глаза своей жертвы, смотрящие ему вслед. Белки уже черные от кровоизлияния.

ГЛАВА 2

08:24 по центральноевропейскому времени

Их было двое.

Среднего телосложения, небрежно одетые, ни в том, ни в другом нет ничего примечательного, кроме того, что они были слишком непримечательны. Hotel de Ponto находился на шикарной парижской улице Фобур-Сент-Оноре, и его гостями были богатые туристы и

бизнесмены, мужчины и женщины, одетые в дизайнерские одежды. В повседневной толпе они бы слились. Но не здесь.

Виктор увидел их, как только прошел через главный вход. Они стояли перед лифтами в дальнем конце вестибюля, спиной к нему. Оба стояли совершенно неподвижно, один с руками в карманах, другой со скрещенными руками в ожидании. Если между ними и передавались какие-то слова, они делали это без каких-либо изменений в языке тела.

В большом вестибюле было тихо, меньше дюжины человек занимали место. В нем был высокий потолок, мраморный пол и колонны, множество экзотических растений в горшках, зеленые кожаные кресла, сгруппированные по углам и в центре. Виктор направился к стойке регистрации, которая шла вдоль стены справа от него, идя расслабленным, непринужденным шагом, несмотря на потенциальную опасность. Он все время держал людей в поле зрения, готовый действовать, если кто-нибудь взглянет в его сторону. Он еще не совсем определился с этим дуэтом, но в бизнесе Виктора потенциальная угроза была определенной угрозой, пока не доказано обратное. В вестибюле он был разоблачен, уязвим, но ничто в его поведении не выдавало этого. Он не привлекал внимания других людей в комнате. Он вел себя и выглядел точно так же, как они.

Принято считать, что соратники по профессии Виктора одеваются только в черное, но выглядеть как клише не входило в приоритеты Виктора. Как и большинство людей, он хорошо выглядел в черном, слишком хорошо для человека, чья жизнь может зависеть от того, останется ли он незамеченным. Одетый в темно-серый костюм, белую хлопчатобумажную рубашку и однотонный серебряный галстук, Виктор выглядел как респектабельный бизнесмен. Костюм был шерстяной, с вешалки, отличного качества, но на один размер больше, чем у него было больше места в бедрах, руках и плечах, но не выглядел слишком плохо сидящим. Его оксфорды были черными, начищенными, но не слишком, высокими вокруг лодыжек и с толстой рифленой подошвой. Очки у него были простые, стрижка скучная.

Он выбрал свой наряд, чтобы создать мягкий, нейтральный образ. Любому, кто попытается вспомнить Виктора, будет трудно точно его описать. Он был мужчиной в костюме, как и многие другие. Помимо легко снимаемых очков, единственная отличительная черта, которая могла быть замечена и присутствовала только для того, чтобы отвлечь внимание от других вещей, позже будет сбрита. Он был умный, но не стильный, опрятный, но обычный, уверенный в себе, но не высокомерный. Незабываемый.

Он подошел к столу и вежливо улыбнулся, когда черноволосая секретарша оторвалась от своей работы. У нее была загорелая кожа и большие глаза, черты лица искусно и тонко накрашены. Ее ответная улыбка была жизнерадостно фальшивой. Она хорошо скрывала это, но Виктор знал, что она предпочла бы быть где-нибудь еще.

— Бонжур, — сказал он, но не слишком громко. «Chambre 407, je suis Mr Bishop. Pouvez-vous me dire si j'ai reçu des messages?»

— Un moment, s'il vous plait.

Она коротко кивнула и проверила журнал. На стене за письменным столом висело большое зеркало, в котором Виктор наблюдал за отражением двух мужчин. Двери лифта открылись, и они разошлись, позволяя паре выйти, прежде чем войти сами, почти одновременно. Он видел их руки. Они были в перчатках.

Виктор передвинулся, чтобы взглянуть на внутреннюю часть лифта, но мог видеть только отражение одного из мужчин внутри. Виктор склонил голову набок, частично прикрывая лицо на случай, если мужчина посмотрит в его сторону. У мужчины была светлая кожа и квадратное лицо, он был чисто выбрит. У него было сосредоточенное выражение лица, он смотрел прямо перед собой, руки безвольно

лежали по бокам. Его перчатки были из коричневой кожи. Либо у него была деформирована грудная клетка, либо под нейлоновой курткой было спрятано что-то в форме пистолета. Любые сомнения Виктора относительно их мотивов теперь испарились.

Это были полицейские? Нет, решил он. Прошло всего два часа с тех пор, как он убил Озолса, и он никак не мог быть связан с преступлением за такой короткий промежуток времени. Они тоже не были оперативниками. Агентам разведки не нужно было бы носить перчатки. Оставалось одно занятие.

Виктор угадал восточноевропейца — чеха или венгра, а может быть, с Балкан, откуда обычно рождались особенно эффективные убийцы. Он видел двоих, но легко могло быть и больше. Два пистолета лучше, чем один, но целая команда по очевидным причинам еще лучше, особенно когда целью был опытный наемный убийца. Только самые лучшие могут позволить себе работать в одиночку.

Судя по тому, как вели себя мужчины, были и другие. Они не заботились о своем окружении, не беспокоились о безопасности. Так сказать слезка. Это говорит о большей команде. Их может быть как четыре, так и десять. Если бы их было больше, Виктор не давал себе больших шансов.

То, что они знали, где он остановился, требовало значительного уровня мастерства или точности интеллекта. Пока Виктор не знал, против кого он выступает, он не мог позволить себе их недооценивать. Он должен был работать, исходя из предположения, что они, по крайней мере, равны ему. Если бы он оказался неправ, это было бы только в его пользу.

Секретарша закончила проверять журнал и покачала головой. —
Месье, il n'y a aucun message pour vous.

Поблагодарив ее, он увидел, как сосредоточенное выражение лица мужчины в лифте исчезло, сменившись на мгновение болью или глубокой сосредоточенностью. Мужчина приложил палец к правому уху, прежде чем быстро взглянуть на своего помощника. Его рот открылся, чтобы заговорить, когда он потянулся, чтобы не дать захлопнуться дверям, но было слишком поздно. Виктор успел прочитать первые слова по его губам еще до того, как двери закрылись.

Он в холле...

На них были радиоприемники. Его заметили.

Виктор обернулся и осмотрел местность, потратив несколько секунд на изучение каждого человека на случай, если он пропустил других членов истребительной группы. В качестве физиологической реакции на опасность надпочечники наполняют его кровь адреналином, чтобы увеличить частоту сердечных сокращений, чтобы подготовить тело к действию. Но полагаться на инстинкты он не приветствовал. В дикой природе выбор сводился только к двум вариантам — драться или бежать. Для Виктора решения редко были такими простыми.

Он проглотил выброс адреналина, глубоко вдохнул, заставляя свое тело снова успокоиться. Ему нужно было подумать. Нечего было выигрывать, действуя быстро, если при этом он поступал неправильно. В работе Виктора те, кто совершил первую ошибку, редко задерживались достаточно долго, чтобы совершить вторую.

Он насчитал десять человек в вестибюле. Мужчина средних лет и сопровождающий его трофей направлялись к соседнему бару. На кожаных стульях, смеясь, сидела группа стариков с негнуцимыми

спинами. Очаровательная секретарша с трудом сдерживала зевок. Направляясь к выходу, бизнесмен кричал в свой мобильный телефон. Возле лифта мать изо всех сил пыталась контролировать своего малыша. Никто из тех, кто мог быть с двумя мужчинами, но другие могли войти в отель через вход торговца сзади или, может быть, через кухню, одновременно отрезая все пути отступления, приближаясь к своей добыче. Это был учебник. Но бесполезно, если эта добыча не там, где он должен был быть.

По какой-то причине их время сбилось, и план, которому они следовали, развалился. Они будут потрясены, опасаясь, что их скомпрометировали и что их цель может сбежать. Они потеряли его из виду и должны были восстановить этот контакт. Или, возможно, они просто откажутся от всяких притворных скрытностей и попытаются убить его сейчас, пока считают его уязвимым и застигнутым врасплох. Виктор тоже не собирался им быть.

Он изучал дисплей над лифтом. Вспыхнуло 4, достигнув его этажа. Какое-то время он внимательно смотрел на это. Через несколько секунд мигнуло 3. На обратном пути вниз.

Виктор взглянул на главный вход. Если он уйдет сейчас, ему придется бороться только с теми, кто находится под наблюдением снаружи. Они могут быть не готовы пойти за ним на улицу, и если он будет быстр, то может уйти без выстрелов. Но он не мог уйти. В гостиничном номере у него были паспорт и кредитные карты. Все для ложной личности, но они и так слишком много знали о нем.

Он мог бы воспользоваться лестницей, но только не в том случае, если бы кто-то из них спустился по ней, чтобы убедиться, что он этого не сделает. Потому что была другая проблема. Он был безоружен. FN, убивший Озолса, был разобран, и каждая часть была утилизирована отдельно. Ствол в Сене, скатиться в ливневую канализацию, направляющий стержень и возвратная пружина в

мусорном контейнере, магазин в мусорном баке. Виктор использовал оружие только один раз. Ходить со всеми уликами, которые когда-либо понадобятся присяжным, чтобы осудить его, было не в его стиле. Если бы он смог добраться до своей поддержки, он мог бы, по крайней мере, защитить себя.

Но работал только один лифт. На дверях другого свисала табличка, выходящая из строя. Виктор прошел через вестибюль и остановился перед работающим лифтом, которым пользовались двое мужчин. Он хрустнул костяшками пальцев правой руки один за другим большим пальцем.

Когда лифт достиг вестибюля, послышался звон. Незадолго до того, как двери начали открываться, Виктор отошел в сторону и прижался спиной к соседней стене в небольшой нише, где стояла искусно украшенная ваза. Он оставался неподвижным, не обращая внимания на растерянный взгляд маленького мальчика. Все остальные были слишком заняты, чтобы заметить его.

Один из двух убийц вышел из лифта и сделал несколько шагов в вестибюль. Второй не последовал за ним, очевидно, спускаясь по лестнице. Человек, стоявший спиной к Виктору, был компактен, коренаст в шее, экс-военный по телосложению и походке. Он стоял небрежно, не двигая головой. Даже внешне неподвижный Виктор знал, что осматривает комнату, но с неподвижной головой, просто двигая глазами, не желая привлекать к себе лишнее внимание. Он был хорош, но не настолько хорош, чтобы оглядываться назад.

Виктор ждал до последнего момента, прежде чем проскользнуть между закрывающимися дверями лифта. Он прошел в шести дюймах от убийцы.

За секунду до того, как двери полностью закрылись, мужчина заметил мальчика, указывающего в сторону Виктора, и повернулся. Случайный шанс. Мгновение мужчина смотрел прямо на Виктора.

В глазах убийцы промелькнуло узнавание.

Двери закрылись.

ГЛАВА 3

08:27 по центральноевропейскому времени

Виктор сделал серию глубоких вдохов, втягивая воздух в самое дно легких, задерживая его на счет четыре, прежде чем выдохнуть. Адреналин в его организме вызвал учащение пульса, чтобы лучше снабжать мышцы необходимым кислородом. Но после ста двадцати ударов в минуту способность использовать мелкую моторику — те, которые требуют небольших мышечных движений, таких как точное наведение прицела — снижалась. На уровне выше ста тридцати эти навыки почти полностью теряются. Телу такие способности не нужны непосредственно для выживания.

Виктор будет возражать.

Контролируя свое дыхание, Виктор прервал нормальную работу вегетативной нервной системы, эффективно затормозив свой учащающийся сердечный ритм. Виктор не мог подавить свои инстинкты, но, к счастью, он мог ими манипулировать.

Он полагал, что парень в вестибюле не станет терять время и свяжется с другими подразделениями, сообщив им, что они были замечены, а цель находится в бегах и направляется вверх. Виктор мог выйти на любом этаже, найти окно и исчезнуть в считанные секунды. Но ему нужны были его эффекты. Если истребительная группа не доберется до них, власти рано или поздно доберутся до них. В паспортах стояли штампы стран и даты. Номера кредитных карт можно отследить. Пистолет обеспечит тщательное расследование. Каждая часть документации была для псевдонима, но тот, который он использовал раньше. Он принял все мыслимые меры предосторожности, но для тех, кто умел смотреть, всегда была тропа, и в конце этой тропы был настоящий он. Он не мог позволить этому случиться.

Лифт прошел первые два этажа без остановки. Виктор ровно дышал. Он отсчитывал каждую длинную секунду до звонка.

Виктор был в коридоре, когда двери еще открывались, быстро двигаясь налево к лестничной клетке в конце коридора, футах в тридцати от лифта. Закрыто.

Ему не нужно было прижимать ухо к двери, чтобы услышать, как две пары ног прыгают вверх по лестнице. Они были в хорошей форме, сильные, секунд через двадцать. Ему нужно было время, чтобы обезопасить свои вещи, время, которого у него не было. Если только он не сделал это для себя.

Дальше по коридору на стене висел пожарный топор. Виктор разбил стакан локтем и поднял его с насеста. Вернувшись на лестничную клетку, он просунул лезвие под дверную ручку, вонзив нижнюю часть рукоятки в пол. Получилось хорошо, прочно.

Под тем местом, где он взял топор, стоял огнетушитель. Виктор поднял его левой рукой и вернулся к лифту. Это все еще было на четвертом этаже. Он нажал кнопку, чтобы открыть двери.

Внезапно дверь на лестничную клетку затряслась, но ручка осталась неподвижной, топор мешал ей повернуться. Они попытались снова, с большей силой, но ручка снова не двигалась независимо от того, сколько силы было приложено. После этого попыток больше не было.

Виктор снова обратил внимание на лифт. Он поставил огнетушитель между открытыми дверями, наклонился внутрь и нажал кнопку вестибюля. Они закрылись до огнетушителя перед втягиванием и повторением бесконечного цикла. Виктор прикинул, что выиграл себе как минимум две минуты. Ему нужно меньше одного.

Он бесшумно дошел до своей комнаты и встал перед дверью. Там могли быть другие, ожидающие его внутри. Они будут начеку, готовы. Он пинком открыл дверь и вошел внутрь, тут же пригнувшись, уменьшив свой профиль, опустив голову ниже, чем обычно должен быть центр масс. Потребовалась доля секунды, чтобы осмотреть комнату, еще секунду, чтобы проверить ванную комнату.

Ни один. Никто.

Двое были на лестничной клетке, плюс наблюдение снаружи, и, возможно, другие в других местах отеля. Они были хорошими, организованными. Если бы они были действительно хороши, у них был бы снайпер в здании через улицу.

Виктор не подошел к окну.

В ванной Виктор снял крышку с бачка унитаза и достал оттуда пакеты с замком. В одном были его паспорт, билет на самолет и кредитные карты. Он снял предметы и положил их в свою куртку. Второй имел другой полностью укомплектованный FN Five-seveN и шумоглушитель. Всегда стоит готовиться к худшему, напомнил себе Виктор. Он разорвал сумку, взял пистолет, закрутил глушитель на место и потянул затвор, чтобы вставить один в патронник.

Атташе-кейс со сменной одеждой и остальными вещами уже был упакован и стоял на кровати. Виктор схватил его левой рукой и пошел, держа пистолет подальше от правого бока. Он быстро пошел по коридору, настороженный, прочь от лестницы и лифта, направляясь к пожарной лестнице. Он уйдет задолго до того, как они поймут, что происходит.

Он остановился.

Если он уйдет, то уйдет, ничего не зная о своих потенциальных убийцах. Тот, кто их послал, не стал бы просто отзываться их. Теперь он был в чьем-то списке расстрелянных. Если бы они нашли его один раз, они могли бы сделать это снова. В следующий раз он может не заметить их так быстро, если вообще заметит.

Они имели численное превосходство, но потеряли инициативу. Одной из первых вещей, которую он усвоил в бою, было то, что никогда нельзя упускать преимущества.

Виктор обернулся.

Они пришли в его комнату запыхавшись, с оружием в руках. Один двинулся вправо от двери, другой остался слева. Дверь цели была приоткрыта, замок сломан. Тот из двоих, что был выше и старше, дважды щелкнул кнопку отправки радиопередатчика во внутреннем

кармане. Из его беспроводного наушника телесного цвета донесся шепот.

Наемный убийца сделал быстрый знак рукой своему напарнику, и они ворвались в комнату. Первый шел быстро и низко, чтобы второй мог стрелять по нему, когда он следовал прямо за ним. Первый подметал левую сторону комнаты, второй — правую. Максимальная скорость, агрессия и неожиданность, чтобы заставить любого, кто находится внутри, защищаться, ошеломляться и медленно реагировать.

Комната была пуста. Они проверили ванную — она была такой же. Пока один прикрывал другого, они осматривали чулан, под кроватью, везде, где мог скрываться мужчина, как бы маловероятно это ни было. Им сказали быть тщательными, ничего не оставлять на волю случая. Они проверили за занавесками, сначала протянув руку через окно, чтобы дать стрелку в здании напротив сигнал не стрелять. Их лица блестели от пота.

В каждой комнате был беспорядок. Цель явно сбежала в спешке, не задержавшись достаточно долго, чтобы забрать все свои вещи. Одежда была разбросана по полу, постель не заправлена, туалетные принадлежности оставлены возле раковины. Это было небрежно, непрофессионально.

Оба мужчины слегка расслабились, вздохнули немного легче. Он ушел. Они спрятали оружие на случай, если кто-нибудь придет к ним. Когда лифт отказался появляться, у них не было другого выбора, кроме как бежать вверх по лестнице и ломать дверь лестничной клетки. Было не совсем тихо.

Они вышли из комнаты, закрыв за собой дверь. Старший из двоих поднял ошейник и сообщил в микрофон, что цель исчезла. Он был осторожен в выборе слов, чтобы не намекнуть на какую-либо

ошибку с его стороны. Они не волновались, все выходы из здания были закрыты, кто-то из других членов команды заметит его и войдет — возможно, даже делает это прямо сейчас. Цель была почти мертва. Каждый из членов команды должен был получить большую премию, когда работа была завершена, и им даже не пришлось сделать ни одного выстрела.

Их босс сказал им быть осторожными, что их цель опасна, но теперь нервы, которые они чувствовали, казались неуместными. Их опасная цель сбежала при первой же возможности и теперь была чужой проблемой. Они разделяли одну и ту же мысль. Шальные деньги.

Их лица изменились, когда они узнали, что цель не покинула здание, что никто из других даже не сообщил о визуальных эффектах. Двое мужчин посмотрели друг на друга, их лица безмолвно повторяли один и тот же вопрос.

Тогда где он был?

Виктор отошел от глазка двери напротив и поднял пистолет. Он выстрелил, быстро нажимая спусковой крючок десять раз, опустошив магазин ровно наполовину. Дверь отеля была сделана из толстой массивной сосны, но пули в FiveseveN имели форму винтовочного снаряда и прорезали ее практически без потери скорости.

Два тяжелых предмета упали на ковер один за другим.

Дверь скрипнула перед ним. Он держал ее закрытой ногой, сломав замок, чтобы попасть внутрь. Левой рукой он открыл ее и шагнул в коридор. Перед ним первый мужчина рухнул на пол, прислонившись к дверному косяку комнаты Виктора, с опущенной

вперед головой, кровь текла изо рта и собиралась лужицей на ковре. Кроме подергивающейся левой ноги, он не делал никаких движений.

Другой был еще жив, лежал лицом вниз на полу и издавал тихий булькающий звук. Он был ранен несколько раз — в живот, грудь и шею, где разорванная сонная артерия осыпала стену длинными багровыми дугами. Он пытался отползти, его рот был открыт, как будто он кричал о помощи, но не издавал ни звука.

Виктор проигнорировал его и полез внутрь куртки мертвеца, безуспешно пытаясь найти бумажник. Он пошел взять у мужчины радиоприемник, но тот был разбит на куски, пуля прошла насквозь по пути к его сердцу. В наплечной кобуре Виктор нашел 9-мм пистолет Beretta 92F и два запасных магазина в кармане. «Беретта» была хорошим, надежным оружием с магазином на пятнадцать патронов, но тяжелым и громоздким ружьем, которое даже без прикрепленного к нему глушителя было невозможно полностью скрыть. С дозвуковыми боеприпасами останавливающее действие тоже было невелико. Для такой работы это был плохой выбор пистолета. Если бы этот парень не был мертв, Виктор мог бы ему об этом сказать.

Обычно он не предпочитал «Беретту», но в такие моменты оружия не бывает слишком много. Виктор взял оружие и сунул его за спину брюк костюма, рукоятка поддерживалась ремнем, глушитель был опущен на копчик. Тело внезапно дернулось, возможно, из-за какого-то мышечного спазма, и качнулось вперед. Челюсть распахнулась, из него хлынул каскад собравшейся крови, а затем на ковер шлепнулся наполовину прокушенный язык. Виктор отошел и обратил внимание на того, кто не умер. Пока что.

Он перестал ползти, когда пятка Виктора оказалась между его лопатками. Виктор перевернул мужчину на спину и сел рядом с ним на корточки, сильно толкнув глушителем Five-seveN мужчине в щеку. Он наклонил голову набок, чтобы сильная артериальная струя не

направлялась на стену и не на себя. Там, где он попал, сжатая кровь разорвала цветочную бумагу.

Мужчина пытался заговорить, но ему удавалось лишь свистяще выдохнуть. Пуля в шее пробила ему гортань, и он мог издавать только самые простые звуки. Он дергал Виктора за рукав, пытался вцепиться в него, не отказываясь от борьбы, несмотря на неизбежность ранения. Виктор уважал его настойчивость.

Как и его напарник, он также был вооружен «береттой», но без рации и наушников. Виктор разрядил пистолет и проверил остальные карманы. Они были пусты, если не считать нескольких палочек жевательной резинки, еще боеприпасов и скомканной квитанции. Он взял жевательную резинку и чек, увидев, что он рассчитан на полдюжины чашек кофе, и выбросил их. Виктор развернул одну из палочек жвачки и сунул ее в рот. Мята. Он кивнул в знак одобрения.

'Спасибо.'

Он стряхнул руку и направился к лестнице, чтобы проверить, нет ли других. Никаких признаков убийц, но голоса доносились снизу, женские, жалующиеся на лифт. Виктор прошел обратно по коридору, осторожно избегая темных пятен на ковре, и передвинул огнетушитель между дверями лифта. Он вошел внутрь и нажал кнопку вестибюля. Он оставил кое-что из своих вещей в комнате, но его это не волновало. Туалетные принадлежности были совершенно новыми, одежда еще не ношена, а на всем, с чем он брался, не осталось отпечатков пальцев благодаря силиконовому раствору на его руках.

В коридоре умирающий наконец перестал биться. Кровь больше не хлестала из его шеи, а просто сочилась на промокший ковер. Виктор не мог не восхититься красным узором на стене над трупом.

Перекрещивающиеся линии имели определенное эстетическое качество, напоминавшее ему Джексона Поллока.

Виктор посмотрел на свое отражение в зеркальных стенах лифта и на мгновение привел себя в порядок. В его нынешнем окружении, если бы он выглядел иначе, чем презентабельно, его заметили бы. Двери лифта закрылись, когда со стороны лестницы раздался пронзительный крик. Кто-то только что получил что-то вроде сюрприза.

Виктор предположил, что она не была большой поклонницей работ Поллока.

ГЛАВА 4

08:34 по центральноевропейскому времени

В вестибюле Виктор терпеливо ждал, пока вокруг него охватила паника. Управляющему отелем, невысокому худощавому мужчине с удивительно громким голосом, приходилось кричать, чтобы его услышали, перекрывая перепуганных гостей. Некоторые были полураздеты, их грубо вытащили из постелей под крики резни. Менеджер пытался объяснить, что полиция уже в пути и все должны сохранять спокойствие. Но для этого было слишком поздно.

Виктор сидел в одном из роскошных кожаных кресел в углу вестибюля. Это было очень удобно. Он повернул кресло так, чтобы видеть главный вход в середине дальней стены и большую часть вестибюля, не двигая головой. Боковым зрением он держал вход в бар

отеля и лестничную клетку. Он сомневался, что кто-нибудь воспользуется лифтами справа от него, но если они и воспользуются, то он будет достаточно близко, чтобы увидеть, как они выходят, прежде чем они заметят его.

Скоро прибудет полиция, а у оставшихся членов команды убийц быстро заканчивалось время, чтобы выполнить свой контракт. Они уже наверняка запаниковали, узнав, что двое их людей мертвы. Либо они сбегут, чего Виктор не ожидал, либо попытаются довести дело до конца. В схватке гостей и сотрудников, бегущих из вестибюля, было бы слишком много людей, чтобы убить его на улице снаружи, и слишком рискованно, когда на подходе копы.

Это заняло около минуты, больше, чем ожидал Виктор, и он поставил им оценку за задержку. Он легко их заметил: сначала один мужчина пытался протиснуться сквозь толпу, отчаянно пытаясь выбраться. Через мгновение второй ворвался в вестибюль из коридора на первом этаже. У первого человека были светлые волосы, его правая рука была засунута в карман черной кожаной куртки, а левая вытянута, он пытался пройти сквозь толпу людей. Другой парень был высоким, коренастым, с темной бородой. Объемная куртка. Он использовал обе руки, чтобы расталкивать людей со своего пути, без претензии на хитрость. Поэтому Виктор пришел к выводу, что блондин стоит выше в пищевой цепочке и, следовательно, гораздо более аппетитен.

Они подошли друг к другу в центре вестибюля и кратко посоветовались. Они бегло осмотрели комнату, быстро заглянув в бар, когда прошли через вестибюль, блондин направился к лестнице, здоровяк к лифту. Учитывая массу людей между ними и Виктором, было понятной ошибкой не заметить его, но это все равно будет стоить им.

Виктор встал, рассчитал свои движения так, чтобы семья, выходящая из лифта, заслонила его от взгляда большого парня, когда

они проходили мимо друг друга, и направилась к двери на лестничную клетку. Виктор был быстр, приближаясь к мужчине в кожаной куртке как раз в тот момент, когда он протискивался.

Блондин слишком поздно увидел приближающуюся тень. Он попытался вытащить пистолет, но тут же остановился, когда глушитель уперся ему в ребра. Виктор направил его вверх, целясь в сердце. В то же мгновение левая рука Виктора схватила парня за яички и сжала их со всей своей значительной силой.

Мужчина задохнулся и чуть не упал на пол от внезапной мучительной боли. Виктор толкнул его в дверной проем и прошептал ему на ухо по-французски.

— Правая рука — вынь из кармана. Оставь пистолет.

Мужчина повиновался.

— Сколько вас там? — потребовал Виктор.

Мужчина изо всех сил пытался удержаться на ногах, старался, чтобы его дыхание было достаточно ровным, чтобы говорить. Он был в ужасе. Виктор не винил его. Ему удалось составить только одно слово.

'Что?'

Виктор провел его вверх по первому лестничному пролету, крепче сжимая яйца мужчины, чтобы отогнать любые мысли о том, что он пытается сделать что-то глупое. Вряд ли это было необходимо.

'Сюда.'

Они поднялись на следующий пролет и подошли к двери на первом этаже.

— Туда. Открой это.'

Мужчина протянул дрожащую руку и повернул ручку. Дверь была полуоткрыта, когда Виктор толкнул его и направился по коридору. Они миновали служанку, спешившую к лестнице. Пожилая женщина с волосами, туго собранными в пучок, ростом едва ли пять футов. Виктор слышал ее вздох — может быть, из-за перекошенного лица мужчины или из-за руки, зажатой у его паха. Виктор держал свою голову позади головы своего пленника, чтобы она не могла видеть его лица.

Он мог бы убить ее просто из предосторожности, но еще один труп в коридоре доставил бы ему еще больше проблем, и она не виновата, что оказалась там. К тому времени, как она расскажет об этом кому-то важному, его уже давно не будет.

Они свернули за угол в другой коридор. Было тихо, все гости теперь собрались в вестибюле или на улице снаружи.

— Откройте дверь, — приказал Виктор.

Мужчина дрожал, голос его срывался. 'Который из?'

Виктор выпустил три пули туда, где замок соприкасался с дверной рамой. Одна пуля работала только в кино. 'Вон тот.' Мужчина

заколебался, и Виктор усилил давление. 'Открой это. В настоящее время.'

Он медленно поворачивал ручку, поэтому Виктор толкнул его. Он постучал в дверь, закрытую за собой ногой, и последовал за ней.

«Бросьте пистолет на кровать».

Мужчина полез в карман и медленно вытащил пистолет, сжимая его только большим и указательным пальцами. Он бросил его на кровать. Он приземлился в центре. Не плохой бросок учитывая.

Виктор отпустил блондина и швырнул его вперед. Он споткнулся и рухнул на пол. Он лежал скрюченной грудой, почти эмбрион, схватившись за поврежденные яички. Дни его Казановы подошли к концу. Он был моложе остальных троих, ему было самое большее двадцать семь. Его черты были другими, его поведение более сдержанным. Виктор с любопытством посмотрел на него, поняв, что он не совсем подходит к остальным. Посторонний. Или лидер.

Взгляд мужчины метнулся к его правой ноге, а затем быстро отвел взгляд. В черной кожаной кобуре на голени, едва видневшейся там, где при падении поднялась правая манжета брюк, лежал черный курносый револьвер. Он увидел, что Виктор видел, как он смотрел и читал ход его мыслей.

Виктор лишь раз покачал головой.

Он сделал шаг вперед, навел пистолет на центр лба мужчины. — Сколько вас там?

'Семь.'

'Включая тебя?'

Он кивнул, поморщившись, не в силах говорить какое-то время из-за боли в паху. Не считая здоровяка в лифте, где-то там было еще трое.

— Сколько машин вы привезли?

Блондин быстро ответил, выплевывая слово так быстро, как только мог. 'Один.'

'Только один?'

— Это фургон.

«Какая регистрация?»

— Я... я не знаю.

Виктор воткнул 5,7 мм в пол между ног. С оставшимися патронами дело обстояло не очень экономно, но времени на долгий допрос у него не было.

Блондин уставился на прожженную дыру в ковре. 'Клянусь.'

«Какой он марки?»

— Не знаю... он синий. Арендная плата.

Его французский был хорошим, но не беглым, он не был носителем языка.

Виктор спросил: «Ты знаешь, кто я?»

Он не сразу ответил. Виктор сделал еще один шаг ближе, и мужчина обрел голос. 'Нет.'

'Нет?'

«Просто псевдоним, у нас была фотография...»

— Откуда ты знаешь, где я остановился?

«Нам дали название отеля».

'Когда?'

'Три дня назад.'

Затем его акцент щелкнул. Виктор перешел на английский. — Вы американец.

Он снова заговорил по-английски. 'Да.' Он был с юга, может быть, из Техаса.

— Кто главный? — спросил Виктор.

'Я.'

'Частный сектор?'

'Да.'

— Вы следили за мной?

— Мы пытались, но ты всегда терял нас.

«Зачем ждать до сих пор, чтобы убить меня?»

Американец помедлил, прежде чем ответить. «Нам пришлось ждать зеленого сигнала светофора».

— Который вы получили, когда?

— О, пять тридцать.

Виктор мог сказать, что решил сказать правду, возможно, думая, что у него будет шанс, если он ответит честно. Блаженное неведение.

— Почему вы прислали этих двух парней до того, как я вернулся?

Блондин снова поморщился. «Я потерял самообладание. Думал, ты не вернешься. Я послал их проверить. Он нахмурился, несмотря на боль. 'Неподходящее время.'

— Это было не очень умно, — сказал Виктор. — А как насчет флешки?

«Мы должны были убедиться, что он у вас есть, затем закрепить его и ждать инструкций».

Глаза Виктора сузились. — На кого ты работаешь?

Голова мужчины опустилась. Слезы текли по его щекам. 'Пожалуйста...'

— На кого ты работаешь?

Он посмотрел на Виктора, увидел в его глазах, что в нем нет ни пощады, ни жалости. Он рыдал.

— Откуда, черт возьми, мне знать?

Виктор поверил ему.

Он дважды выстрелил ему в лицо.

Он опустился на колени рядом с телом, ища опознавательные знаки, и увидел радио во внутреннем кармане куртки, переключившееся на передачу, свет мерцал. К нижней части его воротника был прикреплен микрофон.

Заскрипела половица.

Виктор замер, оглянулся через плечо.

Через щель под дверью Виктор мог видеть тень, двигавшуюся по коридору снаружи. Он нырнул вправо, когда здоровяк с темной бородой ворвался в комнату с автоматом в руке, стреляя еще до того, как попал в цель. Это был компактный МР5К с длинным глушителем, его быстрые выстрелы сводились к серии продолжительных приглушенных щелчков.

Стрелок изменил прицел, следуя по пути Виктора, когда он прыгнул в соседнюю ванную, пули пробили линию аккуратных отверстий в стене позади него. Выброшенные латунные гильзы звенели на ковре у ног убийцы.

В ванной Виктор вышел из кувырка и присел на корточки, сделав быстрый выстрел вслепую, прежде чем полностью обернулся. Пуля просвистела в открытом дверном проеме, взметнув облачко штукатурки в стену с другой стороны.

Ванная была не больше шести на четыре фута и представляла собой выложенную плиткой коробку с ванной, раковиной и унитазом. Не было ни оборонительных углов, ни предметов, за которыми можно было бы укрыться. В полностью автоматическом режиме МР5К мог разрядить магазин на тридцать патронов всего за две с четвертью секунды. На таком расстоянии и с таким объемом огня стрелок буквально не мог промахнуться.

Левой рукой Виктор вытащил из-за пояса «беретту» и направил оба пистолета в дверной проем, по одному в каждой руке. Не очень

хорош для точного прицеливания, но ему нужна была дополнительная останавливающая сила, если он собирался сбросить стрелка до того, как тот сможет открыть огонь. Он был крупным парнем, и ни дозвуковые 5,7-мм, ни 9-мм патроны не могли гарантировать его мгновенное уничтожение, если только он не попал в голову, сердце или позвоночник. Но с достаточным количеством пуль не имело бы значения, куда попал Виктор. Он держал Beretta прямо под FN, чтобы он мог выровнять один набор прицелов. Виктор видел, как любители держали два пистолета на расстоянии вытянутой руки, руки на ширине плеч, пытаясь подражать своим любимым звездам боевиков. Они всегда умирали быстро.

Он услышал, как что-то стукнуло по ковру и звякнуло об использованные 9-миллиметровые гильзы на полу. Через секунду раздался звук перезарядки пистолета, и MP5K снова взвел курок. Он не опустел, но нападавший все равно зарядил полный магазин, пока у него был шанс.

Виктор остался на корточках, как можно дальше от отверстия. Если его враг был достаточно умен, чтобы перезарядиться до того, как он опустеет, он не был настолько глуп, чтобы ворваться в комнату, когда все, что ему нужно было сделать, это навести пистолет на дверной косяк и сделать несколько выстрелов. Виктор почувствовал, что стрелок ползет вдоль разделяющей стены именно для этого. В своем нынешнем положении Виктор знал, что он мертвец. Он заставил себя сохранять спокойствие.

Ему нужно было что-то сделать, и быстро.

Он огляделся, увидел полотенце на вешалке, ряд туалетных принадлежностей над умывальником — зубная паста, пена для бритья, антиперспирант, бритва, лосьон после бритья.

Его глаза остановились на банке с антиперспирантом.

Виктор выстрелил еще раз из Five-seveN в дверной проем, чтобы отпугнуть его, а через несколько секунд еще раз, чтобы выиграть время и насторожить стрелка. Он положил «беретту» перед собой, переложил FN в левую руку, встал и схватил банку с антиперспирантом над раковиной.

Присев на корточки, он выстрелил в дверной проем из Five-seveN, еще дважды, так что оружие щелкнуло, показывая, что у него закончились патроны, давая стрелку все стимулы, необходимые ему, чтобы воспользоваться своим шансом.

Виктор бросил пустой пистолет, взял антиперспирант в левую руку и взял в правую «беретту». Вскочив на ноги, он швырнул аэрозоль в дверной проем чуть ниже верхней части рамы, когда дуло автомата вылетело из-за угла.

Виктор трижды выстрелил из «беретты».

Последняя пуля попала в цель, и аэрозоль взорвался в воздухе.

Виктор уже бежал, прежде чем услышал крик, метнулся в дверной проем, согнувшись, как раз в тот момент, когда паникующий стрелок открыл огонь.

Пули промахнулись, пролетев прямо над ним. Мужчина, спотыкаясь, попятился назад, прижавшись к стене, единственное, что удерживало его на ногах. Его пистолет все еще был поднят на уровне плеч, и он в отчаянии выстрелил, бешено стреляя.

Тонкие осколки блестящего металла торчали из его обожженного лица и глаз. Его волосы были в огне.

Пистолет щелкнул, и на мгновение стоны мужчины стихли, а дыхание стало быстрым и резким. Он слепо оглядел комнату, все еще поднимая оружие в последней жалкой обороне. В воздухе пахло жареной свининой.

Виктор выпрямился, направил «беретту» в центр груди стрелявшего и прострелил ему сердце двумя выстрелами.

ГЛАВА 5

08:38 по центральноевропейскому времени

Виктор быстро прошел через отель, держа в руке «беретту», спрятанную под курткой. Пустой FN у него был в кармане. Он прошел по коридорам первого этажа, прокручивая в голове планы отеля, которые запомнил в первую ночь. Он подошел к двери с надписью «Только посох».

Он мог слышать полицейских где-то на полу, громко разговаривающих, потрясенных. Они должны были быть патрульными первыми на месте происшествия, отвечая на экстренный вызов. Другие придут быстро. Он знал, что если Виктор не уедет в ближайшее время, отель будет опечатан, улица за ним, а затем, возможно, и весь квартал. Виктор хотел уйти задолго до того, как это случилось.

Он вытащил «беретту» и толкнул дверь на кухню левой рукой, по привычке используя костяшки пальцев, несмотря на силиконовое покрытие кончиков пальцев.

Внутри было на удивление прохладно. Задняя дверь была заклинена настежь, возможно, из-за массового исхода испуганных гостей и сотрудников. Пронесся освежающий ветерок. Виктор впервые заметил, что вспотел. Работников кухни не было. Все разумно сбежали. Виктор втянул в ноздри запах приготовленного завтрака. Яйца горели в кастрюлях на плите. Хлеб и круассаны, испеченные в печах.

Он продолжал глубоко дышать, чтобы снизить пульс, и, сжимая «беретту» обеими руками, шел вперед, медленно, осторожно из-за большого открытого пространства и слепых зон, созданных рядами приборов и складских помещений. Он двигал глазами, пока полз к двери, опасаясь, что там были еще трое вооруженных людей, очень даже живые. Он должен был предположить, что они все еще преследуют его, без лидера или нет. Если бы они не отступили, то не оставили бы этот выход без охраны.

Он подошел ближе, оставаясь рядом со шкафами и рабочими поверхностями в качестве укрытия на случай, если кто-нибудь ворвется из переулка. Приближающаяся сирена манила его идти быстрее, но его осознание текущей опасности гарантировало, что его движения будут медленными и контролируемыми.

Если еще один стрелок ждет в переулке и прикрывает дверной проем, Виктор должен быть на стороне неожиданности, чтобы иметь шанс выбраться живым. Спешка только облегчит врагу задачу. Сегодня они должны были заработать свои деньги.

Он сделал еще шаг и остановился.

Движение.

Отражение на двери шкафа из нержавеющей стали слева от него. Просто размытое движение, но он понял его значение и обернулся, чтобы увидеть распахнутую дверь кладовой, темноволосую женщину, выбегающую из темноты, ее пистолет быстро приближается к его положению.

Виктор среагировал быстрее, выстрелив первым, два выстрела попали в центр массы. Удар сбил ее с ног и отбросил назад в соседнюю комнату, из которой она вышла.

Он быстро преодолел расстояние, увидел ее лежащей на спине, живой, с закрытыми глазами, с двумя маленькими кругами крови вокруг подпалин на блузке. Она задыхалась, одно легкое провалилось. Пистолет был прямо рядом с ней, но она не пыталась добраться до него. Она была слишком напугана.

Тень Виктора упала на нее, и она подняла голову. Она была удивительно хороша собой, лет двадцати восьми или — девяти, боль в тонких чертах лица, ужас в пронизательных глазах. Она смотрела на него умоляющим взглядом, слезы текли по ее щекам, губы, которые он хотел бы поцеловать, двигались, но не издавали ни звука, в ее легких не хватало воздуха, чтобы говорить, умолять. Или сказать ему что-нибудь полезное. Он на секунду задумался, как кто-то вроде нее мог оказаться в этом бизнесе. Но какой бы ни была ее история, она должна была иметь удручающий конец. Ее голова медленно покачивалась из стороны в сторону.

Дымящаяся гильза отскочила от плитки пола.

Он искал ее. Как и у других, у нее не было ни кошелька, ни какого-либо удостоверения личности. Они явно были умными операторами, даже если были достаточно глупы, чтобы принять этот контракт. У одного из оставшихся должно было быть что-то, что Виктор мог бы использовать. Он не хотел думать, что они не могут.

Он выбросил «беретту» и подобрал пистолет мертвой женщины. Это было хорошее оружие, Heckler and Koch USP, компактная версия, 45-го калибра, с коротким коротким глушителем. Он вытащил магазин на восемь патронов, увидел патроны с полым наконечником матчевого класса и вставил магазин обратно. Очевидно, убийца, гордившаяся своим ремеслом. Ну, привык.

Он схватил пару запасных магазинов из ее куртки, прежде чем выбежать через черный ход в переулок, пригнувшись, глядя то влево, то вправо, окидывая взглядом Гонконг. Ни один. Никто. Он спрятал пистолет за пояс и направился к главной улице, довольный тем, что наконец-то у одного из них нашлось приличное оружие, которое он мог украсть. У убийц может быть очень плохой вкус.

С мертвой женщиной, из-за которой пятеро упали. Осталось только два.

Перед входом в отель собралась большая толпа. Гости и сотрудники, потрясенные, благоговейные и напуганные, вместе ищут утешения. Лишь горстка людей знала, что лежит в коридоре на четвертом этаже, но разговоры о крови и телах быстро распространились. Одинокий полицейский изо всех сил пытался вернуть их обратно. На место происшествия спешили пешеходы, чтобы выяснить, что произошло.

Виктор вышел из переулка и пошел среди толпы, его шаг был быстрым, но не быстрее, чем у кого-либо еще, он двигался в стороны

настолько, насколько мог, не желая, чтобы любые возможные снайперы стали легкой мишенью. Вряд ли кто-то решился бы на такой выстрел, но он не стал бы ставить на это свою жизнь. Он увидел синий фургон, припаркованный в пятидесяти ярдах дальше по улице, безмянно сидевший у тротуара у телефонной будки. Задние двери были обращены к нему. Он не мог видеть, был ли кто-нибудь за рулем.

Если он еще не ушел, то был хороший шанс, что по крайней мере еще один убийца все еще был поблизости. Подойдя ближе, Виктор увидел выхлопные газы, исходящие из фургона. Хорошо бы кто-нибудь за рулем, пока двигатель работает на холостом ходу. В суматохе Виктор знал, что сможет встать прямо рядом с фургоном, прежде чем кто-либо из водителей узнает, что он там. Он пошел, чтобы перейти улицу, его правая нога оторвалась от тротуара, но он не пошел дальше.

На другой стороне дороги, прямо напротив отеля, коренастый мужчина торопливо спускался по ступенькам перед выбеленным многоквартирным домом. На плече у него висела большая черная спортивная сумка, в которую легко поместятся теннисная ракетка и хоккейная клюшка.

Или скорострельная винтовка.

Он остановился как вкопанный, когда увидел, что Виктор смотрит прямо на него. Его реакция идеальна. Оба мужчины стояли совершенно неподвижно, когда вокруг них бушевал хаос. Коренастый мужчина первым вышел из тупика. Он посмотрел налево, туда, где был припаркован фургон. Он и Виктор были равноудалены от него.

Виктор сделал шаг вперед. Мужчина взял одну назад. Он полез в свою куртку. Виктор сделал то же самое. Полицейская машина выехала на улицу, замигали фары, завывла сирена. Оба мужчины увидели это, и все мысли о том, чтобы вытащить оружие, исчезли.

Убийца снова взглянул на фургон, возможно, в надежде на помощь. Когда он понял, что это не так, он развернулся и бросился обратно вверх по ступенькам к многоквартирному дому.

Виктор ускорил шаг, но, чтобы не привлекать внимания, бежать не мог. Он добрался до противоположного тротуара как раз вовремя, чтобы увидеть, как за его добычей захлопнулась дверь. Он сделал два шага за раз. Он попробовал ручку двери, но она была заперта наглухо. Он не мог рисковать выбить его ногой или прострелить замок, пока на улицу выходит больше полиции.

Виктор спустился по ступенькам и посмотрел вверх и вниз по улице, ища способ обойти заднюю часть здания. В двадцати ярдах вправо был переулок. Виктор поспешил к ней.

Как только он скрылся из виду, он бросился бежать, выйдя из дальнего конца на заднюю улицу с 45-м в руке. Ни следа коренастого мужчины. Если бы он уже вышел из здания, Виктор мог бы видеть его сейчас. Это означало, что он остался на месте. Виктор был удивлен. Убийца предпочел ждать и сражаться.

Виктор не собирался его разочаровывать.

Замок на задней двери был хорошим, и Виктору потребовалось бы почти тридцать секунд, чтобы взломать его, будь он толстым. Пули 45 калибра не разнесли его на куски. Он загрузил полный журнал и шагнул в широкий, скудно обставленный коридор, пол которого был покрыт красочной мозаикой. Внутри было три двери, две с номерами. Большая лестница господствовала над пространством.

Виктор подошел к нему, выставив перед собой пистолет в двуручном боевом захвате. Его гостиничный номер находился на четвертом этаже, и, значит, именно с пятого коренастый мужчина закрывал окно Виктора. Та комната была знакомой, безопасной. Если бы человек куда-то убежал, он бы пошел туда.

Виктор делал шаги один за другим, медленно, тихо, всегда глядя вверх, готовый на случай, если убийца поджидает его из засады. Он добрался до второго этажа, просканировал лестничную площадку и начал подниматься по следующему лестничному пролету.

Он остановился на несколько секунд на третьем этаже, чтобы прислушаться. Когда он ничего не услышал, он направился к четвертому. С пятого этажа он услышал, как открылась дверь, потом женский голос, несколько удивленный, но дружелюбный, услужливый.

— Puis-je vous aider? Я могу вам помочь?

Затем щелк-щелк, за которым последовал глухой удар, когда тело упало на пол. Виктор сделал свой ход, взбежав по лестнице, пока убийца на мгновение отвлекся. Он увидел коренастого мужчину, когда тот отворачивался от своей добычи, стоя наверху лестницы.

Виктор выстрелил на ходу, угол неудачный, и дуло выбило кусок из перил. Убийца инстинктивно отшатнулся, и когда еще две пули пробили дыры в потолке над ним, четвертая попала в черную железную решетку под перилами и высекла вспышку ярких искр. Мужчина сделал несколько выстрелов из собственного пистолета, стреляя вслепую, и бросился из поля зрения Виктора. Он появился снова ненадолго, стреляя на ходу, Виктор стрелял в ответ, ни один из мужчин не попал.

Виктор пригнулся, прежде чем достиг вершины лестницы, и заглянул сквозь железную решетку. Он увидел тело, распростертое в дверях ее квартиры. Седовласая женщина в плаще лежала мертвая, ее единственное преступление заключалось в том, что она вежливо спросила, не может ли она помочь незнакомцу, ожидающему у лестницы. Доброе дело было само по себе наградой.

Другая из двух дверей этажа была полуоткрыта, убийцы нигде не было видно. Виктор прокрался на последние несколько шагов. Он посмотрел на первую полуоткрытую дверь. Она вела в квартиру, где убийца первоначально занял позицию, место, куда он, несомненно, отступил. Вот только Виктор сомневался.

Не издав ни звука, он осторожно перешагнул через площадку, избегая блестящей лужи крови, и прижался к стене. Он направился к открытой двери, ведущей в квартиру мертвой женщины. Виктор почти улыбнулся. Он не собирался попадаться на самую старую уловку в книге.

Добравшись до дверного косяка, он посмотрел на другую квартиру, ту, где должен был находиться коренастый мужчина, оценивая угол, чтобы определить, где должен быть кто-то в квартире мертвой женщины, чтобы должным образом прикрыть другой дверной проем.

Виктор присел; положил левую руку на косяк двери; и, используя его как рычаг, влетел в комнату. Он сразу же увидел убийцу, пригнувшегося, прислоненного к перегородке, с пистолетом, направленным на дверь его старой квартиры. Глаза мужчины расширились от удивления.

Виктор выстрелил дважды, одна пуля промахнулась, но вторая задела голову цели над ухом, вызвав небольшую струйку крови.

Убийце удалось выстрелить в ответ, прежде чем он снова спрятался в укрытие. Пуля попала в дверной косяк в нескольких сантиметрах от лица Виктора, вонзив ему в щеку пучок длинных деревянных осколков. Он не вздрогнул.

Виктор в мгновение ока вскочил на ноги, быстро изменив позу, двинулся в центр комнаты, зная, что надо двигаться дальше, что оставаться на месте только легче нападавшему.

Наемный убийца нырнул за угол и сделал два быстрых выстрела в направлении дверного проема, пули пронеслись через открытое пространство, где секунду назад была голова Виктора. Он продвигался дальше в комнату, делая угол между собой и его врагом все более и более острым. Если убийца захочет его увидеть, ему придется высунуть голову из-за угла. Когда он это сделал, Виктор собирался взорвать его. Но он не попался на удочку.

Прошло пять секунд, и Виктор представил, как коренастый мужчина движется по квартире, чтобы отстать от него. Из гостиной было еще два выхода, слишком далеко друг от друга, чтобы наблюдать за ними обоими одновременно.

Виктор бросился к выходу из столовой, высунулся из-за угла. Убийца ушел. В противоположном конце была открытая дверь, через которую Виктор мог видеть кухню. Он молча прошел на кухню и заглянул внутрь. Пустой. Была только еще одна дверь. Виктор поспешил к нему, заметив крошечные темные пятна крови на белом кафельном полу.

Выглянув в дверной проем, он увидел убийцу. Он присел в коридоре, прижавшись спиной к стене, с пистолетом в обеих руках, собираясь наклониться к гостиной и выстрелить Виктору в спину. По крайней мере, так он думал.

Он сделал несколько глубоких вдохов, набираясь храбрости. Он остановился на середине вдоха. Может быть, он увидел темную фигуру боковым зрением, может быть, какое-то шестое чувство предупредило его. Он извернулся, чтобы выстрелить, и Виктор выстрелил ему в грудь. Он сполз вниз по стене, все еще живой, с пистолетом в руке. На его лице запечатлелось выражение изумления, как будто он не мог понять, что в него стреляли. В воздухе висел красный туман.

Слайд вернулся на. 45, поэтому Виктор выпустил пустой магазин и вставил запасной, потянул затвор, чтобы загрузить пулю в патронник, и выстрелил в убийцу еще дважды.

Виктор проверил тело, взял наушник и передатчик, но больше ничего не нашел. Он направился в другую квартиру этажа. В коридоре он нашел черную спортивную сумку; расстегнув его, он обнаружил винтовку SIG556 ER с оптическим прицелом и чем-то вроде самодельного глушителя. В боковом кармане он нашел квитанцию из химчистки и электронный ключ от двери. Он взял оба. В квитанции было написано: Гостиница Абриал.

Теперь у него было что-то.

Он прошел в гостиную и открыл окно. Высунувшись, он увидел синий фургон, все еще припаркованный у тротуара на улице внизу.

Треск статики. В наушнике раздался голос. Француз был разбит, напряжен. Еще один иностранец. Те, кто мог говорить по-французски, вероятно, использовали его как общий язык. Может быть, это было требованием в форме заявки.

«R e pondez quelqu'un, quiconque».

На заднем плане он мог слышать полицейскую сирену, рядом с динамиком. Последний мужчина был снаружи. Потом снова раздался голос. Та же просьба о контакте. Снова полицейская сирена на заднем фоне, затем из динамика пронесся гул мотора. Виктор смотрел, как полицейский мотоцикл медленно проезжает мимо синего фургона, прежде чем остановиться прямо перед отелем.

Он достал винтовку из сумки и выдвинул складной приклад.левой рукой он немного повернул регулятор частоты радио, чтобы добавить помех. Он поднял рацию и нажал кнопку «Отправить», говоря по-французски, с намеренно выключенным акцентом, построением предложений как можно проще, чтобы парень понял.

— Нас осталось только двое, — испуганно сказал он. — Он убил всех остальных.

Он отпустил кнопку, давая шанс ответить кому бы то ни было. Вернувшийся голос был тонким, отчаянным.

'Где ты?'

«В отеле».

'Цель?'

Виктор начал прикручивать глушитель на место.

«Направляемся к главному выходу. Он ранен. Я выстрелил в него.

Он убедился, что глушитель затянут, и прикрепил оптический прицел.

— Если поторопишься, сможешь поймать его, когда он выйдет. Он не вооружен. Торопиться.'

Он проверил увеличение прицела, убедился, что пуля в патроннике, и снял предохранитель. Виктор положил рацию, сел на подоконник и убрал винтовку с глаз долой.

Дверь со стороны водителя открылась, и на бордюр выскочил мужчина. Он был крепко сложен, ростом выше шести футов, с короткими волосами, в свободной джинсовой куртке. Он быстро прошел вдоль внешней стороны фургона и обогнул заднюю часть, глядя в сторону отеля через улицу. Он выхватил пистолет и спрятал его под куртку, сосредоточив внимание на входе в отель. Он был в хорошем укрытии, между фургоном и телефонной будкой. Виктор наблюдал за ним, предугадывая его движения. Человек двигался хорошо, мастерство очевидно. Они должны были использовать его внутри.

Долгое время он оставался совершенно неподвижным, наблюдая и ожидая. Через минуту его поза напряглась, и он оглядывался из стороны в сторону, изучая толпу глазами. Он отступил назад, из укрытия, обернулся, посмотрел вверх.

Прямо на Виктора.

В оптический прицел Виктор увидел, как глаза мужчины на мгновение расширились, прежде чем из его затылка вырвалась корона крови. Он исчез из поля зрения, оставив половину содержимого своего черепа медленно скользить по задним окнам фургона.

ГЛАВА 6

08:45 по центральноевропейскому времени

Виктор вышел из многоквартирного дома через парадную дверь. На улице толпа значительно увеличилась. Он насчитал полдюжины полицейских, но никто из них не обращал на него ни малейшего внимания. Дальше по улице Виктор мог видеть красное пятно на кузове фургона, но тело было спрятано между припаркованными машинами. Все были слишком заняты, чтобы это заметить.

Зная, что у него мало времени, Виктор поспешил по тротуару, огибая пешеходов, которые стояли, глаза на суматоху. Болезненность публики всегда поражала его. Он сократил расстояние до фургона, взглянув вниз и увидев труп, лежащий кучей между фургоном и припаркованным за ним седаном. Никто не смотрел, но не стоило рисковать и проверять карманы трупа.

Он открыл дверь у бордюра и забрался на водительское сиденье. Внутри пахло затхлостью — запах слишком большого количества людей в замкнутом пространстве в течение длительного времени. На приборной панели стоял картонный поднос с шестью пустыми кофейными чашками. В кабине больше ничего не было, поэтому он открыл бардачок. Внутри был плотный конверт с его досье, к счастью, кратким. Это был лист бумаги с перечислением его данных — раса:

европеоид, рост: шесть-один/два, вес: сто восемьдесят фунтов, волосы: черные, глаза: карие — и короткий абзац о том, что он был наемным убийцей и опасная цель. В верхней части листа было нацарапано от руки название его отеля, номер его комнаты и его нынешний псевдоним — Ричард Бишоп.

Виктор положил руку на живот. Скорее тысяча семьдесят восьмой.

Под досье было его лицо, или, по крайней мере, лицо, которое могло быть его. Это была цифровая композиция, достаточно близкая к реальной, чтобы быть составленной из достаточно надежной и свежей информации. Здесь словесное описание, там зернистое изображение с камеры наблюдения — добавьте капельку слухов и подайте.

Фотосессия вызывала беспокойство, но он с облегчением обнаружил, что их знания о нем так ограничены. Если бы они знали что-то еще, это было бы и здесь. Даже самый любитель-убийца знает цену подробному досье, и даже самый осторожный из клиентов хочет, чтобы его наемники имели все доступные преимущества. Он сложил листок и сунул его во внутренний карман. На конверте не было почтовых штемпелей, поэтому он оставил его.

В кузове фургона лежали жирные остатки завтраков на вынос, но больше ничего. Он не удивился этому. Единственной полезной вещью, которую он нашел, был единственный чек из прачечной. Остальные члены команды постарались не взять с собой ничего лишнего.

Виктор посмотрел в оба боковых зеркала, чтобы убедиться, что никто не смотрит, и выбрался на тротуар. Полиция установила периметр вокруг отеля, и он присоединился к толпе, позволив взволнованному полицейскому увести себя с улицы.

В конце дороги Виктор поймал такси и велел водителю отвезти его в музей д'Орсе. Таксист спросил его, что случилось, указывая на соседнюю улицу и ее огромную толпу.

Виктор пожал плечами. «*Ca a l'air serieux*». Что-то плохое.

Именно тогда кто-то заметил безмозглый труп, лежащий в канаве, и начался новый крик.

Мужчина, наблюдавший, как отъезжает такси, был высоким, с темными волосами, уложенными гелем. Он стоял среди толпы возле отеля, притворяясь таким же сбитым с толку, как и толпа парижан вокруг него. Он разделял их тревогу, но не невежество. Его глаза следили за такси, пока оно не съехало с улицы, и он вытащил из внутреннего кармана пиджака тонкий блокнот. Он пролистал несколько страниц и написал четким почерком номерной знак такси и краткое описание пассажира.

У лица на фото-подгонке не было бороды и волосы были другими, но ошибиться было невозможно, кто это был. Высокий мужчина тяжело вздохнул. Это было плохо.

Он пробирался сквозь постоянно растущую толпу зевак и, наконец, вышел из толпы, чувствуя себя жарко, несмотря на холодный ноябрьский воздух. Мужчина был одет в костюм и плащ и выглядел как любой другой солдат торговли. Без крайней необходимости он не разговаривал ни с кем из окружающих. Его французский был хорошим, но не беглым.

Он пошел прочь контролируемым шагом, торопясь, как перепуганная толпа, хотя он не был напуган. Он хотел бы остаться подольше, но повсюду была полиция, а в пути должно было быть больше. Полицейские уже осматривали толпу, выискивая потенциальных свидетелей и подозреваемых. Было бы нехорошо, если бы ему пришлось отвечать на трудные вопросы.

Он знал, что дальше по дороге, в переулке, к которому он направился, есть телефон-автомат. Он был достаточно удален от дороги, чтобы его можно было использовать незаметно, но достаточно близко к отелю, чтобы он мог быстро доложить. Доклад, который он собирался дать, был далек от того, что ожидалось.

Он не знал точно, что произошло в отеле, но мог провести достаточно разумный анализ. Цель скрылась таким образом, что привлекла огромное количество полицейских, и не было никаких признаков команды, которая должна была выполнить эту работу. Он слышал, как люди в толпе говорили о телах. Никто из членов команды не покинул отель. Не нужно быть гением, чтобы соединить точки.

Он миновал группу молодых женщин, направлявшихся навстречу суматохе, и свернул налево в узкий переулок, где кафе выпускало в воздух мириады экзотических запахов. В телефонной будке никого не было, и он вошел внутрь, закрыв за собой дверь, благодаря приглушению внешнего шума, который позволил ему мыслить более ясно.

Он набрал номер и, ожидая соединения, обдумывал, как лучше сказать, что работа потерпела полный провал.

Его работодатель не собирался быть довольным.

ГЛАВА 7

09:15 по центральноевропейскому времени

Менее чем в миле от него Альварес посмотрел на труп на стальном подносе перед ним и тяжело вздохнул. Морщинистая кожа была бледной, глаза закрыты, губы синели. На коже левого виска была небольшая красная дырочка. Входная рана. Дырка в правом виске была крупнее, грубее. Выходная рана.

— Да, — выдохнул он. — Это бедняга.

Французский помощник гробовщика ответил кратким кивком. Он стоял в нескольких футах от него, по другую сторону стола, молодой человек лет двадцати, и, несмотря на прохладную температуру, Альварес видел, что у него на лбу выступил пот. Гробовщик переместил свой вес, заерзал. Альварес сделал вид, что не заметил.

Американец понял, что не помогает успокоить ребенка. Альварес знал, что его лицо, казалось, постоянно хмурилось, и люди, которые не знали его лучше, чувствовали себя неловко. Даже улыбка не помогала, а его размер только усугублял проблему. У Альвареса шея была шире его черепа, а плечи занимали дверной косяк. Когда дело доходило до конфронтации, его внешность давала ему преимущество, но в остальное время просто мешала. Ему приходилось работать в два раза больше, чем кому-либо другому, просто чтобы люди ему доверяли.

У него в руках было заключение патологоанатома. Он просмотрел детали там, где были описаны пулевые ранения. Еще двое были у груди. Он сделал жест.

'Покажите мне.'

Гробовщик нервно огляделся, прежде чем осторожно сжать белую грязеотталкивающую простыню. Он сложил его назад от шеи тела, чтобы открыть туловище.

Альварес осмотрел два аккуратных отверстия в груди. «Мне они кажутся мелкокалиберными. Двадцать два?»

— Нет, — ответил гробовщик. «Все три раны. Два в грудь, один в голову. Патроны калибра 5,7 мм.

'Интересный.' Альварес наклонился вперед, чтобы рассмотреть поближе. «На какой диапазон мы смотрим?»

— Порох не горит, значит, не в упор, кроме этого я не могу вам сказать. Послушайте, я здесь всего лишь помощник. Я не специалист по баллистике. Я... я не очень много знаю.

Вот дерьмо, подумал Альварес. Он задумался на мгновение. То, что патроны были 5,7 мм, означало FN Five-seven, один из самых изящных и дорогих пистолетов в мире. Он представил эту сцену в своей голове. Двойной удар в сердце, затем, поскольку жертва лежала ничком, головой набок, убийца наносил еще один через лобную долю. Не рискуя. Альварес был знаком с профессиональными убийствами, и эта казнь была столь же тщательной, как и они. Он моргнул.

— Послушайте, — начал гробовщик, — мой босс скоро вернется.

Альварес мог понять намек. Он открыл кошелек.

Выйдя из больницы, он застегнул пальто от морозящего дождя. Где, черт возьми, был Кеннард? Прошло пару минут, прежде чем темный седан остановился снаружи.

— Извините, — сказал Кеннард, когда Альварес забрался на пассажирское сиденье.

Альварес вытер каплю дождя со своей короткой стрижки. — Это Озолс, — сказал он. 'Он умер.'

— Господи, — выдохнул Кеннард. 'Пакет?'

Альварес покачал головой. Он резюмировал увиденное.

'Что мы делаем?' — спросил Кеннард.

Альварес какое-то время грыз ноготь большого пальца. Он полез в куртку за мобильным телефоном. — Мне нужно поговорить с Лэнгли.

ГЛАВА 8

09:41 по центральноевропейскому времени

Отель Abrial располагался на авеню де Вилье, к северу от Сены. Виктор поймал второе такси у музея, и это была долгая и медленная поездка через парижские пробки. Водитель, к счастью, молчал, и Виктор дал ему умеренные чаевые. Щедрые чаевые или вообще отсутствие чаевых, и водитель может вспомнить его, если его спросят позже.

Виктор отметил, что это был хороший район, светящийся всем тем позитивом, который туристы рассказывают своим друзьям о Париже, но без дождя, грязи и кислых парижан. Виктор шел по оживленной улице, минуя гостиницу. В паре кварталов от него он нашел аптеку, где купил кусок мыла, дезинфицирующее средство, пинцет, ватные тампоны и дезодорант. Затем он нашел тихий бар, где купил лимонад и помылся в ванной.

Затем он обратил внимание на деревянные осколки, вонзившиеся в его лицо. Тогда адреналин блокировал боль, но Виктор уже не мог наслаждаться такой роскошью. Осколки были маленькими, но грубыми и зацепились за его плоть. Стиснув зубы, он вытащил их из щеки с помощью пинцета. Он предпочел бы покончить с этим быстро, но ему приходилось работать медленно, чтобы не сломать их. Когда закончился последний, он приложил ватный тампон, смоченный дезинфицирующим средством, к крошечным ранам так долго, как мог.

Если бы пуля попала в дверной косяк на несколько дюймов выше, он бы вытащил осколки из глазного яблока, а не из щеки. Не приятная мысль. Он достал из кармана пузырек с глазными каплями, плеснул силиконовым раствором на руки и втер их. Капли высохли за считанные секунды. Он позволил себе зажечь сигарету на улице и неторопливо выкурил ее, пока шел по тротуару. Хит никотина был как раз то, что ему нужно. Быть живым было хорошо.

Он пообещал себе, что сегодня это будет первый и последний. Всю прошлую неделю он пытался поддерживать дневную ставку и был полон решимости придерживаться ее на этот раз, может быть, даже еще больше урезать через пару недель. А может и нет. В любом случае, он не собирался разрушать послебоевой восторг, беспокоясь о своей маленькой зависимости. Виктор выбросил выкуренную сигарету, на мгновение почувствовав себя плохо из-за того, что мусорил, но облегчил свою вину, добросовестно выбросив туалетные принадлежности, но в несколько разных мусорных баков.

Вестибюль отеля был простым, но со вкусом и, к счастью, тихим. Он поймал взгляд счастливого администратора за стойкой, который почесывал свою выбеленную бородку, и подошел.

— Puis-je vous aider, мсье? — спросил парень.

— Oui, avez-vous un tele phone public?

Секретарша указала на дальний конец вестибюля, на вывеску туалетов. «Ла — бас».

Виктор поблагодарил его и пересек вестибюль. За углом стояли два устаревших телефона-автомата. Виктор проверил номер внутренней линии обслуживания номеров и позвонил туда. — ответил веселый женский голос.

— Привет, — ответил он. «Мне нужно доставить белье, но я не могу прочитать номер комнаты». Он дал код ссылки на квитанции.

Послышался напряженный вздох. — Хотел бы я, чтобы они с этим разобрались. Виктор услышал, как быстро и эффективно бьют по клавишам пальцы. — Господин Святослав. Потребовалось несколько попыток произношения. — Он в комнате 210.

Это был приятный номер с удобной кроватью, просторной ванной комнатой и элегантным декором. Виктор включил телевизор и с помощью пульта переключился на новостной канал. Пока ничего о расстрелах. Он сомневался, что пройдет много времени, прежде чем в эфир выйдет история об убийствах. Он выключил телевизор и оглядел комнату. Убийца не торопился уходить. Одежда висела снаружи шкафа, туалетные принадлежности все еще стояли на раковине в ванной. Может быть, он планировал немного осмотреть достопримечательности после того, как застрелил Виктора. Иностранец в Париже, почему бы не познакомиться с культурой? Теперь единственная достопримечательность, которую он будет делать, будет в аду.

Виктор с нетерпением ждал открытки.

Он ожидал, что у других убийц будут номера в разных отелях по всему городу. В этом смысле он менее заметен, особенно для многонациональной группы, члены которой, по мнению Виктора, не знали друг друга до того, как собрались, чтобы убить его. Без каких-либо подсказок о том, где они остановились, ему придется максимально использовать свое текущее местоположение.

На столиках у кровати и в ящиках рядом с ней ничего не было. Он провел пальцами между матрасом и рамой, найдя и вытащив коричневый кожаный бумажник, в котором не было ничего, кроме нескольких евро. Ни паспорта, ни билета на самолет. Он полагал, что это было бы слишком просто.

Виктор тщательно обыскал комнату, сначала проверив бачок унитаза, чтобы убедиться, что убийца использовал те же методы безопасности, что и он сам, но там ничего не было спрятано. Стыд. Было бы неплохо разделить немного родства с человеком, которого он убил.

Все остальные возможные укрытия оказались пустыми. Сейф отеля тогда. Это имело смысл. Никаких шансов, что горничная или кто-либо еще уйдет с чем-то ценным или компрометирующим.

Убийца совершил явную ошибку, взяв с собой на работу личные вещи. Это было непростительно, если и можно было понять. Ведь он не планировал быть убитым. И мертвым вряд ли имело бы значение, если бы кто-то узнал, кто он такой. Это подтвердило то, что Виктор уже знал о команде. Они были независимыми подрядчиками, не связанными с какой-либо организацией. Если бы они были, убийца был бы более осторожен. Так кто их собрал? Кто-то с ресурсами, кто-то со средствами. Нанять убийц было не так просто, как открыть телефонную книгу и посмотреть под А.

Виктор нажил врагов, просто выполняя свою работу, но только тот, кто знал, что он будет в Париже, мог иметь убийц в городе. Насколько ему известно, только два человека попадали в эту категорию. Его клиент и его брокер.

Человека, предоставившего ему работу, он знал только как брокера. Это был человек, выступавший в качестве посредника между Виктором и человеком, который действительно хотел, чтобы работа была выполнена. Клиент. Виктор не знал ни того, ни другого. Виктор также не знал, почему клиент хотел, чтобы цель была мертва, за исключением того, что это имело какое-то отношение к предмету, который теперь лежал в кармане его куртки.

Какая связь была у брокера с клиентом, Виктор не знал. Иногда брокерами были частные лица, свободные агенты; в других случаях они работали на разведывательные службы страны, частные охранные фирмы, организованную преступность или другие группы. Или они могут быть связаны с клиентом посредством других деловых практик, таких как адвокат или консул, или клиент может быть передан брокеру через других посредников.

Всегда существовал риск, что брокер на самом деле является сотрудником полиции или разведки, который каким-то образом узнал о Викторе и нанял его, чтобы задержать. Одна из многих опасностей внештатной торговли. Брокер, передавший эту работу Виктору, был новичком, по крайней мере, в отношениях с Виктором. Он ничего не знал о брокере, за исключением того, что продемонстрированные эффективность и профессионализм свидетельствовали о том, что они раньше имели дело с наемными убийцами.

Виктор достал флешку и внимательно ее рассмотрел. Просто карта памяти — не очень интересно, но он догадался, что информация, которую она содержала, принадлежала кому-то. Он должен был спрятать диск в безопасном месте по своему выбору и связаться с брокером, чтобы его можно было забрать.

Брокер подал прошение о личной передаче привода, но Виктор никогда не встречал никого, кто был бы непосредственно связан с его работой, если только он не планировал их убить. Мало того, что он хотел, чтобы никто не видел его лица, так еще и заранее оговоренная передача всегда давала прекрасную возможность устроить ему засаду. Теперь оказалось, что засада была именно тем, что произошло бы, если бы Виктор согласился с просьбой брокера. Поскольку он отказался подчиниться, им пришлось попытаться убить его сразу же после того, как он убил Озолса, пока они еще знали его местонахождение. Если бы они дождались, пока он спрячет диск, и связались с брокером, они могли бы потерять его навсегда.

Если мотив желания его смерти заключался в том, чтобы гарантировать, что любое последующее расследование или репрессалии не могут быть отнесены к ним, тогда это было понятно, но глупо. Если не считать коммюнике через Интернет, никакой связи между Виктором и брокером и абсолютно никакой связи между Виктором и клиентом не было. Этот метод защитил все стороны. Или, может быть, это было проще, чем это. Может быть, они просто не хотели платить ему вторую половину его гонорара. Тем не менее, наем целой команды убийц не мог быть дешевым, даже для тех, кто, как он сомневался, брал столько же, сколько он.

В вестибюле он сообщил регистратору данные Святослава и попросил проверить, прежде чем добавить: «У вас есть некоторые мои вещи в сейфе».

Если клерк решит сверить фотографию в паспорте с человеком, стоящим перед конторкой, то ошибиться нельзя будет. Виктор потянулся к пальто, чтобы сбросить его. 45, но передумал. Клерк был молодой, худощавый. Он не стал бы сильно сопротивляться.

Клерк вернулся через несколько секунд и вручил Виктору паспорт, билет на самолет и бумажник с кредитной картой. Радостное выражение лица клерка не изменилось. Виктор был доволен, что не удосужился сделать какие-либо проверки. Виктор осмотрел предметы, как и любой, кто беспокоится о том, чтобы что-то оставить. Он отметил, что билет на самолет был до Мюнхена, бизнес-класс. В кошельке были две кредитные карты. И карты, и билет на самолет принадлежали Михаилу Святославу. Виктор положил бумажник и билет в карман. Нет ключей. Слишком поздно беспокоиться о том, где они могут быть сейчас.

Он расписался и оплатил счет с более изношенным видом кредитной карты убийцы после тонкой проверки подписи на обороте.

Его подделка не прошла бы мимо эксперта по почерку, но это было достаточно близко для клерка, который выглядел так, будто у него проблемы с чтением статей в порножурнале.

Клерк вручил ему копию счета, в котором, как увидел Виктор, был указан адрес убийцы, и сказал: «Мы надеемся, что вы приятно провели время в Париже».

Он звучал искренне. Виктор подумал, насколько искренним он был бы, если бы знал об этом за несколько мгновений до того, как Виктор решал, как лучше всего его убить.

Виктор поднял бровь.

«Это было стимулирующим».

ГЛАВА 9

13:15 по центральноевропейскому времени

'Что, черт возьми, здесь происходит?'

Альварес и Кеннард стояли на улице Фобур-Сент-Оноре. Перед ними толпа стояла в три ряда перед полицейским барьером. Дорога была оцеплена по обе стороны от отеля. Альварес мог видеть множество офицеров в форме и штатском, а также криминалистов, выполняющих свои обязанности.

Кеннард отключил телефон и повернулся к Альваресу. — Насколько я понимаю, сегодня утром здесь произошло что-то безумное. Я слышал, что восемь человек убиты — застрелены — и один подозреваемый на свободе, который может показаться вам знакомым.

— Святое дерьмо, Джон. Альварес выжидающе посмотрел на Кеннарда. — Мы уверены, что это тот же парень, что забил Озолса?

Младший кивнул. «Стрелок разделяет тот же вкус к экзотическим снарядам. Судя по всему, несколько человек были расстреляны из дозвуковой пушки калибра 5,7 мм. Им еще рано подбирать пули, но...

«Вероятность того, что два разных боевика используют один и тот же патрон в Париже в одно и то же утро...»

«В лучшем случае стройны».

— Даже скелет. Альварес изо всех сил старался заглянуть поверх голов зрителей, жаждущих взглянуть на что-то пикантное. — Когда все это произошло?

— Лучшее, что мне могут сказать, — где-то в первой половине дня. Так что не так давно.

— До того, как Озолса подрезали?

— Не уверен, по крайней мере, через час, я думаю.

— Мы должны проникнуть туда.

Альварес протиснулся сквозь толпу. По любым меркам он был большим человеком. Он пробился через колледж, строго придерживаясь греко-римского стиля, и в шесть четных и два десятка он все еще выглядел воином, даже несмотря на то, что в его черных волосах появилось больше, чем несколько седых друзей. Его размер мог быть пугающим, и он много раз эксплуатировал это раньше, но в эти дни Альварес понял, что людям гораздо лучше недооценивать его, чем бояться его. Однако в такие моменты он использовал свою массу с пользой.

Он встретил ладонь, как только достиг линии. Альварес показал свои полномочия. Осмотрев их на мгновение, парень жестом пригласил своего начальника. Француз, который прогуливался, был среднего возраста, невысокий, тщательно ухоженный, выглядевший раздраженным тем, что ему действительно нужно что-то делать. Альварес все еще держал руку поднятой, и полицейский несколько секунд щурился на раскрытый бумажник.

'Да?' — спросил он просто по-английски.

— Вы здесь главный?

Парень кивнул. — Я лейтенант Лефевр. Он сделал паузу. 'Что я могу сделать для вас?' Он добавил вторую часть почти как запоздалую мысль.

Альварес убрал бумажник. «Я работаю в Государственном департаменте США через американское посольство здесь, в Париже. Я полагаю, что вашим подозреваемым в этой стрельбе может быть тот же

человек, который ранее сегодня убил моего связного, гражданина Латвии по имени Андрис Озолс».

Альварес мог сказать, что Лефевр уже знал об этой связи, но сомневался, что Лефевр знал, что Озолс делал в Париже. 'Так?' — просто спросил он.

Альварес не особо удивился, но ему хотелось бы получить более обнадеживающий ответ. — Итак, — повторил он, — в наших интересах объединить наши ресурсы для этого. Если я смогу осмотреть отель, я...

— Боюсь, это невозможно.

— Почему вы не слышали, что я только что сказал?

Лефевр перенес вес между ног, что, судя по его нутру, было значительным. — Это наше расследование. У вас нет юрисдикции в этой стране.

Альварес не клюнул на удочку; вместо этого он вздохнул и ровным голосом сказал: — Я не собираюсь украсть у вас вашего подозреваемого или вашу репутацию, я просто хочу помочь найти его. И как бы безумно это ни звучало, я подумал, что мы могли бы помочь друг другу достичь этого».

— Спасибо за предложение, — сказал Лефевр без малейшей попытки искренности. — Если потребуется ваша помощь, будьте уверены, мы о ней попросим.

Он развернулся и направился обратно к отелю.

— Вот мудака, — пробормотал Альварес, когда ушел.

Он выбрался из толпы менее вежливо, чем вошел. Он достал свой мобильный телефон и посмотрел на Кеннарда.

«Хорошо, время для плана Б».

ГЛАВА 10

Шарлеруа, Бельгия

понедельник

17:02 по центральноевропейскому времени

Парень за прилавком взял деньги Виктора, не отрываясь от графического романа. Одной рукой он открыл кассу, бросил туда евро и протянул Виктору клочок бумаги, не говоря ни слова. Виктор сел за один из самых дальних от входа компьютеров, выбрав такое положение, при котором он все еще мог видеть дверь, не поворачивая головы.

Компьютерный монитор казался недавним приобретением, но в канавках клавиатуры скопилась пыль. Пластик пожелтел и блестел от чрезмерного использования. Виктор, быстро печатая, ввел десятизначный код с листка бумаги и нажал клавишу ввода.

В интернет-кафе было полдюжины других клиентов. Все они были молоды. Вошла китаянка-подросток с розовыми прядями в волосах, пока Виктор ждал появления браузера. Возможно, студентка по обмену. После беглого взгляда он не обратил на нее внимания.

Он предпочел бы более людное заведение для обеспечения анонимности, но никто не обратил на него ни секунды внимания. Парень у двери не сводил глаз с комикса с тех пор, как Виктор заплатил. Передняя обложка была сплошь огромной грудью и изогнутыми мечами. Через пять минут Виктор исчезнет, а еще через пять минут о нем забудут совсем.

Пошел мелкий дождь. В окно Виктор мог видеть спешащих по улице пешеходов, кто с зонтами, кто без зонтов. Никто, казалось, не наблюдал за кафе.

Рациональная часть его мозга подсказывала ему, что никто не мог преследовать его через границу, но в работе Виктора присутствовал определенный уровень паранойи, необходимый для выживания. Он понимал, что подвергается наибольшему риску не тогда, когда он явно уязвим, а когда чувствует себя в безопасности.

Выйдя из второго отеля, Виктор провел час в парижском метро, курсируя между станциями и меняя поезда наугад, чтобы избежать любых возможных теней. Маловероятно, что за ним могли последовать еще люди, но протокол всегда требовал осторожности. И сейчас было не время отказываться от методов, которые почти десятилетие поддерживали его в профессии, столь же неумолимой, как и раньше.

Хеклер и Кох, которые он забрал у женщины-убийцы, были брошены в Сену после того, как их тщательно вытерли. В миле вверх

по течению его второй FN Five-seveN постигла та же участь. Паспорт, под которым он ехал, был сожжен, а другой изъят из банковской ячейки, которую он арендовал под вымышленным именем. У него были боксы в нескольких европейских столицах и других городах мира. По опыту Виктора, профилактика всегда была лучше, чем лечение, и его предыдущая встреча подтвердила эту философию.

Он отказался от продаваемых без рецепта очков и снял синие контактные линзы, прежде чем парикмахер из подворотни подстриг его машинкой для стрижки волос и побрил опасной бритвой. По настенному телевизору Виктор смотрел новость о стрельбе в отеле. Пока что полиция обнародовала некоторые подробности. Мертвец в переулке не упоминался, вероятно, потому, что массовое убийство было гораздо более волнующим для зрителей.

Виктор купил новый костюм в универмаге, еще одну рубашку и пару туфель в разных магазинах. Если бы он купил их все в одном и том же месте, продавец мог бы его запомнить. Другая его одежда была упакована в мешки и оставлена в переулке на переработку городскими бродягами. Единственным вещественным доказательством того, что он когда-либо был в Париже, были оставленные им трупы.

Возможно, если бы он остался, то мог бы узнать больше о нападавших, но пока он оставался во Франции, ему приходилось защищаться как от своих охотников, так и от властей. Снаружи было один на один. Гораздо лучшие шансы.

Он был осторожен в своем отеле, чтобы убедиться, что камеры безопасности не засняли его лицо, но, возможно, портье или гость запомнят его черты. Борода, очки, волосы и цветные контактные линзы могли бы испортить набросок любого художника, но даже в этом случае ему, вероятно, потребовалась бы операция, чтобы изменить лицо. Он тяжело вздохнул. Это была необходимость, с которой он был вынужден смириться на протяжении многих лет, даже если он никогда

не сможет полностью к этому привыкнуть. Лицо, смотревшее на него в зеркало, больше не принадлежало ему, менялось так много раз, что он не мог вспомнить, как он выглядел на самом деле. Иногда он был этому рад.

Интернет-браузер, наконец, загрузился, и он ввел адрес прокси-сервера, на котором у него был аккаунт под вымышленным именем. Затем, используя прокси-сервер для маскировки IP-адреса компьютера, он ввел веб-адрес форума ролевых онлайн-игр, базирующегося в Южной Корее.

Игра пользовалась огромной популярностью, и на форуме были зарегистрированы сотни тысяч пользователей. У форума была собственная сложная система безопасности, чтобы хакеры не могли нарушить его работу. Не так хорош против правительств, но с объемом трафика, прошедшим через сервер форума, было бы почти невозможно перехватить его сообщения.

Виктор ввел свои данные для входа и выбрал вариант обмена мгновенными сообщениями. Он предпочел это традиционной доске сообщений, где сообщения можно хранить практически бесконечно. При обмене мгновенными сообщениями данные, передаваемые между компьютерами, не оставляли следов на форуме, которые можно было бы обнаружить. Остались только следы на его компьютере и на принимающем компьютере, который использовал его брокер.

Как только он вошел в систему, он увидел, что единственное имя в его списке контактов находится в сети.

Брокер.

Виктор дважды щелкнул имя, открыв окно чата. Он напечатал сообщение. Чтобы еще больше снизить вероятность того, что АНБ или

GCHQ подхватят такой разговор, он всегда избегал каких-либо очевидных тегов, на поиск которых были запрограммированы правительственные суперкомпьютеры. Нет Аллаху Акбар и тому подобное.

У меня была проблема.

Ответ был почти мгновенным: что случилось?

В сделке участвовала еще одна фирма.

О чем ты говоришь?

Семь продавцов-конкурентов, хорошо проинформированные о моем предложении. Они дождались моего утреннего собрания и предложили мне новую должность. Постоянного разнообразия.

Ответ занял несколько секунд. Мне жаль это слышать.

Пожалейте этих представителей. Я был вне их ценового диапазона.

Сделка прошла?

Да, он печатал. Клиент нашел мое предложение неотразимым.

Вы собрали товар?

Виктор на мгновение задумался, печатая. У меня есть это.

Что вам нужно от меня?

Объяснение.

Я не понимаю.

Тогда позвольте мне прояснить вас. Кроме меня, единственными людьми, которые знали, где я буду завершать сделку, были вы и тот, на кого вы работаете.

Что вы получаете в?

У меня нет привычки саботировать собственные контракты.

Это не то, что вы думаете.

Тогда что это?

Что бы ни случилось, это не имело к нам никакого отношения.

Виктор сел обратно. Использование слова «нас» навело его на мысль, что брокер и клиент более тесно связаны друг с другом, чем он думал.

Виктор ничего не печатал.

Брокер продолжил. Я ничего не знаю о том, что произошло, кроме того, что вы мне только что рассказали. Ты должен доверять мне.

Если бы на компьютере брокера была кнопка, имитирующая громкий смех, Виктор нажал бы ее.

Я предпочитаю доверять себе.

Так как я могу убедить вас?

У тебя был шанс.

Что насчет предмета?

Я не буду его доставлять.

Была долгая пауза. Пожалуйста, пересмотрите.

В лучшем случае вы были настолько некомпетентны, что позволили третьей стороне узнать о нашей договоренности. В худшем случае просто настолько глуп, чтобы попытаться подорвать меня. Как бы то ни было, на этом мы расстаемся.

Ждать.

«Вы меня больше не увидите и не услышите», — напечатал Виктор. Но, возможно, я увижу тебя.

Он вышел из системы, поскольку брокер все еще печатал ответ. Было приятно закончить с угрозой. Старый друг говорил ему, что любая победа, даже самая маленькая, все равно остается победой.

Брокер сказал нам. Это могла быть кратковременная потеря концентрации, обнаружившая, что брокер и клиент вступили в сговор, чтобы подставить его, или это могло быть ничем. В данный момент не было никакой возможности убедиться.

Шум заставил его поднять голову. Раздражающая мелодия новинки сотового телефона. Китайская студентка порылась в кармане, чтобы достать его. Виктор набрал еще один заученный веб-адрес. С небольшой задержкой на экране появился новый сайт. Он щелкнул одну из двадцати доступных ссылок и наблюдал, как загружается программа.

Он был размером всего в несколько мегабайт и занял всего несколько секунд при быстром интернет-соединении кафе. Затем Виктор запустил программу. Он пассивно наблюдал, как всплывает серый ящик и появляется быстрый поток номеров и имен файлов, прокручивающийся вниз. Через две минуты программа доработала, удалив с жесткого диска компьютера все записи о недавней интернет-активности. Программа не только удалила эти записи, но и перезаписала бесполезными данными те сектора жесткого диска, где хранились интернет-записи. Затем он удалил эти данные и перезаписал их снова. Этот процесс повторялся тысячи раз в быстрой последовательности, гарантируя, что исходные данные никогда не будут восстановлены.

Затем он повторил процесс на себе. Через тридцать секунд не осталось и следа того, какие сайты посещал Виктор и что он там делал. Умелый техник мог бы найти доказательства существования программы, но это было бы все.

Виктор поднялся со своего места и вышел из кафе. За входной дверью наблюдала камера слежения, так что он отвернулся, как и по пути внутрь.

Он направился к вокзалу.

ГЛАВА 11

Центральное разведывательное управление, Вирджиния, США

понедельник

13:53 по восточному поясному времени

В пяти часовых поясах к западу располагалась обширная штаб-квартира ЦРУ в Лэнгли. В центре участка площадью 258 акров более двух миллионов квадратных футов из стекла, стали, бетона и технологий разместилась самая высокофинансируемая шпионская организация в мире. Комплекс ЦРУ, состоящий из первоначальной штаб-квартиры шестидесятых годов и модернизации восьмидесятых годов, насчитывал около двадцати тысяч мужчин и женщин. Из них лишь горстка могла по праву называть себя начальниками Роланда Проктера, и этим фактом он безмерно гордился.

Проктер сидел за столом в своем завидном кабинете на верхнем этаже. Офис был светлый и просторный, с климат-контролем, со вкусом оформленный и заметно больших размеров. Лучшей особенностью, безусловно, был прекрасный вид, которым Проктер

наслаждался загородной местностью Вирджинии, окружающей штаб-квартиру агентства. Заместитель директора Национальной секретной службы положил трубку, встал, вдохнул, чтобы застегнуть пиджак, и вышел из кабинета.

Широкими шагами Проктер пробрался по невыразительным коридорам в конференц-зал. Он был там меньше чем через минуту и толкнул дверь. Все остальные уже сидели вокруг длинного овального стола. На самом деле там должна была быть только половина, все большие собаки из его отдела. Остальные были мандаринами со всей иерархии, у которых были места из-за их статуса, а не из-за их полезности. Операция Озолса имела большое значение, и многие люди, даже если они лично ничего не сделали для нее, были заинтересованы в ее успехе, а теперь и в ее провале.

Любезности были краткими, пока Проктер занял свое место. Напротив него сидел заместитель директора департамента. Мередит Чемберс была невысокой и стройной, с узким лицом и седеющими черными волосами, которые она категорически отказывалась красить. Она была на несколько лет старше Проктера, но он должен был признать, что для своего возраста она выглядела неплохо, хотя обычно он предпочитал женщин с гораздо более мясистыми бедрами. В прекрасном темно-синем брючном костюме Чемберс выглядел как всегда царственно. Она руководила NCS меньше года и, по мнению Проктера, все еще была немного мокрой. Ее офис был на порядок больше, чем у Проктера, но у него был вид. Он готов поспорить на свою пенсию, что она была фейерверком в мешке.

— Верно, — начал Чемберс. «Я понимаю, что на линии Альварес. Ты слышишь меня?»

Из громкоговорителей за столом раздался голос Альвареса: «Да, МЭМ».

Проктер довольно хорошо знал Альвареса и знал, что помимо того, что он обладает всеми качествами, необходимыми для хорошего полевого офицера, он также является одним из настоящих хороших парней. В нем настолько укоренилось чувство долга и патриотизма, что его кровь была не только красной, но и бело-голубой. За долгую карьеру в ЦРУ Проктер с удивлением сказал, что находит таких метких стрелков, как Альварес, очень редко.

Чемберс сказал: «Хорошо, тогда. Некоторые из нас в курсе того, что произошло сегодня, некоторые нет, так что не могли бы вы начать с краткого изложения предыстории операции.

«Сегодня утром по парижскому времени, — начал Альварес, — я должен был встретиться с неким Андрисом Озолсом, отставным латвийским офицером российского и советского флота. Озолс утверждал, что знает местонахождение российского фрегата, затонувшего в Индийском океане пару лет назад. Русские так и не признали аварию, катастрофическую неисправность двигателя, которая привела к гибели всех моряков на борту, во-первых, потому что это произошло вскоре после того, как российские и китайские военно-морские силы проводили в этом районе учения, а во-вторых, потому что, по словам Озолса, , корабль нес восемь противокорабельных крылатых ракет «Оникс».

Чемберс сказал: «Я бы хотел, чтобы Уильям рассказал нам об Ониках».

Уильям Фергюсон сел рядом с Проктер за столом. Глава российского офиса Фергюсон был одним из настоящих старичков компании. Ему было под шестьдесят, лицо его было в глубоких морщинах, но он не потерял ни одной пряди седых волос, зачесанных назад с высокого лба. Если только он не надевал свое длинное пальто, чтобы увеличить его, он выглядел худым, полуголодным, но никогда не

слабым. Он провел три тура во Вьетнаме и получил больше крупных медалей, чем толстые пальцы у Проктера. Старик был стойким патриотом и профессиональным шпионом, который сорок с лишним лет выполнял столь необходимую Америке грязную работу. Список его подвигов против Советов во время холодной войны был легендарным, и те, кто знал о его достижениях, справедливо считали его героем. Несмотря на то, что он был на десять лет старше Проктера, Фергюсон был на одну ступеньку ниже по пищевой цепочке. В понимании Проктера это был выбор Фергюсона. Он остался в окопах по собственной воле, и Проктер очень уважал это.

— SS-NX-26 «Оникс», — начал Фергюсон своим медленным баритоном, — это просто ракета, которую мы хотели бы разработать. Это замена ракете SS-N-22 Sunburn, которую некоторые эксперты, в том числе и я, назвали самой опасной ракетой на планете. Оники еще более смертоносны.

Он откашлялся, прежде чем продолжить. «Эти ракеты практически гарантированно испортят вам день. Они имеют дальность полета 162 морских мили и могут летать на высоте до девяти футов, если это необходимо, летая со скоростью, в два с половиной раза превышающей скорость звука, неся либо 550-фунтовую обычную боеголовку, либо ядерную бомбу мощностью двести килотонн. Для сравнения, наши аналоги, «Гарпун» и «Томагавк», имеют дальность менее пятидесяти миль и летают на дозвуковых скоростях. Подумайте о толкающем байке по сравнению с автомобилем Indy.

«Но не только скорость или даже дальность не дают спать нашим адмиралам по ночам, но и точность этого оружия. Это экстраординарно. В 2003 году российский и китайский флоты проводили совместные военные учения в Индийском океане, имитируя атаки против агрессивных авианосных группировок США. Время демонстрации не было случайным. Просто мы в одно и то же время напрягали морские мускулы в одной и той же части мира. Он изобразил кривую улыбку. «Изюминкой шоу стало то, что китайский

ракетный эсминец запустил ракету «Санберн» с учебной боеголовкой. Высокоскоростная камера зафиксировала попадание ракеты в центр белого креста, нарисованного на корпусе целевого судна на расстоянии более шестидесяти морских миль. «Солнечный ожог» летел всего на высоте двадцати двух футов над уровнем моря. Оникс быстрее, несет большую полезную нагрузку, и его еще труднее обнаружить, не говоря уже о том, чтобы остановить.

— Нам нужно беспокоиться об этом оружии? Фергюсон быстро оглядел комнату. 'Абсолютно. Они были специально разработаны для поражения радара США Aegis и системы защиты Phalanx, которые защищают наши корабли. Замена Phalanx, ракета с катящимся действием, никогда не тестировалась против этих видов оружия. Проще говоря, у нас нет проверенной защиты от Оников или даже от Солнечных ожогов. Они полностью нарушают баланс боевых действий на море, и несколько скромных эсминцев, вооруженных этими ракетами, могут вывести из строя целую авианосную группу. У нас нет ничего, что могло бы сравниться с Ониками. И мы хотим их. Плохой.'

Проктер мог сказать, что Фергюсону понравилась его короткая речь. Старик провел свою карьеру, сражаясь с Советами, и с тех пор как пала Берлинская стена, его опыт и знания уже не были столь ценными. Теперь всех больше волновал Ближний Восток, чем русские. Если бы ботинок был на другой ноге, Проктер знал, что он был бы возмущен этим падением со славы. Однако если Фергюсон и питал какое-то негодование, то он хорошо это скрывал.

Один из мандаринов решил получить свои деньги. Натан Уайли сидел на стороне Проктера за столом. Хотя ему было чуть за пятьдесят, Уайли выглядел по крайней мере на десять лет моложе со своей нелепой копной распущенных светлых волос. По какой-то причине Проктер еще не тренировался, Уайли он не очень нравился, да и Проктер не заботился о том, как ощущается долговязая полоска мочи.

«Какого черта эта ракета у русских, а у нас нет?» — спросил Уайли.

Фергюсон вздохнул и жестом попросил своего заместителя Сайкса ответить за него. Проктер не был на сто процентов уверен в имени Сайкса. Это был Карл, или Кевин, или что-то в этом роде. У него было телосложение человека, который тренировался в тренажерном зале, но недостаточно, чтобы рекламировать этот факт. Проктер точно не знал, сколько ему лет, но Сайкс выглядел так, словно ему было около тридцати пяти. Хотя при неправильном освещении усталые глаза делали его намного старше. Его костюмы всегда были безупречны, сшиты на заказ и намного дороже, чем позволяла его зарплата. Пару лет назад Проктер подверг Сайкса расследованию, чтобы выяснить, увеличивал ли он свой доход, но оказалось, что у него были богатые родители и трастовый фонд.

Сайкс был чем-то неизвестным для Procter. У него была красивая одежда, чистое лицо, хорошие зубы, и он говорил правильные вещи. Он был почти полной противоположностью Фергюсона — молодой и пугающе амбициозный. Сайкс был в отделе, чтобы сделать себе имя, и, вероятно, ему не нравилось, когда его направляли в негламурный русский офис, но он стремился произвести впечатление. Проктер видел в глазах парня оттенки собственных амбиций, и ему не всегда нравилось то, что он видел.

«Потому что, — начал Сайкс с улыбкой, обнажающей множество выбеленных зубов, — хотите верьте, хотите нет, мы не на вершине, когда дело доходит до ракетных технологий. Россия, возможно, оставила большую часть своих разработок вооружений в мусорном баке, но бюджетные строки все еще местами толсты. Россия сосредоточилась на нескольких ключевых технологиях и более чем отстает в таких областях, как истребители. В некоторых ракетных технологиях они уже давно являются лидерами рынка, зарабатывая миллиарды долларов на продажах в другие страны. Их противокорабельные крылатые ракеты — это не просто шаг вперед, а

целый скачок. Они по крайней мере на двадцать пять лет опережают все, что у нас есть.

Чемберс сказал: «Если бы мы могли позволить Альваресу продолжить сейчас».

Фергюсон кивнул, как будто действительно требовалось его одобрение.

Голос Альвареса раздался в громкой связи. «Короче говоря, Озолс собирался продать местонахождение затонувшего корабля тому, кто больше заплатит. После этого покупатель сможет забрать ракеты на досуге. Как вы можете себе представить, существует множество режимов, которые хотели бы получить это оружие для своих arsenалов. Озолс утверждал, что, когда он обратился к нам, у него было полдюжины других заинтересованных покупателей. Он хотел продать информацию за двести миллионов евро, но я выменил у него чуть больше ста миллионов».

Чемберс вздохнул. «Я не могу переоценить важность того, что именно мы нашли эти ракеты. Мы не только улучшим нашу собственную технологию противокорабельных крылатых ракет, но, что более важно, мы сможем предотвратить потенциальное использование этой технологии какой-либо нежелательной фракцией против нас или наших союзников. Более того, это позволило бы нашему флоту улучшить и развить средства защиты от этого типа ракет». Она сделала паузу, прежде чем добавить: «Давайте не будем забывать, что китайцы и иранцы уже имеют эту технологию».

Уайли наклонился к громкой связи. «Сто миллионов баксов за привязку к сети кажутся слишком высокими».

На помощь пришел Фергюсон. «Каждый год мы тратим больше, чем ВВП большинства стран, чтобы покупать самые лучшие игрушки. Сто миллионов, чтобы перепрыгнуть через четверть века развития вооружений, — сделка на всю жизнь. Тем более, что мы много лет гонялись за «Санберном», а Россия не хочет его продавать».

— И они все еще будут работать после стольких лет под водой?
— спросил Уайли.

Сайкс кивнул. — Может быть, а может и нет. Они размещены в герметичных корпусах, которые защищают их от непогоды, но не предназначены для погружения в соленую воду. Корпус может подвергнуться коррозии, и все, что подверглось воздействию морской воды, будет бесполезным, но технология все равно будет извлекаемой, как и боеголовки, которые могут быть любыми. Любой, кто восстановит ракеты и сопутствующую им электронику, сможет перепроектировать конструкцию и создать свои собственные эквиваленты. Против режима с такими ракетами наши военно-морские возможности крайне ограничены. Даже реплики с пятьюдесятью процентами возможностей Оникса могут вывести из строя или даже уничтожить один из наших авианосцев.

— А зачем торговать в Париже? — спросил Чемберс.

Голос Альвареса снова раздался по громкой связи. «Человек был чертовски параноиком. Он был убежден, что мы собираемся обмануть его. Он встречался только на нейтральной территории. Где-то он думал, что нам будет трудно выполнять любые трюки. Париж был его идеей. Он дал мне семидневное окно, пообещав, что позвонит в какой-то момент в течение этого периода и сообщит время и место встречи. Он позвонил незадолго до половины шестого утра, сказал, что хочет встретиться через час. Очевидно, он не показывался.

Чемберс грациозно наклонился вперед. — Полагаю, слишком много надеяться, что Озолс дал какие-то подсказки относительно того, где находится фрегат, до того, как вы должны были встретиться.

— К сожалению, он этого не сделал. Он был достаточно скромн, чтобы не дать мне ничего, даже отдаленно определенного. Что он действительно сказал мне, так это то, что в Москве считали, что корабль затонул в глубокой воде и поэтому его не стоило поднимать, но на самом деле он остановился на континентальном шельфе на мелководье. Озолс утверждал, что он находится в международных водах, поэтому любой, у кого есть лодка и его местонахождение, может легко добраться до него. Я уверен, вы понимаете, что в Индийском океане много континентального шельфа».

«Почему он просто не попытался продать информацию русским анонимно?» — спросил один из мандаринов.

«Я предполагаю, что он знал, что если попытается, они смогут выяснить, кто занимается продажей, и пришлют милую маленькую исполнительную команду SVR, чтобы предложить ему более выгодную сделку».

Чемберс спросил: «Как должен был произойти обмен?»

«Озолс согласился предоставить информацию на флешке, которую он собирался передать мне в день своей гибели. Затем я проверял информацию и, если она оказывалась достоверной, переводил половину денег на его банковский счет. Затем я уходил с диском, как только он проверял в своем банке, что деньги там. Другая половина будет храниться на условном депонировании, к которому он получит доступ, как только мы обнаружим корабль. Это была лучшая сделка, которую я мог заключить».

— Хорошо, — сказал Чемберс. — А теперь расскажи нам о том, что произошло в Париже.

— Мы до сих пор не получили ни малейшей детали, — начал Альварес. «Французы держат как можно больше людей в стороне от этого. Он так завален дерьмом, что нужно столько времени, чтобы просто его пережевать.

— Не говорите мне, что вас это удивляет, — вставил Фергюсон. «Наши друзья за океаном могут быть одними из наименее благополучных интеллектуально среди наших союзников, но они не настолько глупы, как нам хотелось бы верить. У них есть глаза и уши. Они знают, что мы держим их в неведении относительно чего-то, и им это не нравится».

Проктер внутренне улыбнулся. Старик всегда высказывал свое мнение без стеснения, а нередко и без приличия.

Уайли откашлялся, прежде чем снова вмешаться. — Думаешь, они узнали об операции?

«Если нет утечки или у них развито экстрасенсорное восприятие, то, конечно, нет», — ответил Фергюсон. — Но галльская паранойя, вероятно, до сих пор вызывала множество невероятных объяснений событий. Ни один из них не будет близок к правде, так что перестаньте о них беспокоиться. Пока, по крайней мере, французы не более чем досада.

Чемберс вежливо, но твердо посмотрел на Фергюсона. — Продолжай, Альварес.

— Это то, что мы знаем. Судебно-медицинский эксперт устанавливает время смерти Озолса где-то между пятью и семью часами утра. Его застрелили в переулке рядом с улицей Марн. Труп нашелся владельцем магазина довольно быстро. Оpoznания нет, но я сам видел его тело в морге. Дважды ударьте по сердцу с отверстиями так близко, что они соприкасались, и один раз по виску с близкого расстояния. Никаких свидетелей. Никаких вещественных доказательств. Убийца определенно был профессионалом.

«В любом случае, здесь становится интересно. В восемь пятнадцать парижскую полицию вызвали в отель, где нашли восемь трупов. Пять внутри самого отеля, двое в здании напротив и еще один на улице. Один из полицейских, с которым я говорил, не для записи, сказал мне, что они думают, что один человек убил их всех. Пули, найденные в нескольких трупах, были дозвуковыми пулями калибра 5,7 мм, такими же, которыми был убит Озолс, хотя и выпущенными из другого, но той же модели пистолета».

— Что, черт возьми, случилось? — спросил Проктер.

«В данный момент я понятия не имею», — ответил Альварес. «Мне нужно проникнуть в этот отель, посмотреть записи с камер наблюдения и посмотреть полицейский отчет, если я хочу это выяснить. Я не смог сделать это самостоятельно».

— Я прослежу, чтобы это произошло, — сказал Чемберс.

Фергюсон покачал головой. «Кто-то убил Озоля, а потом устроил беспорядки в парижском отеле? Сомнительно.

— Именно так, как кажется, — твердо заявил Альварес.

Чемберс спросил: «Есть ли у нас какие-либо указания на то, кого представляет этот убийца? На этом этапе я сделаю предположение.

«Озолс так и не сказал мне, с кем еще он вел переговоры, но я думаю, что мы можем сделать некоторые обоснованные предположения. У России и Китая они уже есть, а у Ирана есть Солнечные ожоги, так что Озолы к ним не пойдут. Озолс хотел иметь дело в Париже, так что французы, вероятно, не замешаны. Но все остальные обычные подозреваемые хотели бы заполучить Оников: Израиль, Саудовская Аравия, Великобритания, Индия, Пакистан, Северная Корея. Если кто-то узнает, что Озолс продает нам, а не им, то вполне разумно предположить, что они все равно попытаются получить информацию. Отправить профессионального убийцу чертовски дешевле, чем платить то, что хотел Озолс. И давайте не будем забывать, что русские могли узнать, что задумал Озолс, и выследить его».

— Итак, чтобы уточнить, — начал Фергюсон, — вы говорите, что убийца может работать на кого угодно?

Голос, донесшийся из громкой связи, был смертельно серьезен.

— Я все равно найду его.

ГЛАВА 12

К юго-востоку от Шарлеруа, Бельгия

понедельник

19:48 по центральноевропейскому времени

«Les billets, si vous pla i t».

Виктор протянул кондуктору свой билет и поблагодарил его, когда его проштамповали и вернули. Кондуктор медленно шел по проходу, периодически подстраиваясь под боковое движение поезда. Он выглядел на восемьдесят лет и вряд ли доживет до восьмидесяти одного.

Снаружи шел снег. На окне справа от Виктора собрались хлопья, слипшиеся по углам стекла. Снаружи пейзаж был невидим в ночи, но когда Виктор прислонился щекой к холодному стеклу, он мог разглядеть поля и холмы, а вдалеке изредка мерцал свет.

Поезд шел в двух часах от границы с Германией, и до Мюнхена через Страсбург нужно было добираться рано, но Виктор не позволял себе такой роскоши, как сон. Он не был уверен, что сможет, даже если бы захотел.

Он был единственным человеком в вагоне, сидевшим на последнем ряду сидений, справа от прохода, у стены прямо за ним. Сидя прямо на своем месте, он мог видеть дальнюю дверь и всех, кто мог пройти через нее.

Дверь слева от Виктора открылась, и он автоматически напрягся на своем месте. Адреналин зашкаливал, готовя его к атаке.

Это был ребенок, девочка, четырех или пяти лет. Она даже не взглянула на него, просто побежала по проходу, наткнувшись на сиденья по обеим сторонам. Дойдя до конца вагона, она развернулась и побежала обратно, улыбаясь, перескакивая с одного сиденья на другое. Она остановилась, когда подошла к Виктору, впервые увидев его.

Глаза почти невероятно широко уставились на него. Он посмотрел в ответ, но напряженность ее взгляда заставила его чувствовать себя неловко, как будто она могла видеть его глазами, за внешней видимостью его человечности, чтобы увидеть его настоящего, лежащего прямо под ним. Но затем она улыбнулась, обнажив щербинки в зубах, и всякое представление, которым она обладала, рассеялось.

Притворившись озадаченным, Виктор наклонился вперед и потянулся к ее уху. Ее выражение лица подражало его. Когда он убрал руку, он держал монету. Улыбка снова осветила ее лицо. Он покрутил монету взад и вперед по пальцам, и улыбка превратилась в смех.

Он переложил монету в левую ладонь и провел ладонью по правой. Когда он повернул левую руку ладонью вверх, она была пуста. Она рассмеялась и указала на его другую руку. Может быть, она и раньше видела этот трюк, но Виктор надеялся, что она просто проницательна не по годам. Он перевернул закрытую правую руку и разжал ее. Там тоже нет монет. Улыбку девушки сменило недоумение. Он сидел, повернув обе руки ладонями вверх, и пожимал плечами.

Дверь открылась, и появилась женщина, мгновенно окликнувшая девушку по-немецки. В ответ ребенок снова убежал. Мать поспешила за ней, и с каждым криком ее голос становился все громче. Она выглядела взволнованной, как будто преследовала девушку весь поезд.

Мать схватила девочку за ошейник, прежде чем та успела дойти до следующей двери, и повела ее обратно тем же путем, которым они пришли, с кислым выражением лица. Она отругала ее за то, что она сбежала, но девочке, похоже, было все равно.

Когда она подошла ближе, Виктор поймал взгляд ребенка и одарил ее взглядом, говорящим, что в следующий раз повезет. Она ухмыльнулась, и он сунул ей монету, когда они проходили мимо. Ее глаза загорелись на секунду, прежде чем она ушла, и Виктор никогда в жизни не чувствовал себя более одиноким.

Поезд сделал длинный поворот пути, и верхние огни на мгновение вспыхнули. Виктор достал из кармана смартфон и включил его. Он купил его в Шарлеруа, заплатив наличными, к удовольствию владельца магазина. Когда он загрузился, он вынул флешку и воткнул ее в порт USB. Диск разрешил ему доступ, но единственный файл, который на нем содержался, требовал пароль, когда он пытался его открыть.

Он заставил себя думать, когда все, что он хотел сделать, это отключиться. Через два часа после выполнения его задания восточноевропейские убийцы во главе с американцем попытались убить его в его отеле. Он подумал о досье, которое нашел в фургоне убийц. Возможно, у них не было много личных данных, но чтобы узнать его лицо и где он остановился, требовались чрезвычайно точные сведения.

Только тот, кто знал, что он будет в Париже, чтобы убить Озоля, мог иметь убийц на месте, чтобы убить его. Он не верил, что в этом замешана какая-то третья сторона. Брокер или клиент, или оба вместе, подставили его из соображений безопасности, чтобы сэкономить деньги или по какой-то другой причине, которую он пока не понял. В этот момент «почему» не было его приоритетом. Остаться в живых было первостепенно, убийство врагов было второстепенным. Все

остальное было неважно. Если знание почему облегчало защиту, только тогда Виктора это заботило.

Он открыл на смартфоне файл, в который скопировал все данные Святослава. Было слишком рискованно пытаться провезти настоящие документы через границу. Ему нужно было узнать, кто нанял Святослава. Может быть, это был собственный брокер Виктора, а может быть, кто-то совсем другой. В любом случае, Виктор должен был знать. Святослав жил в Мюнхене, поэтому Виктор начал свою охоту оттуда.

Он понял, что его глаза закрыты, и заставил их открыться. Его тело нуждалось в отдыхе, но пока его враги все еще были где-то рядом, он не мог позволить себе ослабить свою бдительность. Всю свою жизнь он был невидим, но каким-то образом, несмотря на все меры предосторожности, его увидели. Теперь, как никогда раньше, он должен был быть начеку.

И, по мнению Виктора, лучшей формой защиты было нападение.

ГЛАВА 13

Париж, Франция

понедельник

22:48 по центральноевропейскому времени

На мониторе компьютера непрерывно мелькало черно-белое изображение. Картинка была зернистой, местами искаженной, но качество было примерно адекватным. Это была камера видеонаблюдения с низким разрешением, так что Альварес вряд ли ожидал кристальной четкости, но было бы неплохо, если бы отснятый материал не вызвал у него сучьей головной боли.

Он пощипал кожу между бровями и вытер слезы с напряженных глаз. Он чувствовал себя дерьмом и предположил, что выглядит не лучше. Он стоял в подвале посольства США вместе с Кеннардом, пока молодой техник, имя которого он не успел вспомнить, управлял оборудованием.

После того, как он закончил разговор со штаб-квартирой, Чемберс, очевидно, оказал давление на французов, потому что Альварес получил копии всей соответствующей документации. Ему также передали копии записей службы безопасности из отеля, где пять человек, включая не менее женщину, были застрелены. Согласно полицейскому отчету, один из двух трупов, найденных в многоквартирном доме напротив, был еще одной женщиной, причем пожилой. Это была самая безумная вещь, над которой он работал за время работы в ЦРУ.

Альварес почти одиннадцать лет был оперативным офицером Национальной секретной службы, ранее известной как Оперативное управление. До этого он служил в морской пехоте после окончания колледжа, но жизнь морпеха была не для него. Это было похоже на топчется на месте, всегда ожидая, что что-то произойдет, но этого никогда не происходило. Он присоединился как панк-ребенок, жаждущий увидеть, из чего он сделан, и постоянные тренировки и случайные гуманитарные миссии не показали ему того, что он хотел узнать. Тогда было другое время, теперь он, вероятно, получит больше действий, чем сможет переварить. Он присоединился к силам по неправильным причинам, но он подписал контракт с ЦРУ по всем правильным причинам. С тех пор Альварес не оглядывался назад.

На экране двое мужчин вошли в лифт.

«Кто эти ребята?»

В то время как Альварес стоял с прямой спиной, скрестив большие руки перед большой грудью, Кеннард сгорбился, закатав рукава, упираясь локтями в стол, и смотрел в монитор. Кеннард был на десять лет или больше моложе Альвареса и технически был его номером два, но Кеннард любил вести себя так, как будто они были партнерами. Альварес, всегда дипломатичный, не обращал внимания на то, чтобы сохранить дружеские рабочие отношения.

Кеннард был на дюйм или два выше него, использовал слишком много хлама для волос и, казалось, ехал на кормушке агентства только для того, чтобы получить медицинскую помощь. Вероятно, он смотрел на это как на ступеньку карьеры. Вступить в ЦРУ после колледжа, получить несколько лет за поясом; получить опыт и обучение; а затем перейти к более крупным, лучшим и более высокооплачиваемым вещам в частном секторе. У Альвареса не было времени на такое отношение. Он был в ЦРУ, чтобы выполнить свой долг патриота.

Обычно Кеннард был болтлив и не затыкался, если от этого не зависела его жизнь, но весь день он не вел себя как обычно дерзко. Возможно, серьезность работы, наконец, заставила парня проснуться. Люди были мертвы. Это была не какая-то игра.

Альварес пролистал фотокопию предварительного отчета. У него были некоторые дополнения, которых не было в его оригинальной копии. Дополнительную информацию он получил от источника в парижской полиции. Это обошлось американскому налогоплательщику в приличную сумму, но толстая пачка евро сделала то, чего не сделала предполагаемое соглашение о сотрудничестве.

Он нашел раздел отчета, в котором перечислялись все трупы. Кроме пожилой женщины, убитой у входной двери, ни на одном из трупов не было опознания. У большинства были рации с наушниками, оружие и боеприпасы. Французы еще ничего не идентифицировали, но Альварес ввел свою копию отпечатков пальцев в систему и ждал результатов. Что-то очень большое с участием очень плохих людей произошло в отеле.

Просмотр записей был ошеломляющим процессом, но мотивация Альвареса не могла быть выше. Андрис Озолс должен был встретиться с Альваресом, когда тот был убит, а информация, которую он нес, украдена. Восстановление этой информации было приоритетом Альвареса, но не менее важным для Альвареса было поймать ублюдка, убившего латыша, и, по крайней мере, пригвоздить его к ближайшей доступной стене.

К сожалению, в отеле использовались только две камеры видеонаблюдения, одна в холле и одна у заднего входа. Камеры на каждом этаже сделали бы жизнь Альвареса намного проще. Осталось отснять всего две партии, и Альварес должен был полагаться на то, что сообщал ему полицейский отчет, чтобы собрать воедино то, что произошло. Однако этот отчет был досадно краток и полон дыр. Пройдет некоторое время, прежде чем эти пробелы будут заполнены.

— Вот он идет, — сказал Кеннард. «Иду к стойке регистрации».

Альварес просмотрел отчет. «Мистер Бишоп, комната 407».

На экране Альварес наблюдал, как загадочный человек двигается от стойки регистрации к лифту, где он, по-видимому, ждал его прибытия, прежде чем внезапно встать в стороне. Очевидно, прячась от двух мужчин, которые вышли.

И он, и Кеннард смотрели соответствующие части не менее двадцати раз, и Альвареса до сих пор поражало то, что он видел. Когда один из парней, которые скоро должны были умереть, стоял в вестибюле, убийца прошел прямо мимо него, подойдя так близко, что казалось, будто они соприкасаются, прежде чем незаметно проскользнуть в лифт.

— Гладко, — прошептал Кеннард.

Альварес поймал себя на том, что кивает. «Перемотайте вперед на мгновение».

Техник работал с элементами управления, и свистящий звук в течение нескольких секунд сопровождал прерывистое изображение.

— Достаточно, — сказал Альварес.

На экране теперь были двое мужчин, явно встревоженных, отчаянно тыкающих в кнопки лифта, прежде чем броситься на лестничную клетку и исчезнуть.

Кеннард покачал головой. — А через несколько минут они оба трупы.

«Они пришли в отель за ним, а не наоборот», — сказал Альварес. «Хорошо, давайте пропустим, пока не придут другие ребята».

Альварес ослабил галстук, наверное, в десятый раз, а Кеннард устался на экран. Техник молча работал над ускоренной перемоткой вперед. В комнате было душно. Окон не было, а кондиционер был на пути к машинному аду. Снаружи было ужасно холодно, но Альварес, Кеннард и технарь уже несколько долгих часов находились в коробке десять на десять, набитой электрическим оборудованием. Воздух был практически ядовит.

— Ну вот, — сказал Кеннард.

Человек, который должен был быть убийцей Озолса, вышел из лифта и сел в кресло. В бешенстве он все время прятал свое лицо от камеры, не открыто, а легким наклоном или наклоном головы, гарантируя, что камера не уловит его черты. Это было слишком много, чтобы быть просто удачей.

Он не мог знать, где находится камера, до прибытия в отель, но он заселился за несколько дней до этого, а отель хранил записи только в течение сорока восьми часов. После этого их использовали повторно. Альварес не видел в этом смысла. С тем же успехом в отеле вообще не было камер. Он сказал об этом менеджеру.

Убийца вновь появился на записи всего на несколько секунд, двигаясь по вестибюлю к лестничной клетке. Затем он снова исчез, и это был последний раз, когда он появлялся на кадрах. Одно тело было найдено на кухне, так что для Альвареса было разумным предположить, что убийца ушел туда, а не к торговцу, где находилась вторая камера. Затем в здании напротив было убито еще несколько человек, а еще один — на самой улице.

Альварес стоял, не двигаясь, пока проигрывалась остальная часть записи, надеясь на что-то еще, что могло бы помочь. Он устал как собака. Его глаза защипало. Он был уверен, что Кеннард чувствует

то же самое. Он предположил, что технарь привык целыми днями пялиться в экраны, и у него не было с этим проблем. Вероятно, он находил подобное дерьмо захватывающим. Ненормальный.

Еще через полчаса Альварес наконец вытащил стул и сел.

— Больше мы от этого ничего не получим.

Кеннард кивнул. 'Согласованный.' Он хрустнул костяшками пальцев. — Думаешь, в этом городе готовят китайскую еду? Не знаю, как вам, ребята, а мне не помешала бы хрустящая утка. Меня тошнит от этого лягушачьего дерьма.

Техник нашел свой голос. — В паре кварталов к западу есть хорошее местечко с чертовски красивыми азиатскими задницами, официантами. Я покажу тебе.'

'Хорошо.' Кеннард хлопнул себя по животу. «Я голоден».

Альварес был не в настроении есть. Он говорил наполовину про себя. «Один парень убивает Озола, а через два часа возвращается в свой отель, где семеро стрелков пытаются убить его, но вместо этого он убивает их всех».

— Ага, — сказал Кеннард, глядя на дверь.

«У нас есть описание от администратора высокого или среднего роста европеоида с каштановыми или черными волосами. Но можно было покрасить. Не могу вспомнить цвет глаз. Может очки. Некоторым от двадцати пяти до сорока лет. У него есть борода, но она уже сбрита, если не приклеена, так что то, что у нас осталось, касается почти всех остальных белых парней».

— Примерно столько же, — согласился Кеннард. 'Это фигня. У нас ничего нет. Он поднял свою куртку.

Альварес не мог спорить. Он провел ладонью по своей щетине, думая о том, что делать дальше. Он был опустошен, но не хотел спать. Предстояло еще слишком много сделать. У него зазвонил мобильный телефон, и он быстро ответил. Повесив трубку, он улыбнулся Кеннарду.

'Ты говорил?'

ГЛАВА 14

Мюнхен, Германия

вторник

01:12 по центральноевропейскому времени

Шел дождь, когда Виктор вышел из поезда с четырнадцатью другими пассажирами. Станция в это время ночи была в основном пуста, и количество открытого пространства вокруг Виктора вызывало у него некоторые опасения. Он сделал все возможное, чтобы уйти быстро, но не выглядел так, будто пытался это сделать. Возле вокзала такси не ждали, поэтому он пошел пешком. Просидев в поезде несколько часов, он был рад возможности размять ноги.

Он нашел ресторан быстрого питания, который все еще был открыт, и сел у окна, чтобы поесть. Некачественный даже для нездоровой пищи, но ему нужны были калории, и не было более быстрого способа заправиться. По крайней мере, молочный коктейль был не так уж и плох. Ваниль.

Он поймал такси, назвал водителю улицу Святослава, делая вид, что не говорит по-немецки, чтобы не говорить глупостей в дороге. Здание представляло собой четырехэтажный многоквартирный дом на востоке Мюнхена. Район был богатый, застройка девятиэтажных с дорогими квартирами с видом на реку и просторными домами.

Главная дверь здания была заперта наглухо, а камера слежения и свет делали ее слишком рискованной, поэтому он провел ночь, дегустируя ночные бары Мюнхена, позволяя себе не более одной рюмки в час. Он использовал свое время, разглядывая представителей противоположного пола, как и другие одинокие мужчины. Он оставался максимум два часа в баре, чтобы люди не запоминали его слишком легко. В шесть он позавтракал в маленьком кафе, прежде чем

отправиться обратно в здание с черным кофе на вынос в руке и паром в холодном воздухе.

Он стоял на противоположной стороне дороги к зданию, защищенный от морозящего дождя автобусной остановкой. Приют также дал ему повод ждать на улице, если кто-нибудь его заметит. Согласно гостиничным записям, Святослав жил в квартире 318, но всегда оставался шанс, что на самом деле он не Михаил Святослав. Виктор был уверен, что это не так. Паспорт Святослава был слишком хорошо использован, чтобы быть случайным удостоверением личности, и поэтому был либо подлинным, либо его единственным прикрытием. В нем было множество марок для поездок в страны за пределами Европейского Союза, в основном старые советские государства — Эстония, Украина, Латвия, Литва и другие. Он либо часто путешествовал по работе, либо был заядлым туристом с лишенным воображения вкусом в местах назначения. В любом случае, адрес, которому соответствовала личность, стоил бы расследования.

Виктор сделал глоток кофе. Это была типичная немецкая еда. Ужасный. Они производили огнестрельное оружие мирового класса, но, похоже, не могли сварить чашку хорошего кофе, если бы от этого зависело выживание их нации. Предполагая, что у них закончилось оружие.

Виктор видел, как четыре человека вышли из здания, но никто не вошел. Все они были в костюмах, длинных пальто, с портфелями. Городские дроны едут обслуживать улей. Между глотками кофе он наблюдал за людьми, идущими в направлении здания, пытаясь определить, кто собирается войти.

Утро было холодное, сырое, небо над головой было невидимо за грифельно-серыми тучами. Летом Германия могла быть прекрасна, но Виктор находил ее зимой более угнетающей, чем любая другая европейская страна. Адом викингов было холодное царство под

названием Нифльхейм, и Виктор предположил, что северяне в ноябре боялись чего-то похожего на Германию.

Он сделал еще глоток кофе и увидел человека в шерстяном пальто, спешащего на улицу с металлическим портфелем в руке. У него было длинное бледное лицо, темные волосы. Виктор узнал его, десять минут назад видел, как мужчина выходил из здания. Лучше, чем идеально.

Виктор дождался подходящего времени, бросил кофейную чашку в мусорное ведро и направился через улицу. Он контролировал свой темп, чтобы добраться до ступеней одновременно с мужчиной. Он взглянул в сторону Виктора, но тот отвел взгляд, его руки шарили в карманах в поисках ключей, которых там не было.

Виктор позволил мужчине добраться до двери первым, который открыл ее своим ключом.

— Данке, — сказал Виктор, открывая дверь до того, как мужчина успел спросить, живет Виктор в этом здании или нет.

«Главная проблема».

Коридор был ярко освещен, чист и просторен. Виктор поднялся по лестнице, заметив по безупречным перилам и безупречным ступеням, что лифт почти никогда не выходил из строя. Житель поспешил в свою квартиру на первом этаже, скрылся внутри. Виктор надеялся, что вернется к работе вовремя.

Достигнув третьего этажа, Виктор открыл дверь на лестничную клетку и вышел в коридор. На 318 было три замка. Определенно место убийцы.

На взлом замков ушло две минуты, и он вошел внутрь. Похоже, Святослав только что въехал, давно там не жил. Там была только самая необходимая мебель, пара фотографий, никаких реальных личных вещей, чтобы выразить его личность. Это напомнило Виктору о его собственной резиденции. Это не было обнадеживающим сравнением.

Там было две спальни, одна из которых была оборудована под тренажерный зал с набором свободных весов и велотренажером. В спортзале был большой телевизор, расположенный так, чтобы его можно было смотреть во время использования велотренажера.

Главная спальня была такой же пустой, как и остальная часть квартиры, только с аккуратно заправленной кроватью; комод; гардероб; и еще один телевизор, чтобы убийца мог смотреть его в постели. У одной стены была стопка фильмов, у другой — консольные игры. Ингредиенты грустной и одинокой жизни. Кухня была современной, чистой, почти прямо из брошюры. На прилавке стоял старый телевизор.

Виктор обыскал каждую комнату, каждый ящик, каждый шкаф. Он ничего не нашел. Никаких свидетельств того, кем был Святослав. Ничего, что даже намекало бы на то, что он убивал людей за деньги.

Виктор принес себе на кухне стакан воды. Он чувствовал себя усталым, опустошенным. Он включил телевизор, желая немного отвлечься. Ничего не произошло, когда он нажал кнопку включения. Он заметил, что телевизор был старым коробчатым телевизором, неуместным среди других современных товаров. Он снова нажал кнопку включения. Еще ничего. Индикатор режима ожидания загорелся красным.

Три телевизора на человека в маленькой квартире были чрезмерными, а стареющий телевизор на кухне, когда все остальное было новым, просто неуместно. Виктор провел пальцами по корпусу телевизора, отыскивая винты в пластиковых углублениях. Головки винтов были острыми на кончиках его пальцев. Недавно использовал.

Виктор обыскал ящики, пока не нашел отвертку. Он отключил портативный телевизор и повернул его, чтобы увидеть винты. Они были отмечены и прорезаны. Ему потребовалась минута, чтобы открутить их все и снять заднюю панель с телевизора. Внутри он нашел, почему он не включался. Если не считать резервного света, он был пустым. Скрыть. Внутри находился 9-мм пистолет Браунинг, А. 22 Luger, отдельный глушитель для Luger, пара запасных магазинов для каждого, набор ножей и две коробки патронов для пистолетов. Просто тайник с оружием. Ничего больше.

Он надеялся найти гораздо больше, какую-нибудь маленькую подсказку, которая поможет ему узнать, кто нанял команду убийц. Он зря потратил время, вероятно, скомпрометировал себя в процессе и не стал ближе к своим врагам. Виктор сопротивлялся тому, чтобы швырнуть телевизор с насеста, и вздохнул, чтобы прийти в себя. Он снова прикрепил футляр к фальшивому набору и положил его обратно точно так же, как он его нашел. Затем он вымыл стакан, высушил его и вернул на полку, где он стоял. Он провел еще одну проверку квартиры, чтобы убедиться, что ничего не пропустил и не пропустил.

Снаружи он направился обратно в центр города. Он ничего не мог сделать в Мюнхене с той скудной информацией, которой располагал. Но у него была флешка. Тот, кто хотел этого, все еще был там, невидимый для его глаз. Как долго он сможет оставаться незамеченным для них? Ему нужно было сформулировать новый курс действий. Но пока он должен был залечь на дно, собраться с мыслями, обдумывая свой следующий шаг, отдохнуть там, где, как он знал, это было в полной безопасности. Было только одно такое место, где он мог

это сделать. Рядом с деревней Сен-Морис, к северу от Женевы, Швейцария.

Самое близкое, что у него было к дому.

Перед отъездом ему нужно было посетить еще одно место. Это было снова то время года, хотя он из-за обстоятельств откладывал это, но он не мог больше этого делать. Он изменил направление.

Это было ветхое здание, призрак старины в современном районе, где он его и нашел. Кирпичи были выцветшими, грязными, темными под дождем. Оранжевые полосы ржавчины покрывали стены под окнами, защищенными железными решетками. Дверь была не заперта, и он толкнул ее. Внутри было сумрачно, высокий потолок терялся в тени наверху.

Ботинки Виктора цокали по кафельному полу, единственным звуком было его дыхание. Он чувствовал, как его пульс неуклонно учащается с каждым шагом, который с пугающей скоростью приближал его конечную цель. Потребовалось много силы воли, как всегда, чтобы не развернуться и не пойти прямо назад.

Он отдернул занавеску и вошел в коробку, которую сравнил с перевернутым гробом. Он задернул за собой занавеску и упал на колени, склонив голову и сложив ладони.

Тихим голосом Виктор обратился к безликому силуэту по ту сторону сетчатой панели.

'Прости меня отец, ибо я согрешил.'

ГЛАВА 15

Центральное разведывательное управление, Вирджиния, США

вторник

06:07 по восточному поясному времени

Проктер отметил, что все мандарины отсутствовали в такой ранний час, так что с ним за столом были только Чемберс, Фергюсон и Сайкс. Чемберс выглядел так же презентабельно, как и всегда, но и Фергюсон, и Сайкс выглядели немного грубовато, особенно Фергюсон. Он был слишком стар, чтобы все еще стартовать в шесть утра, и до выхода на пенсию оставалось всего около года.

Голос Альвареса раздался из громкой связи. — Я провел всю ночь, поддерживая связь с французской полицией и ее разведывательными службами, которые, к счастью, дали нам поблажку. У меня есть копия их осмотра места преступления и лабораторных работ, но, к сожалению, это нам мало помогает. Как я и ожидал, в сцене убийства Озолса нет ничего полезного. По версии копов, убийца поджидал Озолса в переулке и выстрелил в него с близкого расстояния. Он взял с собой пустые гильзы, хотя это не имело значения, как вы сейчас поймете.

«Теперь в отеле у нас есть второй шанс получить что-то от этого парня, но лучше от этого не становится. Нет неопознанных волосков или прослеживаемых волокон. Единственные отпечатки пальцев, найденные в комнате убийцы, принадлежат горничной, которая ее

убирала. На этот раз он не взял с собой пустые гильзы, но и отпечатков пальцев на них тоже нет».

— Он все время носил перчатки? — спросил Проктер.

— Отрицательно, — ответил Альварес. «Кадры видеонаблюдения показывают, что убийца их не носил. Если бы он вытер все, к чему прикасался, не осталось бы отпечатков пальцев служанки в тех местах, где вы ожидаете их найти. Лаборанты нашли следы силикона. До сих пор я не мог...

— Мытье рук силиконовым раствором предотвращает появление отпечатков пальцев, — перебил Фергюсон.

Проктер посмотрел в сторону Фергюсона.

«Он создает на коже водонепроницаемый барьер», — продолжил Сайкс своему боссу. «Масло с ваших пальцев не может проникнуть сквозь него, поэтому вы не оставляете отпечатков ни на чем, к чему прикасаетесь. Вы не можете сказать, носит ли его кто-то, так как это совершенно ясно. Он был разработан для предотвращения промышленного дерматита у фабричных рабочих».

Проктер кивнул. Каждый день чему-то учишься, подумал он.

— Хорошо, — продолжил Альварес. — Это решает эту маленькую загадку, так что спасибо. У нас нет кадра его лица с лент наблюдения, так как он все время держал его под углом к камерам. Но он белый, высокий, в костюме, у него темные волосы и голубые глаза, в очках. Была и борода. Хотя, если он снимет очки и побреется, его никто не выделит из толпы. Баллистика - это тупик, как и все остальное. Боеприпасы были произведены в Бельгии, но, хотя это и не

то, что вы видите каждый день, они слишком распространены, чтобы их можно было проследить дальше.

«Он был зарегистрирован в отеле под именем Ричарда Бишоп, гражданина Великобритании. Никто с таким именем не покидал страну со вчерашнего дня, и, насколько я слышал, ни один британский гражданин по имени Ричард Бишоп даже не въехал во Францию за последний месяц. Я уверен, это будет фальшивка, но стоило бы просто перепроверить у британцев.

«Я позову кого-нибудь, — сказала Чемберс и нацарапала себе записку. «Я лично связался с главами резидентуры в Лондоне, Москве, Берлине, Эр-Рияде, Дели, Исламабаде и Сеуле. Пока ничего подозрительного об Озолсе не слышно. Я ожидаю обратных вызовов в течение дня, но я не надеюсь. Кто бы ни организовал это убийство, он хорошо постарался, чтобы скрыться».

Проктер еще не решился насчет Чемберса. Он считал ее временной заменой, кем-то, кто будет держать стул в тепле, пока не будет найден долгосрочный кандидат. То, как она выступила на этом, так или иначе ответит на его сомнения. С одной стороны, ее мозг практически выпирал из черепа, но с другой стороны, Проктер просто не был уверен, что у нее хватит смелости для этой роли. Буквально больше, чем фигурально.

Он наклонился вперед. — И у нас нет перехватов, касающихся Озоля, Пэрис или ракет. В последнее время в этом районе не было замечено ни одного известного убийцы, и у нас нет надежды опознать его, основываясь на тех немногих деталях, которые у нас есть. Я звонил своим коллегам в союзных странах, чтобы узнать, знает ли кто-нибудь МО, но это слишком неконкретно, чтобы давать какие-то зацепки».

Настала очередь Сайкса говорить. «Мы проверяли русский угол, и независимо от того, с кем мы говорим, это одно и то же. Москва считает, что все на борту затонувшего фрегата не подлежит восстановлению. Очевидно, что мы не можем задавать слишком много вопросов, если не сообщим им о том, что мы делаем».

Альварес продолжил: «Интерпол также мало что может сделать с тем, что у нас есть, но мы могли бы сделать перерыв в этом инциденте в отеле. То, что показала нам запись с камер видеонаблюдения, с учетом того, как я собрал это воедино, выглядит следующим образом. Убийца убивает Озолса и возвращается в свой отель примерно через два часа. Добравшись туда, он замечает двух мужчин и либо узнает их, либо что-то вызывает у него подозрения. Он пытается избегать их, но в конечном итоге его видят.

«Через несколько минут он убивает их в коридоре возле своей комнаты, стреляя в дверь напротив. Через пару минут входят еще двое мужчин. Он ждет их, следует за одним и в конечном итоге убивает их обоих. Выведенный из строя или замученный взрывающимся аэрозолем, если вы можете в это поверить. Кстати, все эти люди вооружены и не имеют при себе удостоверения личности. Далее он убивает женщину на кухне отеля, парня в многоквартирном доме напротив и из того же дома стреляет из винтовки еще в одного снаружи. По пути убивают пожилую женщину, но пули, выстрелившие в нее, соответствуют пистолету шестого убитого парня, так что она, вероятно, попала под перекрестный огонь.

— Информация о семи других убитых нашим парнем поступает постоянно. Они похожи на наемных стрелков. То, как они вели себя, говорит мне, что они были в Париже, чтобы задержать убийцу Озолса. Очевидно, вместо этого он убрал их.

Брови Фергюсона нахмурились. — Значит, вы говорите нам, что один убийца убивает Озолса, а через пару часов семеро других убийц

пытаются убить его, но он их всех застреливает?

— Именно так оно и выглядит.

Фергюсон поднял ладони. «Кто-нибудь, пожалуйста, объясните мне, какой в этом смысл?»

Чемберс сняла очки. — Есть какие-нибудь указания, кто послал группу?

— На данном этапе нет, — с сожалением ответил Альварес. — Но я не думаю, что пройдет много времени, прежде чем мы опознаем их всех. Это дает нам семь шансов узнать, кто их послал. И тот, кто послал их, очевидно, чертовски много знает об убийце Озолса. Так что, если мы выясним, кто нанял этих парней, у нас будет хороший шанс найти убийцу, и, может быть, мы еще сможем получить эти ракеты.

Чемберс и Фергюсон кивали, но Проктер заметил, что Сайкс не выглядел таким расслабленным. Проктер понял почему. Парень был не в курсе, ему нечего было сказать, нечего предложить, и ему это не нравилось. Он был еще сравнительно молод, и Фергюсон, очевидно, высоко ценил его, так что его не должно волновать отсутствие его вклада. Не было смысла говорить просто так. По крайней мере, Фергюсон должен был научить своего ученика этому. Если бы Сайкс был действительно умен, то на данном этапе своей карьеры он должен был бы довольствоваться тем, что просто смотрел и учился у плеймейкеров.

«Последнее и, возможно, самое важное, что я выяснил, — объявил Альварес, — это то, что убийца не покинул Париж сразу после нападения. Кажется, он околачивался, чтобы выяснить, кто из парней пытался его избить.

Фергюсон говорил. 'Откуда ты это знаешь?'

'Потому что один из боевиков, найденный изрешеченным. Пули 45-го калибра в здании напротив отеля убийцы, выписавшегося из его собственного отеля примерно через час после того, как он был убит».

В комнате на мгновение воцарилась тишина. Проктер услышал скрип кожи.

— Умный трюк для мертвеца, — сказал Сайкс с ухмылкой, обнажающей блестящие зубы. Все проигнорировали его, и Проктер незаметно покачал головой.

«Клерк в отеле описал мужчину как довольно высокого, худощавого, с темными волосами, в очках и с бородой», — объяснил Альварес. «Настоящий мужчина, Святослав, не подходит под это описание. Он ниже ростом, коренастее. Нам повезло с распознаванием лиц, и мы опознали его по камерам видеонаблюдения в аэропорту.

Проктер наклонился вперед. — Дай угадаю, убийца забрал вещи Святослава?

— Да, — согласился Альварес. «Он выдал себя за него и вышел. Служащий передал ему паспорт Святослава, билеты на самолет и так далее, которые хранились в сейфе отеля. Они не появились в сети, значит, он не воспользовался паспортом, чтобы покинуть страну».

Чемберс спросил: — Как вы думаете, что убийце понадобилось от вещей Святослава?

«Я думаю, что он, должно быть, пытается что-то узнать о нем, — сказал Альварес. — Вот почему он пошел в отель. Он не бежал из страны; он отправился туда, где остановился один из тех, кто пытался его убить».

— А если он пытается установить личность нападавших и на кого они работали, каков его следующий логический шаг? — спросил Проктер.

— Проверить адрес Святослава, — ответил Альварес.

— Пожалуйста, скажите мне, что мы знаем, где это, — сказал Чемберс.

'Мюнхен.'

Чемберс положил обе руки на стол. 'Хорошо, это то, что мы собираемся сделать. Мы немедленно свяжемся с немецкой разведкой и попросим их поставить этот адрес под наблюдение. Сообщите им, с каким человеком они имеют дело. Я не хочу, чтобы его пытались задержать, просто держи его в поле зрения. Я не допущу, чтобы из-за этого кого-то еще убили. Альварес, как только вы закончите инструктаж, я хочу, чтобы вы прилетели следующим рейсом в Германию, чтобы посмотреть, что вы можете узнать. Позвони мне из Мюнхена. Если он все еще там, у вас будет столько поддержки, сколько вам нужно.

Когда Альварес не говорил по телефону, говорил Фергюсон. Его густые серебристые волосы, обычно аккуратно зачесанные назад, сегодня выглядели немного непослушными. — Шансы на то, что этот убийца все еще владеет информацией, в лучшем случае невелики. Если его работа заключалась в том, чтобы перехватить Озола и забрать

двигатель, то он будет доставлять его своему работодателю — он не будет гоняться за зацепками в Германии. В этом нет никакого смысла.

Чемберс вздохнул. — Может быть, это его работодатель пытался его убить. Экономит, платя ему. Или, может быть, он уже сделал это. Но пока у нас нет больше сведений о том, кто его послал, это наш лучший подход. Мы здесь на время; как только эта информация будет доставлена, эти ракеты исчезнут в течение нескольких дней, и в следующий раз мы услышим о них, когда кто-то применит технологию против нас. Если есть небольшой шанс, что человек, убивший Озолса, мог уехать в Германию, то и мы тоже должны. Фергюсон не выглядел убежденным. — Если у вас нет других идей, которыми вы хотели бы поделиться с нами. Вызов в ее голосе был очевиден.

Выражение лица Фергюсона выражало тихое презрение. Он пожал узкими плечами. Проктер посмотрел на Чемберса. Очевидно, она не беспокоилась о том, чтобы поддержать старика, какой бы ни была его история.

Может быть, между ее ног все-таки болталась пара.

ГЛАВА 16

Женева, Швейцария

вторник

18:32 по центральноевропейскому времени

Виктор прошел через Невскую площадь и прошел мимо Большого театра. Город был полон людьми, туристами, которые развлекались, и местными жителями, довольными окончанием рабочего дня. Виктор бросил мимолетный взгляд на Большой театр, жалея, что у него не было возможности посмотреть спектакль, возможно, Пуччини или Моцарта. Вместо этого он ходил взад и вперед среди толпы, чтобы отбросить любые тени.

Солнце село, и никто не заметил его, когда он проходил по улицам города. Это было после наступления темноты, где он действительно принадлежал. Днем он мог прятаться в толпе, а ночью мог быть незаметен. Перед ним шла пара, переплетя руки, слегка спотыкаясь и смеясь. Они были так увлечены друг другом, что не заметили бы его, позволил бы он им или нет.

Из Мюнхена он отправился в Берлин, а затем в Прагу, прежде чем отправиться в Швейцарию. Это было долгое и утомительное путешествие, но Виктор никогда не путешествовал по прямой. Он свернул в переулок, выбрав обходной путь к вокзалу. Она была ярко освещена и заполнена пассажирами в костюмах. Как и большинство мужчин Женевы, Виктор был одет в толстое пальто, перчатки и шляпу. Он был рад холоду, который заставлял всех нагромождать слои, смешивая толпу в массу консервативных цветов. Даже целая команда опытных теней не смогла бы последовать за ним в таком месте.

Он не спал почти сорок восемь часов и прекрасно осознавал этот факт. Лишение сна замедляло разум так же сильно, как и тело, и теперь Виктору как никогда нужно было быть на сто процентов. Но в бегах он не мог отдохнуть, пока не убедился, что в безопасности. Каждый час, проведенный во сне, давал его врагам шанс приблизиться к нему.

Он съел плохой бутерброд и крепкий кофе в маленьком кафе, пока ждал свой поезд. Когда он прибыл, он выждал последний возможный момент, прежде чем взобраться на борт и сел с окном справа от него, в задней части вагона. Из Женевы Виктор ехал на север, поезд петлял по горам.

Он жил в Швейцарии несколько лет, находя ее климат, людей и образ жизни по своему вкусу. Жизнь на высоте значительно увеличила его выносливость, плюс секретность банковской системы страны и спокойное отношение к огнестрельному оружию особенно хорошо подходили его призванию.

Поезд вез Виктора через Вале, третий по величине регион или кантон Швейцарии. В этом регионе находилась долина Роны, которая питала знаменитое Женевское озеро. Было поздно, когда Виктор сошел с поезда в деревне Сен-Морис. Снег падал тяжело, и он поднял воротник и сгорбился. Он купил соответствующую одежду для гор в бутике на вокзале и переоделся в поезде.

Сама деревня была изолированной, далекой от ближайшего города, состоящей в основном из богатых иностранцев, которые проводили лишь несколько недель в году в своих дорогих бревенчатых шале во время лыжного сезона. Это было место, где мало кто знал своих соседей и где никого не удивляли странные лица и машины. Виктор, который часто приходил и уходил, никогда не вызывал подозрений.

В одном из самых дорогих продуктовых магазинов мира он купил цельное молоко, яйца от кур свободного выгула, выбор свежих овощей, английский чеддер, соевый и льняной хлеб и копченого лосося. Он возмущался, что ему приходится платить грабительскую сумму денег женщине за прилавком, но он знал, что так ему и надо жить здесь.

Он прошел через остальную часть деревни с двумя сумками и портфелем в левой руке. Он использовал боковые улицы вместо главной дороги. Вокруг было мало людей, и когда он наконец убедился, что за ним не следят, он направился к деревьям, двигаясь полукругом туда, где его шале находилось в миле от основного скопления зданий. Он осторожно двигался по темному лесу, зная дорогу без необходимости как следует видеть.

Когда он увидел сквозь деревья шале, освещенное луной и звездным светом, ему захотелось броситься внутрь и рухнуть на собственную кровать. Ему не хотелось ничего больше, чем спать, как забыть о своей жизни на восемь часов подряд, но дисциплина заставила его остановиться и присесть на корточки, выискивая признаки незваных гостей. Было почти невозможно поверить, что кто-нибудь знает, где он живет, но после Парижа он не рисковал.

Он отложил покупки и провел час, объезжая здание, пока не убедился, что внутри или поблизости никого нет. Шале со всех сторон было защищено густыми соснами, а на главную дорогу вела единственная узкая тропинка, по которой могли проехать только полноприводные автомобили. Собственный «Лэнд Ровер» Виктора был припаркован в отдельно стоящем гараже. Было слишком темно, чтобы разглядеть свежие следы на тропинке или следы на снегу вокруг здания, но он не видел и не слышал ничего, что указывало бы на то, что поблизости кто-то есть.

Внутри богато украшенной деревянной и армированной сталью входной двери он вздохнул немного легче, но все же нашел время, чтобы тщательно осмотреть интерьер. Шале было пять лет, Виктор был единственным владельцем, и оно было построено в традиционном савойском стиле с шиферной крышей, деревянными балками, каменными стенами и дровяным камином. На его двух этажах было четыре спальни, гораздо больше, чем нужно Виктору, но шале здесь не были построены с расчетом на одного жильца.

У него не было обычной сигнализации. Если бы кто-то вломился, Виктор не хотел, чтобы власти были предупреждены и шныряли вокруг. Вместо этого у него были изготовленные на заказ датчики движения, подключенные к камерам безопасности с высоким разрешением, и чувствительные микрофоны, охватывающие каждый угол здания. Каждый предмет был тщательно замаскирован, а камеры и микрофоны были запрограммированы на запись только через две минуты после срабатывания. Таким образом, они должны оставаться незамеченными для тех, кто ищет электронные жучки, когда они впервые входят в комнату.

Все окна были оснащены поликарбонатными и ламинированными стеклами толщиной три дюйма, которые могли остановить даже высокоскоростные винтовочные пули. Чтобы пройти через усиленные передние и задние двери и рамы, потребуется больше, чем ручной таран. Несколько окон открылись, и ни одно полностью.

Виктор осмотрел каждую комнату в установленном порядке и установленным образом. Все было на своих местах, и не было ничего, что не служило бы какой-то цели. Не было ни фотографий, ни предметов личного значения. Ничего, что указывало бы на то, кем он был и откуда. Если бы кто-нибудь и попал в шале, то почти ничего о нем не узнал бы.

Он был рад обнаружить, что его система безопасности ничего не зафиксировала. Он открыл дверь в маленькую котельную и проверил блок управления на предмет взлома. Если он введет определенный код, он установит трехминутный таймер, который взорвет C-4, тщательно расставленный по первому этажу. Однажды ему, возможно, придется уйти в спешке и никогда не вернуться.

Удовлетворившись, он убрал продукты и, наконец, смог расслабиться. Он угостил себя долгим душем. За пределы своего шале он никогда не выносил их. Назад к двери, голый, безоружный, журчание воды, заглушающее все остальные звуки — даже самая искусная цель была незащитна в одном из них. Виктор убил в них достаточно людей, чтобы понять, что это смертельные ловушки. Хотя здесь было безопасно. Его тело болело. Он заметил, что тоже похудел на пару фунтов, но два дня в бегах, как правило, составляли эффективную программу диеты. Полноценная еда и отдых быстро приведут его в норму. У него не было серьезных травм, и, учитывая то, что произошло, он знал, что ему повезло остаться целым. Мысли о еде заставляли его желудок стонать.

Когда он больше не мог игнорировать голод, он вытерся, еще раз проверил дом, чтобы утолить свою паранойю, и приготовил себе большой омлет с сыром и лососем из купленных продуктов. Затем он выпил протеиновый коктейль с витаминами и минералами, а затем достал из морозилки полупустую бутылку финской водки. Он прошел в гостиную, сел перед своим пианино из розового дерева и сорвал с бутылки печать.

Виктор налил себе стакан водки и вытер рукавом пятно от рояля. Пианино было Vose and Sons Square Grand 1881 года, которое он нашел гниющим в венецианском салоне. Он купил его по хорошей цене и отправил в Швейцарию для ремонта, но не для восстановления. Виктор нашел определенную красоту в отсутствии совершенства. Пианино просуществовало в несколько раз дольше, чем его собственная жизнь, и с гордостью носило свои боевые шрамы. Он играл немного Шопена, пока не обнаружил, что его веки опустились.

Позже он вылил остатки водки в стакан и использовал пианино, чтобы помочь себе встать. Он медленно поднялся наверх и лег на свою двуспальную кровать, подложив под голову единственную подушку.

Он заснул со стаканом на груди.

ГЛАВА 17

Мюнхен, Германия

вторник

22:39 по центральноевропейскому времени

Альварес вздрогнул, выходя из здания, и кивнул немецкому полицейскому, курившему неподалёку сигарету. Альварес заметил, что ответный кивок офицера был несколько нерешительным. Очевидно, ему не нравилась задача расспросить обитателей здания, которое привлекло его присутствие Альвареса.

Немецкая разведка очень охотно сотрудничала и согласилась на запрос Альвареса только на основе расплывчатой информации, которую им предоставила компания. Новости о стрельбе в Париже достигли границы, и немцы стремились помочь.

Как и французским властям, он ничего не сказал им о пропавшей флешке. Его приоритетом было вернуть его, а не задержать убийцу Озолса, но не стоило рассказывать об этом сотрудникам разведывательной службы другой страны. Они хотели бы знать, какая информация содержится на карте памяти, и лучший способ ответить на этот вопрос — завладеть накопителем.

Он сел в арендованную машину и поехал обратно в отель. Это были долгие два дня, и на лице, которое смотрело на него в зеркало в ванной, отражалось напряжение. У него был еще один отчет о проделанной работе, который он должен был передать Лэнгли, но ему потребуется час сна, прежде чем он начнет его.

Его достижения были в лучшем случае ограниченными. Сосед впустил в здание мужчину, похожего на описание убийцы. Не было никаких доказательств того, что убийца Озолса был в квартире Святослава или что-то нашел или забрал, но это не удивило Альвареса. Собирались финансовые и телефонные записи Святослава, и Альваресу не нравилась мысль о том, чтобы копаться в них.

Сосед, г-н Эйхберг, дал другое описание и помог художнику-рисовальщику. Убийца сбрил бороду и подстриг волосы, но оставшиеся опознавательные знаки могли принадлежать кому угодно. «У него не хватило бы приличия иметь большой нос или раздвоенный подбородок», — с горечью подумал Альварес.

Чертеж был разослан полиции по всей Германии, но Альварес знал, что убийца не стал бы слоняться поблизости. Скорее всего, он уехал из страны задолго до прибытия Альвареса. Все записи с камер видеонаблюдения в аэропортах и на вокзалах проверялись властями как само собой разумеющееся.

Альварес достал из чемодана машинку для стрижки волос и еще раз провел по голове насадкой номер два. Он принял короткий горячий душ, а затем лег на кровать, чтобы уснуть, но не мог этого сделать. Несколько лет назад, когда он не мог уснуть, он бы схватил телефон и поговорил с Дженнифер, но в эти дни поговорить было не с кем. Альварес держал людей на расстоянии вытянутой руки, не прилагая особых усилий, и, даже когда он пытался согнуть руки в локтях, он просто обнаруживал, что его руки все еще длиннее, чем у большинства людей.

Некоторым женщинам, похоже, нравилось сближаться с ним, но как только они поняли, что этого не произойдет, они сдались. В основном раньше, но в случае с Дженнифер позже. Он думал о том, чтобы позвонить Кристоферу, но было трудно разговаривать с его сыном, когда он так мало его видел, а ребенок называл папой кого-то другого.

Звонок телефона разбудил Альвареса. Он спрыгнул с кровати и схватил ее с буфета. По часам он увидел, что проспал всего несколько минут.

'Привет?'

— Мистер Альварес, это Генс Луитгер из ВКА. Мы встречались сегодня утром.

ВКА — Bundeskriminalamt — немецкий эквивалент ФБР. Люитгер был высокопоставленным и уважаемым офицером в организации, и, судя по тому короткому времени, которое Альварес провел с ним, он казался чрезвычайно компетентным. Его английский был безупречен, лишь изредка с легким акцентом.

— Да, — сказал Альварес. 'Как дела?'

— Я в порядке, — ответил Люитгер. — И у меня есть для вас хорошие новости. У меня были люди, проверяющие одиноких мужчин в возрасте тридцати лет, которые покинули страну, и я считаю, что нам немного повезло. Вчера гражданин Великобритании по имени Алан Флинн сел на рейс в Прагу из Берлина. Это странно, потому что Алан Флинн в настоящее время находится в охраняемой психиатрической

больнице на севере Англии. Человек, использующий паспорт Алана Флинна, также соответствует описанию вашей цели.

Второй британский, который он использовал, подумал Альварес.
— Насколько ты уверен?

— Насколько это возможно.

Альварес заметил небольшую разницу в тоне Люитгера, как будто он был оскорблен или оскорблен вопросом Альвареса. Он понял почему. Люитгер не стал бы звонить, если бы не считал информацию достаточно надежной.

— У вас есть его лицо на камерах видеонаблюдения?

— Нет, к сожалению, нашему общему другу повезло, что его не засекли камеры видеонаблюдения. По крайней мере, его лицо не было.

Альварес улыбнулся про себя. — Нет, это не везение, это он. Спасибо, что так быстро позвонили мне.

— Ничего страшного. Я считаю важным, чтобы наши службы безопасности помогали друг другу всякий раз, когда мы можем, даже если наши лидеры не всегда соглашаются».

'Абсолютно.'

'Как вы хотите продолжить? Мои люди будут продолжать расследование, насколько это возможно, но я думаю, нам придется

признать, что подозреваемый уже находится за пределами Германии. Если так, то мои полномочия прекращаются на границе.

Разум Альвареса уже работал на пятой передаче, пытаясь перебрать все возможные варианты. Ему нужно было как можно скорее передать новую информацию Лэнгли. Если убийца уехал в Чехию, то дела обстояли не очень хорошо. Ему нужно будет поговорить с Кеннардом, чтобы сообщить ему новости и узнать, что было обнаружено в Париже, если вообще что-то было. Он понял, что Люитгер все еще разговаривает по телефону.

— Все в порядке, друг мой, — заверил Альварес, несмотря на то, что чувствовал себя подавленным. — Ты уже сделал более чем достаточно.

Они попрощались, и Альварес набрал номер быстрого набора. После нескольких гудков Кеннард ответил. Парень казался усталым.

«Джон, пойми: убийца нанес визит в квартиру Святослава», — сказал Альварес.

— Он что-нибудь нашел?

— Это вопрос на миллион долларов.

— А вы что-нибудь нашли?

Альварес прикрыл телефон экраном, пока чихал. «По данным ВКА, убийца вылетел в Чехию».

'Чешская республика?'

— Точнее, в Праге, но сейчас он может быть где угодно.

— Что, черт возьми, задумал этот парень?

— Это вопрос на миллиард долларов. У тебя есть ручка? Запишите это.

Альварес дал Кеннардю список инструкций и повесил трубку. Он снова чихнул, надеясь, что не простудился. Это было бы просто его удачей. Он поднял трубку и вызвал в номер большой чайник крепкого кофе. Предстояла долгая ночь.

ГЛАВА 18

Париж, Франция

вторник

23:16 по центральноевропейскому времени

Кеннард закрыл свой телефон и на мгновение задумался. Он был в отеле убийцы с полным отчетом о месте преступления, делал обход, пытаясь получить точную картину всего, что произошло, на случай, если они что-то упустили. Французская полиция по-прежнему была чертовски бесполезна, но, по крайней мере, они предоставили ему это.

Теперь, когда Альварес проинформировал его о ситуации в Германии, Кеннард отказался от того, чем занимался. Он быстро миновал отель и вышел на улицу Фобур-Сент-Оноре. Он был опечатан перед отелем от перекрестка до перекрестка накануне, почти сразу после убийства. Кеннард вспомнил, как наблюдал за измученными полицейскими по обеим сторонам кордона, которые изо всех сил старались отвлечь сердитое утреннее движение.

Сейчас как будто ничего и не было. Единственные барьеры, оставшиеся на месте, находились внутри самого отеля. Снаружи парижские автомобилисты слишком быстро неслись по дороге в своих жалких маленьких машинах, давя на клаксон при каждом удобном случае. Казалось, не имело значения, была ли реальная причина.

Кеннард ненавидел французов, ненавидел все в этой стране. Народ, язык, так называемая культура. Даже еда была ерундой. Конечно, если бы он заплатил месячную зарплату, то мог бы получить что-то полусъедобное, но жирные омлеты, жесткий хлеб, вонючий сыр и мясо с тухлым запахом не входило в его представление о вкусной еде. Он брал четверть фунта со старым добрым картофелем фри в любой день недели.

Он продолжал идти по тротуару, минуя место, где была припаркована его машина. Группа пьяных руководителей направлялась в его сторону, с треском проваливаясь по прямой линии. Несомненно, они праздновали какую-то сделку. Они выглядели типа.

Когда они подошли ближе, один из них что-то крикнул ему по-французски. Кеннард распознал агрессию. Может, француз заметил антипатию на лице Кеннарда, а может, просто хотел повеселиться.

Мужчина был чуть выше Кеннарда и на двадцать фунтов тяжелее, в основном из-за живота, но Кеннард под своим костюмом не был таким мягким парнем, каким казался. Ему хотелось продемонстрировать, что он нелегкая мишень, но вместо этого он отвел взгляд и ушел с пути группы. Он не мог позволить себе попасть в беду. Он слышал смех и насмешки позади себя, когда они уходили. Им повезло, что они это сделали.

Кеннард перешел улицу. Его лицо оставалось пустым, но он чувствовал давление крови в висках. Альварес поручил ему выполнить множество срочных задач, задач, которые не могли ждать, но Кеннард не возвращался в посольство. Сначала у него было что-то более неотложное.

Еще через минуту ходьбы он свернул в переулок. Он снова нашел телефон-автомат, и ему пришлось ждать трудных тридцать секунд, пока молодая женщина внутри не закончила свой звонок. Кеннард вошел в будку и достал сотовый телефон, чтобы проверить последний номер. Он нажимал кнопки быстро, но осторожно. Когда он заканчивал, он вытирал поверхности, к которым прикасался.

Задняя часть воротника Кеннарда была влажной. Он не должен был делать телефонные звонки, которые не были заранее оговорены, но после новостей о бедствии, подобных этой в понедельник, он не мог ждать. Телефон зазвонил не сразу, а если и зазвонил, то, казалось, прошла целая вечность, прежде чем кто-то ответил. Он закодировался.

Наступило долгое молчание, прежде чем кто-либо подключился. Когда голос на другом конце линии заговорил, он практически источал презрение.

«Это должно быть важно».

Кеннард глубоко вздохнул, прежде чем продолжить. — Это подтверждено. Он был на квартире Святослава в Мюнхене, но его давно нет. Мы почти уверены, что он улетел в Чехию. После этого мы еще не знаем.

Был долгая пауза. — Хорошо, — сказал голос. «Это то, что мы хотим, чтобы вы сделали...»

ГЛАВА 19

К северу от Сен-Мориса, Швейцария

среда

08:33 по центральноевропейскому времени

Дыхание Виктора было затруднено. Разреженный горный воздух вырывался из его легких клубами белого пара. Первые двести футов были трудными, но последние пятьдесят были убийственными. Он хмыкнул, вытащил ледяной молот из замерзшего водопада и вонзил его в лед над головой. Лед и снег посыпались на него дождем и упали к основанию водопада далеко внизу.

Он смотрел, как сверкающие осколки падали на мгновение, и сделал несколько больших глотков воздуха. Его лицо было красным от холода и напряжения. Пара очков альпиниста защищала его глаза от нефильтрованного солнца сверху. Лед водопада был ярко-голубым и

белым, но гораздо темнее, почти черным в глубине трещин и трещин. Искажённое отражение смотрело, как он поднимается.

Здесь легко было забыть о событиях последних дней. У него не было выбора, кроме как сосредоточиться исключительно на том, что он делал. Ничто не могло вторгнуться в его разум, кроме текущей задачи, потому что, если бы это произошло, эти мысли были бы его последними. Он отдохнул, насколько мог, но теперь ему нужно было проветрить голову. У него не было друзей, с которыми он мог бы поговорить, не с кем было поделиться своими проблемами, и это было лучше всего.

Один в горах он чувствовал себя так, как будто он был единственным человеком в мире. Только он и жестокая честность природы. Он был настолько далек от цивилизации, насколько мог надеяться, и все же здесь, наверху, мир казался гораздо более цивилизованным.

Он тянул руками и толкал ногами, вырывая из-под льда кошки своих ботинок, прежде чем вонзить их еще выше. Стресс восхождения сотряс его тело, но неотъемлемая опасность успокоила его разум. Он был уверен в своих силах, но ему нужно было сохранять стопроцентную концентрацию. Он не использовал ни шурупов, ни карабинов, ни веревок — так что если он не сосредоточится, то упадет. Если он падал, то умирал. Это было так просто.

Единственными звуками были ветер, стук металла по льду и его собственное тяжелое дыхание. Преобладало ощущение полной свободы. Он был расслаблен и умиротворен.

Еще через десять футов он остановился. Откинувшись назад, он взял одну руку с ледяного молотка и полез в карман, чтобы вытащить леденец, с радостью обнаружив, что это была зеленая леденец. Он

бросил его в рот. Они держали его рот влажным, поэтому он не чувствовал жажды, но более того, они были приятны на вкус. Виктор пососал конфету и склонил голову набок, чтобы насладиться видом. Все, что он мог видеть, были горы и деревья, покрытые снегом.

Он мог бы висеть там часами, но почувствовал, как вода ударила ему в лицо. Он посмотрел вверх, щурясь от яркого света. Капельки воды блестели на солнце. Лед таял. Неудивительно при безоблачном небе. Он поднялся, не торопясь, зная, что достигнет вершины задолго до того, как возникнет какая-либо опасность.

Лед наверху застонал.

Виктор перестал карабкаться и посмотрел вверх. В двадцати футах над его головой откололся нависший ледяной покров. Виктор прижался к водопаду, и мимо него посыпались куски льда и снега. Он взял обратно свое предыдущее суждение и ускорил шаг. Его мышцы, жаждущие большего количества кислорода, наполнились молочной кислотой, а легкие болели от всасывания холодного воздуха. Он карабкался быстро, загоня ледовые молоты и кошки, толкая и тяня, и так до тех пор, пока не достиг вершины и не рухнул распластавшись на снег.

Он вернулся в свое шале через несколько часов и приготовил себе обед, свой собственный рецепт брускетты с грибами для начала и два больших бутерброда с сосисками для основного блюда. Как раз то, что ему было нужно. Затем он выпил протеиновый коктейль и проглотил горсть пищевых добавок. После купания он сел голым на свою кровать и вытащил пистолет из кобуры, прикрепленной к нижней части. Он вынул магазин и выбил патроны, перезарядив их в том порядке, в котором они были выпущены. Он положил пистолет обратно.

Было позднее утро, солнце светило сквозь венецианские жалюзи на восточной стене. Он подошел к окну на западной стене, резко дернул за веревку, чтобы поднять жалюзи. Долина уходила вдаль, в центре виднелась деревня Сен-Морис с треугольными крышами, увенчанными белыми вершинами. Сосны покрывали склоны гор. Заснеженные пики тянулись к горизонту.

Было время, когда Виктор почти верил, что может отделить свою жизнь от того, чем он зарабатывает на жизнь. Такое время давно прошло. Теперь он понял, что был просто живым, что на самом деле он не жил. Нормальные люди не прятались в отдаленных горных деревнях, защищенных усиленными дверями и трехдюймовым бронированным стеклом. Трудно было вспомнить, когда было иначе.

Он жил один для собственной защиты. Здесь его никто не знал, и он не знал никого взамен. Ему тоже было легче жить вдали от городов, от людей. Было трудно пропустить то, что он не видел каждый день. Жизнь в одиночестве никогда не была для него трудной, но Виктору пришлось научиться справляться с полным одиночеством. Но, как и любой другой навык, необходимый ему для выживания, он в конце концов освоил его. Оставаться занятым было самым важным элементом. Когда он не работал, он часами каждый день поддерживал себя в отличной физической форме, еще несколько часов тренировался и оттачивал свои навыки. Между контрактами могут пройти недели, но он был призван на полную ставку. В остальное время он занимался скалолазанием, катался на лыжах, читал, играл на пианино и часто путешествовал, чтобы исследовать земной шар.

Были некоторые вещи, которые такие отвлекающие факторы не могли заменить. Представление Виктора об отношениях было девушкой по вызову, которую он достаточно любил, чтобы использовать более одного раза, и которая была достаточно хорошей актрисой, чтобы притворяться, что не находит его прикосновения отталкивающими.

Глядя на живописную долину, можно было почти представить, что то, что произошло в Париже, не было правдой. Здесь он был просто еще одним богатым бизнесменом, наслаждающимся уединением в горах. Может, он и не ушел бы. У него было достаточно денег, чтобы жить безбедно в течение многих лет, если он будет осторожен. Может быть, когда они закончатся, он сможет устроиться на постоянную работу, преподавать языки или даже заниматься скалолазанием. Однако, если он хотел преподавать, он знал, что ему придется работать над своими навыками работы с людьми. Может быть, со временем он действительно сможет начать жить как обычный человек. Предполагая, что он мог вспомнить, как это сделать.

Первым шагом будет разбить флешку на тысячу осколков, бросить их в овраг и забыть, что он когда-либо брал контракт с Озолем. Он сбежал от врагов, желавших его смерти, и никто не знал, что он здесь. Он мог оставаться в тени, больше не брать контрактов. Они никогда не найдут его здесь. Он кивнул.

Да, пора было выходить.

Он начал было отворачиваться от окна, когда его взгляд был прикован к точке высоко в лесистых холмах, лежащей к западу от шале. Он увидел отблеск, крошечное мерцание света. Отражение солнца на металле.

Или стекло.

Он слишком поздно понял, что это значит, увидев маленькую яркую вспышку, появившуюся на том же месте мгновение спустя. Он начал двигаться влево, когда перед ним взорвалась дыра в окне.

Пуля попала ему в середину груди, и все стихло. Он увидел паутину трещин в армированном стекле, увидел маленькую дырочку в центре паутины. Ни один звук не достигал его ушей, кроме глухого эха сердцебиения.

Зрение Виктора пошатнулось. Линии слились одна в другую.

Окно, казалось, резко отодвинулось от него, и потолок рухнул вниз. Он ничего не понял, но тут его затылок стукнулся о полированные половицы. Он попытался вдохнуть, задохнулся, с трудом набрал воздуха в легкие.

Он поднял руку, провел пальцами по обнаженной груди, почувствовал липкую кровь, боль, когда коснулся горячей пули в своей плоти. Он ожидал найти зияющую дыру, из которой свободно хлынула кровь, но конец пули торчал из его кожи. Он не проник в грудину.

Поликарбонат и ламинированные оконные стекла шале защитят даже высокоскоростные винтовочные пули... не совсем, подумал Виктор.

Стекло не остановило пулю, но значительно замедлило ее, так что, когда она попала в цель, ее кинетическая энергия почти иссякла. Не обращая внимания на ожог, Виктор вытащил пулю из кожи и отбросил ее в сторону. Это утомило его. Он попытался встать, но не мог вспомнить, как заставить свои конечности двигаться. Потолочные балки над ним сливались друг с другом.

Он понимал, что происходит, но ничего не мог сделать, чтобы остановить это. Удар пули вызвал рябь гидростатического удара по его телу, нарушив нормальный ритм сердцебиения. Его тело не понимало, что произошло, и поэтому делало единственное, что оно умело делать перед лицом сильного шока или травмы.

Он был временно отключен.

Стрелок увидел бы попадание пули и падение Виктора, но не смог бы увидеть, как он корчится на полу, выведенный из строя, но не умирающий. Но все, что ему нужно было заметить, это толщину разбитого окна, чтобы понять, что Виктор все еще жив. И он придет, чтобы закончить работу.

Веки Виктора закрылись.

ГЛАВА 20

14:18 по центральноевропейскому времени

Снайпер посмотрел через свой прицел Шмидта и Бендера 3-12X на толщину оконного стекла. Он состоял из чередующихся слоев стекла и пластика. Он сразу узнал его. Бронированный. Дерьмо.

МакКлюри молча ругал себя за то, что не заметил этого раньше. Ему следовало потратить больше времени на изучение защиты дома, но он утешал себя тем фактом, что с самого начала это было торопливо. Начав с телефонного звонка двадцать четыре часа назад, ему сказали ехать прямо в Женеву. На заднем сиденье машины ему дали название города, место, фотографию.

Воняло адской уборкой.

МакКлюри откинул сошки винтовки и встал, нарушая легкий покров снега, покрывавший его тело. Его оружием была британская винтовка Accuracy International L96 с продольно-скользящим затвором. По мнению МакКлюри, это одна из лучших универсальных винтовок в мире для такого рода работ. Точный и мощный, но не слишком большой или тяжелый. Он использовал их в прошлом достаточно, чтобы оправдать свое мнение.

На нем были белые штаны Gore-Tex, куртка с капюшоном и белая лыжная маска. Мебель винтовки была обмотана полосками белой изоленты. МакКлюри расстегнул и расстегнул куртку и сбросил ее. Это была маскировка и защита от холода, но мешавшая передвижению. Под ним была черная терморубашка. Он сразу почувствовал холод, но пока мог с этим жить. Он оставил белую лыжную маску на месте.

Его шкура находилась чуть менее чем в пятистах ярдах от шале цели. МакКлюри был установлен прямо под гребнем заснеженного обнажения, усеянного деревьями, чтобы скрыть его силуэт и сделать его практически невидимым.

Он отсиживался снаружи двенадцать часов подряд, все это время наблюдая за домом, ожидая идеального выстрела, ел и пил лежа, мочился в бутылку, испражнялся в пластиковый пакет. В одиночку он не мог наблюдать за обоими выходами одновременно и устроился так, чтобы хорошо видеть переднюю часть шале, ожидая, что цель в какой-то момент покинет этот путь. Цель была бы мертва через секунду после выхода из парадной двери. Нет такой удачи.

Вскоре после рассвета цель ушла через черный ход, и МакКлюри сменил позицию, чтобы выстрелить в нее, когда он вернется. Через несколько часов он заметил, что цель вернулась в шале, и понял, что

вошел через переднюю часть. В одну сторону, в другую. Черт, он был скользким клиентом.

Так что больше не было никакой ерунды, ожидающей, пока он уйдет. МакКлюри выстрелил в голого ублюдка, когда тот стоял и смотрел в окно — только толстая деревянная перекладина окна не позволила МакКлюри выстрелить в голову и вместо этого заставила его пойти в сердце, только чтобы бронированное стекло не позволило ему убить. Этого было достаточно, чтобы свести парня с ума.

МакКлюри перекинул винтовку через одно плечо, зацепил за другое сумку, пристегнул к поясу небольшую сумку и схватил свой помповый дробовик Mossberg 12-го калибра за пистолет.

рукоятка. Ему придется подойти близко и лично, чтобы закончить это. Прошло некоторое время с тех пор, как он сделал это, и он с нетерпением ждал смены МО.

Он двинулся вниз по склону, упираясь свободной рукой в деревья, чтобы замедлить спуск. Склон был крутым, опасным для неосторожных, но он преодолел его ловко.

Его взгляд остановился на шале вдалеке и его добыче внутри.

Громкий шум разбудил Виктора. Он сел прямо и застонал. Боль в груди была сильной; казалось, что массивный груз, привязанный к его ребрам, вдавил его грудь внутрь. Он несколько раз кашлянул. Его легкие словно раздавили.

Он застонал, но заставил боль забыться. Он должен был подумать. Прошло ровно полсекунды после выстрела из дула, прежде чем он был ранен. Это должна была быть крупнокалиберная, мощная

винтовка, чтобы пробить стекло, вероятно, с начальной скоростью около трех тысяч футов в секунду.

Это означало, что снайпер должен был находиться примерно в полутора тысячах футах в предгорьях. В этом направлении местность была пересеченной, и Виктору потребуется не менее десяти минут, чтобы в спешке преодолеть это расстояние. Он не мог представить, чтобы многие люди делали это быстрее.

Шестьсот секунд.

Недолго. Он посмотрел на часы, чтобы узнать, как долго он отсутствовал, чтобы увидеть, сколько времени прошло до того, как стрелок набросился на него, но не мог вспомнить время, когда в него стреляли. Он был уверен, что это всего лишь один человек. Если бы здесь была команда, чтобы убить его, они бы напали первыми, не полагаясь на снайпера, и Виктор был бы уже мертв.

Если бы он только мог добраться до деревни...

Адреналин бурлил в нем, временно притупляя боль, но он знал, что когда она пройдет, ему станет еще хуже. Он чувствовал себя слабым, но все еще мог функционировать. Он должен был выйти. Но не зная, как долго он был без сознания, он не знал, попадет ли он в ловушку. В шале было два выхода, парадный и задний, одного слишком много, чтобы один человек мог его прикрыть. Убийца не сможет занять позицию и ждать, пока Виктор уйдет. Если бы он это сделал, у него было бы пятьдесят на пятьдесят шансов выбрать правильный выход. Ему придется войти внутрь, чтобы убить его.

Виктор все еще был голым, ему пришлось бы одеться, если бы он попытался бежать. На то, чтобы одеться, ушло бы время, которого у него могло и не быть. Было больно просто дышать. Он не знал, как

сильно сможет бежать и как долго. Снайпер точно будет быстрее. Выход на улицу только облегчит его работу.

Защита дома была его лучшим вариантом. Внутри Виктор знал каждый дюйм и то, как использовать каждое слепое пятно в своих интересах. Если убийца хотел его, он должен был прийти и забрать его. Виктор, пригнувшись, прижав одну руку к груди, подошел к кровати, полез под нее и вытащил из кобуры заряженный FN Five-seveN. Заскрипела половица.

Лестница.

В средневековой Японии, где постоянно существовала угроза со стороны смертоносных ниндзя, лорды-самураи защищали себя от убийства простым, но эффективным методом. В их замках соловьиные половицы «пели», когда кто-то наступал на них, предупреждая жителей о том, что на них напали.

Виктор применил ту же стратегию в дополнение к другим мерам безопасности. Лестница была специально приспособлена так, чтобы каждая вторая ступенька скрипела при малейшем нажатии. Другие половицы по всему шале сделали то же самое, но с разным шагом. Минута молчания.

Потом еще один скрип, за которым сразу же последовал звук тяжелых ботинок, несущихся вверх по лестнице, попытка скрыться была прекращена.

Виктор распахнул дверь спальни, высунулся наружу, FN вел в сторону лестничной клетки. Выстрел из дробовика был мучительным, взрыв оторвал от дверного косяка огромный кусок. Виктор нырнул обратно в комнату, когда последовал еще один выстрел. 12-й калибр

проделал еще одну дыру в сосновой раме. Его запястье болело. Единственная пуля задела его кожу. Виктор захлопнул дверь и запер ее.

Моссберг снова взревел, пробивая дыру размером с кулак в двери слева от Виктора. Он услышал шаги на лестничной площадке, грохот, когда убийца вставил в патронник еще один снаряд.

Виктор бросился на другой конец комнаты, присел рядом с кроватью, Five-seveN направился к двери.

МакКльюри осторожно ступил на площадку. Справа от себя он мог видеть гостиную этажом ниже. Он все время держал Моссберг направленным на дверь цели.

Он слышал звук, издаваемый его сапогами по деревянному полу, но это почти не имело значения. Цель знала, что он приближается, независимо от того, издал он звук или нет. Из спальни не было выхода. Бронированные окна не открывались. Теперь он собирался заплатить за эту защиту.

МакКльюри подошел ближе к двери, но не стал перед ней. Он остановился и полез внутрь сумки на поясе.

Виктор услышал, как шаги остановились. Его враг был прямо по ту сторону стены, справа от двери. В тот момент, когда он ступил перед дверью, Виктор вылил через нее FN.

Половая доска за дверью закрипела. Ручка начала вращаться. Виктор открыл огонь. Пистолет он держал свободно в правой руке, но крепко в левой, что позволяло стрелять быстрее, его правый указательный палец быстро сжимался, посылая пулю за пулей в дерево, целясь высоко и низко.

Он остановился с болью в пальце, выпустив пятнадцать патронов чуть более чем за три секунды. Не было ни крика, ни грохота, когда снайпер упал на пол. Свет лился сквозь отверстия в двери.

Он ничего не задел.

МакКлюри терпеливо ждал окончания стрельбы. Он стоял спиной к стене и держал «Моссберг» за ствол. Он использовал его, чтобы прижать широкую половицу прямо перед дверью, полагая, что она будет скрипеть, как лестница. Его инстинкт был прав. МакКлюри обмотал ремнем ручку двери, чтобы опустить ее, не высываясь перед дверью. Очевидно, это был достаточно убедительный трюк.

Он выронил ремень, полез в сумку, вытащил две гранаты и зубами вырвал чеки. Он держал их на быстром счете до двух, прежде чем бросить их в большую расколотую дыру в двери.

Виктор бросился бежать, как только увидел, что что-то появилось через дыру в двери. Он слышал, как два металлических предмета ударились о половицы, и точно знал, что это было. Он добрался до соседней ванной и краем глаза увидел катящиеся по полу гранаты. Он захлопнул за собой дверь, навалившись на нее всем своим весом.

Гранаты взорвались с глухим треском.

Дверь с грохотом распахнулась, и Виктор с ворчанием прижался к стене. Дым и пыль заполнили воздух. Из двери вылетали шипящие осколки.

Виктор выбежал из ванной, когда выстрел из дробовика разрушил и ручку двери спальни, и замок, и оторвал кусок от рамы. Он бросился в сторону двери, прижавшись спиной к стене, вытянув левую руку в локте, предплечье выпрямлено по диагонали перед лицом.

Дверь распахнулась ногой и распахнулась в сторону Виктора. Он больно врезался ему в руку, но при этом он остановил удар в лицо. Снайпер открыл огонь из дверного проема, выстрелив из дробовика в ванную. Зеркало разбилось над раковиной. Разбитое стекло разбилось и застучало в раковине и на полу.

В тот момент, когда Виктор услышал, как снайпер шагнул вперед, чтобы лучше рассмотреть ванную, он бросился вперед, врезав дверь в своего врага и отбросив его обратно в дверной проем. Развернувшись, Виктор поднял Five-seveN и дважды выстрелил. Две дыры пробиты в двери, на уровне груди. Раздалось ворчание, за которым последовал спотыкание из-за пределов комнаты. Он колебался, не зная, мертв ли его противник. Выстрел из дробовика пробил дверь.

Восклицание врага, все еще живого.

МакКлюри скривился, чувствуя, как теплая кровь стекает по его груди. Он был ранен чуть ниже ключицы с левой стороны, но пуля не вышла, так что не было огромной выходной раны, сочащейся кровью. Органы не проколоты, кости не сломаны, артерии не перерезаны. Повреждение тканей в основном. Было чертовски больно, но не было непосредственной опасности.

У него было мало боеприпасов, а цель была жива и сражалась. Во всяком случае, МакКлюри был теперь более ранен из них двоих. Это не должно было случиться вот так. Он думал, что все, что ему

нужно сделать, это прикончить его, а не устраивать перестрелки из комнаты в комнату. Это не сработало.

Он не был нападающим; он был снайпером.

Так что стреляй, сказал он себе.

ГЛАВА 21

14:34 по центральноевропейскому времени

Виктор ждал, притаившись в дальнем правом углу от двери, чтобы нырнуть подальше от ванной, если убийца попытается использовать еще гранаты. Он перезарядил FN, настроил прицел так, чтобы пули пробивали череп врага, как только он покажется. Но ничего не происходило. Виктор смотрел, как тикают минуты, радуясь возможности передохнуть. Маленькая ранка на его груди перестала кровоточить. Это не перестало болеть.

Он надеялся, что рана убийцы была хуже, но не мог на это полагаться. Он знал, что его враг делает то же самое, что и он, выжидая, приставив пистолет к двери, готовый открыть огонь, как только появится Виктор. Виктор знал, что если снайпер выжидает, то может ждать и дольше, но с каждой секундой перспектива того, что убийца ворвется в комнату, казалась все более маловероятной.

Звук двигателя, доносящийся снаружи.

Виктор отошел к окну, не издавая ни звука, не отрывая взгляда от двери. Он мельком взглянул через стекло и увидел два больших внедорожника с полицейскими опознавательными знаками, направляющихся по крутой дороге к его шале. Умно, подумал Виктор.

Он бросился к двери, просунул большой палец ноги под дно, чтобы открыть ее. Стрельбы из дробовика не было. Он встал плечом к раме и быстро огляделся. Нет убийцы. Как он и ожидал. На полу валялась пара незашнурованных ботинок, снятых, чтобы облегчить незаметное отступление.

Виктор побежал обратно в свою спальню, быстро одевшись в штаны цвета хаки, флис, зимнюю куртку и непромокаемые походные ботинки. Он сунул флешку в карман куртки, выдвинул ящик у кровати и достал оставшиеся журналы для ФН.

Внизу, в котельной, он перерезал трубу к 250-галлонному баллону с пропаном. Вырывающийся газ зашипел, быстро заполнив комнату и поплыв по шале. Виктор ввел код взрывчатки. Таймер начал трехминутный обратный отсчет.

Через передние окна он увидел приближающиеся полицейские машины. Возможно, по четыре офицера в каждом, вооруженных. Убийца, должно быть, уведомил их, рассказал им какую-то заманчивую историю, пытаясь выманить Виктора из шале. И это сработает. Но сейчас он не мог воспользоваться парадной дверью. Восемь против одного, и у них были машины. Если бы он начал стрелять, это только привлекло бы больше копов. Он перешел в противоположный конец шале. Задняя дверь свисала с петель, взорванная кумулятивным зарядом. Шум, который разбудил его. Где-то с другой стороны должен был притаиться снайпер, перекрестье прицела нависло над черным входом, легкий выстрел, когда Виктор был вынужден выбежать наружу. Не плохая ловушка. Кредит, где это было связано.

Он не мог уйти через фронт. Он не мог уйти через спину.

Он не мог остаться.

Запах пропана был сильным, побуждая его двигаться, напоминая ему, что если он будет колебаться слишком долго, от него не останется ничего, что нужно было бы идентифицировать. Это должно было произойти всего за две минуты.

Яркое солнце, пробившееся сквозь жалюзи, заставило его щуриться. Он посмотрел на свет, моргая. Он представил своего врага, готового, ожидающего, не обращающего внимания на отвлекающие факторы, с абсолютной концентрацией, один глаз закрыт, другой глаз смотрит в окуляр прицела, взгляд устремлен на заднюю дверь. Рядом с задней частью шале росли густые сосны, которые мешали обзору. Если убийца был готов выстрелить в него, он мог сделать это только из одного места.

Виктор обернулся на месте, поймав свое отражение в зеркале, висевшем возле задней двери. Он подошел к нему. Примерно два квадратных фута, гладкий, чистый. Идеально. Он снял зеркало с крючков.

МакКлюри дышал ровно и ровно, несмотря на боль в груди и учащенное сердцебиение. Он пригнулся в сотне ярдов от шале, среди деревьев на полпути вверх по пологому склону, сошка L96 опиралась на ствол упавшего дерева. Это было единственное место, откуда можно было хорошо видеть заднюю дверь шале. Солнце было прямо за спиной МакКлури, поэтому не отражалось в его прицел и не выдавало его местонахождение. Расстояние было хорошим. Сокрытие было хорошим. Ловушка была хороша.

Он игнорировал холод, боль, все, кроме изображения, которое давал прицел. Дверь была отцентрирована в его прицеле, Шмидт и Бендер откалиброваны по расстоянию, ветру и малому углу наклона вниз. Он не мог удержать ридикюль неподвижно — от боли рука дрожала. Но на таком расстоянии это не имеет значения. Пуля прямо над глазом произвела бы тот же эффект, что и пуля между ними. Когда дверь откроется и цель выбежит, все будет кончено.

Грохот приближающихся полицейских машин был совсем рядом, почти за пределами шале. Жертве МакКлури придется броситься к ней прямо сейчас.

Он сделал. Разбитая дверь распахнулась, и МакКлури затаил дыхание, ожидая, когда цель появится из тени дверного проема. МакКлури увидел, как что-то шевельнулось, но слишком рано остановился, нажимая на спусковой крючок. Это был не он. Оно было блестящим, двигалось хаотично. Светоотражающий. Зеркало.

Цель все еще была в укрытии, но держала в дверном проеме большое зеркало. МакКлури мог видеть его руки, но не мог видеть ни голову, ни туловище, ни ноги. МакКлури ждал, сохраняя спокойствие, глядя в зеркало, недоумевая, что, черт возьми, происходит. Он пытался подать кому-то сигнал? Это не имело смысла. МакКлури подумывал оторвать жертве одну руку, но тогда он уже никогда не выберется, и полиция лишь сохранит ему жизнь. Затем солнце упало на поверхность зеркала под правильным углом, и отраженный свет попал прямо в глаз МакКлури, усиленный его телескопом до десятикратной интенсивности. Он вздрогнул, ослепленный, перед глазами появились большие непрозрачные пятна. Он инстинктивно оторвался от прицела и выстрелил.

Пуля разбила зеркало на тысячу сверкающих осколков.

МакКлюри едва мог видеть, но ему удалось разглядеть цель, убегающую от дверного проема. Он направлялся к деревьям, опустив голову, виляя из стороны в сторону. МакКлюри выругался, выдернул винтовку, приложил левый глаз к прицелу. Он повернул винтовку в сторону, пытаясь выследить цель сквозь слепящие зоны, перекрестье прицела зависло немного впереди него, чтобы компенсировать его скорость.

Он выстрелил, пуля подняла снег у ног цели. Отдача винтовки без опоры заставила МакКлюри резко поднять руки. Он быстро сработал затвором, зарядив в патронник еще одну пулю, и снова выстрелил. На этот раз сдул кусок дерева. черт.

МакКлюри зарядил еще один патрон, провел оптическим прицелом, начал стрелять, но цель была в деревьях.

Ушел.

Виктор бежал, грудь его пылала. Каждый удар его сердца пронзал его болью. Снег был по щиколотку и замедлял его движение, но сейчас он был среди деревьев, а масса сосен препятствовала наблюдению убийцы. Попасть в движущуюся цель было достаточно сложно, даже если на пути не было леса. У Виктора были порезы на руках и кистях от разбитого зеркала. Он проигнорировал их.

Снайперу потребуется всего несколько секунд, чтобы оправиться от ослепления, а Виктор хотел к тому времени скрыться из виду. Единственной логичной позицией, чтобы прикрыть заднюю дверь, был небольшой подъем в сотне ярдов от задней части дома. С ближней стороны это был просто пологий склон, а с дальней стороны холм представлял собой небольшую скалу, у подножия которой протекал ручей. Виктор направился туда. Это был его дом, его территория, и никто не знал этого лучше.

Больше выстрелов не было. Хорошо.

Теперь Виктор стал охотником.

В котельной бензобак продолжал выбрасывать пропан, распространяя его дальше по первому этажу шале. Рядом с ним электронный таймер дотянул до двух, потом до одного. Нуль.

Кумулятивные заряды С-4 взорвались, разрушив конструктивно важные участки несущих стен шале. Мгновение спустя газ взорвался, выбив входную дверь и окна на первом этаже, извергнув через отверстия огромные облака пламени. Сотрясение мозга распространилось наружу, сбивая снег с окружающих деревьев.

В передней части здания дверь пролетела по воздуху, задев первый полицейский внедорожник, разбив лобовое стекло. Осколки взорвавшегося бронированного стекла усеяли кузов. Швейцарские полицейские, укрывшись за своими автомобилями в ответ на выстрелы, нырнули на землю, а обломки упали на снег вокруг них.

Инстинктивно МакКлюри упал ничком, когда услышал позади себя взрыв. Он оглянулся и увидел, что разрушенное шале яростно горит, словно оно было сделано из ничего, кроме спичек. Оно рухнуло само на себя. Огонь и дым поднимались ввысь. Прохладный.

Он вскочил на ноги, закинув L96 на плечи. Он перезарядил дробовик еще пятью патронами и крепко сжал его обеими руками. Тот факт, что ему не удалось убить свою добычу трижды, жгло больше, чем дыру в его груди.

Цель бежала на юг до того, как МакКлюри потерял его из виду, и поэтому МакКлюри отправился в этом направлении. Он снял ботинки, чтобы незаметно покинуть дом, и цель не услышала его, и его ноги мерзли на снегу, несмотря на толстые носки. Он двигался быстро, устремив глаза вперед, время от времени останавливаясь, чтобы прислушаться, прижимаясь к деревьям в поисках укрытия.

Он не беспокоился о полиции. Их глаза будут прикованы к горящему шале на какое-то время, и все мысли о выстрелах будут забыты. Но если они решили совать свои носы куда не следует, МакКлюри без угрызений совести снесет им носы. Два года работы в Европе заставили его страстно возненавидеть континент и его самодовольных жителей. Он рад возможности отплатить за эту ненависть идиотам-швейцарским копам.

Треки впереди. Он поспешил к ним. Глубокие следы в ярде друг от друга уходили на юг. Цель бежала, пытаясь преодолеть как можно большее расстояние. МакКлюри последовал за ними, двигаясь быстро. Они вели глубже в деревья, земля при этом была покатой. Идиот. Цель уходила с возвышенности. Очевидно, он мало знал о тактике в полевых условиях.

МакКлюри начал тяжело дышать, чувствуя напряжение от бега. То, что его застрелили, никогда не покидало его мыслей, но будет время, чтобы посмотреть на это позже. Сколько себя помнил, он профессионально убивал людей, и раньше он не позволял цели сбежать, и не собирался начинать сейчас.

Следы отклонялись вправо, следуя у подножия холма, пока МакКлюри не оказался на его северной стороне, где он был крутым и каменистым, а гребень холма был примерно в тридцати футах над ним. Он помчался через узкий ручей, продолжая идти по следам, которые прилипали к контурам холма. Он снова посчитал свою жертву дураком. Он должен был использовать поток, чтобы замаскировать свои следы. Он выглядел менее хорошим и более удачливым на секунду.

Следы продолжали следовать вокруг небольшого холма, и казалось, что цель возвращается в направлении дома. В этом не было никакого смысла, если только он не был трусом и решил сдаться

полиции, чтобы сохранить ему жизнь. МакКлюри улыбнулся. Пусть он так думает.

Он слышал грохот падающих камней, краем глаза видел, как маленькие камни приземляются на снег у основания скалы. Что-то потревожило их. МакКлюри резко развернулся и упал на одно колено. Он посмотрел на гребень небольшой скалы. На вершине маячила темная фигура.

Раздался выстрел, эхом отдающийся среди деревьев.

Казалось, будто кто-то ударил МакКлюри по руке бейсбольной битой. Он поднимал «Моссберг» на огонь, когда вторая пуля попала ему в плечо, и его правая рука обмякла. Кровь брызнула на снег.

Ружье приземлилось у его ног. Он почувствовал, что колеблется, и протянул здоровую руку, прижавшись ладонью к стволу дерева, чтобы опереться. До сегодняшнего дня в него никогда не стреляли, а теперь в него выстрелили трижды. Он почти рассмеялся. МакКлюри услышал, как за его спиной застучали новые камни, и понял, что цель спускается вниз по скалистому склону. Ублюдок привел его сюда, на низину, чтобы он мог вернуться назад, чтобы использовать возвышенность.

Снег хрустел под ногами.

Голос позади него сказал: «Я собираюсь задать вам несколько вопросов».

Ответ МакКлюри был краток. «Иди на хуй».

— Это не очень вежливо.

— Я не буду говорить.

Голос продолжал: «Я все равно спрошу у них всех, а вы ответите».

Моссберг был прямо перед МакКлюри, не более чем в паре футов от его свободной руки. Рука, которую он не мог пошевелить.

— Ты все равно умрешь, — продолжал голос. — Если ты ответишь мне свободно, тебе не придется умирать с криком.

МакКлюри поверил ему. Он по опыту знал, что под пытками все говорят. Дробовик так близко, но с таким же успехом он может быть и в миле отсюда. Если он попытается добраться до него другой рукой, то просто упадет в снег с застрявшим под ним пистолетом. Возможно, он сможет перевернуться, но не раньше, чем цель прикончит его. Его вытянутая рука уже дрожала. Он не знал, как долго сможет поддерживать себя.

— Я всего лишь делал свою работу, — прохрипел он.

— Тогда ты должен был сделать это лучше.

МакКлюри на мгновение кивнул. Ублюдок был прав. Он выпустил руку, поддерживавшую его, и упал вперед, прямо на дробовик.

На секунду рука МакКлюри шарила под его грудью.

Выстрел из дробовика снес американцу половину черепа, размазав по снегу треугольник запекшейся крови. От крови поднялся пар. Виктор покачал головой. Падал снег. Он обыскал тело, но не нашел ничего полезного. Но он ясно увидел следы убийцы на снегу и первым пошел по ним к своему горящему шале. Он держался низко, помня о полицейских, которые все еще были поблизости. Он пошел по следам к небольшому возвышению, где убийца прикрывал заднюю дверь. Он нашел в снегу латунные гильзы.

Затем следы разошлись в сторону его бывшей резиденции, а также дальше на север. Виктор последовал за ними от шале. Следы были четче и глубже, снайпер быстро двигался по снегу. Прежде чем он снял сапоги.

Они взяли более или менее прямую линию, сворачивая только из-за деревьев на пути. Через десять минут Виктор стоял у основания скалистого выступа. Следов больше не было, но он видел выпавший снег внизу крутого склона, потревоженные скалы, оголенную землю. Виктор двинулся вверх, опираясь на деревья. Он заметил, что хрипит, грубый звук его дыхания становился все громче по мере подъема. Он уже напряг себя больше, чем следовало. Он был ранен; ему нужно было отдохнуть, по крайней мере, несколько дней, чтобы дать время своему телу восстановиться. Скоро, сказал он себе.

Прямо перед вершиной холма Виктор нашел шкуру убийцы. Похоже, он был там всю ночь. Там были выброшенная зимняя куртка, рюкзак, двухлитровая бутылка, наполовину наполненная мочой, и полиэтиленовый пакет, полный экскрементов. Куртка была пуста. Виктор взял рюкзак и повесил его на одно плечо, а свою сумку на другое. Он пошел по второй группе следов, которые шли с запада, глубже в лес. За последние двенадцать часов выпал снег, но не больше дюйма. В снегу все еще оставались неглубокие углубления, более чем

достаточно глубокие, чтобы Виктор мог с легкостью следовать за ними.

Он наткнулся на машину убийцы через сорок минут. Внедорожник Toyota, припаркованный вне дороги. Виктор порылся в боковых карманах рюкзака, нашел ключи и отпер его.

Он резко остановился, схватившись рукой за грудь. Его вырвало, он почувствовал вкус железа, кашляя кровью. Он оставался наклоненным в течение минуты, пока боль не утихла. Он использовал горсть снега, чтобы смыть кровь изо рта, и еще немного снега, чтобы скрыть кровь на земле.

В машине не было ничего, что могло бы идентифицировать человека, пытавшегося его убить. У Toyota была арендная наклейка, прикрепленная к переднему и заднему стеклу, и документы об аренде в бардачке. Он был бы арендован на вымышленное имя, Виктор был уверен. Он бросил две сумки на заднее сиденье и завел двигатель. Он дал автомобилю несколько минут, чтобы прогреться, прежде чем осторожно выехать задним ходом на дорогу.

Он тяжело вздохнул. Тот, кто хотел его смерти, узнал, где он жил. Невозможно, если бы это не было только что драматически доказано. В зеркало заднего вида Виктор увидел дым от своего горящего шале, поднимающийся над линией деревьев. Если тот, кто хотел его смерти, нашел его здесь, они могли найти его где угодно.

Какое бы подобие жизни он ни создал для себя, было покончено.

ГЛАВА 22

Париж, Франция

Четверг

15:16 по центральноевропейскому времени

Альварес сделал большой глоток черного кофе с тремя порциями сахара и неуклюже набрал на клавиатуре, лежащей на его бедрах. Он сидел, закинув ноги на стол, туфли на пол. Практически пустая пластиковая шариковая ручка застряла между его зубами и медленно жевалась. Он находился в своем временном офисе парижской резидентуры ЦРУ на втором этаже посольства США.

Офис был едва достаточно велик для него и его стола и был настолько мал, что он любил называть его своей обувной коробкой. Однако было тихо, и Альварес мог не отвлекаться. У его ног лежала фотография Кристофера из школьного рождественского спектакля. Он был пастухом. Маленький труппер отлично справился с задачей, даже если дети, играющие с овцами, ни черта не стоили.

Выслеживание убийцы Озолса не шло быстро. Если он ехал под паспортом Алана Флинна, то, по мнению чехов, он не выезжал из страны, но Альварес полагал более вероятным, что он просто поменял паспорта и уехал неизвестно куда? У Альвареса не было ни времени, ни рабочей силы для розыска по всей Европе, поэтому он сосредоточил свои усилия на расследовании дела семи убитых стрелков. Если бы он смог выяснить, кто их нанял, возможно, это открыло бы достаточно информации об убийце Озолса, чтобы выяснить, кто его нанял. Тогда, возможно, будет шанс получить ракеты или, по крайней мере, предотвратить попадание технологии в руки врагов Америки.

Он многое узнал за пару дней. Михаил Святослав, которого представил убийца, был бывшим сотрудником спецназа. Он служил в Афганистане в восьмидесятых, прежде чем ненадолго поработать в КГБ. Ему указали на дверь, когда закончилась холодная война, и он стал фрилансером, в основном работая с Восточным блоком, вынося мусор для криминальных авторитетов и прочей сволочи.

С ним было несколько венгров, судя по всему, бывших мафиози, и несколько нерегулярных сербов, в том числе женщина. Альваресу пришлось покачать головой. Короче говоря, он составил список самых страшных мудаков мира из всех выгребных ям от Балкан до Урала. Наемники, бывшие солдаты, наемники, убийцы. Двое ублюдков разыскиваются за военные преступления в Косово. «Хорошо, что они мертвы», — подумал Альварес. Только мертвые их нельзя было допросить. Это была кучка типичных киллеров из евромусора. Альварес и не ожидал меньшего.

Чего он не ожидал, так это узнать, что одним из нападавших был американец Джеймс Стивенсон, бывший рейнджер армии США. Стивенсон даже пробовался в «Дельту», но не прошел квалификацию — не только это, но еще и то, что он подал заявку на работу в ЦРУ после того, как уволился из своего подразделения, но снова не прошел отбор. У него были способности к полевой работе, но он представлял собой проблему с дисциплиной, которая ждала своего часа, слишком большой риск, чтобы попасть в платежную ведомость агентства. Он попал в частный сектор через старого армейского приятеля и базировался в Бельгии. Стивенсон много работал охранником и выполнял другие неуказанные работы в охранной фирме в Брюсселе.

На экране компьютера у Альвареса были банковские записи, записи телефонных разговоров, электронные письма, заметки и даже счета за коммунальные услуги. Они принадлежали недавно получившему дважды выстрел в лицо Джеймсу Стивенсону, бывшему

солдату, бывшему наемнику, бывшему отморозку. Парень положил огромную сумму в евро наличными на счет в банке, который не склонен задавать сложные вопросы. Это произошло за две недели до того, как он близко познакомился с парой 5,7.

Затем четверть этих денег была переведена на семь отдельных банковских счетов, принадлежащих другим членам команды. Альварес предположил, что каждый из них снова получит ту же сумму после работы, а Стивенсон присвоит себе половину суммы. Теперь деньги собирали проценты на имя мертвых парней.

Кто, черт возьми, вообще дал Стивенсону деньги? было то, что Альварес хотел знать. Стивенсон не был самым проницательным оператором в истории заказных убийств и оставил несколько улик на жестком диске своего персонального компьютера, портативная копия которого теперь была подключена к ноутбуку Альвареса.

Стивенсону нравилось держать все в порядке, и у него была подробная информация о каждом из других членов команды в электронной таблице с адресами электронной почты и номерами телефонов, где это уместно. Эта информация помогла идентифицировать пару наиболее неуловимых трупов, но не помогла отследить, кто нанял Стивенсона.

Саму работу он называл «Работа в Париже» — название, по мнению Альвареса, довольно лишенное воображения, но Альварес полагал, что вряд ли имеет значение, как она называется. Частная охранная фирма в Брюсселе, через которую Стивенсон выполнял несколько заданий по охране, уже подверглась допросу и заявила, что не имеет никакого отношения к Парижу. Альварес поверил им. Они заработали слишком много денег, законно нанимая наемников, чтобы приложить руку к рискованному заказному убийству.

Однако не исключено, что тот, кто нанял Стивенсона, был предыдущим клиентом охранной фирмы. Список потенциальных подозреваемых был огромен и распространялся по всему миру: частные бизнесмены, транснациональные корпорации, саудовские нефтяные магнаты, правительства африканских стран. Сам Стивенсон работал с самыми разными клиентами, любой из которых мог быть тем человеком, за которым охотился Альварес, или, может быть, этот человек не имел никакого отношения к фирме. Если так, то список подозреваемых увеличился в геометрической прогрессии.

Интуиция Альвареса подсказывала ему, что тот, кто нанял убийцу Озолса, также нанял Стивенсона и его команду, чтобы убить его после завершения работы. Может быть, он облажался, может быть, чтобы свести концы с концами — это не имело значения. Но если Альварес был прав и убийца понял, что это его собственный работодатель пытался убить его, есть шанс, что у него все еще есть информация. Это означало, что ракеты все еще были там, и их можно было достать.

Зазвонил телефон, и он резко ответил: «Да».

Это был Ноукс, один из офицеров ЦРУ, работавших в посольстве. Ноукс работал в подвале вместе со всеми остальными технофилами. Он был нормальным парнем, хотя и был слишком гиперактивен к кофеину и сахару, чтобы Альварес терпел.

— У меня есть кое-что, что может вас заинтересовать, — сказал Ноукс со своей обычной речью со скоростью сто миль в час. «Стивенсон пытался быть скрытным со своим жестким диском и использовал программу для безопасного удаления файлов. Это то, что использовал бы мой отец. Я имею в виду, для Христа...

— вмешался Альварес. — Дай угадаю, он не делает того, что должен.

— Не совсем так, — сказал Ноукс. «Или, по крайней мере, он делает это не так хорошо, как должен. Мне удалось извлечь некоторые из недавно удаленных файлов, но для более старых потребуется больше времени, если они все еще где-то там, чего я не знаю. Они могут быть. Или они действительно могут исчезнуть навсегда.

Альварес держал телефон чуть дальше от уха. 'Что ты нашел?'

'О, да.' Ноукс рассмеялся. — Чуть не забыл тебе сказать. Я откопал несколько удаленных электронных писем между Стивенсоном и неизвестным лицом. У нас есть только последние несколько из того, что кажется продолжающимся разговором. Они обсуждают оплату чего-то под названием ParisJob.

— Хорошо, — сказал Альварес. «Передайте мне эти электронные письма как можно скорее».

— Сейчас.

Альварес положил трубку, довольный тем, что добился некоторого прогресса, но осознавая, как мало он на самом деле знает. Он встал и подошел к окну. Альварес смотрел сквозь стекло, сквозь Париж, на человека, который начал весь этот бардак.

'Где ты?' он прошептал.

ГЛАВА 23

Центральное разведывательное управление, Вирджиния, США

среда

16:56 по восточному поясному времени

Он был похож на доброго старого джентльмена, с морщинистым, но загорелым лицом, худым, но все же сильным, с седыми, но густыми волосами. Кевин Сайкс наблюдал, как Фергюсон налил себе чашку кофе из полированного стального чайника и сделал глоток. Это было горькое, безвкусное дерьмо, но содержание кофеина должно, по крайней мере, быть одобрено Фергюсоном.

— Комната подметена? — спросил Фергюсон. Он посмотрел на Сайкса сквозь отражение в окне кабинета.

Сайкс кивнул. — Как раз перед тем, как ты пришел сюда.

Фергюсон повернулся и сказал: «Тогда, пожалуйста, объясните мне, что, черт возьми, только что произошло».

Сайкс заметно напрягся. «Тессеракт появился в Швейцарии».

'И?'

Сайкс покачал головой. «Швейцарская полиция нашла тело в лесу к северу от деревни Сен-Морис. Мой мужчина.»

Фергюсон тяжело вздохнул и сел. — А как насчет Тессеракта?

— Мы не знаем наверняка. Дом был сожжен дотла. Я думаю, есть шанс, что он был в этом.

— Мне это кажется глупой надеждой, мистер Сайкс. Если бы он убил твоего человека, я сомневаюсь, что ему удалось бы потом свариться.

— Боюсь, я склонен согласиться с вами, сэр.

— Значит, он ушел с флешкой?

Сайкс кивнул.

— Если только он не был потерян во время взрыва. Что превратит ситуацию из катастрофической в катастрофическую», — добавил Фергюсон. — Когда все это произошло?

— Несколько часов назад, — ответил Сайкс наполовину самому себе. — Послушайте, это еще не конец. У нас есть лиды. Мы-

— Так почему же ты не сообщил мне об этом раньше?

«Это мое шоу, и я им занимаюсь. Если бы я рассказал вам об этом до того, как узнал бы факты, это бы ничего не дало, кроме

обострения ситуации. Нет ничего, что вы могли бы привести в действие, чего бы я еще не сделал.

Фергюсон нахмурился. — А кого вы использовали на этот раз?

«Карл МакКлюри. Он был бывшим сотрудником отдела специальных операций с солидным послужным списком в мокрой работе, до этого в спецназе. Он также не был склонен задавать вопросы. Он был внештатным сотрудником, работал по контракту для компании. Он работал под прикрытием в качестве охранника посольства в Цюрихе, так что он был идеальным выбором для операции по зачистке».

— Вы, должно быть, шутите. Фергюсон сердито шагнул вперед.
— Вы использовали сотрудника ЦРУ? Ты что, сошел с ума?

«Бывший сотрудник. Его нет в книгах.

— Не будьте со мной милы, мистер Сайкс. Это одно и то же. Как вы думаете, что произойдет, когда они об этом узнают?

— Ничего, — уверенно ответил Сайкс. «МакКлюри был стрелком по контракту с агентством, и все знают, что наши подрядчики нередко выполняют работу для других людей. Кто знает, на кого МакКлюри мог работать? Европа чертовски большая. Много потенциальных клиентов. Его смерть будет считаться профессиональным вредом. Кроме того, — добавил Сайкс, — ничто не связывает МакКлюри с Тессерактом. Не будет никаких доказательств того, что человек, убивший его, был тем же самым парнем, который стрелял в Париж. И давайте не будем забывать, что ничто не связывает нас с МакКлюри или Стивенсоном и его командой. Мы такие чистенькие, что практически девственницы.

Фергюсон провел тонкими пальцами по волосам. — Боюсь, я не разделяю вашей уверенности.

— Между нами и МакКлюри есть по крайней мере два человека, и ни один из них не знает, откуда поступили их приказы. МакКлюри был оплачен при доставке, и он не доставил. До него Стивенсону платили вперед наличными. Альварес не сможет опознать человека, который ему заплатил. И эти деньги отправлялись обычными способами — через посредников, через оффшорные счета и так далее. Нет следа. Мы позволили Стивенсону собрать собственную команду, помнишь? Нам не о чем беспокоиться.

'Это еще предстоит выяснить.'

— Да, смерть МакКлюри делает ситуацию неловкой, но он был проницательным оператором. Дотошный. Он не оставит следов, по которым можно было бы следовать, как Стивенсон. Кроме того, его нельзя было полностью отрицать живым, и еще более невозможно отрицать, что он мертв.

— Вы забыли добавить некомпетентность в список его качеств.

«У него был впечатляющий послужной список».

— Вплоть до того момента, когда он убил себя.

— Как бы то ни было, он был единственным выбором для операции, учитывая ее уникальные критерии. Нам срочно нужен был кто-то, а одноразовых киллеров не так-то просто найти.

Это был хороший ответ, но Фергюсон махнул рукой, чтобы отмахнуться, и Сайкс подавил вспыхнувший в нем гнев. Он напомнил себе, с кем разговаривает, и больше не настаивал на этом. Фергюсон был не просто его боссом, он был архитектором их схемы, и он всегда требовал послушания, даже когда был явно не прав.

— Что вы собираетесь делать с МакКлюри?

Сайкс уже все спланировал в уме. — Пройдет день, прежде чем его опознает швейцарская полиция, еще как минимум день, прежде чем кто-либо из значимых людей поймет, что он бывший сотрудник агентства. Этого времени более чем достаточно, чтобы испортить репутацию МакКлюри. Я сделаю вид, будто он брал контракты с какими-то очень нежелательными людьми. Из тех людей, которые не против убить наемного помощника, когда он уже бесполезен. Этого будет достаточно, чтобы запутать любой след. Никому не придет в голову связать его смерть с тем, что происходит где-то еще.

Фергюсон, казалось, долго ставил чашку обратно. Он тщательно вытер уголки рта большим и указательным пальцами левой руки. Каким-то образом Сайксу удалось сдержать улыбку. Он знал, что победил старого ублюдка. Фергюсон просто не хотел хвалить Сайкса.

«До сих пор дела шли плохо, я принимаю это». Немного смирения было бы неплохо, подумал Сайкс. — Но это еще не конец. Tesseract все еще там, все еще с флешкой, я уверен, так что у нас есть варианты. Сейчас его ищут французы, немцы, швейцарцы, агентство. Это поможет нам приблизиться к нему. И когда мы это сделаем, у меня есть еще несколько подрядчиков наготове. Я знаю, что это рискованно, но мы можем сделать так, чтобы кто-то другой добрался до него первым. Конечно, все будет не так чисто, как хотелось бы, но конечный результат все равно будет прежним».

— Следующего раза не будет.

— Вы этого не знаете. Слишком рано сдаваться.

Фергюсон на мгновение замолчал. «Это то, что мы собираемся сделать вместо этого».

«План по-прежнему хорош; мы можем заставить его работать.

Фергюсон продолжил. — Боюсь, я не разделяю вашей оптимистичной оценки обстоятельств. Из-за вашей некомпетентности спасти эту операцию стало еще труднее. Вы забыли, что здесь поставлено на карту? Потому что я этого не сделал.

— Конечно, я знаю, что поставлено на карту. Это ты теряешь цель из виду, а не я.

— Высокомерный ты засранец, — с улыбкой сказал Фергюсон. «Всю свою карьеру я переходил от одной миссии к другой, не позволяя никому встать у меня на пути. Я никогда не терял цель из виду. Вы можете рассчитывать на это. Но я не собираюсь подвергать опасности свою свободу из-за того, что вы, похоже, не способны убить одного человека.

— Я думаю, ты переоцениваешь шансы Тессеракта.

— Я думаю, ты переоцениваешь свои собственные.

«Пока не произошло ничего, что нельзя было бы исправить».

Фергюсон покачал головой. — Немедленно остановите подрядчиков.

'Что? Нет, мы должны держать их наготове.

'Скажи мне, почему именно? Могу я напомнить вам о значительных усилиях, которые потребовались, чтобы выследить Тессеракта, в первую очередь, когда он не знал, что мы пытаемся? Теперь, когда он знает, что люди охотятся за ним, думаешь, его легче будет обнаружить? Откровенно говоря, я поражен, что вы считаете это приемлемым планом действий в настоящее время, и я еще больше поражен тем, что вы готовы подвергать риску еще больше людей после того, что только что случилось с МакКлури.

'Что еще мы собираемся делать? Надеется, что Тессеракт умрет естественной смертью и оставит нам местонахождение ракет в своем завещании?

— Подобные комментарии меня не успокаивают, мистер Сайкс. Ты не оставляешь мне выбора. Я забираю это из твоих рук.

'Что черт возьми, это значит? Чем ты планируешь заняться?'

«Что-то, что я должен был сделать с самого начала. Если бы я знал, что этот убийца будет настолько искусным в том, чтобы остаться в живых, я бы никогда не стал ждать. Я звоню.

'Что? Кому?'

— Тому, кто может нам помочь. Есть человек, которого я использовал раньше. Специалист.'

'Специалист?'

«Убийца».

'ВОЗ?'

«Его нет в наших файлах, он СИС».

— Как в британской секретной разведывательной службе? Это безумно. А как насчет британского правительства?

— Они никогда не узнают. Он контрактный агент. Он просто подработает для нас.

— Подрабатывал?

— МИ-6 не может заплатить ему столько, сколько могу я.

— Как зовут этого парня?

— Вы о нем не слышали. Его имя, или, по крайней мере, имя, под которым я его знаю, просто Рид. С этого момента он берет на себя практическую часть этой операции».

'Это смешно; нам не нужен посторонний. Это только усложнит дело.

— Меня не волнует, если это усложнит дело. Похоронить этот беспорядок - это все, на что мне наплевать. Единственный способ, которым мы можем действовать, — это использовать постороннего.

'Это фигня.'

«Если ты не можешь говорить как взрослый, не говори вообще. Что еще мы собираемся делать? Собрать очередную шайку невежественных наемников? Или просто послать больше бывших сотрудников компании и надеяться, что никто не присоединится к делу, если они не вернутся?»

«Мы все еще можем заставить его работать».

— Ты меня не слышишь. Теперь, когда МакКлори мертв, наши руки связаны. У вас был шанс, и вы потерпели неудачу. Рид — наша единственная надежда исправить ситуацию, не привлекая к нам внимания».

— И куда ты собираешься послать этого Рида? Как ты и сказал, мы больше не знаем, где Тессеракт.

«Тессеракт может подождать момента. Рид может быть в Париже к утру.

— Почему Париж?

— Я не думаю, что мы можем терять время. Ты?' Сайкс покачал головой, не зная, на какой вопрос отвечает. — Хорошо, — продолжил Фергюсон. — Когда Рид приземлится в Париже, я хочу, чтобы он как можно скорее встретился с вашим человеком на земле. Как его зовут?

Сайкс старался не показывать лица, стараясь не показывать, что понятия не имеет, о чем идет речь. «Джон Кеннард».

— Верно, — сказал Фергюсон. — Пусть Кеннард предоставит Риду список всех, кто принимал активное участие в этой операции. Обо всем остальном позаботится Рид.

'Что ты имеешь в виду? Зачем ему этот список?'

Фергюсон не ответил, но его глаза, смотревшие сквозь пар из чашки, сказали все.

— Господи, — выдохнул Сайкс, наконец поняв. 'Все они?'

Фергюсон кивнул, как будто это не имело никакого значения. — И их будет не хватать. Он не пропустил ни секунды. «Но жертвы должны быть принесены для большего блага».

— Высшее благо?

— Хорошо, — признал Фергюсон с полуулыбкой, которую Сайкс не оценил. — Может быть, не для общего блага, а для нашего с вами блага. Я все еще предполагаю, что вы не хотите провести остаток своей жизни за решеткой? Фергюсон помолчал, а Сайкс не ответил. — Я так не думал, и это цена неудачи, мистер Сайкс. Вы все еще знаете об этом?

'Да сэр.'

— Эта наша операция провалилась.

— Сэр, я думаю, что еще слишком рано...

— Заткнись и дай мне закончить. Эта операция не удалась. Достижение нашей первоначальной цели теперь является второстепенным соображением. Чтобы заполучить эти ракеты, нам потребуется не что иное, как маленькое чудо, поэтому я предлагаю сосредоточить наши усилия на чем-то другом.

— А как насчет списка покупателей, над которым я работал?

— На время вы можете забыть о деньгах, мистер Сайкс. Наш приоритет в данный момент — убедиться, что мы выйдем из этого целыми и невредимыми. Единственный способ, которым это могло бы сработать, — это не иметь незавершенных концов, но мы прошли мимо этого. Теперь это ограничение урона. Мы не можем допустить, чтобы люди знали о незаконной операции, которая провалилась.

«Но никто из них не знает всех деталей того, чем мы занимаемся, или даже того, на кого они работают. В любом случае, только одно является настоящим агентством. И кроме того, нам нужно будет использовать их снова, если мы собираемся сделать это, и они хорошие, они заслуживают доверия.

«Не обманывай себя. Они так же заслуживают доверия, как и ты. Глаза Сайкса сузились. — Или я, если уж на то пошло. Что, если один из них соберет воедино все, что здесь происходит, что мы тогда будем делать? Надеюсь, они никому не расскажут? Сайкс отвернулся. «Альварес уже идет по следу и выглядит так, будто действительно что-то делает. Или, может быть, этот толстый идиот Проктер перестанет беспокоиться о своих перспективах продвижения по службе достаточно долго, чтобы совершить соответствующий прыжок веры.

Вы действительно думаете, что эта катастрофа останется похороненной, если кто-то, кроме нас, узнает хотя бы некоторые подробности?

— Но двое — американцы, черт возьми.

Выражение лица Фергюсона не изменилось. «Это неизбежно».

Голова Сайкса медленно поднялась. — Вы же не только что это решили, не так ли? Вы бы убили их, даже если бы все сложилось идеально.

Фергюсон кивнул. «В конце концов да, используя Рида в течение длительного периода времени, но это увеличивает срочность».

— И когда ты собирался мне сказать?

— Не прикидывайтесь мне теперь, мистер Сайкс, — сказал Фергюсон. «Я сказал вам в самом начале, что если мы собираемся повернуть это, он должен быть полностью чистым. Никаких следов до нас. Как вы думаете, что я имел в виду? Глаза Сайкса немного опустились. — Вы достаточно давно в этом бизнесе, чтобы понять, о чем я говорю. Возможно, вы не признавались в этом себе, но вы точно знали, во что ввязываетесь, так что не притворяйтесь сейчас таким шокированным. В этой операции всегда должен был быть этап очистки, и Рид всегда собирался быть частью этого. Опыт также научил меня тому, что вам нужна поддержка на случай непредвиденных обстоятельств, и я знал, что Рид может быть этим козырем. И, как показали события, хорошо, что я предвидел это. До сих пор вам не нужно было знать подробности.

— Очевидно.

— Надеюсь, это не проблема для вас? Он сделал паузу. 'Это?

Голос Сайкса был тихим. 'Нет, сэр.'

— Тогда решено. Риду немедленно потребуются все их данные, и я имею в виду все их данные.

— Я прослежу, чтобы он получил их как можно быстрее.

'Это мой мальчик.' Теперь все сочувствующие улыбки, кисло заметил Сайкс, как отец, объясняющий сыну, что необходимо усыпить семейную собаку, чтобы избежать счетов за ветеринара. 'Это к лучшему.'

— Да, сэр, — сказал Сайкс, обнаружив, что смотрит в пространство. Он понял, что Фергюсон пристально наблюдает за ним, и выпрямился.

— Надеюсь, у вас хватит духу на это, мистер Сайкс, — сказал Фергюсон.

'Конечно, сэр.'

Голос Фергюсона понизился на несколько децибел. «Потому что я был бы очень разочарован, если бы мое доверие к вам оказалось неуместным».

— Вам не о чем беспокоиться, сэр.

'Я рад это слышать.'

«Этот персонаж Рида, — сказал Сайкс, чтобы отвлечь внимание от себя, — насколько он хорош?»

Фергюсон недоверчиво поднял бровь.

«Он убил больше людей, чем Сталин».

ГЛАВА 24

Аэропорт Шарля де Голля, Франция

Четверг

07:3 @СЕТ

Она увидела, как он приближается, идет к ней по совершенно прямой линии, расслабленный, невозмутимый хаосом аэропорта вокруг него. Ему было лет пять десять, широкоплечий, но стройный. Темноволосый. На нем был прекрасный черный костюм, пиджак расстегнут, верхняя пуговица белой рубашки расстегнута. Без галстука.

В его движениях было что-то почти механическое, каждое действие взвешенное, контролируемое. У него уже был в руках

паспорт, и она взяла его у него, открыла. Борланд, Джеймс Фредерик. Джеймс. Он был похож на Джеймса.

Сегодня он не брился, и темная щетина скрывала его, в остальном сильную линию подбородка. Его кожа отчаянно нуждалась в подкраске, а волосы не были уложены, а были коротко подстрижены и выглядели немодно. У него был отличный костюм, но он явно не использовал себя по максимуму.

— Какова цель вашего визита во Францию, мистер Борланд?

Ответ мужчины был искренним. 'Бизнес.'

Его британский акцент был культурным, утонченным, голосом настоящего джентльмена. У него был естественный класс человека, которому не нужно было пытаться. Приложив немного усилий, она могла бы превратить его в настоящего первопроходца.

Его глаза были голубыми, невероятно яркими. Он был особенно красив, решила она, но ей потребовался второй взгляд, чтобы понять. Она сравнила фото в паспорте с лицом перед собой и отметила, что в жизни он носил такое же серьезное выражение. Она могла сказать, что он был очень глубоким человеком. Если он и моргнул, она этого не увидела.

Она вспомнила, что у нее есть работа. — Чем вы занимаетесь?

Опять односложный ответ.

«Удаления».

Он не был большим болтуном, но это не имело значения. Нет ничего хуже парня, который никогда не затыкается.

'Вы из Лондона? Я люблю Лондон, это фантастический город. Я думаю, что вы, англичане, самые милые люди в мире.

Нет ответа. Тогда не для болтовни. Он просто ждал с непоколебимым пустым выражением лица. Может, он просто стеснялся. Да, это должно быть так. Ей удалось украдкой взглянуть на его левую руку. Без кольца. На самом деле никаких украшений, а его часы выглядели так, как будто их носит водолаз, а не бизнесмен. Что было с этим парнем? Он как будто пытался преуменьшить свою внешность. Какой смысл быть зрителем, если никто не смотрит? Если бы он не шел прямо к ней, она, вероятно, не заметила бы его.

Она улыбнулась, прикоснулась к нижней губе кончиком языка, провела пальцем по шее, как сумасшедшая захлопала ресницами — все, что угодно, лишь бы дать ему сигнал поболтать с ней. Он не попался на удочку. Пока что. Может быть, он любил дразнить.

Она проверила информацию на своем компьютере. Мужчина много летал: Люксембург, Египет, Гонконг. И они были только в прошлом месяце. Она добавила много путешествивал к его списку качеств. Она нажала несколько кнопок на клавиатуре и вернула ему паспорт. Он взял его из ее пальцев так плавно, что ей пришлось взглянуть на свою руку, чтобы убедиться, что он действительно у него.

«Наслаждайтесь пребыванием во Франции».

Она предприняла последнюю попытку, склонила голову набок и посмотрела на него своими ланиными глазами своим лучшим взглядом «отвези-меня-на-ужин-и-трахни-меня». Он ушел, не сказав ни слова.

Высокомерный ублюдок, подумала она. Наверное, он был странным.

ГЛАВА 25

Будапешт, Венгрия

Четверг

17:46 по центральноевропейскому времени

Небо над городом было затянуто тучами. Дождь промочил пальто Виктора. Он дрожал, когда шел по узкой улице, покрытой лужами. Дорога была вымощена булыжником, тротуары вымощены неровными плитами. Там не было уличных фонарей, только свет из выходящих окон, обеспечивающий освещение. Рядом никто не ходил. Его шаги отдавались эхом.

Он не осмелился остаться в Швейцарии, где его будут искать и полиция, и охотники. Венгрия казалась хорошей идеей. Виктор не был в Будапеште пару лет, так что шансов, что его выследят здесь, было меньше, чем в некоторых других городах. Он не верил, что частная операция могла последовать за ним в Сен-Морис без его ведома. Потребуется несколько групп опытных теней, четкая координация, доступ к кадрам с камер видеонаблюдения, воздушное и, возможно, спутниковое наблюдение.

Только спецслужба может иметь такие ресурсы и людские ресурсы. Даже тогда лишь немногие организации могли сделать такое возможным. Убийца, пытавшийся убить его в Швейцарии, был американцем. Лидер группы убийц в Париже тоже был американцем. Виктор не верил в совпадения. Это могло быть только ЦРУ.

Стены мира Виктора рушились вокруг него. Он был в списке казненных самой обширной тайной службы на планете.

Он был все равно что мертв.

Его отель затерялся на задворках будапештского квартала красных фонарей. В комнате была кровать с прочным металлическим каркасом и целый ящик, полный листовок для проституток, как мужчин, так и женщин. Отель был из тех мест, где он мог затаиться столько, сколько ему нужно, пока он собирался с мыслями и принимал решение о дальнейших действиях.

Виктор покинул переулок и продолжал идти, держась боковых улиц, избегая людей, высматривая тени. Он шел дольше, чем планировал, размышляя, анализируя. Он думал о Париже, думал о своем горящем шале. Два покушения на его жизнь за неделю. Он чувствовал себя непопулярным.

Пески его жизни иссыкали с каждой секундой. ЦРУ уже просматривало записи слежения, поддерживало связь со швейцарскими властями и иностранными разведывательными службами — все время сужая круг поиска, приближаясь к нему. Он нашел интернет-кафе и взял терминал, откуда мог наблюдать за дверью. Были вещи, которые он должен был проверить, если собирался сформулировать план. И какой бы план он ни претворил в жизнь, потребуются деньги. Возможно, если бы ЦРУ знало, где он живет, они также заморозили бы его банковские счета. Было время,

когда швейцарский банк никогда бы не раскрыл информацию о своих клиентах, но в тот день в сентябре 2001 года мир изменился. Теперь все было возможно.

Он с облегчением обнаружил, что его деньги все еще на месте в основном банке, которым он пользовался. В качестве меры предосторожности ему придется снять все деньги и записаться на прием в банк. Наличные деньги Виктора хранились в различных банковских ячейках по всему континенту, но в данный момент его волновали только его деньги в Швейцарии. Он понял, что некоторое время ничего не ел, и съел три чизбургера в соседнем кафе. Он допил молочный коктейль на улице.

Ничто больше не имело для него смысла. Он был нужен ЦРУ из-за Парижа или они сами это устроили? Они наняли его или наняли парней, которые пытались его убить, или обоих? Они отследили его от Франции до Швейцарии или уже знали, где он живет? Любые ответы, которые он мог придумать, приводили к новым вопросам. Он был доведен до спекуляций, догадок, и он ненавидел это.

Он подумал о брокере. Это не то, что вы думаете, кто бы они ни были, они сказали. Возможно, ему стоило послушать. Возможно, ЦРУ узнало о его работе и впоследствии пыталось его убить; может быть, Озолс был агентом ЦРУ; может быть, флешка принадлежала ЦРУ; или, может быть, ЦРУ просто хотело это для себя. Может быть, брокер был частью подставы; возможно, посредником было ЦРУ; или, может быть, брокер был в том же списке расстрелянных, что и он. Слишком много вероятностей, недостаточно уверенности.

Виктор поймал такси, решив в последнюю секунду пойти пешком. Таксист осыпал его ругательствами на венгерском языке, суть которых Виктор понял как намек на его мать. Он не оглянулся. Падал снег вперемешку с дождем. Это было приятно на его коже. Он прошел мимо группы бомжей, передававших бутылку чего-то

сильнодействующего, судя по вони в воздухе. Он чувствовал, что за ним наблюдают глаза.

Он на мгновение приложил руку к груди. Боль была неприятной, но далеко не изнурительной. Долговременных повреждений не будет, но теперь у него был большой синяк в центре груди. Когда его нынешнее затруднительное положение разрешится, он планировал посетить компанию, которая поставила ему стекло, и творчески продемонстрировать им, насколько оно на самом деле пуленепробиваемое.

Брокер должен был что-то знать, теперь он был в этом уверен, но он был так уверен, что его подставили, что ничего другого и не помышлял. Теперь он бежал, спасая свою жизнь, может быть, из-за своего упрямства.

Он осуществлял контрнаблюдение на автопилоте, проезжая по переулкам, сворачивая назад, садясь в автобусы, пересаживаясь. Он решил связаться с брокером задолго до того, как добрался до другого интернет-кафе, после безуспешных попыток придумать план действий, который не противоречил бы его паранойе. Если бы он был прав в первый раз и маклер действительно приложил руку к тому, что произошло в Париже, это не имело бы значения, он все равно был бы против тех же шансов. Но, возможно, брокер знал что-то, что могло бы ему помочь. У него осталась флешка. Это могло быть разменной монетой, в которой он нуждался.

Он зашел на доску объявлений игры. Брокер не был авторизован, но в его личном кабинете было личное сообщение. От брокера, от понедельника. Он открыл ее. Ответ на их последнее сообщение, разглагольствования о соблюдении договоренности, о «доверии» ко всему. Виктор удалил. Он составил собственное сообщение:

Скажи мне, что на самом деле произошло в Париже, и я могу доставить посылку.

Он думал, что это коротко и мило. Все, что ему оставалось делать сейчас, это ждать.

ГЛАВА 26

Париж, Франция

Четверг

22:22 по центральноевропейскому времени

Кеннард шел по пустынной улице, засунув руки глубоко в карманы пальто. Облака влаги клубились вокруг его головы с каждым шагом. У него было много дел, например проверка оперативной электронной почты, но это была самая важная задача. Он добрался до общественного туалета и бегло осмотрелся. Протокол требовал, чтобы он сначала проверил местность, но было слишком холодно для этого ручного дерьма.

Его ботинки эхом отдавались от бетонных ступеней, когда он спускался под землю. Вонь мочи, возможно, в Париже была менее отвратительной, чем в Лос-Анджелесе, но отвратительно есть отвратительно, какой бы сильной она ни была. Он сунул монету в щель и протиснулся через скрипящие ворота.

Работал только один из трех потолочных светильников. Единственная голая лампочка, дающая мрачное освещение, отбрасывающая глубокие тени от светильников. Воздух был даже холоднее, чем на улице. Американец увидел, как его дыхание затуманивается во мраке. Стены были в пятнах, писсуары треснуты, краны проржавели, пол мокрый.

Что за дерьмо. Неудивительно, что французы были такими жалкими людьми, когда им приходилось мириться с такими общественными туалетами. На первый взгляд место было пустым, и Кеннард посмотрел на часы. Он был точно на кнопке. Он потер ладони друг о друга, надеясь, что актив не продлится долго.

Он понял, что в одной из кабин кто-то есть, за секунду до того, как смылся туалет. Через мгновение дверь открылась, и появилась фигура. Он подошел к раковине, бросив на Кеннарда быстрый взгляд.

Мужчина был одет в темный костюм и пальто. Раздался писк, когда мужчина повернул кран и начал мыть руки. Он делал это медленно, методично, казалось, холод его не беспокоил. Отражение голубых глаз мужчины смотрело на Кеннарда в зеркале над раковиной. Это должен был быть он.

— Блейк? — спросил Кеннард.

— Я Доусон, — ответил человек, который не был ни Доусоном, ни Блейком.

Его британский акцент смутил Кеннарда, и на мгновение он заколебался. Но акцент не имел значения. Код был завершен. Кеннард подошел к раковине и засунул руку в пальто. Другой мужчина яростно повернулся к нему так быстро, что Кеннард застыл на месте.

— Делать такие ходы неразумно, — категорически заявил мужчина.

Кеннард поверил ему. Медленно заканчивая действие, он вытащил из внутреннего кармана небольшой, но толстый конверт из плотной бумаги.

— Для тебя, — сказал он.

Мужчина несколько секунд смотрел на него, потом повернулся и тыльной стороной запястья ударил по сушилке для рук. Кеннард стоял с конвертом в руке, чувствуя себя болваном, ожидая, пока британец закончит. После того, как сушилка завершила свой цикл, мужчина повернулся и взял конверт из пальцев Кеннарда.

— Ты должен открыть ее сейчас, — объяснил Кеннард.

Мужчина разорвал конверт и залез внутрь. Он вытащил гладкий смартфон, повертел его в руках и пошел сунуть во внутренний карман пиджака.

— Вам нужно получить доступ к файлам сейчас, — сказал Кеннард. — Мне сказали, что у вас есть пароль.

Британец какое-то время смотрел на Кеннарда, потом включил смартфон и открыл файлы. Кеннард наблюдал, как его глаза поглощают информацию, как лицо мужчины освещается свечением экрана. В смартфоне было несколько файлов, которые Кеннард получил от своего работодателя. Он понятия не имел, что содержалось в файлах; телефон был защищен паролем. Без сомнения, это были планы операции, чтобы кто-то мог оценить, кто виноват в провале. Тот

факт, что контакт Кеннарда был британцем, означал, что это, вероятно, была совместная операция черного мешка с МИ-6. И один с потенциально серьезными последствиями, отсюда и вся эта чушь про плащ и кинжал. Но он только догадывался, а по опыту Кеннарда слишком много думать на его работе не стоило.

Британец долго смотрел на смартфон, прежде чем, наконец, поднял взгляд. Он указал на американца.

«Думаю, тебе тоже стоит прочитать это».

Кеннард кивнул, когда ему передали телефон. Текст заполнил маленький экран. Кеннард попытался прочитать, что написано в документе, но свет резал ему глаза и заставлял щуриться. Там были подробности: рост, вес, цвет волос, биографические данные, что-то похожее на запись ЦРУ. Это было чье-то досье. Там была фотография, которая медленно прояснялась. Лицо. Его лицо. Два слова выше. Два ужасных слова.

Джон Кеннард.

Кеннард был опытным оперативным офицером, хорошо обученным. Он не колебался. Он бросил трубку и сразу же пошел за пистолетом. Но человек уже приближался, слишком быстро, чтобы поверить, что-то делал руками, просто расплывчатое движение, которого Кеннард не понял. Мужчина схватил Кеннарда за запястье, когда пистолет выпал из кобуры.

Он попытался поднять пистолет, наклонив его так, чтобы выстрелить. Мужчина был слишком силен, слишком близко, Кеннард не мог видеть, куда направлен пистолет. Он все-таки выстрелил.

Удар был мучительным, вспышка заставила его моргнуть. Он промахнулся. Пуля безвредно разбила плитку вокруг раковины. Кеннард выстрелил снова. На этот раз пуля попала в писсуар, разбив его на куски, которые с грохотом упали на пол.

Свободной рукой он отчаянно схватил мужчину за руку. Кеннард был по крайней мере на три дюйма выше и намного тяжелее, но уступал ему в силе и балансе атакующего. Потом он понял — он не знал, где была другая рука этого человека.

У Кеннарда перехватило дыхание, когда лезвие вошло в его живот, легко рассекая кожу и мышцы. Взрывы агонии пронеслись по его телу. Пистолет выпал из пальцев, слишком слабых, чтобы удержать его. Кеннард задохнулся, когда лезвие снова и снова вытаскивали и вонзали обратно. И опять. Нож вонзился так глубоко, что острие поцарапало заднюю часть таза.

Кеннард осел, широко раскрыв глаза, все еще беспомощно хватая руками человека, убивавшего его. Нож вытащили в последний раз, и Кеннард рухнул на колени. Он схватился за разорванный живот, пальцы, теплые от крови, касались скользких внутренностей, которых больше не было внутри него. Кеннард не кричал. Он не мог.

Он чувствовал пальцы на голове, хватающие и тянущие вверх. Затем о собственные волосы Кеннарда мужчина осторожно вытер кровь со своего ножа.

Когда оружие очистилось, мужчина отпустил его. Лезвие не было похоже на металл — матово-черное. Кеннард наблюдал, как мужчина сложил лезвие и положил нож в ножны на запястье, спрятанные на его левом предплечье. Мужчина снова подошел к умывальнику и снова начал методично мыть руки. Кеннард

беспомощно смотрел, цепляясь за скользкое, рваное месиво своих вонючих кишок. Он чувствовал себя таким усталым.

К тому времени, когда мужчина закончил вытирать руки, голова Кеннарда безвольно свесилась вперед. Он услышал стук мужских ботинок по кафельному полу, увидел тускло-черную кожу, когда мужчина прошел мимо него. Кеннард услышал скрип, когда мужчина толкнул ворота, и медленно затихающий звук его подъема по лестнице.

Кеннард полез внутрь своего пальто за мобильным телефоном, но не смог его найти. Его бумажник тоже пропал. Он даже не заметил. Он увидел ее на полу рядом, пустую. Чтобы его смерть выглядела как ограбление, понял он. Смартфон тоже пропал.

Кеннард не двигался, не пытался уползти. В этом не было смысла.

Он знал, что у него нет шансов.

ГЛАВА 27

Марсель, Франция

Пятница

05:03 по центральноевропейскому времени

Ребекка Самнер поправила очки для чтения и просмотрела информацию, отображаемую на экране ноутбука. Прошлой ночью, всего несколько часов назад, в Париже был зарезан американец, прикрепленный к посольству США. Полиция посчитала это ограблением, поскольку у убитого отобрали бумажник и телефон. Далее в тексте говорилось, что мужчина работал атташе по культуре в посольстве, а это означало, что он действительно мог быть атташе по культуре или, в типичном для агентства стиле, мог прикрывать свою истинную должность. Его звали Джон Кеннард. Имя ей ничего не говорило.

Ребекка почувствовала, как учащенно забилося ее сердце. Время для этого казалось неправильным, так близко к резне в понедельник. Ей было приказано оставаться на месте и ждать дальнейших указаний, что она и делала. Но затем неожиданное коммюнике прибыло в ее почтовый ящик, и ее контроль не ответил ей об этом. А теперь это. Это казалось слишком большим совпадением, чтобы быть не связанным, или она просто параноик? Она сидела за письменным столом в скудно обставленной квартире, которую последние несколько месяцев называла домом. Свет монитора освещал ее лицо. У нее не было других огней.

Она не знала имени своего контролера, никогда не встречалась с ним. Их единственная связь была по защищенным каналам спутниковой связи и Интернету. Она не знала, кто еще работал над операцией или кто заказал ее. Ей нужно было знать, и, очевидно, ей не нужно было знать очень много. Что она знала, но чего ей никто не сказал, так это то, что операция была не по правилам, далеко не по книгам.

Прошло почти пять дней с тех пор, как все пошло не так, и вторник был последним днем, когда ее руководство связалось с ней и приказало удерживать позицию и ждать новых приказов. Так и было. Четыре дня она жила за счет того, что было у нее в шкафу, никогда не выходя на улицу, всегда за компьютером, всегда в ожидании.

Двенадцать часов назад произошло нечто, изменившее все. Убийца отправил ей сообщение. Этого не было в сценарии.

Итак, она не подчинилась приказу и связалась со своим контролем по электронной почте через несколько минут после получения сообщения убийцы. Контроль всегда возвращался к ней через несколько часов, но и через полдня ответа все еще не было. Ее действия были явным нарушением строгого протокола, согласно которому проводилась операция, но она чувствовала, что сообщение оправдывало это. Конечно, это был шанс вернуться на правильный путь. Она предположила, что больше ничего не получила, потому что ответственные лица решали, что ей следует ответить. Но потом этот Джон Кеннард был убит.

По телефону ее контроль говорил с акцентом Западного побережья; она догадалась, что он уроженец Лос-Анджелеса. Еще минуту она смотрела на экран в поисках информации. В сообщении говорится, что Джон Кеннард был из Калифорнии.

Может быть, причина, по которой ее контроль не вернулся к ней, заключалась в том, что прошлой ночью он был зарезан в Париже.

Если этот Кеннард действительно находился под ее контролем, то почему никто больше не связался с ней после того, как его убили? С момента его смерти прошло более семи часов. У нее достаточно времени, чтобы получить телефонный звонок или электронное письмо. Здесь было поздно, но не в Штатах, да и так никто долго не спал на чем-то подобном. Ее контроль будет иметь начальство, которое должно знать о ее роли в операции. Но что, если никто больше не узнает, что система управления мертва? Операцию нельзя было бы спасти, если бы никто не знал, что происходит.

Если им нужно было поговорить, ее контроль всегда звонил ей, но он дал ей специальный номер, чтобы звонить в случае крайней необходимости, номер мобильного телефона, и она считала это чрезвычайной ситуацией, насколько это возможно. Ребекка взяла трубку.

Ее широко раскрытые глаза смотрели в темноту, когда она услышала автоматизированный голос, говорящий, что линия недоступна. Она подождала минуту и попробовала снова. Недоступен. И опять. Все еще недоступен. Такие строки не стали недоступными. Ребекка ощутила нервнующее желание оглянуться через плечо на дверь квартиры.

Она резко бросила трубку, внезапно поняв, что происходит. Сначала то, что произошло в Париже в понедельник, затем прошлой ночью был убит американец из посольства, а теперь отключена линия экстренной связи. Единственное объяснение было ужасающим, но она приложила решительные усилия, чтобы сохранять спокойствие. Должно быть, ты что-то упускаешь, сказала она себе. Она внимательно изучила все отчеты, каждую крупную информацию, к которой у нее был доступ. Ей нужно было доказать, что она неправа, или доказать, что она права — и быстро.

Интерпол дал ей ответ, которого она боялась. Она прочитала отчет, пришедший из Швейцарии. К северу от Женевы сгорел дом, и мужчина был найден мертвым. Полиция искала убийцу. Глаза Ребекки сосредоточились на адресе. Она уже видела этот адрес. Она помогла найти его. Они попытались снова, но никто не сказал ей. Она была не в теме. Что могло означать только одно.

Ребекка схватила папки со стола, отнесла на кухню и бросила в раковину. Она порылась в своих шкафах и нашла бутылку крепкого рома, которую приберегла на черный день. Сегодня лило снаружи и внутри. Она развернула крышку, выдернула пробку и плеснула

немного в раковину. Она сняла с крючка зажигалку для печки, опустила конец в раковину и отошла подальше.

Она нажала кнопку, и ром воспламенился. Ребекка сделала глоток из бутылки и какое-то время смотрела, как горят файлы. Ей не потребовалось много времени, чтобы бросить одежду в чемодан. Она взяла практичные вещи, ничего необычного. У нее был шкаф, полный одежды, которую она любила, но сейчас было не время быть сентиментальной. Ей нужно было выбраться как можно быстрее.

Велась уборка; теперь она была в этом уверена. Все признаки были налицо. Операция пошла не так, и тот, кто был ответственным, выдернул вилку, и они отрезали свободные концы. Она знала, что такие вещи случались в старые времена, но она никогда бы не поверила, что это все еще происходит в наше время. Тебе лучше поверить в это, сказала она себе.

Зачем нужно начинать убивать людей? Что, черт возьми, на самом деле происходит? У нее возникло щемящее чувство, что операция была не просто не в книгах — она была полностью вне библиотеки.

Ее контроль был уже мертв. Всего семь часов назад. За ней тоже кого-нибудь пошлют; может быть, они уже послали их. Она посмотрела на часы. Каждая секунда приближала ее смерть.

Ее сердце колотилось, когда она застегивала молнию на ноутбуке и брала личные вещи. Она оставила оборудование связи. Ей это было не нужно, и все файлы были на компьютере. На кухне густой дым заставил ее закашляться, когда она включила краны, чтобы потушить огонь в раковине.

Она вышла из квартиры с пересохшим от страха горлом и пошла по коридору, ожидая в любой момент появления человека с пистолетом с глушителем. Нет, напонила она себе, они бы так не поступили. Она могла попасть в аварию, возможно, принять передозировку. Может ограбят в туалете.

Она отказалась от лифта и поднялась по лестнице. Она поспешила вниз по ним, ее лицо было скользким от пота. На первом этаже она не использовала входную дверь, но нашла пожарный выход сзади и толкнула его в переулок. Холодный ветер развевал ее волосы по плечам. Дождь промочил ее.

Ребекка слышала шум поблизости, но почти ничего не видела. Если она побежит, ее могут услышать, поэтому она медленно и осторожно пошла в конец переулка. Когда она вышла на улицу, ее охватило облегчение.

Может быть, она ошибалась, может быть, ее контроль был просто неудачным, но она провела всю свою жизнь, анализируя шансы, и шансы говорили ей, чтобы она убиралась к черту. У нее была машина, но она не пошла к ней. Они бы знали об этом. Он был зарегистрирован на ее имя. Может быть, под ним поджидала бомба или тормозные тросы были оборваны.

Ребекка шла по улице, дождь хлестал ей по макушке. Она чувствовала себя в большей безопасности рядом с другими людьми. Они бы ничего не сделали на публике. Она поймала такси и попросила водителя отвезти ее в аэропорт. У нее было место, куда она могла пойти, где ее никто не нашел бы. По дороге она думала о том, что произошло и что может случиться, и в ее голове начал формироваться план. К тому времени, когда она вышла из такси, она точно знала, что собирается делать. Это было опасно, даже безумно.

Но это может просто сохранить ей жизнь.

ГЛАВА 28

Париж, Франция

Пятница

08:12 по центральноевропейскому времени

Альварес вытащил свое громоздкое тело из гостиничной кровати из гвоздей и направился в душ. После трех минут эффективного мытья

и чистки он вышел, вытерся и оделся. Накануне он спал всего несколько часов, как и каждую вторую ночь на этой неделе, и чувствовал себя дерьмом. Он был на дыму, а дым заканчивался. Когда он был моложе, он мог делать все, что требовалось для работы, когда угодно, но после того, как он выбрал 35-ю трассу, где-то вдоль дороги дела пошли на спад. 40-я трасса была прямо за углом.

Легче не станет ни с работой, ни с его телом. Время было злейшим врагом. С точки зрения Альвареса, вы были умны, если знали, что сражаться в этой битве — проигранная битва, но вы были трусом, если все равно не сражались. Альварес позволил себе провести в постели дополнительные полчаса, чтобы омолодить свой мозг и сухожилия. Большой зевек сказал ему, что этого было недостаточно. Прямая охота на убийцу Озолса, возможно, и зашла в тупик, но концентрация его усилий на выяснении того, кто нанял семерых стрелков, чтобы убить убийцу, привела к появлению зацепок.

Семь из семи убитых стрелков были идентифицированы, и из них американец Стивенсон был в центре внимания охоты Альвареса. Ноукс нашел на жестком диске Стивенсона серию фотографий какой-то встречи между Стивенсоном и неизвестным мужчиной, сделанных за пару недель до бойни в Париже. Третий человек тайно сделал снимки, в основном загадочного человека, толстого парня лет пятидесяти с портфелем. Были фотографии, на которых он приходил в кафе в Брюсселе и садился за один из столиков снаружи, где ждал Стивенсон; о том, как двое немного беседуют, пьют кофе и едят пирожные; и о толстом парне, который собирался уйти, оставив портфель под столом.

Затем фотограф проследил за ним до его машины и сделал несколько снимков, как он уезжает. По какой-то причине парень с камерой не смог снять номерной знак, но Ноукс изо всех сил старался снять его с отраженных поверхностей. Пока без везения.

Банковские записи Стивенсона показали, что днем позже он внес наличными сто тысяч евро. Никто в банке не допрашивал депозит и не уведомлял власти об этом. С тех пор менеджер банка был уволен. Альварес был полон решимости опознать парня с портфелем и работал над достижением этой цели со своей типичной сдержанной эффективностью.

Способность Альвареса сохранять спокойствие в кризисной ситуации была одной из его самых ценных черт. Ему потребовалось много времени, чтобы стать эмоциональным, и еще больше, чтобы воздействовать на эту эмоцию. Во время своей службы в армии он был жертвой нескольких неприятных ситуаций, и, будучи оперативником Центрального разведывательного управления, ему в лицо было направлено не одно ружье. Лишь однажды он по-настоящему испугался за свою жизнь, и в этот момент он обнаружил, что страх сфокусировал его и сделал смертельно опасным.

Во всяком случае, ему было легче справляться с опасностью, чем с более приземленными разновидностями стресса. Люди, не отвечающие на чертов телефон, бесили его куда больше, чем пялящиеся в дуло пистолета. 45.

Кеннард исчез с радаров, его телефон дразнил Альвареса своим слишком-идеально-отрепетированным голосовым сообщением каждый раз, когда Альварес нажимал быстрый набор. Накануне вечером Альварес и Кеннард вместе выпивали в дерьмовом маленьком парижском апологетическом баре. Алкоголь Альварес обычно приберегает для особых случаев, но у Кеннарда было такое лицо, как будто он сосал халапеньо пару дней, и Альварес понимал важность морального духа.

Ему тоже было приятно распуścić волосы. Неделя была безбожной сукой, и он чувствовал последствия. Несколько кружек пива охладили его, но Кеннард был сгустком нервной энергии. Что-то

определенно было под кожей молодого парня, но Кеннард хорошо и по-настоящему держал язык за зубами. «Женские проблемы», — догадался Альварес. Какой-то распутный кусок задницы, который не отвечает на сообщения, или еще какая-то чушь. Допив остатки пива, Альварес предложил найти бургерную, но Кеннард покачал головой.

«Я бы с радостью, — сказал Кеннард, — но мне нужно кое-что сделать».

Глаза Альвареса расширились. — Что-то или кто-то?

'Если бы.'

Альварес включал свой ноутбук и пил вторую чашку черного кофе, когда зазвонил его телефон. Менее чем через шестьдесят секунд он уже выходил из двери.

Это был короткий прыжок на метро до посольства, и он направился в свой офис, надеясь, что кто-то совершил ужасную ошибку. У них не было. Его ждал отчет полиции, включая фотографии. Альварес сел, отцепил рабочий телефон, выключил мобильный и внимательно прочитал информацию.

Кеннард был мертв. Убит. Получил несколько ножевых ранений в живот, в конечном итоге умер от потери крови. Признаки борьбы. У него забрали телефон и опустошили бумажник. Никаких свидетелей. Лучшие в Париже расценили это как ограбление. Бедный чмо.

Альварес и раньше терял людей, хотя и редко, всего двоих за всю свою карьеру в компании. Однако они были активами, а не настоящим ЦРУ. Он принял это как неотъемлемый риск операционной стороны

бизнеса, но это было не то, к чему он когда-либо привык. Альварес откинулся на спинку стула и тяжело выдохнул.

Он никогда особо не любил Кеннарда и не собирался притворяться, что скорбит о его кончине, но искренне сожалел, что этого парня убил какой-то кусок дерьма, питающийся улитками. Вероятно, какой-нибудь бездомный наркоман, чтобы заполучить немного крэка. Офицер Центрального разведывательного управления не мог умереть. Гораздо лучше быть убитым при исполнении служебных обязанностей, чем во время помочиться.

То, как это представлялось копам, и то, как это выглядело в голове Альвареса, заключалось в том, что преступник застал Кеннарда с ножом и потребовал его вещи. Кеннард пытался вытащить пистолет и неоднократно получал ножевые ранения. Кеннард был настолько самоуверен, что решился на такую глупость. Он должен был передать бумажник и подождать, пока парень уйдет, а затем вонзить три ему в позвоночник.

Альварес на мгновение задумался. Кеннард, хотя и не являлся смертельным оружием, был хорошо обученным оперативником. Трудно было понять, как какой-то подлец мог напасть на него. Альварес почесал затылок. Он вздохнул и покачал головой. Он слишком много вчитывался в это. Парень был убит. Это случилось даже с лучшими. И Кеннард определенно не был лучшим.

Теперь, когда Кеннард исчез из поля зрения, у Альвареса будет куча дополнительной работы. Парня убивают, когда они по уши в поисках профессионального наемного убийцы. Идеальное время.

Альварес отложил файл и включил телефон. У него было три пропущенных звонка и голосовая почта. Он прослушал сообщение.

Это Ноукс рассказал ему о фотографиях на жестком диске Стивенсона. Он перезвонил ему.

'Что у тебя?'

— Я нашел кое-что на нескольких фотографиях со встречи Стивенсона.

'Такие как?'

— На тех, где таинственный человек уезжает, у нас есть несколько снимков его машины...

— Но я знаю, что ни одного номерного знака.

«Да, это верно, но на двух мы видим наклейку на лобовом стекле, как только я улучшил изображение. Это от компании по аренде автомобилей.

'Кто они?'

— Они базируются в Брюсселе. У нас не было четкого снимка наклейки, только первая половина имени и номер телефона, но этого было достаточно, чтобы сузить список подозреваемых, пока я не узнал, кто это был. В Брюсселе не так много компаний по аренде автомобилей с похожими названиями. Я отправил вам по электронной почте соответствующие детали.

Через минуту Альварес повесил трубку и с надеждой открыл электронную почту Ноукса. Он отодвинул полицейский отчет в

сторону. Было чертовски жаль Кеннарда, но позже он разберется с бюрократией своей смерти.

Сейчас у него были более насущные дела.

ГЛАВА 29

Дебрецен, Венгрия

Пятница

20:12 по центральноевропейскому времени

Виктор провел утро в Цюрихе, опустошая свой основной банковский счет, прежде чем зарыть деньги за вычетом двадцати тысяч евро. Наличные деньги будут его единственным источником средств в течение некоторого времени. Он не мог больше перевозить через границу, не вызывая подозрений, а положить остаток в другой банк было невозможно.

Возвращение в Швейцарию было рискованным, но если он собирался продолжать жить, ему нужны были деньги. Затем он прилетел обратно в Будапешт, а оттуда в качестве дополнительной меры предосторожности сел на поезд до Дебрецена. Важно было продолжать двигаться, не оставаться на одном месте слишком долго. ЦРУ преследовало его, и он должен был сделать все возможное, чтобы помешать его усилиям по его выслеживанию.

ЦРУ было чрезвычайно хорошо финансируемым и далеко идущим, но оно не было всемогущим. Если он останется мобильным и не сделает ничего, чтобы привлечь его внимание, он был уверен, что пока сможет держаться подальше от его прицела. Однако, как долго это будет оставаться правдой, он не знал.

Температура была ниже тридцати. Виктор провел час в кофейне, пока не убедился, что за ним не следят. Затем он перешел в другое подобное заведение, где провел второй час, убеждаясь в этом вдвойне. Неделю назад он был бы доволен тем, что за ним не ведется слежка, но теперь он не до конца доверял своим силам, особенно когда им противостояла организация с двадцатью тысячами штатных сотрудников и многими десятками тысяч других. иностранных агентов и активов.

Виктор взял такси и отправился в центр Дебрецена, проезжая по чистым улицам, постоянно глядя в зеркала на предмет возможных хвостов. Он знал, что его заикленность на зеркалах нервирует таксиста, и Виктор помог ему расслабиться, поддерживая разговор с водителем. Они говорили о футболе, женщинах, политике, работе.

'Чем вы зарабатываете на жизнь?' — спросил водитель Виктора.

Они проезжали мимо величественного здания страховой фирмы, и Виктор сказал: — Я продаю страхование жизни.

Водитель ухмыльнулся. — Все умирают, верно?

Виктор не сводил глаз с бокового зеркала. «Кажется, я так действую на людей».

Выйдя из такси, он некоторое время шел среди толпы, время от времени останавливаясь и часто возвращаясь назад. Он обошел несколько магазинов, ничего не покупая, но следя за тем, кто зашел за ним, а кто стоял снаружи, глядя на дверь. Когда он убедился, что за ним не следят, он поймал другое такси и сел сзади.

Через пятнадцать минут Виктор выбрался из машины в центре Дебрецена. Здесь улицы были тише, и хотя команде было бы легче следить за ним, ему также было бы легче их обнаружить. Никто не включил его радар угроз. Другое такси отвезло его обратно в центр города и к его истинному месту назначения.

Интернет-кафе было приличных размеров и приятно заполнено посетителями, некоторые из которых курили. Виктор не курил, но только потому, что он пассивно выкуривал никотин, которого было более чем достаточно, чтобы удовлетворить свою тягу. Он был уверен, что брокер ответит на его письмо; он просто не был уверен, что ответ будет содержать.

Виктор сел за самый защищенный терминал перед стареньким компьютером. Мерцающий экран тут же заставил его глаза заслезиться. Он мог слышать его шумный жесткий диск, полугудящий, полубулькающий. Виктор зарегистрировался на доске объявлений. Он заметил, что его пульс немного увеличился.

Его ждало сообщение.

Он почти ожидал, что компьютер взорвется на куски, когда он щелкнет, чтобы открыть его, но ничего необычного не произошло. Какая-то его часть почти желала этого.

Ты не захочешь звонить, но нам нужно поговорить. Я могу помочь вам.

Он не знал, чего ожидать, но точно не этого. Он долго смотрел на экран. Это не было похоже на брокера. В сообщении не было тонкостей. Это было прямо, по делу, призывая к дальнейшему общению. Там был номер телефона.

Кто-то, кроме брокера, отправил сообщение? Если ЦРУ нашло его, возможно, оно нашло и посредника, а сообщение было приманкой, чтобы заманить его в ловушку. Или, если его подставили с самого начала, была ли это просто еще одна подстава? Возможно, тон голоса действительно изменился из-за необычной ситуации. Он заметил, что у него болит голова.

У Виктора не было ни настоящих друзей, ни настоящих союзников, лишь горстка знакомых. Это было одной из вещей, которые поддерживали его жизнь так долго. Чем меньше у него было контактов с окружающим миром, тем меньше потенциальных точек компромисса. Теперь такая защита сделала его изолированным, уязвимым. Он был один, в бегах, и понятия не имел, почему его преследуют охотники. Независимо от причин, он знал, что его шансы на выживание уменьшались с каждым часом.

Что-то должно было измениться.

Виктор не сомневался в своих способностях, но, хотя ему и не хотелось это признавать, он был не в своей тарелке. Если все останется по-прежнему, он просто не выживет. Его дважды обнаруживали, несмотря на все меры предосторожности, и он будет обнаружен снова. Это может занять недели, даже годы. Но сколько раз ему удавалось убежать от врагов? Рано или поздно ему не хватило бы скорости.

Его единственная зацепка ни к чему не привела. Сам по себе у него не было выбора, кроме как ждать следующего покушения на его

жизнь. Ему нужна помощь. И единственный человек, предложивший это, был первым, кто, как он думал, подставил его. До сих пор не было доказательств обратного.

Но он был вне вариантов.

Он запомнил номер и вышел из кафе. Он нашел укромный телефон-автомат, набрал номер. Двадцать секунд, которые потребовались, чтобы кто-то ответил на звонок, показались ему самым долгим моментом в его жизни.

'Привет?'

Голос был женским, и это отбросило его на секунду. Он не думал, кто мог бы ответить, но и женщину он не ожидал. Американка.

В конце концов он нашел свой голос. 'Это я.'

Реакция была мгновенной, удивление было очевидным, казалось бы, искренним. — Боже мой, да?

'Да.'

— Я не был уверен, что ты позвонишь.

Виктор не сводил глаз с улицы, проверяя людей, машины. 'Что происходит?'

— Не по телефону.

Десять секунд.

Виктор сказал: «Я не нарушал протокол уже полвека, так что мы либо поступим по-моему, либо не поступим вообще». Понял?

'Да.'

— Тогда расскажи мне, что ты знаешь.

'Еще нет.'

'До свидания.'

Это был не блеф.

'Нет, подождите.'

Двадцать секунд.

Брокер говорил быстро. — Я знаю, кто они, кто пытался тебя убить. Я могу помочь.'

'Скажите мне.'

— Я скажу тебе, когда мы встретимся. Не раньше, чем.'

— Если ты не скажешь мне сейчас, меня нет.

— Ты не справишься сам.

'Позволю себе не согласиться.'

— Если бы ты действительно в это верил, — тихо сказал голос,
— ты бы не звонил.

Тридцать секунд.

Виктор уставился на свое отражение в стекле телефонной будки. Тяжело было смотреть себе в глаза. Он вздохнул. — Если мы встретимся, то где?

'Париж.'

'Когда?'

'Сегодня вечером.'

— Почему так скоро?

— Потому что завтра меня может уже не быть в живых.

Сорок секунд.

— Сообщите мне подробности.

— Позвони по этому номеру, когда приедешь. Сейчас я должен идти.'

Телефон отключился.

Она закончила разговор первой. Это был хороший знак, несмотря на гнев, который он вызвал. Он пытался растянуть это на минуту, чтобы проверить ее. Если бы она позволила этому длиться более шестидесяти секунд, он бы понял, что не может ей доверять. Тем не менее, преждевременное прекращение с таким же успехом могло быть уловкой, чтобы убедить его, что она искренняя. Если да, то ее ждал большой сюрприз. Он никому не доверял.

Но в ее голосе слышалось отчаяние, заставившее его думать, что она настоящая, что она не пытается его подставить, что она в такой же опасности, как и он. Хотя он объяснил, что хорошая актриса или пистолет в лицо особенно хорошо добавляют это чувство отчаяния.

Все началось в Париже, и теперь его просят вернуться. Его враги уже пытались убить его там, и вернуться назад казалось отличной идеей, если он мечтал о самоубийстве. Если бы его враг знал, что он прибывает сегодня, аэропорт и вокзалы могли бы быть поставлены под наблюдение. Команды истребителей могут быть созданы. Его было бы легко заметить. Если он выберется на улицу, то сможет достать себе оружие из сейфа, но и это может быть скомпрометировано. Он не мог рисковать, а это означало отсутствие оружия. Он пойдет прямо к порогу своего врага, безоружный, что облегчит их работу. Это было последнее, что он должен был делать.

Но если есть хоть малейший шанс, что брокер знает что-то полезное, то ему нужно это услышать, каков бы ни был риск. Либо так, либо начать бежать и никогда не останавливаться. В глубине души это было похоже на подставу, и сколько бы он ни думал об этом, он не мог

избавиться от ощущения, что идет в ловушку. И вошел в него по своей воле.

Вернувшись в Париж, он так или иначе узнает, что происходит. Если она говорила правду, так тому и быть; он мог использовать любую информацию, которая у нее была, чтобы решить, что делать дальше. Если это была ловушка, то, по крайней мере, он точно знал, что остался один. Или он был бы мертв, и это не имело бы значения.

Два варианта.

Отправляйся в Париж или исчезни навсегда.

Ни одна из перспектив не была заманчивой, но провести остаток своей жизни в качестве мишени ЦРУ казалось наименее привлекательным.

ГЛАВА 30

Париж, Франция

Суббота

00:09 по центральноевропейскому времени

Названный в честь человека, чья жизнь была наполнена такой сложностью, абсолютная простота аэропорта имени Шарля де Голля

всегда казалась Виктору нарочитой иронией. Даже в самом лучшем настроении прохождение через него может показаться долгой прогулкой в никуда. В терминале было особенно малолюдно даже для полуночи, и лишь несколько человек с тревогой проверяли табло отправления в поисках новостей о задержке рейсов. Особенно плохая погода стояла на большей части территории Западной Европы. Либо так, подумал Виктор, либо французские авиадиспетчеры снова бастуют.

Он не видел в аэропорту никого, кого считал бы тенью, но не был в этом уверен. В аэропорту его не убили, если не арестовали. Там были вооруженные и осторожные охранники, которые, не колеблясь ни секунды, стреляли в любого, кто даже выглядел так, будто готов вытащить пистолет. По крайней мере, без оружия он был в безопасности от них. Как только он окажется в городе, все изменится, если к тому времени он не будет задержан полицией. В городе, где убийства происходят ежедневно, его собственные едва ли заслуживают внимания. Хотя он не умрет легко. Если он идет в ловушку, то, ради его врагов, лучше, чтобы его ждал не что иное, как взвод.

Прохождение паспортного контроля вселило в него уверенность, что французские власти его не ждут. Одной заботой меньше стало. Он по-прежнему будет осторожен с полицией и службами безопасности, но именно ЦРУ в настоящее время находится на вершине его радара угроз. Он направился прямо к выходу, не утруждая себя контранаблюдением. Если бы за ним наблюдали люди, он не собирался их всех трясти, и чем больше времени он проводил взаперти, тем легче он выполнял их работу. Его лучшим шансом было попасть в Париж как можно быстрее. В городе он мог слиться с пейзажем, исчезнуть.

Он добрался до выхода без происшествий и прошел через автоматические двери, полностью ожидая, что его застрелят, как только он выйдет наружу. Небо над головой было черным, облака злые, клубящиеся. Горький ветер кусал его плоть, почти внутренне

нападая. Дождь лил прямо и сильно. Виктор видел, как капли дождя сыплются на землю градом пуль.

Снаружи было меньше дюжины человек, но любой из них мог быть таким же убийцей, как и он. Он зашел слишком далеко, чтобы повернуть назад. Он сделал свой выбор, хороший или плохой, и собирался довести его до конца. Но никто не стрелял в него, никто даже не смотрел ему в глаза. Если он и умрет, то не здесь, под дождем.

Прошло пять дней после нападения в Париже, и тогда он никогда бы не поверил, что вернется раньше, чем истечет неделя. Но многое произошло за это время. Царапины на его щеке почти исчезли, но грудь все еще болела, а на руках и запястьях были корки. Виктор не был уверен, сколько жизней у него осталось. Он сел в такси и велел водителю отвезти его в Париж и в ближайший ломбард.

«Ни один не будет открыт».

Виктор потянулся к ремню безопасности. — Просто найди его.

Они въехали в город, Виктор молчал, несмотря на попытки водителя втянуть его в разговор.

'Ты не против если я покурю?' — спросил Виктор.

Водитель покачал головой.

Казалось, прошло много времени, прежде чем машина остановилась у бордюра. В магазине было зарешеченное окно с решеткой, усиленная дверь. Две буквы на его желтой неоновой вывеске были черными.

Виктор сказал водителю подождать и вошел внутрь. Он вышел через пять минут, на несколько сотен евро легче, но тяжелее: нож Benchmade Nimravus с черным лезвием танто длиной четыре с половиной дюйма, два незапертых сотовых телефона с предоплатой и автомобильное зарядное устройство. Он осмотрел нож в магазине, проверяя его остроту и балансировку перед пристальным взглядом тощего владельца. Виктор забрался на заднее сиденье такси и попросил водителя подключить первый телефон.

— Мы близко к бару?

Водитель улыбнулся в зеркало заднего вида. — Вот как?

— Да, — ответил Виктор. 'Это.'

Водитель отвез его в ближайший бар. Он стоял недалеко от перекрестка. Дорога снаружи была занята людьми и машинами.

— Отведи меня к другому.

Водитель взглянул на него, но Виктор ничего не сказал. Следующие два такта он также пропустил. Четвертый находился на тихой улице, поблизости не было перекрестков.

'Лучше?' — спросил водитель.

Виктор потянулся к бумажнику.

В баре он купил водки и сказал сбитоному с толку бармену, что ему нужно одолжить кассету. В туалетной кабинке он прикрепил нож острием вверх к коже поясицы. Он заправил рубашку только спереди. Вооружившись, он чувствовал себя лучше. Теперь, по крайней мере, он мог взять некоторых из них с собой.

Он воспользовался телефоном-автоматом бара. Линия подключилась после нескольких гудков.

— Вы у де Голля? были первые слова брокера.

— Я в городе.

— Запишите это, — сказал брокер. — Встретимся там.

— Нет, ты приходи и познакомься со мной. Виктор сказал ей адрес бара. — Если тебя не будет здесь через тридцать минут, все, что ты найдешь, — это пустой стакан.

'Держать на секунду; это не так работает. Вы пришли ко мне.'

«Мы играем по моим правилам, или я полечу следующим рейсом. Принять решение.»

Пауза. Затем: «Хорошо».

«Наденьте что-нибудь красное».

Он повесил трубку.

Бар был полупустой, только серьезные пьяницы, которые, похоже, проводили там много времени. Он знал, что его заметили как постороннего, но это не имело значения, никто здесь не собирался из всех сил передавать информацию властям. Большинство были слишком заняты травлением своих мозгов, чтобы даже вспомнить его.

Виктор заплатил за свою выпивку и вышел на холод. Он посмотрел в обе стороны вниз по улице. Слева дорога вела в промышленный квартал; направо, он направился к перекрестку с автострадой. Он не видел знака метро и не думал, что она пойдет пешком. Вдалеке завывали сирены, но дождь казался громче.

Он перешел дорогу и нашел переулок, где мог наблюдать за входом в бар. В такое время он обычно вынимал пистолет, заряжал патрон и щелкал предохранителем, прежде чем повесить его на пояс, слева от пряжки ремня, где он мог быстро добраться до пистолета. Но у него не было пистолета, только нож. Было бы недостаточно, если бы они послали группу истребителей, но это было лучше, чем ничего.

У него было какое-то укрытие от ветра и непрекращающегося ливня, но дождь все еще настигал его, и холод все еще щипал кожу. Виктору было все равно. Это было здорово.

Холодный, мокрый, но живой.

Он простоял ровно двадцать минут и выкурил одну восхитительную сигарету, когда к бару подъехало белое такси и оставила высокую женщину, стоящую на обочине, и облако выхлопных газов растворилось в воздухе вокруг нее. Она была одета в серое пальто до щиколотки. Темные волосы, собранные в хвост, торчали из-под шерстяной шапки. Вокруг ее шеи был повязан бордовый шарф.

Брокер.

Она воспользовалась моментом, чтобы собраться и вошла в бар. Он был удивлен, что такси высадило ее прямо в месте назначения, и еще больше удивился тому, что она вошла, даже не осмотрев окрестности. Либо она понятия не имела, что делает, либо играла роль того, кто этого не понимал.

На улице не было следов присутствия группы истребителей, дорога свободна, звуки машин только вдалеке. По улице шел мужчина с собакой, но Виктор не обратил на него внимания. Слишком много изоляции вокруг талии. Собака была доберманом, и мужчина старался держать ее под контролем. Команда истребителей не стала бы использовать собаку даже для отвлечения внимания.

Виктор быстро вышел из переулка, опустив голову и подняв воротник, просто человек, который срезал путь и очень хотел идти своим путем. Он погладил добермана, прежде чем перейти дорогу. С другой стороны, он стоял справа от входа в бар, спиной к стене. Он держал руки перед собой, снаружи куртки, несмотря на холод. Он закурил сигарету и медленно выкурил. Он наблюдал за дорогами.

Дверь открылась через пять минут. Она вышла в ночь. Прежде чем она поняла, что происходит, он схватил ее за руку.

'Сюда.'

Он слышал, как у нее перехватило дыхание, но она не сопротивлялась. Виктор повел ее на запад, дальше по улице, и свернул в первый же попавшийся переулок. Он толкнул ее к стене и обыскал. Она сделала большие глотки воздуха.

— У меня нет пистолета.

Ему потребовалось всего несколько секунд, чтобы понять, что она не вооружена. Он хотел найти пистолет, чтобы использовать его самому. Он вывел ее из переулка.

'Куда мы идем?'

Он не ответил ей, просто продолжал идти, его пальцы крепко сжимали ее руку, ее ноги быстро работали, чтобы не отставать от него. Он видел, как она смотрит на него краем глаза, но не оглядывался. Он не сводил собственного взгляда с окружающего.

Виктор провел ее до конца улицы, в промзону. Дороги были широкие, чистые. Вдоль тротуаров стояли заборы, за которыми стояли заводы. Одни с включенным светом, другие без. Появилась машина, направляющаяся к ним. Рука Виктора двинулась к его спине. В десяти ярдах, если казалось, что она вот-вот остановится, он перерезал горло брокеру и бросил ее на дорогу перед машиной, прежде чем побежал. В переулке он найдет укрытие, устроит засаду последнему человеку, вонзит нож ему в позвоночник, заберет пистолет, убьет остальных или погибнет, стреляя.

Машина не остановилась.

Брокер сказал: «Скажи мне, куда ты меня ведешь».

Он не ответил, но она получила ответ через пять минут, после того как они кружили по пустынным улицам. Бар был дальше по дороге.

— Почему мы снова здесь?

Он провел ее внутрь, заказал выпивку для них обоих и сел за самый дальний от двери стол, ближе к входу в туалеты. Раньше, с другой стороны, он видел дверь с надписью «Только посох». Где-то на другой стороне должен быть черный ход, если ему понадобится им воспользоваться.

Его и раньше сбивало с толку, когда он узнал, что маклером была женщина, и теперь, когда он смотрел на нее, это сбивало с толку. Она была моложе, чем он мог подумать. Тридцать, может, даже двадцать восемь. Это означало, что она была хороша в том, что делала, или они использовали ее, чтобы сбить его с толку. Он не позволил своему удивлению проявиться.

Брокер был таким же мокрым, как и он, и, похоже, ей это совсем не нравилось. Значит, не оперативник. У нее было худощавое лицо, темные глаза. Она сидела, сжав стакан чашечкой. Она не смотрела на него много.

— Я никого не привел.

Виктор почти поверил ей. Его естественная подозрительность не устраивала человека напротив него. Она была слишком молода, слишком напугана и слишком глупа, чтобы подставлять его. Может быть, она просто была вовлечена в что-то, что выходило за ее пределы, и отчаянно нуждалась в его помощи. У него не было планов сделать это, если только это не помогло ему. Или, может быть, он ошибался. В любом случае ее шансы на выживание были невелики. Он положил руки на стол.

— Зачем ты заставил меня вернуться в Париж?

— Кто-то пытается убить нас обоих.

Было заманчиво быть саркастичным, но он сопротивлялся. — Из-за понедельника.

Она покачала головой. «Работа в Париже — это не то, что вы думаете». Она оглядела бар. — Нам не следует здесь разговаривать.

Она так нервничала, что не могла усидеть на месте, проверяя дверь каждые несколько секунд, как будто видела это движение в фильме. Она привлекала слишком много внимания.

— Хорошо, — сказал он. 'Где?'

«У меня есть квартира на востоке города. Это безопасно.»

Виктор скептически поднял бровь.

— Я живу там со вчерашнего дня, — объяснила она. «Никто не знает, что я там, иначе меня бы уже убили».

Это был хорошо поставленный момент.

Виктор допил свой напиток. 'Возьми меня туда.'

ГЛАВА 31

01:35 по центральноевропейскому времени

'Мы здесь.'

Брокер взглянула на него, прежде чем повернуть ключ и открыть дверь. Она не могла этого знать, но ее следующее действие определяло, убьет ли он ее прямо сейчас. Она вошла внутрь. Если бы она сказала или хотя бы жестом попросила Виктора войти первым, он бы свернул ей шею, зная, что это ловушка. Но она этого не сделала. По крайней мере, на данный момент она осталась жива.

Ее дом был довоенным, семиэтажным, ничем не примечательным и нуждался в некотором ремонте. Когда-то это могло выглядеть хорошо, но те времена давно прошли. Квартира представляла собой не более чем пустую оболочку, только самую простую мебель и приспособления, просто обставленные. Типичная недорогая аренда в черте города. Брокер щелкнул выключателем и вышел на середину комнаты.

Виктор выключил свет и закрыл за собой дверь. Она развернулась на месте. Во мраке он мог видеть страх, который распространился по ее лицу, когда она ошиблась. Виктор проигнорировал ее, подошел к столу, стоявшему у стены, и включил лампу, повернув ее так, чтобы их силуэты не отбрасывались на тонкие занавески.

Он держался спиной к ней на мгновение дольше, чем ему было нужно, давая ей, казалось бы, хорошую возможность попробовать кое-что. Он прислушивался к движению, к перемене позы, которая выдала

бы ее. Она ничего не сделала. Он почти хотел, чтобы она просто так знала наверняка. Виктор повернулся к ней.

— Меня зовут Ребекка, — сказала она.

— Мне все равно. Брокер снова начал говорить, но перебил ее. 'Будь спокоен.'

Виктор оглядел комнату, осмотрел светильники, розетки, под столами — проверил, нет ли жучков. Он обыскал остальную часть квартиры. Там была скудная кухня, ванная, спальня с двуспальной кроватью. Из кухни можно было выйти на крошечный балкон. Он должен был быть быстрым на случай, если время было проблемой. Он ничего не нашел.

Она стояла точно на том же месте, когда он снова вошел в гостиную. Там был двухместный диван и кресло, в котором она могла бы сесть, но не сделала этого, явно нервничая. Это был хороший знак.

— Я собираюсь вас обыскать, — сказал он.

'Что? У тебя уже есть-'

— Сними пальто.

— Думаешь, я ношу прослушку? Зачем мне?'

— Сними пальто.

Тон Виктора не изменился, но его взгляд требовал послушания. Ее рот был открыт, как будто она собиралась возразить, но она не говорила. Она расстегнула длинное пальто и сняла его с плеч. Она посмотрела на Виктора.

— Встань вон там и протяни руки.

Она подошла к столу, в луч света лампы. Она подняла руки так, чтобы они оказались на уровне ее плеч. Ее тень была крестообразной на стене.

Перед ней стоял Виктор. Это была высокая женщина на скромных каблуках, всего на пару дюймов ниже его. У нее была оливковая кожа, темные глаза, Средиземноморье где-то в ее крови. Он видел намек на тренировку в том, как она стояла, как держала себя. Может быть, военный, но он угадал разведку. В ее глазах был страх, но этот страх сдерживался. Он мог видеть крошечные, быстрые изгибы кожи на ее шее. Быстро, но не слишком.

На ней были темные джинсы, не обтягивающие, но и не свободные, темный кардиган поверх кремовой блузки. Элегантно-повседневная, преуменьшающая ее внешность, но все же позволяющая носить обувь, которая была скорее стильной, чем практичной.

Он провел ладонями по внешней и нижней сторонам ее рук, вниз по ее спине, вниз по бокам ее туловища и по центру ее груди, не заботясь о том, что она вздрогнула, когда он коснулся ее груди во время поиска. Он присел на корточки, чтобы проверить ее талию и ноги, прежде чем снова встать.

«Сними туфли и джинсы».

— Нет, забудь. Я этого не делаю.

— Сделаешь, если не хочешь, чтобы я засунул руку тебе в нижнее белье.

Она была ошеломлена, смотрела на него глазами, полными отвращения. Он выдержал ее взгляд, не показывая никаких эмоций. Не о чем было договариваться. Она будет делать то, что он ей сказал. Через мгновение он увидел, как бой покидает ее, и она медленно кивнула. Сначала она сняла туфли, затем отвернулась, чтобы не смотреть на него, расстегнула джинсы и стянула их с бедер. Они упали к ее ногам.

«Выйдите из них».

Она сделала.

«Встаньте, расставив ноги немного дальше».

Она снова сделала, как было велено.

Виктор некоторое время пристально смотрел на нее. 'Повернись.'

Она медленно повернулась на месте.

— Хорошо, — сказал он удовлетворенно. 'Одеться.'

Виктор отошел и встал у окна гостиной, спиной к стене. Брокер задрал ей джинсы и снова надел туфли. Ему было неловко наблюдать за тем, как она одевается. Он отвернулся, прежде чем она заметила.

'Ты счастлив сейчас?' — спросила она, когда была одета.

— Не совсем так, — тихо ответил Виктор. «Я нарушил больше правил, чем могу сосчитать, придя сюда, так что то, что ты хочешь мне сказать, должно быть того стоит».

— Иначе что? Брокер бросил вызов. — Ты убьешь меня?

'Да.'

Это была не просто угроза, и Виктор видел, что она это понимает. Ее поза мгновенно изменилась, плечи опустились, вес тела сместился, инстинктивное изменение языка тела подсказало врагу, что угрозы нет, вызова и необходимости в насилии. Он видел, что, хотя она, возможно, заранее убедила себя, что сможет справиться с ним, она быстро поняла, насколько ошибалась.

Брокер спросил: «Как вас зовут?»

Вопрос вывел Виктора из равновесия. 'Извините меня?'

— Я сказал, как мне тебя называть? Вас всегда называли Тессерактом в нашем...

«Почему Тессеракт?»

— Не знаю, это просто кодовое имя, — ответила она. — Итак, как мне вас звать?

— Вам не нужно меня как-то называть, — сказал Виктор.

'Хорошо.'

— Расскажи мне, что ты знаешь.

— Это компания хочет твоей смерти.

Она представила информацию, как если бы это было огромным откровением. Выражение его лица не изменилось.

— Вы уже знаете, — удивленно заявила она.

Он кивнул.

'Но как?'

— Если вы ожидали, что я буду шокирован, мне жаль вас разочаровывать. Я не сидел без дела с тех пор, как это началось.

— Что еще ты знаешь?

— Я здесь не для того, чтобы отвечать на ваши вопросы. А пока давайте придерживаться того, что вы знаете.

Брокер кивнула и скрестила руки на груди. «Это должно работать в обе стороны».

— Не помню, чтобы я соглашался на что-либо в этом отношении.

Какое-то время она смотрела на него, как будто обдумывая особенно удачный ответ. Но он сломил ее волю, и вместо этого она просто сказала: «Это ЦРУ хочет твоей смерти, потому что это ЦРУ наняло тебя».

Лицо Виктора ничего не выражало, но в голове у него была мешанина вопросов. 'Откуда ты это знаешь?' Он обнаружил, что очень не любит задавать ей вопросы.

«Потому что я работала на них, — ответила она.

'Использовал к?'

— Они тоже хотят моей смерти.

'Объяснить.'

«Они убили мой контроль и освободили меня. Они хотят моей смерти так же сильно, как и тебя.

— А как насчет флешки?

— Им что-то нужно. Информация, очевидно.

— Информация о чем?

'Я не знаю.'

— Тогда какой от тебя толк?

— Спроси меня еще что-нибудь и узнай.

— Кто был тот человек, которого я убил?

— Андрис Озолс.

— Я не спрашивал его имени. Кто был он?'

— Бывший офицер российского флота.

— Этого не было в досье.

— Тебе не нужно было знать.

Мышцы его челюсти на мгновение напряглись. — Что он делал в Париже?

«Продам диск кому-то».

'ВОЗ?'

'Я не знаю.'

— Тебе не нужно было знать?

— Наверное, нет.

«А как насчет карты памяти? Вы можете его расшифровать?»

'У тебя есть это?'

— Нет, — сказал он.

— Но он у вас где-то есть?

— Вы можете его расшифровать?

'Может быть. Но я не узнаю, пока не попробую. У меня есть друзья в агентстве, которые...

— Не вариант, — сказал он, и у него тут же возникла идея. Что-то, о чем он до сих пор не думал.

Она видела, как он думает. 'Что это?'

— Ничего, — сказал он. Он сменил тему. — Значит, они хотели, чтобы я получил диск до того, как он попадет к покупателю?

'Да.'

— Я предполагаю, что в тот момент его будет значительно труднее получить. Покупатель, должно быть, слишком хорошо защищен или тот, кого они не осмелились убить.

— О ком ты думаешь?

Виктор держал свои мысли при себе. «Почему ЦРУ просто не сделало этого, зачем использовало меня? И зачем потом пытаться убить меня?

«На эти два вопроса один и тот же ответ». Брокер сделал шаг вперед. — Но я не уверен.

— Тогда почему я вас слушаю?

— Потому что у тебя нет выбора.

Виктора удивили ее слова и еще больше удивила сила ее тона. Он пересмотрел свое мнение о ее завещании.

— И я тоже, — продолжила она. — Но я точно знаю, что вас пытались убить, чтобы скрыть операцию. Они не хотят, чтобы смерть Озолса когда-либо вернулась и преследовала их».

Виктор слушал, ничего не показывая на лице.

Брокер продолжил: «Если бы план сработал, все, что нужно было бы сделать, — это тело убийцы в номере парижского отеля, который понятия не имеет, кто вас нанял. В лучшем случае они бы поняли, что

вы наемник, ни к кому не привязанный. Любая связь между вами и теми, кто приказал убить Озолса, была бы аккуратно разорвана.

«И это все? Они хотят, чтобы я умер, чтобы скрыть работу, которую я действительно выполнял? Я не собираюсь рекламировать то, что я сделал. По крайней мере, это не лучший способ найти новых клиентов».

Виктор понял, что в его голосе было больше эмоций, чем он хотел бы показать.

— Верно, — сказала она. — Но они не могли рисковать тем, что вас схватят и допросят.

«Я не мог никому ничего рассказать, потому что ничего не знаю».

— Как бы то ни было, если ты мертв, им не о чем беспокоиться. Связь с теми, кто заказал убийство, исчезнет, когда вы это сделаете.

— Но зачем использовать меня? Почему не какой-нибудь панк? Любой любитель мог убить Озолса. ЦРУ не нуждался во мне для этого.

— Потому что какой-нибудь сопляк не принял бы и доли ваших мер предосторожности. Кто-то другой оставил бы след. В то время мне не сказали, почему, но нам нужен был убийца, у которого не было послужного списка, кто-то, кто был бы способным, но, по сути, не существовал. Им нужен кто-то невидимый, и ты подходишь под критерии. Полагаю, вы можете принять это за комплимент.

'Я польщен.'

«Нет необходимости быть саркастичным».

Виктор проигнорировал комментарий. — И как ты во все это вписываешься? Почему они хотят и тебя убить?

«Я часть цепи. Операция не удалась. Ты жИл; они не получили драйв; и теперь им нужно перерезать все звенья, чтобы сделать его чистым».

— Виновен по ассоциации?

'Что-то такое.'

— Но они еще не добрались до тебя.

— Я не дал им шанса.

— Почему именно ты привел меня сюда?

Брокер отошла от того места, где она стояла, на пару шагов левее. Возможно, нервный выброс. Виктор наблюдал за ней. Свет от лампы подчеркивал ее скулы, танцевал на полных губах.

— Потому что мы можем помочь друг другу, — сказала она.

«Помогать друг другу делать что?»

«Продолжайте дышать».

— Надеюсь, ты не предлагаешь нам попробовать дать им драйв и молиться, чтобы они оставили нас в покое.

'Конечно, нет.'

'Тогда что?'

«Мы уничтожаем наших врагов».

Он хотел сказать, куда? Некоторым просто не нравилось говорить «убить». Однако нелепые эвфемизмы можно было произнести. Он предположил, что это помогало им спать по ночам.

'И как мы собираемся это сделать? Я не могу убить все ЦРУ. У меня не так много пуль.'

«Нападение на Озолса не было официально санкционировано, — сказал брокер.

«Это было строго не по правилам, олдскульная черная сумка. Кто-то заказал, люди внедрили, а организация в целом об этом не знает».

'Почему вы так думаете?'

«Есть много разных причин, — объяснила она. «Начиная с того, как меня подошли к работе. У меня были анонимные телефонные

звонки и встречи. Мне не сказали, на кого я работаю или с кем, или над чем именно я работаю. Это вышло далеко за рамки необходимости знать. Плюс тот факт, что им нужен был ты, наемный убийца, без каких-либо связей с агентством. Если бы это была работа для белых, им не пришлось бы потом убивать тебя, или меня, или мой контроль, когда что-то пошло не так. В первую очередь они просто использовали бы своих людей или известных подрядчиков. Тот, кто стоит за этим, на самом деле не хочет, чтобы остальная часть ЦРУ знала, что они замышляют».

— Стрелков, которые устроили мне засаду в Париже, — сказал Виктор. «Это был частный сектор. Они не знали, на кого работают».

'Точно.'

«И у меня дома была стычка с американским убийцей».

Он не сказал, где это было. В какой-то степени это не имело значения; он не собирался отступить, но излишнее раскрытие личной информации было привычкой, которую он не собирался заводить.

— В Швейцарии, я знаю, — сказала она. Тот факт, что она знала, уязвил его, но он скрывал это. — Это был бы подрядчик, а не оперативник.

Ее голос был весомым, даже если она не объяснилась. Он поверил ей. Нет нужды говорить ей, что изначально он думал об обратном.

«Вы уже прикончили их стрелков в Париже», — добавила она к нелепому эвфемизму. «Поэтому у них не было особого выбора, кроме как рискнуть использовать кого-то, кто находится ближе к дому, чтобы

выполнить работу. Они не могли рисковать тем, что ты исчезнешь, пока они собирали другую неаффилированную команду казни.

Виктор кивнул, принимая оценку. — Это означает, что по крайней мере более широкое агентство нас не ищет.

— Да, пока. Но в любой момент может произойти что-то, что выведет это на свет. Кровавая баня в вашем отеле привлекла много внимания. Я уверен, что у законного ЦРУ есть люди, которые этим занимаются. Плюс французы и швейцарцы теперь на вечеринке. Вокруг становится довольно многолюдно, даже без людей, которые хотят нашей смерти.

— Значит, мы доберемся до них раньше, чем они доберутся до нас.

'Точно.'

'Но как?'

Она внимательно посмотрела на него. — Значит, вы на борту?

'Я думаю об этом.'

ГЛАВА 32

01:5 ©СЕТ

Виктор встал так, чтобы видеть входную дверь и вход на кухню, не двигая головой. Брокер налила себе стакан воды. Он слышал, как она открыла шкаф, а через четыре секунды заработал кран. Звук воды, падающей на металлическую раковину. Если звук не изменится в течение следующих четырех секунд, он пойдет на кухню, чтобы узнать, что она на самом деле делает. Через три секунды он услышал, как наполняется стакан.

Какая-то часть Виктора говорила ему, что любое время, проведенное с ней, только еще больше его скомпрометирует. Она подставила его раньше. Он никогда не мог быть уверен, что она не сделает этого снова. Он знал, что должен просто убить ее сейчас и покончить с этим. Всю свою жизнь он управлялся с риском, и выживающая его часть кричала, что это слишком большой риск.

Но обратная сторона медали имела значительный вес. За один разговор он узнал от нее больше, чем за несколько дней в одиночестве. И были еще вещи, которых он не знал и не понимал. Он выслушает то, что она скажет, а затем решит, убивать ее или нет. Не из мести — что для него ничего не значило, — а для собственной защиты. Брокер слишком много знал о нем. Она не могла этого знать, но она брала интервью за свою жизнь.

Брокер снова появился. Она сделала глоток воды и поставила стакан на стол. — Куда я попал?

«Черный мешок».

Она сказала: «Сначала я подумала, что операция была просто несанкционированной. Я не знал, что это абсолютно незаконно, иначе я бы никогда не подписался под этим. Так вот, это помогает нам,

потому что это означает, что мы против лишь нескольких человек. Пока все остается так, как есть, мы можем с этим что-то сделать».

'Как, например?'

— Если они хотят, чтобы мы умерли, чтобы уничтожить связь между ними и убийством Озолса, должно быть верно и обратное. Идем за теми, кто его заказал, за всеми, кто об этом знает. Может два-три человека. Отрубите голову, и тело умрет».

— Когда ты говоришь «мы», ты имеешь в виду меня, верно?

— Но я помогу вам их найти, — сказал брокер. «На данный момент мы не знаем, кто наш враг. У меня был контакт только с одним человеком, моим контролем, и его уже убили. Но я могу узнать, кто за этим стоит.

'Как?' он спросил.

«Мы следим за деньгами. Вот как мы это делаем.

'Объяснить.'

«Где деньги, там и след. Деньги от работы в Париже были переведены на ваш счет в швейцарском банке с другого номерного счета, который я контролировал. Он был переведен на мой счет, как вы уже догадались, с еще одного номерного счета.

'Как это нам поможет? Счет мог быть создан исключительно для убийства Озолса.

— Это не так.

— Как вы можете быть уверены?

— Я работал на них, помнишь?

— Я не забыл. Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что вы тоже работали на них.

— Нет. Он хотел выбить из нее правду. «Я фрилансер. Работаю для частных клиентов. А я не люблю игры. Только скажи мне.»

— Говорю тебе, работа с Озолем была не первой, которую ты для них выполнял. За последние три месяца вы выполнили через меня еще три контракта для ЦРУ.

— Ты не можешь быть серьезным.

— Ты думаешь, я лгу. Зачем мне?' Он не мог ответить. «Я был вашим брокером трижды, каждый раз притворяясь другим человеком, разыгрывая другой характер. В предыдущем задании, в Швеции, ты убил торговца оружием. До этого саудовец. Я должен продолжать?»

Виктор отвел взгляд.

«Вот как вы, люди, узнали, где я живу», — сказал он наполовину про себя, теперь понимая. «Другие работы были подставными, просто

чтобы выследить меня».

'Не совсем. Они были законными целями. Очень противные люди, но да, рабочие места были прикрытием для слежки. И потребовалось три интенсивных операции, чтобы собрать одну дерьмовую фотосессию. Но мы добрались до того места, где ты жил. В ее голосе была доля гордости, от которой у него закрипели зубы. «Никто не думал, что это займет так много времени. Ты был лучше, чем кто-либо думал.

Он покачал головой. 'Вы люди.'

— Не смей. Она действительно выглядела сердитой. — Ты наемный убийца, помнишь? Вы не имеете права судить о том, что делает кто-то другой.

Он должен был признать, что она была права.

Она продолжила. — Не думай, что я хочу быть здесь. Меня чертовски тошнит от того, что я так близко к кому-то вроде тебя.

— Не ругайся.

'Что?'

— Я сказал, не ругайся.

Она посмотрела на него. «Не ругаться? Почему, черт возьми, нет?

Между бровями Виктора появилась морщинка. «Это включает в себя богохульство».

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что он говорит серьезно. Она расширила свою позицию. «Давайте проясним это. Вы не говорите мне, что я могу или не могу сказать.

'Я только что сделал. Привыкай к этому.

Она нахмурилась. — Я думаю, вы забываете, что я не работаю на вас над этим. Мы работаем вместе. Это означает, что вы не говорите мне, что делать или говорить, и наоборот. Вы понимаете меня?'

Виктор посмотрел на часы. 'Вы закончили?'

Брокер сделал несколько успокаивающих вдохов. Она хотела сказать больше, он мог сказать, намного больше. Он мог представить, как она тренируется быть сильной перед зеркалом.

— Вы говорили что-то о денежном следе, — сказал он спокойно.

Она сделала еще один вдох и сглотнула. Выражение ее глаз говорило ему, что она велела себе бросить это, что он не стоит усилий. Прошла минута, прежде чем она, наконец, заговорила, время, которое, как он предполагал, успокоило ее гордость тем, что она не отступила слишком легко.

Она говорила. «Деньги, которые были переведены на ваш счет, пришли от меня, которые пришли ко мне с чьего-то счета, кто, вероятно, получил их с чьего-то другого счета и так далее. Так что мы

проследим в обратном направлении, счет за счетом, пока не найдем, кто начал первый счет.

— И ты знаешь, как это сделать?

'Да.'

Он кивнул, почти веря, что она знает, о чем говорит. 'Как?'

Она уже сидела, взгромоздившись на подлокотник дивана. Он слышал скрип дерева, когда она двигалась. Она много говорила руками, жестикулируя, подчеркивая, иллюстрируя. Виктор остался стоять, прислонившись спиной к стене рядом с окном, чтобы одновременно наблюдать за ней и дверью.

«Мы выясняем, кому или чему принадлежит этот первый аккаунт», — сказала она.

Снаружи поднялся шум. Какой-то сутенер кричит на свою собственность. Окно Виктора было открыто, чтобы он мог слышать прибывающих людей.

— Ты уже говорил это. Как мы это узнаем?

'Из банка.'

«Банкиры не раздают информацию о своих клиентах».

— Тебе просто нужно уметь спрашивать.

— А вы?

Она кивнула.

— И какова моя роль в этом?

— У тебя его нет. По крайней мере, пока. После того, как я получу информацию, ты ею воспользуешься.

«Звучит просто».

Она пожала плечами.

— А вы уверены, что то, что вы предложили, сработает? Это был конец интервью.

Да, она жила.

Нет, она умерла.

Виктор видел, как она тщательно обдумывала свой ответ. Он внимательно наблюдал за ней. Ее губы на мгновение скривились, и она сглотнула, прежде чем ответить.

— Да, — сказала она сильным, уверенным голосом.

«Хороший ответ».

Она слегка улыбнулась, непонимая.

Он полез в карман и достал флешку. Он щелкнул запястьем, кинул ей, впечатленный, когда она ловко выхватила его из воздуха одной рукой. Хорошие рефлексы и ловкость. Она посмотрела на него на мгновение, прежде чем вопросительно взглянуть на него. Он видел, как она хотела спросить, почему он солгал, но она ничего не ответила. Она подошла к своему компьютеру и подключила его сбоку. Виктор шагнул вперед, чтобы посмотреть. Она вздохнула, когда ее попросили ввести пароль.

— Значит, вам не дали? он спросил.

Она покачала головой. — Я никогда не должен был подходить к этому так близко. Я немного разбираюсь в криптографии, но не могу сказать, какой это уровень шифрования. Если это низкий уровень, я, вероятно, мог бы сломать его сам за несколько дней с помощью программного обеспечения на моем компьютере. Простая атака грубой силы. Но если бы я перевозил что-то, из-за чего люди бы убили, я бы убедился, что это высококлассное шифрование, лучшее, что я мог получить. У моего ноутбука нет вычислительной мощности, чтобы даже поцарапать поверхность таких шифров».

— У меня есть знакомый, — сказал Виктор. — Кто-то, кто может помочь расшифровать его. Я подчеркиваю, может. Я попробую их, пока вы собираете информацию по счету.

«Если кто-то и может взломать это, то мой контакт в Лэнгли сможет».

Нет. Это ставит его слишком близко к нашим врагам.

'Это имеет значение? Если они его перехватят, может быть, они не придут за нами.

«Учитывая их попытки убить меня до сих пор, я не могу себе представить, чтобы они так легко сдались. И если они заполучили его, то узнают, что я передал тебе диск. Я скомпрометировал себя, встретившись с тобой. Я не хочу, чтобы они знали об этом.

— Тогда я попробую расшифровать его сам.

«Я предпочитаю свой путь».

— Мы можем сделать и то, и другое, — сказал брокер.

«Поскольку мы не можем делать и то и другое одновременно, я сначала попробую свой».

«Кто сказал, что мы не можем делать и то, и другое одновременно?»

«Законы физики. У нас только драйв.

Она не говорила. Ее пальцы работали с клавиатурой несколько секунд. Виктор наблюдал, как файл копировался с диска на ее компьютер. Это заняло секунды.

— Я и не думал пытаться, — поймал себя на том, что говорит он.

«Файл содержит шифрование, а не сам диск. Это просто коммерческий накопитель, носитель, ничего особенного, никакой аппаратной защиты. Теперь вы можете попробовать свой путь, а я — свой.

— И удвоить наши шансы.

Она улыбнулась ему. — Видишь, мы уже составили хорошую команду.

Он поймал себя на том, что смотрит на ее губы. — Остановись, — сказал он, снова поднимая на нее глаза. «Мы не команда».

— Тогда кто мы?

Секунду он боролся, думая, как бы их описать, но безуспешно, затем сказал: «Ничего».

Брокер отвел взгляд. 'Хорошо.'

— Никто из нас не должен питать иллюзий по поводу того, почему мы оба это делаем. Ты помогаешь мне только потому, что нуждаешься во мне. Я помогаю тебе только потому, что на данный момент ты тоже можешь помочь мне. Он избегал говорить, что она ему нужна. — Это конец.

— А что произойдет, когда я больше не смогу вам помочь?

Потребовалось мужество, чтобы сказать это. Виктор уважал это.

— В этот момент наши пути разойдутся, — сказал он. — И ты меня больше никогда не увидишь.

ГЛАВА 33

Марсель, Франция

Суббота

01:59 по центральноевропейскому времени

Рид провел ладонью над раковиной. Он не чувствовал жара, но в воздухе слабо пахло жженой бумагой и алкоголем. Он медленно прошел по кухне, затем в гостиную. Коммуникационное оборудование выглядело ультрасовременным и было прохладным на ощупь. Он стоял в темноте, видя сквозь тусклый свет города, просачивающийся в квартиру, и его собственное естественное ночное зрение. Он направился в спальню, заметив открытый шкаф и комод, брошенную одежду на кровати.

Он нашел круглосуточное кафе, где заказал черный чай, и написал электронное письмо на своем смартфоне, объяснив экономно на словах, что цель ушла недавно и торопилась. Он спросил, что ему делать дальше.

Официантка, принеся ему чай, хотела пофлиртовать, но Рид притворился, что не говорит по-французски. Она все еще пыталась, несмотря на предполагаемый языковой барьер, и он вежливо ее

проигнорировал. Не в первый раз, размышлял он, жизнь уродливого человека была бы намного проще. Он допил свой чай с минимумом суеты и пошел своей дорогой. Он забронировал номер в прекрасном отеле на берегу моря и отправился пешком по мокрой от дождя земле, но приятному и прохладному воздуху.

Он наслаждался прогулкой, слушая звуки разговоров, смеха и музыки, доносящиеся из баров и клубов. Рид не была ни разочарована, ни раздражена тем, что цель находилась не там, где она должна была быть, как утверждалось в досье. Не в его характере было становиться эмоциональным во время работы. Там была указана второстепенная потенциальная точка удара, которую он мог попробовать, если его анонимный клиент пожелал.

Всего было пять целей, которые его клиент хотел удалить, первую из которых Рид оставил умирать в одном из менее чем гигиеничных жилищ Парижа. Помимо акта исчезновения в Марселе, осталось еще три: один в Милане, один в Лондоне, последний в еще не установленном месте.

Пока еще не было никаких условий, как следует уничтожить оставшиеся цели, но Рид гордился тем, что убивает эффективно, искусно и надежно. Это были причины, по которым его наняли, и именно по этим причинам он смог взимать такую кругленькую сумму за свои услуги. Самоубийства и несчастные случаи были его специализацией, и когда не было возможности для такой демонстрации своих талантов, он выбирал другое средство смерти, которое не означало убийства.

Иногда в работе Рида требовался более прямой подход. Некоторые цели были слишком хорошо защищены, опытны или просто слишком осторожны, чтобы их можно было незаметно удалить. В таких случаях Рид выбирал более подходящие методы удаления, чем те, которые он обычно использовал. Он обнаружил, что

девятимиллиметрового диаметра обычно вполне достаточно, но он предпочитал заостренную керамику для более индивидуального подхода.

Последняя из перечисленных целей представляла особый интерес для Рида. Имени не было, только кодовое имя, и одно это многое сказало Риду. Этот безмянный человек был наемным убийцей, и, судя по всему, хорошим убийцей. Если информация, которую ему дали, была верна, этот Тессеракт убил семерых боевиков, которые пытались устроить ему засаду в отеле, а также избежал еще одной попытки убийства в Швейцарии. Риду приходилось восхищаться такими выступлениями, даже если результаты были достигнуты с гораздо меньшим изяществом, чем он хотел бы разыгрывать сам.

Рид с нетерпением ждал убийства этой цели. Другим профессионалам всегда было труднее всего выполнять чисто, но Риду нравились вызовы. Как и сам Рид, опытные были почти навязчиво параноидальными в своем поведении, и меры предосторожности, которые они принимали, чаще всего были особенно обширными — не забывая тот небольшой факт, что они, как правило, были более чем способны дать отпор. Именно поэтому их было так весело убивать.

Тот факт, что эта добыча обладала навыками, привлекал Рида, который оценивал свои собственные достижения по качеству своих жертв. Он убивал за деньги, будь то банкнота его страны или какого-то частного клиента, но он все равно гордился своим ремеслом. Участие в спортивном убийстве доставило Риду значительное личное удовлетворение, даже несмотря на то, что по самой природе его собственных способностей такие состязания были так сильно сложены в его пользу. Но только в выступлении против самой лучшей оппозиции можно было измерить свои истинные способности.

Рид прошел через свободную парковку позади ресторана быстрого питания. Запах болезни сердца испортил в остальном приятный вечерний воздух. Он просто надеялся, что этот Тессеракт был достаточно хорош, чтобы не быть задержанным властями, прежде чем Рид догонит его. Это было бы крайне неудовлетворительно.

Шаги.

Ботинки, кроссовки. Несколько шагов по асфальту за его спиной, не пытаясь скрыть их шум. Не профессионалы.

Рид знал, что он увидит, еще до того, как обернулся. К нему подошла банда подростков-хулиганов и дегенератов лет двадцати с чем-то. Они представляли собой смесь рас, почти все с бритыми головами, одежда представляла собой смесь мешковатой спортивной одежды и подделок дизайнерских лейблов, дешевые украшения были в изобилии и безвкусны.

Они рассредоточились, и он позволил окружить себя так, чтобы более смелые, естественно, столкнулись с ним лицом к лицу. Труссы за спиной его не беспокоили. Некоторые принимали причудливые позы, и если бы Рид не знал лучше, он бы предположил, что у них деформация позвоночника. Он насчитал двенадцать, шесть или семь из них, судя по их телосложению, были способны справиться с собой, а по поведению были более чем готовы к этому. Другие не обладали такими же способностями или уверенностью.

— Вы проезжаете через мое королевство, — сказал по-французски один из них, самый крупный и дерзко одетый. — Значит, вы должны заплатить налог.

Рид выдержал его взгляд. — Поверь мне, когда я скажу, что ты не хочешь этого делать.

Крупный юноша уставился на Рида с чем-то близким к недоверию, явно не привыкший встречать что-либо, кроме страха. Полное отсутствие страха в немигающих глазах Рида заставило его выражение дрогнуть. Он посмотрел на остальных. Рид знал, что ребенок зашел слишком далеко, чтобы отступить.

Он вытащил пистолет из куртки и свободно держал его в руке. Никелированная Беретта. Похоже, его регулярно полировали, но Рид сомневался, что рабочие части будут очищаться с таким же усердием. Парень поднес пистолет к лицу Рида, плохой хваткой, держа его горизонтально, чтобы завершить свое восприятие крутости.

— Бумажник, телефон, часы, — потребовал лидер.

Двое других показали собственное оружие. Один свободно держал револьвер рядом с собой, другой поднял рубашку и положил пальцы на автомат, заткнутый за пояс. Рид ничего не сказал, просто смотрел, не мигая, на человека перед собой, на ребенка, который знал, что ему не по себе.

«Черт возьми, отдай их».

Выражение лица Рида оставалось пустым. 'Почему?'

'Чего-чего?'

В тот момент, когда растерянность соединилась с тревогой, Рид схватил вытянутую перед собой руку, обхватив левой рукой запястье и резко потянув ребенка вперед, направляя пистолет подальше и в сторону. Свободной рукой он взялся за нижнюю часть трицепса парня

и скрутил запястье в своей хватке, зафиксировав руку. Он рванул его вниз, сильно — против сустава — сломав руку в локте и приняв форму перевернутой буквы V.

Пистолет лязгнул по асфальту, и ужасный вой на мгновение оглушил остальных. Рид отпустил запястье, и ребенок рухнул. Среди криков ему удалось найти свой голос.

«УБЕЙ ЕГО НА БЛЯДЬ».

Рид прыгнул вперед к другому вытащенному оружию, отбросил оружие в сторону, когда оно было поднято для выстрела, используя свой импульс вперед, чтобы увеличить силу удара локтя, который он направил в лицо врагу. Его голова откинулась назад, кровь брызнула изо рта, и парень тяжело упал, замерев, со сломанной челюстью.

Другой юноша, вооруженный пистолетом, попятился, показывая ладони, широко раскрыв глаза и трясая головой. Рид проигнорировал его, услышал щелчок открывающегося выкидного лезвия, повернулся, отступил в сторону, когда нападавший сделал выпад и вытянулся в пустоту, спотыкаясь, полностью потеряв равновесие, размахивая руками.

Следующий пришел сзади, его ноги шаркали по земле. Рид развернулся и вонзил ребром ладони парню в горло. Он упал в конвульсиях.

Одновременно выступили еще двое, один держал в руках охотничий нож с четырехдюймовым заостренным лезвием, другой — лом. Лом ударил в него первым, слева, целясь ему в голову. Рид поймал ее вместе с рукой нападавшего, перенаправил ее вниз, используя инерцию ребенка против себя, чтобы вывернуть стержень из своих пальцев в пальцы Рида.

Он ударил локтем юношу в бок, отбросив его назад, юноша задыхался, ребра треснули. Рид продолжил с ломом, вонзив его в череп нападавшему. Кровь брызнула на лица в толпе.

Охотничий нож пронесся в нескольких дюймах от лица Рида, неуклюже и неуклюже. Рид увернулся, выжидая следующей атаки, используя свое предплечье как щит, чтобы отвести лезвие в сторону, и лом, чтобы выбить ноги нападавшего из-под себя. Он вонзил его в лицо мальчишке, разорвав ему щеки носом.

Маленький юноша с выкидным ножом пришел в себя и завопил, снова нанеся бешеный удар. Рид увернулся, вызвал еще один удар и с силой ударил ломом по обнаженной руке юноши, сломав кости. Он вскрикнул и выронил нож, запястье и рука безвольно свисали с середины предплечья. Рид перехватил лом, взмахнул им вверх, сломав юноше челюсть, сила сбила его с ног и швырнула на землю бесшумной грудой.

Все закончилось менее чем за семь секунд. Шестеро лежали на мокрой земле, некоторые совершенно неподвижны, другие стонали и корчились. Все они будут жить, но не так, как раньше. Остальные стояли парализованными в смеси благоговения и ужаса. Рид какое-то время смотрел на них. Он знал, что может взять «беретту» и казнить каждого из них за считанные секунды, но они были просто идиотскими детьми, а двенадцать выстрелов вызовут полицейских. Половине побитой банды было достаточно внимания, не создавая трупов. Кроме того, при нынешних обстоятельствах даже те, кого он не покалечил, найдут время, чтобы переосмыслить свою жизнь, и Рид почти гордился этим общественным служением.

Он покрутил лом в руке, прежде чем передать его сопротивляющемуся получателю. Юноша взял его, поморщившись,

чувствуя, как влажная кровь и кожа его товарищей по банде прилипли к металлу. Рид расправил куртку и посмотрел на тех, кому посчастливилось оставаться в вертикальном положении.

'Переехать.'

Они благоговейно расступились, пропуская его.

ГЛАВА 34

Центральное разведывательное управление, Вирджиния, США

Суббота

10:49 по восточному поясному времени

Чемберс вел себя как большая шишка на холме, поэтому Проктер председательствовал на брифинге. И Сайкс, и его старый ублюдок-наставник Фергюсон выглядели так, будто у них были долгие недели — особенно Сайкс, хотя он нашел время, чтобы посетить солярий после последней встречи, судя по обновленному оттенку его лица.

Альварес говорил по громкой связи о том, что он узнал о Стивенсоне и его загадочном работодателе. «Стивенсон допустил несколько ошибок, когда дело дошло до заметания следов, — говорил Альварес. «Он не очень хорошо справился с удалением конфиденциальной информации со своего компьютера, и нам удалось извлечь некоторые электронные письма с его жесткого диска. Эти

электронные письма являются сообщениями между ним и его клиентом, имя которого никогда не называлось. Это человек, который дал Стивенсону чемодан, полный денег, которые он положил на хранение в свой банк.

«В электронных письмах они договаривались о встрече, чтобы передать деньги. Место этой встречи, время и дата были зашифрованы, но мы обнаружили, что Стивенсон встречался со своим клиентом в Брюсселе чуть меньше трех недель назад.

Морщины на лбу Фергюсона углубились. — Вы взломали код?

«Нет, нам не нужно», — ответил Альварес. «Стивенсон проделал за нас тяжелую работу. В другом месте на его жестком диске мы нашли фотографии встречи, на которых Стивенсон и еще один человек, его клиент, стояли возле кафе в центре Брюсселя».

Проктер наклонился вперед. — Какие фотографии?

«Фото с камер наблюдения. Кажется, Стивенсон был недоверчивым парнем, и с ним был кто-то еще, без ведома его клиента. Вероятно, один из семи других мертвецов, но мы не знаем наверняка. На фотографиях указано название кафе, дата и время. Думаю, Стивенсон сделал фотографии в качестве страховки на случай, если что-то пойдет не так».

— Мы что-нибудь знаем о человеке, с которым он там был? — спросил Проктер.

«У нас было несколько четких снимков его прихода и ухода, поэтому мы использовали распознавание лиц, но нам не повезло. Нам повезло после улучшения других фотографий. Мы установили

название компании по аренде автомобилей, которой пользовался работодатель Стивенсона. Я связался с компанией, и на момент встречи отсутствовал только один автомобиль данной марки, модели и цвета».

— Так кто он? — спросил Проктер.

— Себастьян Хойт, — сказал Альварес по громкой связи, — голландский бизнесмен и генеральный директор небольшой финансово-консультационной фирмы, расположенной в Милане. В тот день я зарегистрировал рейсы в Брюссель и из Брюсселя, и Хойт прибыл и вернулся в тот же день».

— Отличная работа, — сказал Проктер. — Что мы знаем об этом Хойте?

— Не так уж и много, — ответил Альварес. — Но это первые дни. Он частный предприниматель, это очевидно. Я уже кратко поговорил с нашими людьми в Италии и попросил их начать копать.

— Я также свяжусь с итальянцами, — добавил Проктер. «Я хочу знать все, что можно знать об этом человеке, и я хочу знать это быстро».

«Раньше, в восьмидесятых, он был одним из наших активов, — как ни в чем не бывало сказал Фергюсон.

Проктер и Сайкс посмотрели на него.

'Ты уверен?' — спросил Проктер.

— Надеюсь, что да, — ответил Фергюсон. «Раньше он был одним из моих активов».

— Расскажи мне больше.

Фергюсон кивнул. — Он дипломированный юрист из богатой семьи, но имеет дело с очень неприятными людьми. Когда я знал его, он вел дела с коррумпированным офицером советской армии. Он снабжал меня сведениями о Красной Армии от этого генерала — о методах обучения, вооружении и тому подобном. Взамен я позволил ему уйти от посредничества с оружием, которым он занимался для офицера. В основном поставляет АК и РПГ в Африку».

— Так чем он занимался с тех пор? — спросил Проктер.

Фергюсон пожал плечами. 'Я не знаю. После того, как Стена рухнула, он нам не особо пригодился, не то чтобы я мог продолжать платить ему тем, что осталось из моего бюджета. Я ожидаю, что он по-прежнему будет делать то, что у него получается лучше всего, торговать незаконными товарами, оружием, людьми, информацией. Если у него есть собственная фирма, он проделал долгий путь; и если он все еще работает, то он либо стал законным, либо был достаточно умен, чтобы не попасться и не наступить никому на пятки ».

— До сих пор, — холодно добавил Проктер. — У нас есть досье на этого клоуна?

Фергюсон кивнул.

— А как насчет ваших личных файлов?

— Я достану их для вас.

— И Альварес, — сказал Проктер.

'Да сэр.'

— Я слышал о Джоне Кеннарде. Мне жаль.'

'Я тоже.'

— Я не встречался с ним, но мне сказали, что он был хорошим человеком. Что с ним случилось?'

«Не в том месте, не в то время. Ему просто не повезло.

Фергюсон и Сайкс сидели совершенно неподвижно.

В коридоре перед конференц-залом Сайкс подождал, пока выйдет Фергюсон. Пульс Сайкса участился, и ему было трудно не выглядеть так, будто он облажался. Фергюсон остался, чтобы поговорить с Проктером, и Сайксу нужно было немедленно с ним посоветоваться. Альварес был всего в шаге от Хойта. В десятом варпе дела шли из плохого в дерьмовое.

Прошло около пяти минут, прежде чем Фергюсон, наконец, появился через мгновение после большого парня, но для Сайкса это могло быть пять часов. Он вытер пот с лица по крайней мере три раза.

Когда Проктер оказался вне пределов слышимости, Сайкс подошел ближе к Фергюсону.

— Прежде чем что-то сказать, — начал Фергюсон, — сделайте вдох и успокойтесь.

Сайкс вздохнул, но даже если выпьет еще сотню, он не думал, что чудесным образом успокоится. «Нам пиздец», — сказал он.

— Это ваше профессиональное мнение?

Сайкс никогда не видел Фергюсона по-настоящему взволнованным, и сейчас он не выглядел взволнованным. — Как ты можешь сохранять спокойствие в такое время?

— Потому что, в отличие от вас, это не первое мое внеклассное занятие, — сказал Фергюсон. — А еще у меня есть пара таких. Он приложил руку к яичкам.

— Что, черт возьми, там произошло? — прошептал Сайкс. — С каких это пор у вас отношения с Хойтом?

'Так всегда.'

— Почему, ради всего святого, ты мне ничего не сказал?

'Не было необходимости.'

'Нет нужды? Что случилось со всем этим дерьмом о том, чтобы убедиться, что мы не связаны ни с кем другим, причастным к этой

операции?

«У нас не было выбора, кроме как использовать Хойта. Нам нужны были нападающие, которых не было в файлах ЦРУ, и я не знаю, как вы, но я не знаком со многими из них. Однако Хойт связан с такими кругами. Он был необходим для достижения наших целей. Тот факт, что он был моим предыдущим активом, не имел к этому никакого отношения».

— За исключением того, что Альварес сейчас на него напал. И, следовательно, на нас.

«Мы не могли знать, что Хойт передаст деньги Стивенсону лично. Я бы подумал, что он был бы более осторожен.

Сайкс уставился на Фергюсона. «Жадность заставляет людей забывать об осторожности».

Фергюсон проигнорировал тон Сайкса. «И мы не могли знать, что Стивенсон будет настолько параноиком, что сфотографирует их встречу. Это то, что в этом бизнесе мы, взрослые, называем невезением.

— Случай благоволит к подготовленному разуму, — сказал Сайкс с еще одним намеком на сарказм.

— Действительно, — согласился Фергюсон, и Сайкс не был уверен, то ли он не заметил этого тона, то ли просто проигнорировал его. «Именно поэтому у нас есть Рид. Пусть он вылетит ближайшим рейсом в Милан и разберется с Хойтом.

— Вероятно, он снова преследует Ребекку Самнер.

— Хойт гораздо более актуален.

— А как же Альварес?

— Он не тронется с Хойтом, пока не узнает о нем все, что можно знать. У Рида будет достаточно времени, чтобы творить свою магию.

— Ладно, но зачем ты вообще рассказал им все это дерьмо о Хойте? Конечно, вы могли подождать, вместо того, чтобы приблизить их на один шаг к распутыванию этой штуки.

«Слушай меня внимательно и учись. Я рассказал им о Хойте, потому что завтра или послезавтра они бы узнали, что он все равно был моим активом. Такой актив не забывается в спешке. Как бы это выглядело, если бы я забыл упомянуть об этом? Слово «слегка подозрительное» не совсем соответствует этому.

«А что, если девушка не будет торчать рядом? Рид уже один раз скучал по ней в Марселе.

— Мне это хорошо известно. После того, как Рид позаботится о Хойте, он сможет разобраться с Самнером. У вас есть еще один потенциальный удар? Сайкс кивнул. — Так что не беспокойся об этом. Даже если она не останется на месте, она не оперативник, долго ей не прожить.

'Надеюсь нет.'

Сайкс прислонился к стене и тяжело вздохнул. Он почесал затылок.

— Давление действует на вас, мистер Сайкс? — спросил Фергюсон.

— Собственно говоря, да, — ответил Сайкс. — Я не рассчитывал на всю эту чушь.

— Добро пожаловать в ЦРУ, — с горечью сказал Фергюсон.

ГЛАВА 35

Санкт-Петербург, Россия

Суббота

16:23 МСК

Когда Виктор приземлился, было минус четырнадцать градусов по Фаренгейту, и короткое ожидание такси возле аэропорта было мучительным. Он попросил водителя отвезти его в лучшую из известных водителю гостиниц и включить обогреватель. Водитель пробормотал, что уже достаточно жарко, но Виктор протянул ему двадцать долларов, чтобы он посмотрел в зеркало заднего вида, и щелкнул переключателем на максимум.

Такси увезло его вглубь города. Он видел Петербург как город контрастов. Новые современные небоскребы капитализма стояли рядом с ветхими постройками советской эпохи, а между ними, несколько не на своем месте, возвышались величественные здания исторической России, пережившие войну. Погода ничем не отличалась. В разгар лета могло быть так же жарко, как в Мадриде, но в самый разгар зимы трудно было найти более холодное место на планете.

Гостиница была дорогой по сравнению с петербургской нормой, что вполне устраивало Виктора. Он забронировал номер на неделю, но намеревался остаться самое большее на несколько дней. Он всегда считал, что лучше всего, если служащие отеля знают о его планах как можно меньше. Другое такси отвезло его на восток, где он указал водителю направление к бару, затерявшемуся в одном из промышленных районов города. Название бара изменилось с тех пор, как он был в последний раз, но он надеялся, что покровительство осталось прежним.

Он заказал водку и сел в конце длинного бара, тихо потягивая ее. Закончив, он поманил бармена за вторым стаканом. Виктор говорил с ним на беглом русском языке с намеком на украинский акцент.

— Я ищу Александра Норимова.

— спросил он так, как будто ему было просто любопытно, как будто ответ был неважным, но молодой человек за барной стойкой заметно напрягся. — Я его знал, — добавил Виктор, делая вид, что не заметил реакции бармена.

Он покачал головой. — Я не знаю, кого ты имеешь в виду.

— Он все еще владеет этим баром, не так ли?

'Я не знаю.'

Он дал Виктору свой напиток и перешел в другой конец бара. Он достал тряпку и начал ее вытирать, время от времени подергивая глазами в сторону Виктора. Через две минуты бармен подошел к таксофону и вложил несколько монет. Виктор не мог слышать, что он говорил, и не мог видеть свои губы, чтобы читать их. Звонок занял не более сорока пяти секунд, после чего бармен вернулся к уборке бара. На этот раз он ни разу не посмотрел в сторону Виктора.

Хорошо. Он не ожидал, что ему придется долго ждать.

К тому времени, как Виктор допил свою третью порцию водки, в бар вошли двое мужчин. Оба были значительно выше шести футов и имели телосложение серьезных тяжелоатлетов. У них была типично русская бледная кожа, румяные от холода щеки. Виктор заметил, что их длинные пальто не только защищают их от петербургской морозной погоды.

Виктор наблюдал за ними краем глаза, пока ел чипсы. Они подошли к барной стойке и обменялись парой слов с барменом. Он не дал им выпить, но жестом указал Виктору. Двое мужчин приблизились медленно, без трепета, просто высокомерие, вызванное как размером, так и статусом. Очевидно, они понятия не имели, с кем имеют дело.

Их тени упали на Виктора, когда он повернулся на своем месте, запрокинув голову, чтобы посмотреть на них.

'Кто ты?' — спросил один.

В его голосе был глубокий резонанс, и он говорил с сильным сибирским акцентом. По опыту Виктора, сибиряки были особенно крутой породой даже среди и без того крепких русских.

— Я друг Александра Норимова.

Сибиряк помолчал секунду, прежде чем ответить. 'ВОЗ?'

«Владелец этого бара».

— Он больше не владелец.

— Так ты знаешь, о ком я говорю?

Крупные мускулы челюсти сибиряка напряглись. — Норимов умер в прошлом году.

Виктор тяжело вздохнул. — Тогда я ценю, что ты проделал весь этот путь только для того, чтобы сообщить мне об этом. Вы действительно слишком добры.

Сибиряк замолчал, слегка приоткрыв рот, не зная, говорит ли Виктор серьезно или саркастически.

— Что вам нужно от Норимова?

— Какая разница, если он мертв?

Сибиряк недоверчиво покачал головой, но в глазах его была угроза. «Кем, черт возьми, ты себя возомнил?»

— Я друг Александра Норимова.

'Вы оглохли? Я сказал тебе, что он мертв. Так что вы зря тратите здесь время.

— Я допиваю свой напиток. Виктор указал на пустой стакан водки.

— Ты закончил, — сказал сибиряк.

— Боюсь, в этом мы не согласны.

Он двигался на удивление быстро для крупного парня, сильно ударяя по стеклу тыльной стороной ладони. Он разбился о стену за барной стойкой. Все остальные разговоры немедленно прекратились.

Сибиряк самодовольно ухмыльнулся. «Теперь вы закончили».

— Ты поведешь меня к Норимову или нет?

Сибиряк засмеялся.

Виктор вздохнул. «Должен ли я принять это как нет?»

'Если хочешь.'

— Думаю, тогда я уйду.

Он стоял. Сибиряк был перед ним, другой мужчина сзади. Сибиряк пристально посмотрел на Виктора, от чего Виктор быстро опустил глаза, заставив сибиряка громко выдохнуть, полуухмыляясь, покупая знак подчинения. Он отошел в сторону, пропуская Виктора. Сибиряк посмотрел на своего соратника и поднял брови. Другой мужчина согласно кивнул.

В этот момент ни один из них не наблюдал за Виктором.

Проходя мимо сибиряка, он поднял левую руку и отбросил ее назад, ударив локтем сибиряка по лицу. Он почувствовал, как у него подкосился нос. Сибиряк захрипел, кровь брызнула из его ноздрей. Его глаза наполнились водой. Он привалился к стойке бара, чувства выбили из него.

Продолжая движение, Виктор обернулся и увидел, как второй парень вытаскивает из кармана пальто тяжелый пистолет «Байкал». Большой русский был бы более эффективен, если бы схватил Виктора сзади, но он этого не сделал, решив вместо этого пойти за своим пистолетом. Его ошибка.

Виктор шагнул вперед в пределах досягаемости мужчины, сведя на нет угрозу пистолета, отбросил оружие в сторону и ударил русского тыльной стороной правой ладони в сторону груди, где было мало мышц для защиты. Треснули ребра. Русский упал, задыхаясь. Байкал стучал по твердому полу. Виктор снова обратил внимание на сибиряка, который с трудом поднимался на ноги. Даже с разбитым носом он был быстр, вытащив складной нож из кармана пальто.

Появился клинок, и он бросился на Виктора, который схватил сибиряка за запястье и локоть, заблокировав руку и вывернув ее. Сибиряк закричал, нож выпал из его пальцев. Виктор отпустил руку и ударил его кулаком в живот. Он едва вздрогнул.

Руки схватили Виктора за куртку, подняли с ног и швырнули. Он тяжело приземлился, но перекатился, чтобы смягчить удар. Он вскочил на ноги и увидел, что сибиряк уже идет на него. Виктор уклонился от удара, а затем от другого, уклонившись в сторону, мимо одного из кулаков здоровяка, позволив инерции сибиряка вывести его из равновесия. Виктор пнул его сзади под колено, и он споткнулся. Виктор схватил Байкала с пола как раз в тот момент, когда сибиряк оправился и повернулся.

Два фунта твердой стали в руке Виктора попали под челюсть парня и бросили его на колени. Второй удар в висок заставил его остаться там.

Виктор сунул руку под пальто сибиряка и вытащил из подмышечной кобуры пистолет. Он бросил его с другой стороны бара и огляделся. Остальные посетители бара были ошеломлены, все молчали, совершенно пассивно. Ему не нужно было говорить им, чтобы они не создавали проблем.

Виктор всадил бочку «Байкала» в лицо сибиряку. 'Вставать.'

Сибиряк выплюнул зубы и сумел подняться на ноги, одной рукой под носом истекая кровью, другой ладонью у виска.

— Повернись, — приказал Виктор. — Положите лицо на стойку.

Сибиряк колебался. Он поднял руки. Виктор схватил его за волосы, прижал лицом к стойке, убедившись, что его сломанный нос принял на себя основной удар. Он закричал. Виктор прижал пистолет к основанию черепа мужчины.

— Где Норимов?

Нет ответа.

Он снова ударил сибиряка лицом о стойку, заставив того вскрикнуть во второй раз. 'Где он?'

Опять нет ответа.

Виктор приказал: «Ты за стойкой, принеси мне бутылку твоей самой крепкой водки».

Бармен выглядел не старше двадцати, вероятно, никогда раньше не видел оружия. Это было явно слишком для него. Он был слишком напуган, чтобы двигаться.

Виктор направил на него Байкал. «Сделай это, или я разрисую стену твоими мозгами и получу это сам».

Он не нуждался в дальнейшем поощрении.

Виктор сильнее прижал Байкал к черепу сибиряка. — Твой пистолет вмещает десять пуль, если ты двинешься, я выпущу каждую тебе в лицо. Ты понимаешь?'

Виктор воспринял молчание как знак согласия. Он отступил назад, оглянулся на большого русского, лежащего на полу, увидел, как тот корчится, прижав руки к груди, и каждый вздох был упражнением в агонии. Он был не в том положении, чтобы попробовать что-либо. Виктор опустился на колени, не сводя глаз с сибиряка, и левой рукой взял выкидной нож. Он встал, покрутил нож в ладони так, чтобы лезвие было направлено вниз, и вонзил острие в ухо сибиряка, прижав его к перекладине.

Не обращая внимания на его крики, Виктор взял у бармена бутылку водки, проверил, достаточно ли она крепка, и прошел в другой конец бара. Он зубами оторвал крышку от бутылки и пошел обратно к сибиряку, капая водкой на поверхность стойки. Когда он добрался до него, Виктор вылил остаток бутылки себе на голову. Сибиряк ахнул, но не пошевелился; даже малейшая борьба порвала его ухо о лезвие ножа.

Виктор посмотрел на бармена. — Возьми зажигалку.

Сибиряк обрел голос. 'Нет.'

Виктор схватил нож и повернул его, издав сибирский крик. 'Молчи.'

Бармен предложил Виктору одноразовую зажигалку.

— Нет, — сказал Виктор. — Отнеси его в другой конец бара.

Бармен неохотно отошел в дальний конец.

— НЕТ, — снова закричал сибиряк. 'Пожалуйста.'

— У тебя был шанс сделать это легким путем. Виктор прижал Байкал к черепу мужчины и запустил пальцы левой руки в волосы сибиряка, сильнее вдавливая его в стойку. «Теперь мы сделаем это по-моему».

Большой сибиряк хрюкал и боролся, его огромные руки упирались в край стойки. Кровь, смешанная с водкой, на поверхности бара.

— Ты мне точно скажешь, где я могу найти Норимова, и тебе лучше надеяться, что я тебе поверю. Он посмотрел на бармена. «Зажги», а потом снова к сибиряку. — У вас есть около десяти секунд, пока вы не загоритесь, как римская свеча.

Краем глаза сибиряк наблюдал, как бармен чиркнул зажигалкой и опустил огонек на стойку. Водка загорелась, горя синим пламенем. Он мчался вдоль барной стойки к широко раскрытому глазу сибиряка.

«Девять секунд». — решительно заявил Виктор.

— ОКЕЙ, ОКЕЙ, — закричал сибиряк. 'Я вам скажу.'

— Скажи мне сейчас. Семь секунд.

«Железнодорожная станция Калари».

'Вы отвезете меня туда? Четыре секунды.

'ДА.'

Виктор отпустил волосы сибиряка и вытащил нож из уха. Сибиряк отшатнулся назад, его лицо оторвалось от стойки за секунду до того, как пламя достигло его. Здоровяк споткнулся, потерял равновесие и упал на стол, сломав его под своим значительным весом.

Некоторое время он лежал оглушенный, тяжело дыша среди обломков. Подняв глаза, он увидел стоящего над ним Виктора.

— Что ж, — сказал Виктор. 'Что мы ждем?'

ГЛАВА 36

Цюрих, Швейцария

Суббота

13:11 по центральноевропейскому времени

Когда Ребекка села в электрический трамвай, холодок взбодрил Ребекку. Она села сзади, чтобы наблюдать за тем, кто еще садится, и приняла меры предосторожности, которые подчеркивал ее новый партнер, или партнер, или кем бы он ни был. Трамвай доставил ее в финансовый район Цюриха, и она держала тревогу глубоко внутри, пока ехала по чистым улицам города. Ребекке нравился Цюрих, нравилась эффективность швейцарцев в их делах. Это был город с богатой историей, но еще не разрушенный туристами. Люди приезжали в Швейцарию работать или кататься на лыжах, а не осматривать достопримечательности.

Она могла бы ехать в тихом трамвае всю дорогу, но паранойя заставила ее сойти и вернуться к самой себе, периодически останавливаясь, чтобы посмотреть на витрины, чтобы она могла наблюдать за отражением проходящих мимо людей. Опять же, как он велел ей сделать. Она не видела никого, кого видела раньше, но с болью осознавала, что не была обучена таким вещам. Кто-нибудь мог проследовать за ней всю дорогу из Парижа в смешной шляпе, и она, вероятно, не заметила бы этого. Когда она взяла под контроль свой страх, она села в другой трамвай и заняла последнее свободное место.

Она уступила место пожилому мужчине с грустным лицом, который сел на Банхофштрассе, и через три остановки она выехала в центр Цюриха. Здесь каждый человек, казалось, был одет как она, и она расслабилась в толпе, идя немного легче.

Ребекка прошла мимо бутиков и кафе, обслуживающих толпу банкиров, называвших Цюрих своим домом. Повсюду были банки, а там, где банков не было, были финансовые учреждения другого рода, одни открыто рекламировавшие свои услуги, другие скрытые от прохожих.

Холодный воздух стянул кожу на ее лице, когда она подумала о нем, убийце, имени которого она даже не знала. Она посмотрела на

часы. Прошло несколько часов с тех пор, как они разошлись. Она уже сомневалась в том, что делает. И даже если она поступила правильно, она не могла доверять ему. Как она могла? Он убивал людей за деньги. Он был настолько бесчестен, насколько это вообще возможно.

Но она надеялась, что его собственное желание выжить было таким же сильным, как и ее. Он тоже был явно умен, а умный человек в его положении знал бы, что ему придется работать с ней. Ни один из них не мог сделать это самостоятельно. Это было, конечно, если ему не удалось расшифровать диск для себя. Может быть, тогда он попробует что-то другое, без нее. Тогда она будет одна, беззащитная.

Она глубоко вздохнула, пытаясь мыслить рационально. Она видела его лицо, видела непоколебимую уверенность в себе в его глазах и абсолютное неудовольствие от того, что ему нужна чья-то помощь. Он бы вообще не пришел к ней, если бы у него была хоть малейшая уверенность, что он сможет сделать это один. Она надеялась.

Ребекка купила шоколадное печенье в магазине на Парадеплац. Это имело отличный эффект плацебо и помогло успокоить ее желудок, прежде чем она направилась с главной площади в менее оживленный переулок. Она небрежно ступила на ступеньки и вежливо улыбнулась швейцару, проталкиваясь через вращающийся вход.

Он не был похож на обычный банк, и в этом была суть. Вестибюль выглядел бы более уместно в гранд-отеле. Она направилась к справочному столу и сообщила свои данные тщательно ухоженному мужчине за стойкой. Он взял трубку плавным, отработанным движением и прошептал в трубку.

— С вами сейчас кое-кто будет, мадам.

'Спасибо.'

Она ждала в одном из красивых, но неудобных кресел, подперев подбородок ладонью. Она старалась выглядеть торопливой, но не беспокойной. Она не сняла пальто, хотя в банке было тепло.

Через несколько минут Ребекка заметила стройного мужчину в каменно-коричневом костюме, идущего к ней, и встала, чтобы поприветствовать его. Они поднялись на лифте с деревянными панелями на второй этаж, и она последовала за ним в другую комнату, где Ребекка ввела свой десятизначный номер счета в маленькое ручное устройство.

Мужчина проверил экран для подтверждения и сказал: «Пожалуйста, сюда».

Они миновали двух охранников, и у двери в кабинет старшего банкира она отказалась от кофе, ее провели внутрь и снова оставили ждать. Офис был обставлен классической мебелью и спроектирован так, чтобы излучать богатство и власть. Для Ребекки это было старомодно и скучно. Она была современной женщиной насквозь. Заставлять ее ждать тоже становилось утомительно, особенно учитывая, что она сказала им, что придет.

Прошло пять минут, прежде чем вошел невысокий полноватый мужчина в очках. Он был прекрасно одет в костюм в тонкую полоску, который отчаянно пытался, но безуспешно, замаскировать его талию.

— Мисс Бернштейн, — сказал он Ребекке. — Как приятно снова тебя видеть.

Ребекка уже видела его однажды, чуть более трех месяцев назад, когда открывался счет для операционных средств. Казалось, это было целую жизнь назад, но толстяк, казалось, узнал ее. Или, по крайней мере, сделал вид, что узнал ее. Она пожала ему руку; оно было мягким, теплым и слегка влажным.

— Я тоже рад снова тебя видеть.

Джоэл Маллиат сел в огромное красное кожаное кресло. Он выглядел нелепо — казался карликом по своим размерам. Ребекка делала вид, что ничего не замечает, как это было во время их первой встречи, и ей было интересно, сколько других клиентов поступили так же.

Ребекка расстегнула пальто и сняла его, медленно положив на стул, чтобы у Маллиата было время изучить ее спереди и сбоку. На ней был светло-коричневый свитер, который был на один размер меньше и облегал ее, как вторая кожа. Под ней был бюстгальтер пуш-ап с мягкой подкладкой, из-за которого ее грудь казалась на несколько чашек больше. Эффект тесного свитера, распыленного на ее груди, потряс ее, когда она впервые увидела его. Она надеялась, что Маллиат тоже пострадал.

Возможно, это все еще был мужской мир, но Ребекка знала, что женщины по-прежнему имеют большое преимущество перед противоположным полом. Пусть немного крови потечет на юг, и в их мозгах будет меньше поводов для размышлений.

Они обменялись любезностями в течение нескольких минут, Маллиат отметил все пункты в контрольном списке очаровательного, но заслуживающего доверия банкира. Ребекка не пыталась прерывать фарс и позволила Мальяту прийти к цели визита в свое время.

— Я уверен, что вы занятая женщина, мисс Бернштейн, — сказал Маллиат. — Так чем же я могу помочь вам сегодня?

«У меня небольшая проблема с некоторыми транзакциями, и я надеюсь, что вы сможете мне помочь».

Маллиат выглядел встревоженным. «Проблема с транзакцией?»

«Ничего из того, что сделал банк. Видите ли, к своему стыду, я, кажется, потерял одну из данных моего клиента. Одна из моих бывших сотрудниц была некомпетентной, и я полагаю, что она случайно удалила некоторые файлы из нашей системы, которые мы не смогли восстановить».

«К сожалению».

«Поэтому, — продолжала она, — я поставлена в очень трудное положение. Я больше не могу связаться со своим клиентом — очень важным клиентом. Все, что у меня есть, это номер их счета из средств, помещенных на мой собственный счет».

— Понятно, — понимающе сказал Маллиат.

— Итак, мистер Маллиат. Джоэл. Я был бы бесконечно признателен, если бы вы дали мне контактные данные этого номера счета».

— Мисс Бернштейн, мне очень жаль, но эта информация конфиденциальна, и я бы пошел против своей банковской этики, если бы сообщил вам.

— Я понимаю вашу позицию, но я не прошу у вас информации, которой у меня еще не было. Еще несколько дней назад эта информация была в моей системе. Вы бы просто рассказали мне то, что я уже знал.

Малиат сочувственно улыбнулся. — Это не относится к делу. Мне просто не разрешено говорить вам. Я предлагаю вам нанять специалиста по компьютерам, чтобы он восстановил удаленные файлы».

«Уже есть, но они не увенчались успехом».

«Я уверен, что ваш клиент в конечном итоге свяжется с вами».

«Я ожидаю, что, как и многие из клиентов вашего банка, я не веду такой бизнес, при котором между компанией и клиентом существует много общения».

Она сделала акцент на ключевых словах, чтобы подтекст был очевиден.

— Не знаю, что на это сказать, — сказал Малиат.

— Скажи, что поможешь мне. Крайне важно, чтобы я связался со своим клиентом немедленно.

«Мне очень жаль, но я просто не могу сделать то, о чем вы просите».

Тонкий подход не удался, поэтому она сердито встала и подошла к окну, давая Маллиату хороший вид на свою задницу, ноги и трехдюймовые каблуки, которые убивали ее ноги. Она обернулась после того, как он успел посмотреть. Она заметила, что его глаза должны были подняться, чтобы встретиться с ней.

— Это возмутительно, — сказала она, уперев руки в бока. «Я здесь владелец счета, и я требую знать, кто положил на мой счет сотни тысяч долларов. Если вы не окажете мне эту простую любезность, у меня не будет иного выбора, кроме как закрыть свой счет и передать свой бизнес одному из ваших конкурентов».

Она видела, как Маллиат сделал быстрый расчет в уме. Ребекка уже знала эту цифру. Менее чем за три месяца на счет поступило почти два миллиона долларов. Такими темпами за год это будет почти восемь миллионов долларов. Слишком много денег, чтобы терять из-за такой незначительной вещи, как имя и адрес.

Маллиат вздохнул и через минуту кивнул. — Хорошо, — начал он. — Я помогу тебе, но не дам тебе того, что ты хочешь знать.

— Значит, вы не помогаете, и я больше не буду пользоваться вашими услугами. Я хотел бы вывести все свои средства немедленно. Купюрами в сто евро.

— Подожди, — быстро сказал Маллиат. «Что, если я дам вам информацию о бухгалтере, который производил платежи от имени владельца счета. Это подойдет?»

Ребекка сдержала улыбку. Это было именно так, как она надеялась.

— Думаю, придется.

ГЛАВА 37

Санкт-Петербург, Россия

Суббота

16:58 мск

Они взяли машину сибиряка. Виктор ехал сзади, сел прямо за пассажирским сиденьем, чтобы наблюдать за водителем. Это была черная BMW восьмидесятых годов со всей отделкой. Внутри пахло затхлым дымом, а обивка была темной и покрытой пятнами.

Виктор запер русского со сломанными ребрами в задней комнате бара, сказав бармену отпустить его через час. Если бы он освободил его раньше, то Виктор вернулся бы, чтобы кастрировать его. По мокрому пятну на джинсах парня Виктор понял, что ему поверили.

Ехали молча, взгляд сибиряка был прикован к дороге, ведя Виктора через незнакомые ему части города: вдоль улиц тянулись безымянные фабрики, между ними тянулись мертвые участки пустыря, а вдалеке поднимался пар от высоких башен и смешивался с облаками.

Через тридцать минут машина замедлила ход. По обеим сторонам улицы стояли заброшенные склады, годами пустовавшие и оставленные гнить. Дорога была неровной, с выбоинами, бордюры

были полны мусора и черной воды. Глаза Виктора встретились с глазами сибиряка в заднем обзоре.

'Были здесь.'

Впереди дорогу разделяли сетчатый забор и ворота. Перед воротами стоял высокий мужчина в каракулевой шапке и курил сигарету. Позади него, через забор, Виктор мог видеть длинные низкие здания, темные от загрязнения.

Сибиряк остановил машину в пяти метрах от ворот и опустил водительское стекло. Высокий мужчина бросил сигарету и подошел к машине. Он наклонился и заглянул внутрь, присвистнув, когда увидел разбитое лицо сибиряка.

— Вот дерьмо, Сергей, — сказал он. — Еще один ревнивый муж с ломом? Он уже собирался рассмеяться, когда заметил Виктора сзади. — Кто это, черт возьми?

Виктор заговорил прежде, чем сибиряк успел ответить. — Просто скажи Норимову, что к нему пришел Василий.

Под каракулем лицо высокого человека сморщилось в задумчивости. Он отошел от машины и достал сотовый телефон, который смутил бы любого западного подростка. Говоря, он повернулся спиной к машине. После десятисекундного разговора он убрал трубку. Когда он оглянулся на Виктора, в его глазах был страх.

'Продолжать.'

Он распахнул ворота, и сибиряк выехал на широкий участок неровного асфальта с лужами грязной воды, смешанной с маслом.

Машина медленно подъехала к двум большим заводским зданиям. Вдали валялся на боку ржавый корпус вагона поезда. Машина свернула в пролом между двумя зданиями и остановилась. Справа от Виктора была открыта подъемная дверь, ведущая на одну из фабрик.

Сибиряк указал на дверь. — Там.

Виктор вылез из машины, делая вид, что не заметил темного силуэта, притаившегося на покатой крыше, или того, кто стоял на заводе позади него. Он намеренно двигался медленно, не делая ничего, что могло бы заставить нервного русского без необходимости разрядить оружие.

Он подошел к отверстию, держа руки вне карманов, несмотря на холод. Внутри он мог видеть корпуса старых электропоездов, наполовину построенных и ржавых, доминирующих над пространством. Виктор огляделся, представив себе, что во времена Советского Союза построенные здесь автомобили были экспортированы за тысячи миль во все дружественные государства, и что, когда империя рухнула, депо закрылось, работа просто остановилась, чтобы больше никогда не начинаться. .

Виктор остановился, увидев двух огромных русских, выходящих из тени и направляющихся к нему. В своей толстой одежде и бородах они больше походили на обезьян, чем на людей. Одному на вид было за сорок, в его бороде виднелись тонкие полосы седины. Другой был моложе, его лицо и шея были покрыты шрамами от огня.

У него был автомат АК-74, более поздний вариант печально известного автомата Калашникова. Он не был направлен на Виктора, но то, как мужчина в шрамах держал его, означало, что его можно было мгновенно привести в боевое положение. Бывшие вооруженные силы.

У пожилого мужчины в руках не было оружия, но не из-за его ребер появилась неправильная тень под его левой рукой. Русский с АК отступил, а другой подошел к Виктору.

Он медленно расстегнул пальто и вытянул руки под прямым углом к телу. Русский осмотрел его грубо, но с усталостью в глазах. Он нахмурился, почувствовав Байкал в кармане Виктора. Он вытащил его.

'Любые другие?' он спросил.

Виктор покачал головой. Мужчина все равно обыскал его. Если бы было какое-то другое оружие, человек нашел бы его.

'Сюда.'

Мужчина повернулся и повел Виктора через фабрику, а парень с автоматом шел за ним в дюжине шагов. В здании было так же холодно и сыро, как и снаружи. В крыше были зияющие дыры, и Виктор осторожно избегал луж, образовавшихся под ними. Двое русских были в ботинках и не хотели идти по почти ледяной воде. Их тяжелые шаги отдавались эхом.

Дойдя до дальней стороны фабрики, они остановились. Металлическая лестница вела к офисам, выходящим на фабричный этаж. Виктор заметил одного из людей Норимова на крыше одного из

поездов, а другой стоял в темноте под конторой. Каждый был вооружен штурмовой винтовкой.

Человек, который обыскивал Виктора, велел ему подождать и поднялся по металлическим ступеням в офис наверху. Он вышел через минуту, но не спустился. Он занял позицию на лестнице, теперь вооруженный АК, как и другие.

Пятеро мужчин с штурмовыми винтовками теперь прикрывали Виктора, каждый из которых располагался так, чтобы стрелять, не рискуя задеть одного из своих. При нынешнем положении вещей, если бы они того желали, у Виктора не было шансов.

Он должен был признать, что они были хороши в том, что они делали.

Дверь кабинета открылась, и вышел Норимов. У него было не так много волос, когда Виктор видел его в последний раз, а сейчас стало еще меньше. То, что осталось, было обрезано до нескольких миллиметров. Это был высокий мужчина с квадратным лицом, широкими плечами, массивными руками. Он выглядел неуклюжим, но Виктор знал, что размеры Норимова обманчивы. Там было достаточно скорости и ловкости, чтобы преподнести неприятный сюрприз большинству потенциальных агрессоров.

У него было нейтральное выражение лица, его глаза глубоко посажены, тени под густыми бровями. Когда-то темная борода теперь была в основном седой, аккуратно подстриженной. Он был одет в черный костюм и больше походил на уважаемого бизнесмена, чем на безжалостного предпринимателя и бывшего правительственного агента. Любопытная полуулыбка появилась на лице Норимова, когда его глаза встретились с глазами Виктора, смесь недоверия и осторожности.

— Василий, — позвал Норимов. — Вы застали меня врасплох.

У него был мягкий утонченный голос, как и подобало его привилегированному воспитанию.

Виктор вернул полуулыбку. — Ты же знаешь, я люблю появляться.

— Да, да. Но когда пять минут назад мне позвонили и сказали, что ты здесь, я не поверил, что это настоящий ты. Я думал, что в следующий раз увижу тебя на другом берегу реки Стикс.

— Я так понимаю, что вы не рады меня видеть?

— Ну, — сказал Норимов, улыбаясь еще шире, — я бы так не сказал.

— Тогда что бы вы сказали?

— Что ваши методы, возможно, несколько чрезмерны. Не надо было быть таким грубым с Сергеем и Дмитрием.

«Мне пришлось использовать язык, который они могли понять».

— Ты пробовал русский?

«Должно быть, я заржавел».

– хмыкнул Норимов. «Они просто присматривали за мной, следя за тем, чтобы меня не беспокоили без необходимости. Например, прослушивание телефонных звонков. Он посмеялся. «В эти дни я должен быть более осторожным, чем когда-либо. Если это не мои многочисленные соперники после моей крови, так это вонючие коррумпированные копы. Я не знаю, что хуже.

— Цена прогресса, — сказал Виктор.

Норимов кивнул. «Сейчас все более жестоко, чем когда-либо. Ты выглядишь иначе.»

'Это идея.'

'Операция?'

Виктор кивнул.

Норимов улыбнулся. — Раньше ты был красивее.

— Я знаю, — согласился Виктор. «В этом была проблема». На мгновение он выдержал взгляд русского. — Ты собираешься спуститься оттуда?

Норимов положил обе руки на перила. — Я вполне счастлив здесь.

— Ты думаешь, я здесь, чтобы убить тебя?

Внезапное изменение лица Норимова подсказало Виктору, что он думал именно об этом.

— Я безоружен. — сказал Виктор, расстегивая куртку.

— Я тебе верю, — сказал Норимов. — Но когда тебя раньше останавливало то, что у тебя не было оружия?

Виктор кивнул, принимая замечание и двусмысленный комплимент. «Если бы я хотел убить тебя, — объяснил он, — я бы сейчас не стоял перед тобой. Я хочу поговорить.»

Норимов на мгновение задумался. Виктор не сводил глаз с русского, готовый к любой возможности, готовый к жесту рукой, который подаст охранникам сигнал открыть огонь. Если бы он пришел, он понятия не имел, что он собирался делать. Умереть было бы наиболее вероятным курсом действий.

— Хорошо, — сказал наконец Норимов. 'Давайте поговорим.'

ГЛАВА 38

17:37 мск

Они находились в офисе над заводским цехом. Он был оборудован картотечными шкафами и полками, как любое законное место работы, а не нервный центр организованной преступной сети. Норимов сидел за простым полированным столом, на котором лежал

ноутбук серебристого цвета и стопка бумаг и конвертов. Виктор сел напротив него. Один телохранитель стоял за ним, другой за Норимовым. Прямо за дверью стоял еще один мужчина. Все были открыто вооружены.

Под такой защитой Норимов казался фактически узником в собственном кабинете, и Виктору стало интересно, как давно это было. Он также задавался вопросом, понимает ли Норимов, что он сокамерник, которого сам же и создал.

— Прощу прощения за не слишком радушный прием, но вы, я уверен, можете простить мою подозрительность, — начал Норимов. «Когда киллер вызывает вас без предупреждения, лучше ошибиться в сторону осторожности, чем в сторону смерти».

— Не используй это слово.

'Какое слово?' — спросил Норимов, казалось, озадаченный. — Ты имеешь в виду наемного убийцу? Я забыл, что тебе это не нравится.

— Нет.

На лице Норимова появилась кривая улыбка. — Сколько, три года?

«Четыре».

'Долгое время. Ты хорошо постарел.

«Я принимаю витамины». Взгляд Виктора пробежался по Норимову. — Кажется, ты наедаешься.

— Да, вполне. Я пополнел в талии и похудел сверху, — засмеялся Норимов, хлопнув себя по щедрому животу. — Это просто защита от холода, клянусь.

— Как твое плечо?

Норимов выдохнул воздух через нос. «Ха, это до сих пор вызывает у меня проблемы. Я ездил к специалисту в Москву только в прошлом году. Он сказал мне, что за лопаткой образовалось скопление жидкости. Уверяю вас, он вонзил в меня вот такую большую иглу, чтобы высушить кровь. Норимов жестикулировал, его ладони были на расстоянии добрых двенадцати дюймов друг от друга. — Не лучше. В некоторые недели я принимаю целую бутылку болеутоляющих».

'Это очень плохо.'

«Между болью жизни и безболезненностью смерти я с радостью выбираю боль».

— Красиво сказано.

'Спасибо.' Норимов наклонил голову. — А ты, Василий, еще пуленепробиваемый?

Виктор подумал об огромном синяке на груди и крошечной парше в центре. — Я бы не хотел говорить.

— Не хочешь испытать судьбу?

'Что-то такое.'

— указал Норимов. — Вы говорили, что сами вершите свою судьбу.

'Я все еще делаю.'

«Неважно, насколько ты хорош, насколько ты быстр...»

— От пули не убежишь, — закончил Виктор.

Норимов указал на одного из своих телохранителей. — Принеси нам обоим выпить.

Телохранитель открыл шкаф и достал бутылку виски и два стакана. Он щедро налил Норимову и Виктору каждому. Норимов крепко, жадно сжал стакан. Его щеки приобрели красный оттенок, под кожей виднелись поврежденные капилляры. Он никогда не пил так много.

Норимов поднял свой стакан. «Старым союзникам».

— Старым друзьям, — поправил Виктор.

Норимов допил свой напиток и одобрительно хмыкнул. Виктор последовал его примеру, но без ворчания.

— Это хорошо, — сказал Норимов. «Нечасто мне удается выпить с кем-то, кто меня не боится».

— Я удивлен, что тебя кто-то боится.

Норимов рассмеялся. — Да, ну, может быть, не во мне, а в том, что я мог сделать. Все эти черви, которые работают на меня сейчас, никто из них не знает, кем я был десять лет назад или даже пять лет назад. Они думают, что я старый, медлительный. Сомневаюсь, что кто-нибудь помнит, что я когда-то был другим».

'Я помню.'

Они долго смотрели друг другу в глаза. Виктор открыл пачку сигарет и вынул одну зубами. Глаза Норимова немного расширились.

— Я думал, ты уволился.

Виктор чиркнул спичкой и поднес ко рту. 'Я сделал.'

'Те вещи-'

— Я знаю, — сказал Виктор. — Так что не говори этого. Я рубил.

«Даже Бонд больше не курит».

Виктор вытер спичку между большим и указательным пальцами и затянулся сигаретой. Он поднял бровь.

'ВОЗ?'

Норимов на мгновение усмехнулся. Его зубы были желтыми.
«Какой счет у вас сейчас?»

— Я не веду счет.

— Раньше.

Виктор кивнул. Когда-то это казалось важным.

Русский едко улыбнулся. — Все еще ходишь в церковь исповедоваться в своих грехах?

Кожа кресла Виктора заскрипела. Он взглянул на свой стакан. — Как долго ты собираешься заставлять меня ждать еще одного?

Норимов подозвал своего телохранителя, который тут же наполнил стаканы. Они оба сделали глоток. — Итак, как дела с убийствами?

Он задумался на мгновение. — Мне нужны более надежные работодатели.

— Я хотел бы иметь возможность нанять вас сам. Но я могу держать рядом с собой четырех хороших людей большую часть года, чего мне стоит нанять вас на одну ночь работы. Когда у вас есть навыки чисел, это не так необходимо.

Виктор не видел необходимости оспаривать точку зрения. — В любом случае, в последнее время я беру намного больше.

Норимов громко рассмеялся. — И я уверен, что вы стоите каждой копейки. Если ты планируешь остаться на некоторое время, я уверен, что смогу найти тебе работу.

— Даже если бы я хотел, я слишком долго отсутствовал.

'Независимо от того. Твоя репутация все еще жива, а вместе с ней открыты все двери.

«Я так больше не работаю. Такой позор — не что иное, как постоянное перекрестие прицела».

— Ты знаешь, где я, если когда-нибудь передумаешь.

Виктор кивнул и сказал: — А ты, Алек, как поживает честолюбивая империя?

— Я единственный честный преступник, оставшийся в этом городе. Видишь, что это дает мне?

Виктор отпил виски. — Как очаровательная Элеонора?

Лицо Норимова было суровым. — Мертв, — легко сказал он.

'Что случилось?'

'Она была больна.'

'Больной?'

«Врачи не думали, что это серьезно. К тому времени, как кто-то понял, было уже слишком поздно.

'Мне жаль это слышать.'

'Спасибо.'

— Она была красивой дамой.

Норимов отвернулся. «Нет, в конце концов, она не была».

На мгновение повисла тяжелая тишина. Виктор ничего не сказал. Хоть и неудобно, но было бы вульгарно говорить банальности только для того, чтобы сидеть поудобнее.

Но молчание нарушил Норимов. — Ты все еще берешь все это дерьмо?

'Уже нет.'

Русский выдавил из себя улыбку, затем вздохнул, словно опечаленный тем, что свел разговор к неизбежному. — Я предполагаю, что это не светский звонок.

«Кто-то пытается меня убить».

Русский улыбнулся. — А не должно ли быть наоборот?

— Вполне, — согласился Виктор. «У меня появились враги».

«Я полагаю, что это постоянная опасность в вашей сфере деятельности».

— Это несколько сложнее. Мне требуется ваша помощь.'

В выражении лица Норимова было что-то близкое к изумлению. — Тебе нужна моя помощь? Виктор кивнул. — Это должно быть серьезно.

'Это.'

'Так что я могу сделать?'

— Я хочу, чтобы вы навели для меня кое-какие справки.

— Я перестал работать на них раньше, чем ты. Я-'

— Но вы все еще связаны с организацией, не так ли?

Норимов рассеянно кивнул, действие казалось почти бессознательным.

— Хорошо, — сказал Виктор.

'Что тебе нужно?'

Виктор полез в пальто. Он делал это так медленно, чтобы двое телохранителей не могли спутать это действие с чем-то другим. Виктор вытащил руку из-под пальто. В его пальцах была флешка.

'На этом файл. Мне нужно, чтобы его шифрование было взломано.'

Виктор положил его на стол, а Норимов взял его и внимательно рассмотрел.

'Где ты это взял?' он спросил.

— От бывшего делового знакомого.

Норимов понимающе поднял бровь. 'Скажи мне, что случилось.'

«В понедельник я заключил контракт в Париже, частью которого было восстановление и доставка этой карты памяти. Когда я вернулся в свой отель, меня уже ждала команда убийц. Я хотел бы знать, кто их послал.

Виктор счел благоразумным опустить тот факт, что этот кто-то оказался тем же самым человеком, который его нанял и который также работал на ЦРУ.

'Париж? Я читал об этом, но никогда бы не догадался, что это ты. Ты не из тех, кто делает заголовки.'

«На этот раз это было неизбежно».

Норимов наклонился вперед. «Говорят, восемь человек были застрелены в том отеле. Все вы?»

— Я убил только семерых, — поправил Виктор. — Еще один заранее. Еще с тех пор.

— Я думал, ты не в счет.

Виктор какое-то время смотрел на него. «Некоторые привычки труднее сломать, чем другие».

Норимов покачал головой. — Ну, ты все равно не потерял хватку.

Виктор проигнорировал это замечание. «Тот, кто пытался убить меня, хотел этот диск. На данный момент это все, что мне нужно продолжать. Если информация об этой штуке стоит убийства, то мне нужно знать, что это такое.

— И что это даст?

— Может быть, это поможет выследить моих врагов. Может быть нет.'

— Но почему ты хочешь? Ты никогда раньше не заботился о мести.

— Меня сейчас не волнует месть, — сказал Виктор. — И никогда не буду.

'Почему?'

— Потому что они нашли меня.

Норимов выдержал его взгляд и кивнул. «Я все еще знаю людей в организации, компьютерщиков, которые могут помочь».

'Спасибо.'

— Но то, о чем вы спрашиваете, весьма нерегулярно. Люди будут подозревать, будут задавать вопросы».

— Тогда подкупите их. Я покрою любые расходы.

Норимов внимательно посмотрел на него. — Им все еще нужна твоя голова, помнишь?

— Я вряд ли забуду.

— И вы готовы пойти на этот риск?

— Я здесь, не так ли?

Русский на мгновение взвесил ответ. «Я всегда думал, что для человека, который так заботится о том, чтобы остаться в живых, вы иногда ведете себя так, как будто у вас есть желание умереть».

Виктор позаботился о том, чтобы ничего не показать на его лице.

Норимов провел рукой по бороде. — Меня уже спрашивали о тебе раньше, знаешь? Генерал, кажется, его звали Банаров, умер. Самоубийство. Выстрелил себе в голову из собственного пистолета. Они подумали, что это ты, и сказали, что могут разместить тебя в деревне на той неделе.

— Что ты им сказал?

— Что я не видел тебя много лет.

— Они тебе поверили?

'Кто знает? Следователь меня не любил, могу вам сказать, что зря. Анисковач его звали. Я взял за правило помнить об этом. Думаю, восходящая звезда. У него был такой взгляд, высокомерный, но умный. На самом деле он напомнил мне тебя. Норимов коротко улыбнулся. «Он привез с собой список трупов длиной с мой член, хотел знать, кого из них ты мог убить».

— И ты сказал?

— Что ты мог убить их всех, насколько я знал, но я сказал ему, что слышал, что ты мертв, так что даже для тебя это было бы сложной задачей. Именно тогда он показал мне вашу фотографию, сказал, что это было недавно.

— Куда?

— Я не мог сказать. Не волнуйся, это была твоя хорошая сторона. Он ухмыльнулся. — Анисковач хотел, чтобы ты был Банаровым; остальные не имели значения. Он просто пытался выследить вас по одной из ваших других работ.

— Он сказал тебе это?

— Ему не нужно было.

Виктор кивнул.

— Так, — начал Норимов, — это вы убили Банарова?

Выражение лица Виктора оставалось пустым. — Не помню.

Лицо Норимова было серьезным. — Но они есть, Василий.

«Тогда я позабочусь о том, чтобы не оживить их воспоминания».

— И ты думал обо мне во всем этом? Они не любят меня таким, какой он есть. Как ты думаешь, что они сделают, если узнают, что я помог тебе?

— Когда я просил тебя об услуге?

'Никогда.' Норимов помолчал. Прежде чем заговорить, он долго смотрел на Виктора. 'Вы изменились.'

«Я похудел».

— Нет, не это.

'Я старше.' Ему не нравилось это говорить.

Русский покачал головой. — Это что-то другое.

Виктор перестал ерзать на стуле.

«Я знаю одно, — сказал Норимов, — что такие люди, как мы, не меняются. Мы адаптируемся».

'Необходимость.'

«Помнишь, я говорил тебе, что делает тебя особенным?» Он не стал ждать ответа Виктора. «Такие люди, как ты, как и я, либо берут в себя то, чего нет у других, и заставляют это работать на нас, либо остаемся в стороне и позволяем этому уничтожить нас».

— Я все еще верю в это.

«Если я сделаю это для вас, то мы даже за Чечню».

— Естественно, — без колебаний согласился Виктор.

Норимов медленно кивнул. «Я сделаю все, что смогу».

'Спасибо.'

— Не упоминай об этом.

— Вам понадобится копия диска.

Норимов улыбнулся. — Почему ты мне не доверяешь?

'Нет.'

Улыбка Норимова исчезла, и он пристально посмотрел на Виктора.

Виктор посмотрел в ответ.

Норимов первым отвел взгляд и вставил флешку в компьютер.
«Позволит ли мне скопировать содержимое?»

«Зашифрована информация на диске, а не сама флешка».

Норимову потребовались секунды, чтобы скопировать данные на свой компьютер. Когда передача закончилась, он вытащил оригинал из ноутбука и вернул его Виктору.

'Все сделано. Скопирую на диск и передам своим контактам. Я потом удалю его со своего ноутбука, не волнуйся».

— Я не беспокоюсь, — сказал Виктор. — И будет безопаснее, если мы не встретимся здесь. Вместо этого где-то занято, где-то публично.

Лицо Норимова засияло. — Как в старые времена?

— Совсем как в старые добрые времена.

— Как вы хотите это сделать?

— Я позвоню в ваш бар, дам им время и место, чтобы вы могли встретиться со мной. Как много времени это займет?'

Норимов долго поглаживал бороду. Он отвернулся. «Если люди, которых я знаю, могут это сделать, это не займет у них много времени». Он оглянулся. В его глазах было что-то такое, чего Виктор не мог прочесть. — Самое большее сорок восемь часов.

Виктор допил свой напиток и встал.

— Тогда увидимся в понедельник.

ГЛАВА 39

Центральное разведывательное управление, Вирджиния, США

Воскресенье

06:05 по восточному поясному времени

Выражение лица Чемберса было суровым. Она элегантно восседала на своем стуле, слегка наклонившись вперед, локти на столе. «Я знаю, что сейчас воскресенье, и я знаю, что еще рано, но я уверен, что все понимают серьезность того, что мы делаем. Кто-то, кого мы очень не хотим видеть лучше вооруженным, может возвращать эти ракеты, пока мы говорим. Это выходит за рамки превосходства в вооружении; речь идет о глобальной безопасности. Если эта технология попадет не в те руки, наша способность защищать свои интересы, а также наши возможности по поддержанию мира будут критически снижены. Я не думаю, что кто-то за этим столом хочет, чтобы это произошло».

Проктер кивнул, соглашаясь. Фергюсон и Сайкс торжественно кивнули.

«Я знаю, что никому из вас не нужны мотивационные речи, чтобы сделать все возможное, — продолжил Чемберс. «Мы все знаем, что часы тикают. Прошла почти неделя с тех пор, как Озолс был убит, а информация украдена. Если мы собираемся взломать это, то это должно произойти как можно скорее. Она остановилась и посмотрела

на Проктера. — Мы приблизились к тому, чтобы найти убийцу Озолса?

Проктер покачал головой. — Альварес идет по следу того, кто нанял Стивенсона и его команду, но, боюсь, мы совершенно застопорились в поиске убийцы. Учитывая то немногое, что у нас есть, мы даже не можем установить, принадлежит ли он правительству или частному сектору. У нас есть несколько свидетельских показаний, которые не стоят той бумаги, на которой они напечатаны, записи с камер видеонаблюдения, на которых мужчина, но без лица, без вещественных доказательств. Мы пропустили его на день в Германии. Вероятно, он уехал в Чехию, но с тех пор мы о нем ничего не слышали.

«В этом задействованы все ведомства. Каждая станция проинструктирована. У нас есть люди в поиске по всей Европе. Мы не можем его найти.

Брови Чемберса нахмурились. — Значит, он просто исчез?

«Он мог быть прямо у нас под носом, и мы не обязательно его видели. Мы не знаем, кого ищем.

— Однако у нас должны быть подозреваемые, — сказал Чемберс. — Кого из известных убийц нельзя объяснить? Какие спецслужбы совершают подозрительные действия?

— Даже если мы предположим, что он не является непосредственным сотрудником службы иностранной разведки и что он был нанят для этой работы, доказательств чего у нас нет, мы не начинаем с хорошей позиции. В Европе работают сотни таких ребят, может быть, даже тысячи. Мы знаем о крошечном проценте из них, и из них мы можем исключить только еще один небольшой процентиль.

Остается огромное количество подозреваемых, о большинстве из которых у нас нет абсолютно никакой информации. И этот парень хорош, не будем забывать. Он иголка в стоге сена киллера.

Чемберс сняла очки и протерла глаза. — Лучшее предположение о нем?

«У нас есть администратор, который говорит, что говорит по-французски, как местный житель, а в Мюнхене сосед сказал, что он говорит по-немецки. Либо он из Франции и Германии, либо хорошо владеет языками и может быть откуда угодно. Пока что он использовал два британских паспорта, так что можно предположить, что он из Великобритании. Проктер выпрямился. «Мы можем строить предположения до посинения, но я думаю, что тот факт, что мы имеем дело с мертвым бывшим российским и советским морским офицером, который пытался продать российские ракеты, говорит мне, что убийца, вероятно, СВР».

«Если это так, мы никогда не получим эту технологию для себя», — сказал Чемберс. «Москве бы это понравилось».

Он кивнул. — Было бы, но это не совсем похоже на русских, не так ли?

'Что ты имеешь в виду?'

«Если этот парень СВР, то это многое объясняет, но кто тогда нанял семерых парней, чтобы убить его после завершения работы? Кто бы знал, что СВР отправляет его туда? И застрелить Озола в переулке довольно просто. В его чае нет полония. Даже не самоубийство. Просто безболезненно казнить предателя — не в их стиле.

Чемберс заправила волосы за уши. «Я не понимал, что у них есть стиль».

Проктер заметил подобострастную улыбку Сайкса. Он посмотрел на Фергюсона. До сих пор старик почти не сказал ни слова. 'Что вы думаете?'

Темные глаза Фергюсона из-под очков встретились с глазами Проктера. — Я не уверен, приятель.

Старик никогда не называл настоящего имени Проктера. Это всегда был приятель, приятель или друг. Проктер считал это раздражающим, граничащим с оскорблением, как будто Фергюсон сделал это в знак неуважения, но Проктер сказал себе, что слишком много вчитывается в это. А даже если бы и не был, он, черт побери, не собирался прослыть драгоценным засранцем, если бы поднял этот вопрос или настаивал на том, чтобы Фергюсон называл его мистером Роландом Проктером.

— Россия — твоя территория, Уилл, — сказал Проктер, довольный тем, что отплатил за фамильярность. Проктер прекрасно понимал, что Фергюсону не нравится, когда его имя сокращают. — СВР — вероятный подозреваемый?

Фергюсон посмотрел на него и на мгновение задумался. — Это больше, чем просто вероятность. В конце концов, речь идет о российских оружейных технологиях. Москва сделает все необходимое, чтобы защитить свои секреты».

— Думаешь, это их стиль? — спросил Чемберс.

— Думаешь, нет?

'Я не уверен.'

«Не думайте, что КГБ не более чем способен или готов казнить Озоля. Если бы они узнали, что он задумал, вы действительно думаете, что они не попытались бы вернуть информацию и замолчать утечку? А предатели всегда наказываются, где бы они ни находились.

Проктер знал о направлении Фергюсона в СВР, поскольку КГБ был наследием его времен холодной войны. Для него они были одним и тем же. Фергюсон, возможно, был чем-то вроде героя в те мрачные дни двадцатого века, но ему не удалось обновить и модернизировать свое мышление. Мир пошел дальше. Восток и Запад больше не были идеалами, а были просто румбы.

Проктер продолжил: «Но рисковать последствиями...»

«Какие последствия?» Фергюсон действительно выглядел рассерженным. — Если бы у нас не было неопровержимых доказательств того, что за этим стоят они, что, конечно же, невозможно, самое большее, что мы могли бы сделать в эти дни, — это отругать их. Что мы могли реально сделать? И давайте посмотрим правде в глаза, нам было бы трудно сделать это с невозмутимым лицом. Помните, мы пытались украсть их технологии, что вряд ли является хорошей моральной основой для критики их методов. Озол был предателем, не забывайте. У нас не было бы права бряцать оружием, и им было бы все равно, если бы мы это сделали.

— И, напомню, это технология, которую Москва не раз отказывала нам в продаже. Кажется, всем кажется, что из-за гласности медведь потерял когти, что пятидесятилетнее соперничество сменилось дружбой. Это смехотворная идея, и я не могу поверить, что Америка так легко увлеклась. Медведь все еще гребаный медведь.

Может быть, сейчас он и слабее, но это значит, что ему нужно быть хитрее.

На мгновение в воздухе повисла неловкая тишина. Лицо Фергюсона покраснело. Проктер на мгновение потерял дар речи. Так что старый ублюдок все же питал некоторую обиду на меняющийся мировой порядок и свое низведенное место в нем. Очевидно, Фергюсон слишком долго боролся с коммунистами, чтобы оставить все как есть. Это было довольно жалко, на самом деле позор, но чем раньше Фергюсон уйдет на пенсию, тем лучше.

— Итак, — наконец сказал Проктер, — как вы думаете, что нам следует делать?

Фергюсон сделал успокаивающий вдох. — Выяснить, что, черт возьми, на самом деле замышляют русские, было бы неплохо начать.

ГЛАВА 40

Жуковка, Россия

Суббота

21:04 МСК

Полковник Анисковач вылез из лимузина СВР и кивнул водителю, который закрыл за собой дверь. Под ногами Анисковача захрустел гравий, когда он подошел к фасаду трехэтажной дачи. Он

был построен еще до революции и представлял собой огромное великолепное здание, защищенное от посторонних глаз высокими соснами, усыпанными снегом. Для здания с двенадцатью спальнями дача Анисковачей, что означало «коттедж», казалось смехотворно неподходящим описанием.

В городе Жуковка было много таких домов, принадлежавших влиятельным и богатым деятелям России. Некоторые называли его московским Беверли-Хиллз. Анисковач никогда не был в Беверли-Хиллз, но знал о нем достаточно, чтобы понять, что Жуковка была более вкусной из них двоих. Слуга открыл перед ним входную дверь, и Анисковач шагнул внутрь с холода в тепло. Он расстегнул свое длинное пальто и передал его слуге.

Внутри дача была еще более впечатляющей, чем снаружи, и Анисковач воспользовался моментом, чтобы осмотреть мраморный пол, обшитые панелями стены и оригинальные картины маслом, свисающие с карнизов. Он мог слышать слабые голоса, смех и тихую музыку, доносившуюся из комнаты откуда-то из жилого дома. Это звучало как коктейль или званый обед, где обычно очень скучные гости были достаточно размягчены алкоголем, чтобы, наконец, начать хорошо проводить время. Его указали на дверной проем, и он вошел в кабинет. В комнате никого не было, и он стоял в центре, сложив руки за спиной, ожидая. Он старался выглядеть невозмутимым из-за обстановки и случая, но знал, что его привели сюда, чтобы произвести впечатление, и ему не мешало бы вести себя хоть в чем-то так, как от него ожидают.

На буфете виднелся графин коньяка, рядом с ним два стакана, все на серебряном подносе, поставленном для него и хозяина, чтобы они пили во время разговора. По прихоти он налил себе стакан, пока ждал. Налить себе выпить без приглашения можно было бы посчитать особенно грубым, но Анисковач полагал, что его хозяин увидит в этом признак силы и будет впечатлен его уверенностью.

Большинство людей занервничали бы, окажись они в подобном положении, но Анисковач был так спокоен, как никогда в жизни. Он взглянул на свое отражение в овальном зеркале, висевшем над камином в комнате. Он порезался во время бритья, всего лишь крошечная порезка на подбородке, которая, к сожалению, портила его внешность, но, как он заметил, придавала его поразительным чертам некую суровую мужественность. У него была сжатая, как наковальня, челюсть, а по темным, всепоглощающим глазам он знал, что он самый красивый человек в своем отделе — и, если не скромничать, во всей организации. Ему нравилось представлять, что большинство сотрудников штаб-квартиры жаждут его.

Анисковач услышал шаги в коридоре снаружи, но сделал вид, что удивлен, когда голос позади него сказал: «Прости мое опоздание, Геннадий».

Анисковач обернулся и коротко склонил голову. — Большая честь познакомиться с вами, товарищ Прудников.

Мужчина в дверях был высоким и коренастым, в хорошо сидящем смокинге, который сбросил по меньшей мере десять фунтов. Ему было под пятьдесят, но выглядел он на несколько лет моложе. Он дружелюбно улыбался и, судя по отзывам, был очень представительным, но Анисковач знал, что он довольно безжалостен. Это был первый раз, когда он встретился с главой Службы Внешней Разведки.

Анисковач поставил коньяк и подошел к своему начальнику. Они обменялись рукопожатием, и Анисковач позволила Прудникову сжать сильнее, хотя и ненамного.

— К моему сожалению, нам не довелось встретиться раньше, полковник Анисковач. Глаза Прудникова метнулись то на рюмку с

коньяком, то на графин, и на секунду Анисковач испугался, что обидел его, но Прудников улыбнулся. — Значит, вы пьете, я вижу — хорошо. Он отпустил руку Анисковача и стал наливать себе большую меру. «Я не доверяю человеку, который не пьет».

Анисковач внутренне улыбнулся, что так метко оценил ситуацию. — Я склонен с вами согласиться.

Прудников слегка наклонил голову в сторону Анисковача. — Ты говоришь это потому, что действительно в это веришь, или просто потому, что я твой начальник?

Анисковач пожал плечами, ничего не показывая в выражении лица, когда его изучали. «И то, и другое понемногу».

Глава СВР полностью повернулся и улыбнулся. — Я ознакомился с вашим делом. Очень впечатляюще.'

'Спасибо, сэр.'

«Нет нужды благодарить меня за то, что я понял такую очевидную вещь, как моя талия».

Анисковач знал, что Прудников надеялся на улыбку, и не разочаровал.

— Вы сделали блестящую карьеру, — продолжал Прудников. «Гордость нашей организации и вашей страны». Он сделал паузу на мгновение. — Я могу сказать, что вы честолюбивый человек.

'Да.'

«Однажды ты хочешь получить мою работу».

Анисковач кивнул. — Естественно.

Прудников улыбнулся. «Амбиции могут быть положительной чертой; это заставляет нас стремиться к успеху, к победе». Он сделал паузу. «Но это также может быть препятствием или опасностью, даже если использовать его неразумно».

«Пройдет десять лет, прежде чем у меня появится шанс возглавить СВР, — сказал Анисковач. — Теперь я вам не угроза.

— Но откуда вы знаете, что я тогда уйду на пенсию?

Надежные источники сообщили Анисковачу, что у Прудникова дырка в сердце. Его не будет в живых через десять лет, не говоря уже о том, чтобы управлять СВР в то время. — Не знаю, сэр, — солгал Анисковач. «Только то, что если бы вы действительно видели во мне потенциальную угрозу, вы бы не приводили меня сюда и не сообщали мне о ваших опасениях».

— А почему бы и нет?

«Было бы более эффективно саботировать мою карьеру и лишить меня возможности продвижения по службе, даже если бы я не знал, что за этим стоит ты. Вы слишком проницательны, чтобы не сделать этого.

Анисковач знал, что он сделал комплимент незаметно, и Прудников медленно кивнул. 'Очень хороший. Так зачем я привел тебя сюда?'

'Я понятия не имею.'

— Если бы вы угадали?

«Я не думаю, как общее правило». Он коротко огляделся. — Но, судя по тому, что мы говорим у вас дома, а не в штабе, вам либо нужна моя помощь в чем-то, что вы не можете доверить своим близким, либо вам нравится мое общество. Так что, если мое приглашение на вашу вечеринку не потерялось в почте, думаю, можно с уверенностью сказать, что это не второй вариант.

— Вечеринка моей жены, — засмеялся Прудников. — Я был прав насчет тебя, я уже это вижу. Вы совершенно правы, я действительно хочу, чтобы вы сделали для меня кое-что, что мне нужно сделать в строжайшей секретности. Это деликатное дело я могу доверить вам одному.

Анисковач отхлебнула коньяку и стала ждать продолжения Прудникова.

«Кое-что привлекло мое внимание, что-то, с чем вы особенно хорошо разбираетесь». Прудников театрально помолчал. — Вы помните обстоятельства гибели генерала Банарова?

Анисковач почувствовал, как участился его пульс. 'Да.'

— И были?

«Предположительно, он выстрелил себе в голову после того, как сильно выпил».

— И ты не поверил этому.

— Я считал, что его убили.

— Верил?

— Верю, — поправил Анисковач.

— Но вы так и не задержали убийцу.

Анисковач перевел дыхание. 'Нет.'

'Почему нет?'

«Сначала это выглядело как самоубийство, и никто не усомнился в этом объяснении. Только позже я обнаружил, что на той неделе, когда умер Банаров, в этом районе был замечен профессиональный убийца. Прямых доказательств его причастности не было, но Банаров имел привычку наживать врагов и не был известен склонностью к суициду. Я навел кое-какие справки, но так как это было домашнее дело, я не имел права углубляться в него. ФСБ не заинтересовалась моей теорией».

— Вы все равно преследовали его, не так ли?

— Насколько я мог. Я верю в тщательность».

«И при этом взъерошил много перьев».

— Это просто означало, что я приближался к истине, которую кто-то не хотел раскрывать. Я всегда подозревал, что убийцу подослали наши спецслужбы, либо мы, либо ФСБ, либо ГРУ. Неизвестное сопротивление, с которым я столкнулся во время расследования, подтвердило это».

— В самом деле, — задумчиво сказал Прудников. «Убийство одного из наших бывших генералов одним из наших имеет потенциально огромные последствия. Никто из нас не хочет возврата к старым недобрым временам, когда мы боялись, что наши собственные коллеги могут замышлять нашу кончину из-за того, что мы сделали или могли бы сделать в один прекрасный день».

'Довольно.'

— Вы разговаривали с бывшим знакомым этого убийцы в рамках вашего собственного расследования.

«Единственный известный знакомый. Александр Норимов, бывший агент КГБ, затем ФСБ. Теперь он преступник, действующий в Санкт-Петербурге. Он утверждал, что верил, что убийца мертв, пока я не доказал ему обратное. Я бы хотел увести его для более тщательного допроса, но у меня не было на это сил».

Прудников кивнул. «Снова всплыло имя Норимова».

Анисковач был удивлен и заинтригован, но изо всех сил старался сохранять отстраненное самообладание. — В каком контексте?

«На столе лежит стенограмма телефонного разговора. Прочтите это.

Анисковач подошел к большому столу из красного дерева и взял листок бумаги. Он внимательно прочитал его, несмотря на растущее волнение. Закончив, он посмотрел на Прудникова. Во рту пересохло. 'Что ты хочешь чтобы я сделал?'

— Я хочу, чтобы ты закончил то, что начал. Я хочу, чтобы это дело Банарова было закрыто аккуратно и с максимальной осторожностью.

— Почему вы хотите, чтобы я это сделал?

«У Банарова, возможно, было немало врагов, но он не был совсем без друзей. Некоторые из этих друзей стали влиятельными после его смерти и имеют влияние в нашем правительстве. Его младший брат также высоко поднялся в ГРУ».

'Я слышал.'

— продолжал Прудников. «В последнее время и все чаще я обнаруживаю, что дело Банарова поднимается в моей компании. Я считаю, что отвечать на вопросы слабоумных, которые только по счастливой случайности стали моими начальниками, по меньшей мере утомительно. Поскольку именно ваше первоначальное расследование дало им повод задавать такие вопросы, эти стороны будут очень заинтересованы в том, что вы скажете по этому вопросу. Вы были первым, кто поверил, что Банаров был убит; вы толкнули дело, когда

никто не хотел знать. Ваша честность в этом вопросе не подлежит сомнению. Прудников отпил глоток. «Если вы скажете, что этот инцидент решен, его, наконец, оставят в покое».

Анисковач на мгновение задумался. Глава СВР просил его об услуге. Если бы он достойно выполнил эту задачу, он нашел бы Прудникова самым полезным наставником до тех пор, пока его покровительство имело ценность. И когда эта ценность будет потрачена, возможно, эти друзья Банарова или его брата станут лучшими союзниками.

— Мне потребуются ресурсы, — заявил Анисковач, стараясь, чтобы это звучало с энтузиазмом, но не слишком. «Команда, агенты с военным прошлым».

— Вы можете выбрать себе людей и снаряжение.

Спина Анисковача выпрямилась. — И власть.

— Ты получишь любые силы, которые могут тебе понадобиться. Но есть условие.

'Да?'

— Вы должны быть удовлетворены задержанием убийцы Банарова. Спросите его, да; убить его, конечно. Но на этом ваше расследование заканчивается.

— Но мы можем узнать, кто его подослал, кто убил Банарова. В этом-то и дело.

Прудников покачал головой. «Я хочу, чтобы эта рана закрылась, а не открывалась еще больше. Это мое условие. Примите это, и вы обнаружите, что ваши акции внутри организации быстро приобретают ценность. Откажитесь и ждите, пока представится еще одна возможность такого масштаба.

Анисковач занимался делом Банарова только как средство создать себе имя. Так что это условие было легко принять. Тем не менее он с минуту стоял молча, притворяясь, что размышляет.

— Тогда я принимаю это условие, — сказал Анисковач.

Прудников кивнул. 'Хорошо.'

— Но скажи мне, почему ты хочешь, чтобы это было сделано так тихо?

«Потому что, — сказал глава СВР через мгновение после того, как это стало очевидным, — именно я убил Банарова».

ГЛАВА 41

Меридиен Форест, Россия

Воскресенье

07:43 МСК

Земля хлюпала под ногами Виктора. Лесная подстилка промокла от зимних ливней. Он находился в пятнадцати милях к западу от Москвы, к северу от Красногорска, в раскинувшемся Меридиенском лесу. Температура была около тридцати градусов, средняя для этого времени года.

Виктор был одет для улицы в толстые хлопчатобумажные штаны, ботинки и толстое пальто, состоящее из нескольких слоев. На голове и ушах у него была черная шерстяная шапка, на руках утепленные кожаные перчатки. В левой руке он держал лопату, в правой кирку.

В миле к востоку находился один из самых знаменитых российских загородных клубов, точная копия западных клубов. В нем были сауны, рестораны, поля для гольфа, бассейн и теннисные корты, а также катание на беговых лыжах и русская баня.

Виктор въехал в комплекс и отправился по одной из многочисленных лесных троп, обычно оживленных летом, но в зимних сумерках, к счастью, пустующих. В это время года в клубе мало посетителей, и он больше никого не видел вокруг.

Ему нравилось находиться в лесу, в одиночестве, вдали от других людей. Воздух был влажным, чистым, а запах деревьев, природы — сладким. Он наслаждался своим временем вдали от стресса цивилизации. Ему было холодно, но ему было все равно.

Четверть века назад он сидел на корточках среди деревьев, мало чем отличающихся от тех, что окружали его сейчас, приклад винтовки упирался ему в плечо, его вес заставлял его руки дрожать. Онемевшие

руки сжимали оружие. Его указательный палец едва коснулся спускового крючка.

«Не бойся, — сказал его дядя.

Но он был напуган, никогда еще не был так напуган. Он не хотел стрелять в лису.

— Успокойся.

Из кустов появилась лиса, нюхая землю. Дядя все еще разговаривал с ним, но он не мог слышать, что говорил, гул его сердца заглушал все остальные звуки. Животное двигалось медленно, пробуя носом воздух. Виктор не был уверен, чувствует ли он их запах или нет. Он подумал, что может сделать с ним его дядя, если он позволит лисе сбежать.

Он выстрелил.

Короткая вспышка красного цвета, и лиса исчезла из виду.

Казалось, весь мир остановился. Виктор уставился на деревья, где только что была лиса. Он не знал, как долго смотрел на него, прежде чем его дядя издал рев, заставивший его выронить винтовку.

«КАК ВЫСТРЕЛ».

Голос его дяди казался громче, чем выстрел. — Не могу поверить, что ты попал. Почему ты не подождал, пока лиса приблизится? Его дядя был на ногах, пытаюсь увидеть убийство. Он

смеялся. — Разве я учил тебя так стрелять? Я сделал, не так ли? Его голос был полон гордости.

Виктор не ответил, не мог. Его сердце билось так быстро, что он думал, что оно вот-вот взорвется. Он почувствовал, как чья-то ладонь шлепнула его между лопаток. Это был первый раз, когда его дядя так прикасался к нему.

Он прищурил глаза и выкинул воспоминание из головы. Он уже не мог вспомнить ни марки винтовки, ни цвета его перчаток. С годами детали уменьшались одна за другой. Однажды он надеялся, что забудет и эту ужасную вспышку красного.

Через двадцать минут ходьбы он пересек узкий пешеходный мост и от самого северного столба прошел ровно пятьдесят шагов прямо на север, к деревьям. Он без труда нашел упавший ствол и направился на восток в десяти шагах от его пня. Виктор был по пояс в папоротнике. Под навесом было темно, скудное утреннее солнце едва пробивалось между берез и сосен. Он начал копать.

Это была трудная работа, но он был благодарен дождю, который превращал землю, обычно сильно промерзшую в это время года, в пригодную для работы грязь. Он использовал кирку, чтобы разрыхлить затвердевшую почву под грязью, прежде чем копать лопатой. Примерно в двух футах он копал осторожно, пока не наткнулся на металл. Он соскреб землю, пока не увидел голубой холст.

Он нашел края и соскреб землю, пока не расчистил прямоугольную площадку, два фута на три. Брезентовый лист был связан в центре нейлоновой веревкой. Виктор развязал узел и развернул простыню. Кейс из полированного алюминия все еще блестел, хотя и был немного запачкан копанием.

Независимо от того. Виктор не заботился о самом чемодане, только о том, что он защищал. Он вытащил его из отверстия и отложил в сторону. Он достал из пальто перочинный нож и зажигалку и воспользовался одноразовой зажигалкой, чтобы нагреть нож. Затем он прорезал водонепроницаемую восковую прокладку, заполнявшую небольшой зазор в месте соединения двух половин корпуса.

Виктор открыл коробку и с облегчением обнаружил, что внутрь не попала влага. Оружие было холодным на ощупь, но его можно было собрать и выстрелить в тот же момент и работать.

В скульптурном поролоне была заключена Снайперская Винтовка Драгунова. Известна на Западе как СВД Драгунова. Снайперская винтовка. Первый Драгунов был официально принят на вооружение Красной Армии в 1963 году, и ходили слухи, что советский спецназ испытал это оружие на американских военнослужащих во время войны во Вьетнаме. Всего лишь старая солдатская байка, Виктор был уверен. Так было до тех пор, пока он не встретил одного из снайперов.

Винтовка была разобрана на составные части, с отдельными прикладом, стволом, рукояткой и оптическим прицелом, чтобы она могла поместиться в портфеле стандартного размера. Также был длинный глушитель. Виктор был последним вариантом СВД, с прикладом и защитой рук, сделанными из полимера высокой плотности для облегчения веса, вместо оригинальной деревянной мебели.

Хотя винтовка Драгунова не была такой сложной и точной на дальней дистанции, как некоторые западные снайперские винтовки, Виктор любил винтовку Драгунова из-за ее надежности в любых условиях и серьезной механики.

Как полуавтоматическая винтовка, у Драгунова была гораздо лучшая скорострельность, чем у типичной снайперской винтовки с продольно-скользящим затвором, хотя большее количество движущихся частей, делавшее винтовку полуавтоматической, также делало ее менее точной, чем винтовка с продольно-скользящим затвором. Но как полуавтоматическая СВД также могла использоваться в качестве штурмовой винтовки и была оснащена обычными прицельными приспособлениями и креплением для штыка именно для такого использования.

Советская философия производства оружия заключалась в простоте использования и надежности, а не в точности, и Виктор обнаружил, что в идеале есть много достоинств. Оружие, превосходившее мир по дальности стрельбы, было бесполезным, если оно не работало в условиях поля боя.

Журналов для Драгунова было два. Каждый вмещал десять 7,62? 54 ммR, которые, как правило, сильно портили жизнь любому, кому не повезло оказаться на его стороне. У Виктора было два типа боеприпасов для винтовки: первый — стандартный свинец, заключенный в медную оболочку, второй — патроны APІ.

Бронебойно-зажигательные снаряды изготавливались из цельной стали с полым сердечником. Внутри сердечника находился небольшой фосфорно-зажигательный заряд, который воспламенялся, когда пуля попадала в цель — обычно в топливный бак транспортного средства.

Виктор закрыл кейс и полез в отверстие за большой кожаной спортивной сумкой, которая была под футляром для винтовки. Стиснув зубы, Виктор вытащил его из ямы.

Внутри, в водонепроницаемом мешке, лежало множество припасов и оборудования, большую часть которых Виктор

игнорировал. Он достал пистолет «Глок», глушитель, трехдюймовую пачку американских долларов, дополнительные патроны для винтовки и пистолета и российский паспорт. Все ушло в карманы куртки.

Затем водонепроницаемый мешок снова завязали, спортивную сумку закрыли и снова опустили на землю. Он снова засыпал яму и расправил ее, прежде чем разбросать мертвый папоротник там, где он выкопал. Вернувшись на стоянку загородного клуба, он положил металлический портфель в багажник и захлопнул его.

Он надеялся, что зря потратил время.

ГЛАВА 42

Милан, Италия

Воскресенье

21:33 по центральноевропейскому времени

Себастьян Хойт тратил деньги так быстро, что ему повезло, что его компания каждый год приносила небольшое состояние. Как единственный владелец небольшой, но очень прибыльной консалтинговой фирмы, Хойт осуществлял свои деловые интересы в самых разных областях. В них он почти всегда выступал в качестве советника, брокера или посредника. Он торговал в основном информацией, информацией, которую он собирал в одной области и продавал в другую. Информация, как он давно обнаружил, была одним

из самых ценных товаров в мире, а также одним из самых простых в торговле.

Он советовал мафии по частным инвестициям максимально использовать свои деньги. Он помогал коррумпированным судьям в Восточной Европе открывать банковские счета для выплат. Он связал торговцев оружием с африканскими ополченцами. Он снабжал путешественников ближневосточных бизнесменов доступом к девушкам по вызову, алкоголю и наркотикам. Он был посредником в сделках между наемными убийцами и их клиентами. Пока у Хойта был доступ к людям, которым нужна была информация, и к тем, кто мог ее предоставить, его банковский счет оставался стабильным.

Предложение, которое он просматривал, утомило его до потери сознания, поэтому он сделал перерыв и обратил свое внимание на итальянскую газету на своем столе. Оно было двухдневной давности и содержало небольшую историю о перестрелке в Париже, которая его заинтересовала. В статье обсуждалось то немногое, что с тех пор обнаружила полиция, и назывались имена некоторых из погибших. Одним из погибших стал американец Джеймс Стивенсон, киллер из Брюсселя, с которым Хойт несколько раз вел дела.

Одним из последних начинаний Хойта была роль посредника между безымянным клиентом и американским наемником. Хойт заключил с американцем несколько контрактов, и ни один клиент никогда не жаловался на услуги Стивенсона. Поэтому, когда его попросили нанять убийцу, который мог бы собрать команду, Хойт пошел туда, куда уже ходил много раз. Он не ожидал, что наемный убийца будет убит в результате массового убийства в центре Парижа, которое попало в заголовки новостей вплоть до Италии.

Было жаль, что Стивенсон умер, но только потому, что Хойт потерял легкий источник дохода. Просто на всякий случай он послал нескольких своих подчиненных по следу, чтобы посмотреть, смогут ли

они узнать что-нибудь о том, что произошло. Его репутации не пошло бы на пользу, если бы Стивенсон выступил плохо. До сих пор переплачиваемые и недостаточно талантливые простаки, работавшие на Хойта, не давали ему ничего, кроме того, что он читал в газетах. В данном случае казалось, что отсутствие новостей — это хорошая новость.

Тем не менее, Хойт уже несколько дней ждал коммюнике от разъяренного клиента, но так и не получил его. Он не слишком беспокоился по этому поводу. Природа такого бизнеса означала, что дела могут пойти плохо, причем публично. Заказчик, очевидно, это понял, а может быть, киллер был убит уже после завершения работы, так что заказчику было все равно. Любой исход устраивал Хойта. Он не знал, что это была за работа, и был рад этому факту. Ему было легче спать по ночам, когда ему не приходилось думать о грязных последствиях своих незаконных дел. Стыдно потерять поток доходов, но лучше сохранить свою репутацию.

Последнее конкретное деловое соглашение было неприлично прибыльным. Клиент предложил кошелек на 200 000 долларов, из которых Хойт передал американскому наемнику всего 128 000 долларов. За несколько электронных писем и восхитительный день в Брюсселе Хойт лично прикарманил 72 000 долларов. Если он округлил свои оплачиваемые часы до семи рабочих дней, что, как он знал, было очень щедро, то получился 10 285 долларов в час. Даже для Хойта это был исключительно хороший показатель. Если бы только все деловые сделки могли быть такими удовлетворительными.

Он открыл нижний ящик, достал маленькую черную деревянную шкатулку и поставил ее на стол. Из коробки он вынул сложенный вручную бумажный конверт. Он высыпал на стол немного кокаина и провел по нему полоску бритвенным лезвием. Это был никарагуанский сорт премиум-класса, лучшее, что можно было купить за деньги — настолько тонко нарезанный, что его не нужно было

больше измельчать. Используя серебряную трубку, предназначенную как раз для такого случая, Хойт понюхал наркотик.

Он откинулся на спинку стула, закрыл глаза и зажал ноздри. Господи, это было хорошо. Он отказался писать еще одну строчку и убрал коробку с кокаином. Хойт гордился своей сдержанностью. Пришло время отправиться домой. В офисе больше никого не было, поэтому он пробрался к лифту в полумраке. Его корпорация, хотя и очень прибыльная, была небольшим предприятием и состояла только из него самого, его личного помощника, пяти аналитиков и секретарши. Все они работали в роскошных офисах Хойта в центре Милана.

Хойт прожил в Италии так долго, что легко мог сойти за туземца. Десятилетия под средиземноморским солнцем окрасили его кожу в темный загар, и он бегло говорил по-итальянски. Его от природы темные волосы и глаза усиливали иллюзию. Если бы его спросили, откуда он, он бы ответил, что из Милана. Хойт любил Италию — землю, культуру, язык, людей. Он просто полностью соответствовал его вкусам. Возможно, это было не лучшее место для ведения бизнеса, но с годами он обнаружил, что его расположение дает много преимуществ. Имея клиентов как в Западной, так и в Восточной Европе, Африке и на Ближнем Востоке, Италия служила прекрасной централизованной операционной базой.

Это была короткая поездка обратно в его таунхаус. Хойт жил один, никогда не был женат. Ему нравились женщины, но мысль о том, что однажды он потеряет половину всего, что у него было, не нравилась его трудовой этике. Внутри Хойт налил себе большую порцию мартини и набрал ванну. У него возникло искушение вызвать какую-нибудь проститутку, которая делала со своим языком особую вещь, которую он особенно любил, но он, вероятно, слишком устал для чего-то подобного. Несколько напитков, ванна и постель — вот все, что ему было нужно. Завтра должен был быть еще один напряженный день.

Он уже сильно зевал, когда выпил второй мартини и принял ванну. У него во рту был неприятный привкус, который он не принял из-за большого количества кокаина, выпитого за вечер. Он лежал, положив голову на сложенное полотенце и закрыв глаза, недоумевая, какого черта он так устал. Он ложился поздно каждую ночь в течение недели, конечно, но он все еще высыпался. Я становлюсь старше, напомнил он себе.

Успокоительные, которые он неосознанно выпил с мартини, обеспечили ему крепкий сон через пятнадцать минут, что он не услышал, как открылась дверь в ванную или очень тихие шаги приблизились к нему.

Тень упала на его бесчувственное лицо.

Рид присел на корточки рядом с ванной, достал из-под пиджака большой кожаный бумажник и положил его себе на бедро. Он расстегнул бумажник и достал небольшой стеклянный медицинский флакон и шприц для подкожных инъекций. Он отвинтил крышку и поставил флакон на пол, прежде чем снять со шприца пластиковую защитную оболочку. Он оценил вес Хойта не более чем в 180 фунтов, поэтому, подняв флакон обратно, он вставил иглу через мембрану и втянул в поршень восемь сантиметров раствора хлорида калия.

Рид осторожно взялся за челюсть Хойта свободной рукой и открыл рот. Он поместил иглу под язык Хойта и протолкнул кончик в язычную артерию. Медленным плавным движением он ввел раствор в кровотоки Хойта.

Он посмотрел на часы. Было 23:05. Со спокойной деловитостью Рид упаковал свои вещи в том же порядке, в каком вынул их, и встал. Он вымыл коктейльный шейкер Хойта, чтобы избавиться от любых

следов успокоительного, прежде чем поставить полупустую бутылку из-под рецепта рядом со стаканом Хойта. Затем Рид вышел через дом тем же путем, которым вошел, ничего не беспокоя и никем не замеченный.

Хлорид калия вызовет остановку сердца примерно через три минуты и убьет Хойта еще через две. Затем химическое вещество распадется на отдельные молекулы калия и хлора, которые естественным образом обнаруживаются в организме после смерти, гарантируя, что патологоанатом не обнаружит следов яда в организме Хойта. Был шанс, что след от иглы можно будет обнаружить, если будет проведено полное вскрытие, но без признаков нечестной игры шансы на это были крайне малы.

Если Хойт переживет сердечный приступ, что возможно, хотя и маловероятно, он все равно умрет. Атака оставит его в сильно ослабленном состоянии, и он не сможет удержаться от того, чтобы не утонуть в ванне. Судя по плохому физическому состоянию Хойта, это займет не больше двух минут.

В своей арендованной машине Рид достал из бардачка свой смартфон и составил сообщение, подтверждающее успешность операции. Он посмотрел на часы и подождал, пока стрелки не покажут 23:12, прежде чем нажать «Отправить».

Рид любил быть точным.

ГЛАВА 43

Санкт-Петербург, Россия

понедельник

13:57 мск

Виктор с портфелем в руке прогуливался сквозь толпы русских в торговом центре, одетых в теплую одежду для защиты от холода, с которым не могли полностью справиться даже обогреватели торгового центра. Виктор поднялся на эскалаторе на верхний уровень, положив одну руку в перчатке на резиновый поручень. Он переместил леденец языком с одного края рта на другой.

По телефону-автомату он позвонил в бар Норимова и сообщил ответившему бармену место и время. Затем он направился к главной лестнице и поднялся по лестнице на верхний уровень парковки. Стоянка была в основном пуста, только дюжина или около того машин стояла под самым небом. Он вдохнул свежий воздух, наблюдая, как его дыхание образует густые облака влаги. Он был слишком сосредоточен, чтобы чувствовать холод. Его пульс был совершенно ровным.

Дверь технического обслуживания была заперта висячим замком из нержавеющей стали, который почти не замедлял его движения. С другой стороны Виктор поднялся по металлическим ступеням на настоящую крышу, на один этаж выше верхнего уровня парковки. Небо было почти безоблачным, яркое ноябрьское солнце заставило его щуриться. Он достал из нагрудного кармана солнцезащитные очки и надел их. Он подошел к краю крыши, протискиваясь вокруг больших вентиляционных труб, торчащих изнутри здания. Гул вентиляторов сражался с порывами ветра.

Виктор выглянул из-за края и увидел внешнюю парковку шестью этажами ниже себя; в это время суток он был наполовину заполнен

машинами. Он повернулся, присел на корточки и поставил портфель на крышу. Он разблокировал его и открыл крышку. На сборку Драгунова и калибровку прицела по дальности до земли ушло меньше минуты. Затем он выбрал магазин со стандартными патронами и зарядил его. Виктор сосал леденец, пока ждал, сопротивляясь желанию похрустеть.

Он увидел тот же черный БМВ, на котором ездил за два дня до того, как въехал на въезд на парковку. Он медленно извивался и нашел место для парковки недалеко от центра, в десяти ярдах от автомата по продаже билетов, как и было указано. Через мгновение задняя боковая дверь открылась, и из нее вылез Норимов. Через прицел Виктор наблюдал за ним, когда он подошел к автомату по продаже билетов.

В машине был как минимум один из людей Норимова, водитель, но могло быть и больше. С позиции Виктора он не мог видеть в окна, но сомневался, что Норимов приехал бы с менее чем полной машиной. В этом районе может быть даже еще одна машина, запасная на случай, если что-то пойдет не так. Какой бы ни была их история, Норимов не стал бы ему полностью доверять.

Виктор осмотрел местность. Новые люди приходили и уходили все время, перемещаясь по пространству, некоторые шли к машинам, некоторые просто сокращали путь. Он обращал внимание только на мужчин от двадцати пяти до сорока лет. Если бы контакты Норимова выдали его или если бы Норимов был скомпрометирован каким-либо другим образом, ФСБ, СВР или и то и другое оказались бы на стоянке. Русская разведка никогда особо не использовала женщин в полевых условиях, и Виктор сомневался, что они изменили бы многолетние традиции только ради него. Он использовал прицел, чтобы осмотреть шею в поисках спиралевидной проволоки, которая могла бы выдать агентов. Ни у кого из вероятных подозреваемых их не было, насколько он мог видеть. Наушники могли быть беспроводными, но Виктор сомневался, что СВР или ФСБ могут позволить себе новейшие технологии.

Если кто-то и собирался разыграть его, то это было бы с самой парковки после того, как он раскроет себя. Они должны быть на расстоянии бега или стрельбы от автомата по продаже билетов. Стоянка была окружена дорогами с трех сторон, с многочисленными припаркованными автомобилями, большинство из которых стояли там в течение длительного времени. Слежка может быть где угодно. Виктор заметил, что три фургона въехали на территорию и припарковались только за предыдущие тридцать минут. Не хватило времени, чтобы снайперы заняли позиции, но он все равно проверял каждые несколько секунд. Еще десятки фургонов и внедорожников приезжали и уезжали или были припаркованы еще до его прибытия. У любого из них может быть команда по захвату или уничтожению в тылу.

Или вообще ни одного. Может быть, он был высокомерным, предполагая, что он все еще находится в розыске после стольких лет. Высокомерный или нет, но он заметил потенциального противника в двадцати ярдах от Норимова. Темноволосый мужчина в длинном пальто болтал по мобильному телефону, слоняясь возле своей машины. Точно так же через парковку пробирался высокий блондин. Он не был близок к Норимову, но был достаточно близок. Однако Виктор не мог дождаться этого. Если за Норимовым наблюдали и он не выходил на связь, любое наблюдение продолжалось до следующего раза. Но Виктор был уверен в своем плане. Если что-то пойдет не так, то не потому, что он не был осторожен.

Он набрал номер быстрого набора на своем телефоне и в прицел увидел, как двигается голова Норимова, на его лице застыло замешательство. Русскому потребовалось несколько секунд, чтобы понять, откуда идет звук, и он обернулся и проверил билетный автомат. Он обошел его сзади, прежде чем, наконец, добрался до низа.

Норимов нашел телефон и приподнял его с того места, где он был приклеен. Он открыл ее.

— Очень хорошо, Василий, — сказал он тотчас же.

— Как дела, Алек?

Виктор увидел, что Норимов озирается по сторонам, явно пытаясь понять, где он находится, но безуспешно. Он даже взглянул на здание, но Виктор расположился так, что любой, кто поднимет взгляд с парковки, увидит только сияние солнца в небе над ним. Именно по этой причине он выбрал именно это время и место, где солнце находилось в идеальном месте на небе, чтобы скрыть его.

— Так что теперь? — спросил Норимов.

«Могли бы ваши контакты расшифровать информацию?»

— Да, Василий, могли. Все прошло гладко.'

— Спасибо за это, — сказал Виктор.

'Для чего друзья?'

Виктор не мог ответить. — Он у вас с собой?

'В моем кармане.' Он постучал себя по груди.

— Под билетным автоматом, где вы нашли телефон, лежит мягкий конверт. Положите его туда.

'Милый.' Норимов какое-то время рылся под билетным автоматом. — Подожди, я не могу дотянуться. Я собираюсь положить трубку на секунду.

— Ты стареешь.

'Я стар. Ты тоже когда-нибудь будешь.'

— Нет, если я могу помочь.

Норимов нашел конверт и положил туда диск. По крайней мере, Виктор на это надеялся. В прицел Виктор увидел, что блондин остановился. Теперь он стоял ярдах в десяти позади Норимова, словно кого-то ждал. Но не очень убедительно. Прозрачная проволока спиралью тянулась от его уха к ошейнику. Виктор нахмурился.

«Не делайте никаких движений. За вами мужчина с наушником. Улыбайся, смейся, как будто я тебе анекдот рассказал.

Норимов так и сделал и спросил: «Что будем делать?» Улыбка все еще на его лице.

«Они ждали, когда я покажусь, но их запутал телефон».

— Откуда они узнали?

«Тот, кто расшифровал диск, либо сказал им, либо был обнаружен при расшифровке. Они, наверное, прослушивают ваш бар, ваш офис. Когда ты уйдешь, они последуют за тобой.

— Я поведу их через полстраны. Посмотрите, как им это нравится.

«Любая победа, даже маленькая...»

'Точно.'

— Возвращайся к своей машине и уезжай как обычно, — сказал Виктор. — Когда они поймут, что я не появлюсь, они могут привлечь тебя.

— Я скажу им, что ты не появлялся. Что является правдой.'

— Они усложнят тебе жизнь, если смогут.

«К черту их. Я могу позаботиться о себе. Я все равно думал о переезде. Карибы, может быть. Мне нравятся женщины.

Он говорил легко, слишком легко.

Мышцы челюсти Виктора напряглись. — Прости, что втянул тебя в это, Алек.

Норимов все еще делал вид, что улыбается. — Не о чем сожалеть.

В кузове эвакуационного фургона было тесно и жарко, но никто не жаловался. Всего было четверо мужчин в возрасте от двадцати пяти до сорока лет. Все профессионалы, все опытные оперативники для СВР. Все они смотрели на изображение Норимова и автостоянки на семнадцатидюймовом мониторе. Полковник Анисковач тоже смотрел. Направленный параболический микрофон освещал Норимова, но он был слишком далеко, а окружающий звук был слишком громким, чтобы расшифровать слова Норимова.

«Он определенно с ним разговаривает», — сказал оперативник. — Где, черт возьми, он?

— Он должен быть поблизости, — ответил Анисковач. — Он захочет увидеть Норимова своими глазами, чтобы убедиться, что он один. Он где-то там. Когда он убедится, что все в порядке, он покажет, чтобы забрать посылку. Анисковач схватил рацию, чтобы поговорить с мужчинами снаружи. «Не двигаться, пока цель не будет определена и я не отдам команду».

Меньше чем за час до оповещения о том, где происходит перестрелка, у Анисковача не было времени, чтобы выставить снайперов на позиции или привести в действие план получше. Вот почему, конечно же, убийца устроил все так, как он это сделал. Анисковач должен был оценить его хитрость, но у него было достаточно людей поблизости, чтобы поймать его в ловушку, как только он появится.

На монитор Норимов повесил сотовый и сунул в карман.

Анисковач говорил в рацию. 'Вот и все; они закончили говорить. Он не появится, пока не уйдет Норимов. Убейте его, только если вас заставят, раните его любым способом, но я хочу, чтобы он был жив. Анисковач повернулся к своим людям. 'Будь готов.'

Облака закрыли солнце. Виктор закрыл телефон, но продолжал следить за Норимовым, чтобы убедиться, что он в безопасности. Это было меньшее, что он мог сделать. Норимов вернулся к своей машине, как будто ему было все равно. Он подошел к пассажирской двери и открыл ее. Сделав это, Виктор оглянулся на блондина и увидел, что тот разговаривает, по-видимому, сам с собой. На секунду мужчина взглянул наверх, прямо на Виктора.

У блондина должны быть глаза как у ястреба. Виктор вздохнул, зная, что у него осталось немного времени до того, как они заблокируют это место и поймают его в ловушку. Но на данный момент он был здесь, а они были там. Вернув винтовку обеими руками, Виктор махнул ею в сторону оперативника в штатском. Он уже двигался, зная, что его тоже заметили, его правая рука потянулась к поясу.

Виктор выстрелил.

Пуля перелетела через плечо Норимова и попала блондину в лицо. Когда его тело ударилось о землю, большая часть головы больше не была прикреплена к его шее.

Глушитель Драгунова значительно уменьшил звук, создаваемый вырывающимися газами, но высокоскоростной выстрел создал звуковой удар, когда он преодолел звуковой барьер — безошибочно опознанный выстрел. Виктор внимательно наблюдал за происходящим. Люди на стоянке и вокруг нее пригибались или вздрагивали — потрясенные, напуганные, растерянные. Все, кроме двух.

Виктор убил первого пулей в грудь. Второй, поняв, что происходит, попытался бежать. Он не ушел далеко.

Люди Норимова затащили его в машину, и шины BMW завизжали, когда он выехал задним ходом с парковки и направился к выезду. Виктор рискнул встать, чтобы лучше видеть. В любом случае, они знали, где он сейчас. Он огляделся. Под ним крики, истерика, бегающие туда-сюда люди. Где были остальные?

Справа от себя он заметил белый фургон. У человека за рулем было безумное выражение лица, а из его левого уха спускалась спираль из прозрачной проволоки. Тут же Виктор пригнулся, схватил Драгунова и махнул им вправо. Сеточка промчалась над стоянкой.

Губы водителя шевелились. Кричать что-то.

В боковом окне взорвалась небольшая дыра, и стекло стало красным.

Услышав звук разбитого стекла и мокрый стук, полковник Анисковач перестал выкрикивать приказы и заглянул в перегородку, отделяющую кабину водителя от заднего отсека фургона. От увиденного у него открылся рот.

Яркая кровь залила лобовое стекло. Оперативник за рулем сгорбился в кресле, его голова раскололась надвое.

Анисковач уже двигался, когда закричал: «ВСЕ НА ВЫХОД».

Виктор позволил магазину выпасть из винтовки и вставил второй магазин. Он отработал действие, выбросив предыдущий раунд и загрузив АРІ. В снайперский прицел Виктор смотрел, как распахиваются задние двери фургона. Он навел перекрестие на горловину топливного бака.

Из-за спины выскочил мужчина и побежал. Еще больше ботинок выпало из-за спины на дорогу позади первого. Виктор выстрелил. Пуля пробила дыру в кузове. Внутри фургона зажигательный заряд поджег остатки топлива во входном отверстии. Пламя устремилось по топливной трубе, достигнув бака.

Фургон взорвался.

Он оторвался от земли, сила вырвалась наружу, уничтожив его в одно мгновение. Огненный шар был огромным, стремясь вверх, поглощая оперативников недостаточно быстро, чтобы последовать примеру Анисковача. Ударной волной выбили стекла соседних автомобилей.

Черный дым поднимался к небу.

ГЛАВА 44

Париж, Франция

понедельник

10:07 по центральноевропейскому времени

Ребекка вернулась в свою квартиру с пакетом продуктов. Она заперла дверь, прежде чем пройти на кухню, где поставила пакет на рабочую поверхность, налила себе остатки кофе из чайника и выпила его горьким и теплым. В гостиной она на мгновение постояла во мраке, прежде чем открыть шторы, чтобы впустить немного света. Снаружи Париж был серым и унылым. Ее волосы были мокрыми и ломкими от дождя. Она знала, что выглядит ужасно, даже не глядя в зеркало.

Паранойя заставил ее проверить, что все окна закрыты и заперты. Квартира была старой, стены, пол и потолок толстые. Небольшой шум проникал в пространство, и тишина нервировала ее. Она вздохнула, пытаясь совладать со своим беспокойством. О квартире никто не знал. Это было не ее. Он принадлежал ее дяде, а теперь стал собственностью одного из ее двоюродных братьев. Она осталась на несколько недель пару лет назад, когда ей дали связку ключей и сказали оставаться, когда она захочет. Ее двоюродный брат жил за городом и не сдавал ее в аренду, но был слишком сентиментален, чтобы продавать ее.

Она нажала пробел на своем ноутбуке, чтобы избавиться от заставки. Она оставила его постоянно включенным — при вычислительной мощности ноутбука программа для взлома кода, которую она использовала, могла занять несколько дней, а может, даже недель, чтобы взломать шифр на карте памяти Озолса. Неудивительно, что он еще не нашел код. Программное обеспечение отображало постоянно увеличивающееся количество опробованных комбинаций. Миллиарды потрачены, еще миллиарды впереди. Может быть, десятки миллиардов. Может быть, больше. Если да, то они никогда не

взломают его. Ребекка умрет от старости задолго до того, как будет открыт пароль.

Она подумывала написать по электронной почте своей подруге в Лэнгли, которая работала в отделе криптографии. У него был доступ к суперкомпьютерам, которые могли взломать почти любой шифр за часы, если не за минуты. Но ее безымянный компаньон был прав, так они оказались бы слишком близко к своим врагам.

Ребекка ввела в программу каждое известное ей слово, которое могло иметь значение для Озолса. В рамках операции она получила много информации о латыше, которую, в свою очередь, передала его убийце. Ни одно из этих слов не помогло. Код, вероятно, был чем-то неважным, смесью цифр и букв для дополнительной безопасности.

Сварив себе свежий черный от сахара кофе, она села на маленькое скрипучее кресло перед вторым, недавно купленным компьютером. Такой же новый принтер лежал на полу.

На экране была домашняя страница финансового консультанта из Лондона: Hartman and Royce Equity Investments. Домашняя страница была минималистичной, элегантной, с художественным впечатлением от лондонского горизонта, в центре которого находился Кэнэри-Уорф, где располагались офисы Хартмана и Ройса.

Ребекка просматривала сайт, пока не нашла страницу со списком руководителей компании, краткими биографическими сведениями и фотографиями. Она прокрутила страницу вниз и остановилась на имени Эллиот Сейф в центре экрана. Один щелчок открыл данные о Сейфе вместе с более крупным изображением этого человека.

Она щелкнула правой кнопкой мыши и сохранила изображение.

В ближайшей телефонной будке она набрала телефонный код Великобритании, а затем номер офиса Сейфа.

Женщина ответила с вежливым, но серьезным британским акцентом. — Хартман и Ройс, говорит Мелани, чем я могу вам помочь?

«Я хотел бы встретиться с одним из ваших финансовых консультантов, пожалуйста».

Пять минут спустя Ребекка покинула будку, записавшись на следующий день к человеку по имени Брайс, чтобы обсудить частные инвестиции и ее портфель акций. Встреча даст ей прекрасную возможность поближе познакомиться с Сейфом и осмотреть его кабинеты.

Она вернулась к своим исследованиям. У нее уже были карты улиц района Кэнэри-Уорф в нескольких масштабах, а также фотографии самого здания и окружающих. На ее компьютере было множество программ, предоставленных ЦРУ, которые позволяли ей получать доступ, иногда легально, но в основном нелегально, к ряду полезных источников.

Наличие общего языка с Великобританией значительно упростило дело, чем составление досье на граждан других европейских стран. Она вошла в базу данных реестра избирателей Великобритании, чтобы найти домашний адрес Сейфа. У него были дома как в Суррее, так и в Лондоне, и второй избиратель был зарегистрирован по адресу Суррея по имени Саманта Сейф, которую Ребекка предположила, что она была женой Сейфа.

Через несколько минут нажатия и набора текста у нее были номера телефонов и кредитная история. Резюме Сейфа было

следующим. Некоторое время спустя у нее были карты окрестностей двух адресов и растущий список биографической информации.

К тому времени, когда ее спутник вернулся, Ребекка захотела узнать об Эллиоте Сейфе все, что только можно было узнать. Она посмотрела на другой компьютер.

Программа перестала считать.

ГЛАВА 45

Санкт-Петербург, Россия

понедельник

17:25 МСК

Жидкость янтарного цвета выплеснулась в стакан, и Александр Норимов выплеснул виски себе в горло. Он стиснул зубы и налил себе еще глоток. Тепло от виски хорошо распространялось по его внутренностям. Он был удивлен и рад, что остался жив. Когда началась стрельба, он был уверен, что не выберется оттуда. Он приложил руку к груди. Его сердце все еще стучало. Он был слишком стар, слишком неопытен для такого волнения.

Норимов сидел за своим столом, гадая, что, черт возьми, произойдет дальше, когда услышал, как снаружи подъезжают машины, и налил себе третий стакан. Он закончил свой четвертый к тому

времени, когда дверь кабинета распахнулась и мужчина вошел. В его поведении чувствовалась надменность и небрежная угроза, даже несмотря на свежую повязку, закрывавшую его левую щеку от носа до уха. и глазница к челюстной кости.

— Сегодня днем он убил пятерых наших людей, — выплюнул Анисковач. — Скажи мне, где он.

Норимов указал на перевязочный материал. — Держу пари, что останется хороший шрам.

Анисковач замер на секунду, прежде чем провести рукой по поверхности стола, сбив бутылку виски, стаканы и стопку бумаг на пол.

'ГДЕ ОН? '

Норимов отодвинул стул и нагнулся, чтобы поднять с пола бутылку и два разбитых стакана. Он поставил их обратно на стол и высосал виски из пальцев.

— Как, черт возьми, я мог знать? Норимов потянулся к бутылке. «Вы СВР, а не я».

— Если бы я хоть на мгновение подумал, что ты сказал ему, что мы были там...

— Не будь таким глупым. Норимов покачал головой. — И не думайте, что я тоже. Это ты все облажался, посадив мужчин на стоянку. Я говорил тебе, что он их заметит.

Анисковач огляделся, словно пытаясь сформулировать соответствующее опровержение. Через мгновение он сел напротив Норимова и положил руки в перчатках на стол. Он растопырил пальцы. — Да, да. Он криво улыбнулся, затем скривился и приложил руку к лицу.

Норимов прекрасно скрывал свое веселье. — Улыбающиеся укусы, а?

Анисковач нахмурился. — Думаю, мне следовало прислушаться к твоему совету. Ты не так уж за горой, как кажешься.

Норимов проигнорировал комментарий. Он взял бутылку виски. 'Напиток?'

Анисковач с минуту смотрел на него. — Спасибо, — наконец сказал он.

Норимов взял новый стакан и налил Анисковачу виски. Он сделал глоток. «Он не пытался улететь через аэропорт, — сказал Анисковач.

— А ты думал, что он это сделает?

Анисковач ничего не сказал.

Норимов ухмыльнулся. «Получение первого самолета из страны — это именно то, чего вы ожидаете. Так что это было бы точно последнее, что он на самом деле сделал бы. Он хороший, или ты раньше не обращал внимания на этот урок?

Анисковач нахмурился. — Так где он?

Норимов покачал головой. — Вы настойчивы, по крайней мере. С чего ты взял, что он когда-нибудь скажет мне, где остановился или куда направляется? Он никогда этого не делал и в прошлом.

— Если бы ты знал, ты бы сказал мне?

— Если бы было достаточно денег. Норимов сел. 'Говоря о которых.'

Анисковач указал на парня из СВР, стоящего в дверях. Он подошел к столу, поставил перед Норимовым портфель и открыл его. Внутри он был полон американских долларов.

— Я не был уверен, что вы действительно заплатите, — сказал Норимов, рассматривая деньги. — Когда ты вошел сюда, я подумал, что ты можешь меня убить.

Анисковач улыбался, насколько позволяли его травмы. Норимов, внимательно изучавший его лицо, не поддержал.

— Если я когда-нибудь узнаю, что вы каким-то образом обманули меня, я без колебаний прикажу вас казнить, — ровно заявил Анисковач. — Но я человек слова. У нас была договоренность, и я ее выполню».

Норимов поднес стакан к губам. — Я не знал, что у вас есть честь.

— Тогда назовем это профессиональной вежливостью. Конечный результат остается прежним». Он сделал паузу на мгновение, его палец нежно коснулся его раны. — Он знал, что вы работаете на нас?

'Никто.'

— Тогда, возможно, в будущем ему снова понадобится связаться с вами.

— Сомневаюсь, — сказал Норимов. — Но я так думал в прошлый раз. Так что я знаю?

Анисковач склонил голову набок. — И у вас не будет проблем с тем, чтобы снова сообщить нам, если он это сделает? Даже несмотря на то, что он был твоим другом?

Норимов на мгновение задумался. — Он все еще мой друг. Но бизнес есть бизнес. Он сделал паузу. — Он бы это понял.

«Я бы никогда не предал друга».

— Тогда в избранной профессии далеко не уедешь.

Анисковач вытащил из кармана скопированную флешку и изучил ее в руке. — Он сообщил вам, какая информация содержится по этому поводу?

Норимов покачал головой. — Он не знал. Вот почему ему нужна была моя помощь. Значит, ты еще не расшифровал его.

Анисковач встал. «Конечно, есть». Он направился к двери, но остановился. — И, чтобы не было путаницы, вы совершенно уверены, что понятия не имеете, где он может быть?

Норимов, пересчитывавший деньги, не поднял глаз. — Он уже уехал из страны, в этом ты можешь быть уверен.

ГЛАВА 46

К востоку от Кохтла-Ярве, Эстония

понедельник

16:45 по центральноевропейскому времени

Станция технического обслуживания представляла собой не более чем большое кафе-бар с неровным асфальтовым покрытием вокруг, которое служило стоянкой для легковых и грузовых автомобилей. С одной стороны стоянки под разваливающимся навесом стоял ряд топливных насосов. Шел снег, и перед Юковым, высоко сидевшим в кабине своего грузовика, дворники метали взад-вперед. Подвеска была прострелена, и он подпрыгивал на своем сиденье, маневрируя большим автомобилем по стоянке. Шины взбивали коричневую жижу.

Юков подавил зевок и остановил грузовик. Это была долгая поездка из России, и он отчаянно нуждался в моче и толстом

бутерброде. Он может позволить себе выпить или два. Может быть, даже вздремнуть, если он думает, что у него будет время.

На границе произошла задержка, из-за которой он отстал от графика почти на час. Он понятия не имел, что происходит, но охранники проверяли идентификацию каждого автомобиля, выезжающего из России. У них даже не хватило любезности сообщить ему, почему.

Возможно, сон был плохой идеей. Он должен был быть в Таллинне через несколько часов, и если он проспал, его ждала кара. Он стянул пальто с сиденья и надел его. В его кабине было блаженно тепло, но снаружи было намного ниже нуля. Он также схватил свою шерстяную шапку и натянул ее на уши, прежде чем надеть перчатки. Кохтла-Ярве находился прямо на северном побережье Эстонии, и ветер, дующий с Балтики, и в лучшие времена мог быть убийственным. Хотя сегодня ночью было хуже, чем обычно, намного хуже.

Когда дверь открылась, он мгновенно вздрогнул. Ветер окрасил его лицо в ярко-красный цвет. Он запер свой грузовик так быстро, как только мог, и поспешил через парковку к заправочной станции.

У него не было причин проверять свой трейлер перед отъездом, а даже если бы и было, вряд ли он заметил бы прореху в брезенте с левой стороны. Это был вертикальный разрез около трех футов высотой, скрепленный внутри сверхпрочной лентой.

Медленно, один за другим, куски ленты снимались, и брезент открывался дрожащими от холода руками. Из щели появилась дрожащая фигура и упала на землю, где он рухнул на асфальт, полуобмороженные ноги не смогли удержать его в вертикальном положении.

С огромным трудом Виктор поднялся на колени и, опираясь на грузовик, поднялся на ноги. Он промок от земли и знал, что если он не попадет внутрь, то вода на нем замерзнет.

Все его тело неудержимо тряслось. Он больше не чувствовал ни рук, ни ног. Звук стучащих зубов резал уши. Станция техобслуживания находилась примерно в пятидесяти ярдах. Он вытолкнулся из грузовика и, спотыкаясь, двинулся вперед, быстро идя, чтобы сохранить равновесие. Ветер, дувший справа, толкал его влево, и он прислонился к нему, прижавшись челюстью к плечу, сунув руки в штаны, потому что это была самая теплая часть его тела. Он подпрыгивал взад и вперед от припаркованных машин, когда двигался вокруг них, не в силах идти устойчиво.

Он провел несколько часов в кузове грузовика, согреваясь только своей одеждой. На Викторе было толстое пальто, шапка и перчатки, но этого было недостаточно, чтобы защититься от холода. Они должны были быть, но погодные условия были экстремальными, непредвиденный балтийский шторм. Вылет из страны самолетом или поездом позволил бы избежать непогоды, но также и отдал бы его прямо в руки врагов. Он не мог рисковать сам, если его остановят власти. Спрятаться в кузове грузовика казалось хорошей идеей до того, как погода испортилась. Трейлер перевозил овощи, и он присел между ящиками, пытаясь спастись от ветра, проникающего под брезент. Разрез, который он сделал, чтобы получить доступ, только усугубил ветреную погоду.

К тому времени, когда грузовик достиг границы, он был не в состоянии защитить себя, если бы охранники были достаточно усердны, чтобы проверить трейлер. Зная, насколько холодной была погода, он подумал о том, чтобы заплатить шоферу, чтобы он переправил его, чтобы он мог сесть в кабину и залезть в трейлер только тогда, когда они приблизились к границе. Это согрело бы его,

но был риск, что водитель либо выдаст его властям, либо выдаст себя подозрительным поведением.

Виктор подошел к входу и толкнул дверь. Он получил несколько взглядов от эстонских и русских покровителей. Его внешний вид и поведение не могли не привлечь всеобщего внимания, но он ничего не мог с этим поделать. Его приоритетом было согреться. Не было никакого смысла умирать от разоблачения, чтобы остаться незамеченным.

Он подошел к стойке и сказал: «Кофе, пожалуйста».

Он не говорил по-эстонски, поэтому заговорил по-русски. Около четверти населения составляли этнические русские, а город находился так близко к границе, что, скорее всего, русский язык был понятен. Со стучащими зубами и хриплым голосом ему пришлось повторить еще дважды, прежде чем женщина за прилавком смогла его понять.

Виктор залпом выпил кофе, не заботясь о том, что обжег себе рот. Ему нужно было поднять температуру тела — и быстро. Он попросил еще кофе и так же быстро выпил его, прежде чем заказать сладкую похлебку и пельмени, паровые пельмени с начинкой из говядины, подаваемые со сметаной.

Он быстро съел еду и не обратил внимания на беспорядок, который устроил. Потребовалось некоторое время, но, наконец, он начал восстанавливать чувствительность пальцев. Когда температура его туловища повысилась, кровь вернулась к конечностям. Он никогда не забывал слова своего сержанта по строевой подготовке. Согрейте свои внутренности, и ваши внутренности позаботятся о вашей внешности.

Через пятнадцать минут он уже мог сгибать руки; через тридцать минут он снова мог чувствовать каждый палец на ноге. Через сорок пять минут после входа он был готов уйти. Он хотел бы остаться подольше, снять комнату и отдохнуть, но он был еще слишком близок к России, чтобы расслабиться. Но он не мог никуда пойти в таком виде.

Он купил бутылку водки и сидел с ней, ожидая подходящего момента. Ему не пришлось долго ждать, пока мужчина такого же роста встал со своего места и направился к туалету. У мужчины не было спутников за столом, который он освободил. Идеально. Виктор подождал несколько секунд и встал. Он вошел в туалет через тридцать секунд после мужчины.

Это была вонючая, грязная комната, но Виктора не беспокоило отсутствие гигиены. Мужчина подошел к писсуарам и начал справлять нужду. Рядом с ним был еще один мужчина, и Виктор ждал у раковины, делая вид, что моет руки, пока второй мужчина не ушел.

У него было мало времени. Кто-то мог войти в любой момент. Он подошел сзади человека у писсуара. Он был быстр, человек заметил его слишком поздно. Виктор схватил себя за волосы правой рукой и ударил головой о плитку над писсуарами. Мужчина хмыкнул, ошеломленный.

Виктор поднял его назад, развернул и швырнул в кабинку. Он бросился за ним, захлопнул дверь и запер ее.

Мужчина стоял на коленях, стонал, пытаясь подняться на ноги. Виктор встал позади него, ноги по обе стороны от его ног. Он просунул левую руку под челюсть мужчины и вонзил ему в горло краем предплечья. Правой рукой Виктор схватил мужчину за затылок и удерживал его неподвижно.

Мужчина отчаянно боролся, но он стоял на коленях, Виктор над ним, и сотрясение мозга ослабило его. Он потерял сознание, и Виктор отпустил его. Еще минута, и он будет мертв, но поскольку Виктор собирался забрать его одежду, это было меньшее, что он мог сделать, чтобы отплатить ему своей жизнью.

Когда его переодели, Виктор как можно лучше одел бессознательного человека в его старую одежду, прежде чем вылить на него бутылку водки. Когда он приходил в себя и начинал болтать о том, что на него напали, его игнорировали как пьяного. По крайней мере, достаточно долго для Виктора, чтобы получить фору.

Он вышел из туалета. Он держал голову опущенной, но не слишком низко, когда покидал станцию техобслуживания. Одежда мужчины хорошо защищала его от непогоды, но ветер все еще причинял боль его открытому лицу. Он поспешил через парковку к шоссе, где на автобусной остановке ждала группа людей.

«Извините, когда следующий автобус в город?»

Старуха, которую он спросил, на мгновение задумалась. 'Пять минут.'

— Спасибо, — сказал он.

Он был истощен, отчаянно нуждался в отдыхе, но не мог остановиться. Из Кохтла-Ярве он мог добраться до столицы Эстонии Таллинна. Потом первый вылет из страны.

К брокеру.

Виктор надеялся, что она добилась большего успеха.

ГЛАВА 47

Париж, Франция

понедельник

19:54 по центральноевропейскому времени

Дождь хлестал по телефонной будке и стекал по стеклу перед Виктором. Фары блестели в каплях дождя. Он поднял трубку и набрал номер костяшкой указательного пальца. Он был рад, когда линия соединилась после трех гудков, рад, когда услышал ее голос.

— Это я, — сказал он.

Брокер ответил: «Я знаю».

Он снова обрадовался, услышав эти четыре слова, код, означающий, что все в порядке. Разница всего в одном слове, и он бы понял, что она была скомпрометирована. В ее голосе не было напряжения, указывающего на то, что она говорила под принуждением.

'Где ты?' спросила она.

«Снова в Париже. Увидимся через час.

Он положил трубку таксофона и вышел из будки. Через двадцать минут он позвонил в зуммер брокера.

— Ты рано, — сказала она, когда ответила.

Он не ответил. Конечно, он приедет раньше, чем скажет. Он поднялся по лестнице в ее квартиру и постучал в дверь. Он увидел, как стекло глазка потемнело за секунду до того, как дверь открылась, и она сняла цепочку. Ни то, ни другое не остановило бы истребительную команду, но, возможно, это помогло ей лучше спать.

Когда дверь открылась, она отступила в сторону, чтобы впустить Виктора, и он прошел в дверной проем, полуобернувшись, чтобы не повернуться к ней спиной. Она закрыла за ним дверь, заперла ее и вернула цепочку на место.

'Вы хотите пить?' спросила она.

Она была одета в черные джинсы и бордовый свитер, облегающий ее живот и грудь. Ее темные волосы были распущены и длинные, обрамляя ее лицо, заставляя ее казаться более мягкой и уязвимой, чем когда они впервые встретились, даже если ее взгляд был жестче. Виктор отвел от нее взгляд и осмотрел квартиру.

Если не считать нового компьютера и принтера, а также нескольких дополнительных предметов в шкафах и холодильнике, он ничем не отличался от того, что он оставил два дня назад. Он коснулся

головок винтов на электрических розетках и вентиляционных отверстиях. Ни один не был груб. В гостиной абжур по-прежнему стоял под углом, как он его оставил, и он был рад, что она не поправила его.

Он нашел ее на кухне, готовящей себе чашку кофе. На рабочей поверхности стояла вторая высокая чашка, которую она наполнила.

— Ты не ответил, — сказала она. — Но я все равно сделал тебе одну.

Виктор ничего не сказал.

— Ты выглядишь усталым, — сказала она.

'Я.'

'Вы должны отдохнуть.'

'Позже.'

Он взял чашку и вернулся в гостиную. Он положил его рядом с ее компьютерами, даже не собираясь пробовать. Он всерьез не верил, что она его отравит, но, поскольку он не видел, как она это исправляла, некоторые привычки нельзя было так легко сломать. Она последовала за ним, прихлебывая из своей чашки.

'Как поездка?' спросила она.

«Неудачно».

Она кивнула. — Мне повезло.

— Банком или зашифрованным файлом?

'Оба.'

Виктор подошел к окну, встал плечом к стене, отодвинул шторы на дюйм в сторону и выглянул наружу. Улица снаружи была пуста. С другой стороны окна он сделал то же самое, чтобы проверить дальше по улице, где он не мог видеть. Он оглянулся и увидел, что брокер стоит в ожидании.

— Ты не собираешься меня поздравить?

«Может быть, вам следует рассказать мне, что вы узнали, прежде чем похлопывать себя по спине».

Она одарила его быстрой улыбкой. — Ты будешь похлопывать меня по спине. Она подошла к своим компьютерам и поставила кофе. — Это действительно хорошо, — сказала она. «Колумбийский. Пей, пока горячо.

Виктор кивнул.

Брокер села перед своим компьютером и коснулась сенсорной панели, чтобы вывести ее из спящего режима.

Виктор стоял в стороне и смотрел, как она работает. Ее пальцы плавно двигались по клавиатуре. Программы загружены. Набраны

команды. Она дважды щелкнула файл, и появился экран пароля. Она что-то напечатала. Появилось десять звездочек. Она нажала Enter.

— Вот именно, — сказала она. «Я в деле».

На мониторе файл распаковывался в ряд других файлов.

— Ты сказал мне, что это может занять несколько дней, — сказал Виктор.

— Да, — ответил брокер. — Два дня, если быть точным. Нам на самом деле не повезло, что это заняло так много времени. Озолс использовал только низкоуровневое шифрование. Мы должны были понять, по крайней мере, я должен был понять. Это очевидно задним числом. Этот парень был отставным морским офицером, верно? Он даже не был отставным разведчиком. У него не было доступа к продвинутому шифровальному программному обеспечению — черт возьми, он, вероятно, даже не знает разницы между низкоуровневыми и высококлассными шифрами. Не похоже, что он пытался сделать так, чтобы автомобиль был шпионским. Помните, у него было это с собой, чтобы доставить. Вероятно, ему нужен был только пароль на случай, если он оставит эту чертову штуковину в автобусе.

Виктор молчал. Брокер преуспел, а он нет. Он подумал о Норимове и о том, что с ним могли сделать российские спецслужбы, чтобы заставить его говорить в комнате без окон. Его могут годами держать без предъявления обвинений. Или, может быть, он уже был мертв, выстрелил в затылок, отомстив за агентов, убитых Виктором.

Виктор дал себе обещание. Отплатить Норимову, если он еще жив, или найти его, если он пополнил ряды российских невидимок. Если Норимов мертв, то Виктор позаботится о том, чтобы дочь Норимова ни в чем не нуждалась. Он изобразил лицо мужчины. Лет

сорока, бледная кожа, темные глаза, квадратный подбородок, авторитетный. Человек, сбежавший из фургона до того, как он взорвался. Он узнает судьбу Норимова.

Он заметил, что брокер смотрит на него.

Он проигнорировал ее взгляд и подошел ближе. Она открыла один из файлов и отошла в сторону, чтобы Виктор мог лучше видеть монитор.

Брокер сказал: «Мне потребовалась целая вечность, пока я понял, на что смотрю».

На экране была картинка, какая-то компьютерная картинка, в основном синяя с сеткой, много цифр. В центре лежала пиксельная фигура. Брокер нажал кнопку, и появилась другая. Виктор неуверенно шагнул к нему, свет от компьютера отражался в его глазах.

'Кто они такие?'

ГЛАВА 48

Москва, Россия

понедельник

23:05 МСК

— Это гидроакустические снимки, — ответил полковник Анисковач.

Он стоял перед смехотворно большим и фаллически усиливающим столом Прудникова. Он был достаточно большим для нескольких компьютерных терминалов, но, если не считать фотографий, монитора скромных размеров, клавиатуры и мыши, стол был пуст. Прудников сидел за письменным столом в эргономичном кожаном кресле.

Они находились в кабинете Прудникова в штабе СВР. Это здание стало высокотехнологичной заменой бывшей штаб-квартиры КГБ на Лубянке на площади Дзержинского в центре Москвы, где сейчас располагается ФСБ. Штаб-квартира СВР располагалась в Ясенево, на окраине города, и ее мимолетное сходство со штаб-квартирой ЦРУ в Лэнгли не было простым совпадением.

Анисковачу не нравилась безвкусная клонированная ЦРУ штаб-квартира в Ясенево, и он предпочел бы проводить время на площади Дзержинского. Старое здание было шедевром прекрасной русской архитектуры, в котором до революции располагалась страховая компания.

Начальник СВР некоторое время изучал фотографии. — А что они мне показывают? он спросил.

В тоне его голоса не хватало терпения. Было поздно работать, даже для шпионов.

Анисковач был в своем лучшем костюме, с галстуком, как бритва, и начищенными до зеркального блеска туфлями. Каждый

волос на его голове был безупречно причесан. Ужасную рану на его лице нельзя было вылечить, но, по крайней мере, повязка прикрыла ее, и это свидетельствовало о том, что его жизни угрожала опасность — даже если теперь это означало, что он ненавидел смотреться в зеркало, когда когда-то упивался им. Он уже проконсультировался с косметическим хирургом и планировал посетить других в ближайшие недели.

— На снимках затонувший корабль, — ответил Анисковач. — Судя по тому, что мне сказали мои люди, он имеет размеры фрегата, точнее ракетного эсминца.

Прудников перелистывал изображения и не поднимал глаз. «Почему я смотрю на это?»

— Потому что фрегат — один из наших.

Это заставило Прудникова поднять голову.

Анисковач твердо верил в важность драматического искусства при выступлении с докладами и особенно при подаче запросов. Простого рассказа и вопроса обычно было достаточно для достижения необходимой цели обсуждения, но результат почти любого разговора можно было бы улучшить, правильно выбрав время и подачу. Анисковач очень хорошо понимал, что ему нужно, чтобы оба работали на него безошибочно, если он собирался спасти свою карьеру.

Фиаско в Санкт-Петербурге попало в заголовки вечерних газет и стало самой крупной новостью на российском телевидении, несмотря на все попытки СВР ограничить ущерб. Мертвые тела и взрывающиеся машины среди бела дня, как правило, были замечены. За один день Анисковач был ответственен за гибель пяти человек и госпитализацию еще трех человек. Он чувствовал вопиющей

несправедливостью, что его обвиняют, учитывая обстоятельства. Операция не была официально санкционирована, и это была личная услуга Прудникова. Что было единственным фактом, спасающим Анисковача.

Главе СВР было бы еще больше терять, если бы стали известны истинные мотивы операции, и поэтому Анисковач знал, что Прудников сделает все, что в его силах, чтобы голова Анисковача не попала в поле зрения.

Как долго это продлится, Анисковачу не хотелось думать, но он знал, что это не будет бесконечно. Тогда волки, жаждущие крови Анисковача, будут кружить вокруг него с оскаленными зубами. Он несколько раз мечтал возглавить организацию. Когда-то казалось, что однажды его мечта может реально стать реальностью, но это было до того, как он добился того, чтобы люди были убиты, так много и так публично. Если бы он не боролся за это, его репутация была бы запятнана навсегда. Ему нужна была победа, и он нуждался в ней быстро.

Единственный способ, которым он мог надеяться противодействовать уже нанесенному ущербу, - это оставить Прудникова на его стороне, но любой союз был в лучшем случае непрочным и быстро распался, чем ближе Прудников подходил к отставке. Если только он не признал свою роль в неудавшейся миссии и не реабилитировал Анисковача в процессе, Анисковач знал, что его карьера была в долг.

Как только Прудников перестал его защищать, а Анисковачу пришлось постоять за себя, лучшим сценарием, на который он мог надеяться, было провести остаток своей карьеры в СВР, сидя за письменным столом, занимаясь отупляющим анализом и работая над карандашом. Он не хотел думать о худшем сценарии.

— Фрегат, — начал Анисковач после соответствующей паузы, — по имени «Лев», был ракетным эсминцем постройки 1984 года, затонувшим два года назад, вскоре после совместной с китайцами морской демонстрации. Вся ее команда погибла, когда она затонула.

'И?'

«Лев» нес восемь противокорабельных ракет «Оникс».

Долго ждали, прежде чем снова заговорил Прудников. — Что случилось с кораблем?

«Перед тем, как она затонула, был передан сигнал бедствия, в котором капитан заявил, что произошла катастрофическая неисправность двигателя».

— Это было подтверждено спасательной группой?

«Команды по спасению никогда не было».

'Почему нет?'

«Была отправлена спасательная команда, но поступило сообщение о том, что эсминец затонул на большой глубине, и подъем корабля и его вооружения был невозможен».

Прудников снял очки для чтения и осторожно положил их на стол. — Тон вашего голоса говорит о том, что вы не убеждены этим анализом.

«Капитаном спасательного судна, которое откликнулось на сигнал бедствия «Лева», был офицер по имени Андрис Озолс».

— Это имя ничего мне не говорит.

«Озолс, который был в отставке, был убит в Париже неделю назад. У него был портативный жесткий диск с фотографиями, которые вы сейчас просматриваете».

Прудников внимательно смотрел на него теперь, ловя каждое его слово. — Продолжайте, — сказал он.

Сроки и доставка, сказал себе Анисковач. «У киллера, который встречался с Норимовым и которого мы пытались задержать, был привод. У него оригинал. Эти фотографии были взяты с копии, расшифрованной нашими людьми».

— Что именно ты мне говоришь?

«Я бы сказал, что Озолс планировал продать информацию, когда его убили».

— Но какое значение имеет эта информация, если корабль невозможно найти?

'Никто.'

— Так почему мы ведем эту дискуссию?

— Потому что Озолс солгал в первоначальном отчете. Эсминец затонул на континентальном шельфе, согласно координатам, указанным на гидроакустических снимках. У берегов Танзании в Индийском океане. Похоже, что Озолс сфабриковал первоначальный отчет, чтобы спасательная группа никогда не была отправлена, позволяя ракетам оставаться на морском дне до тех пор, пока он не будет готов продать местонахождение корабля тому, кто больше заплатит. Большинство стран заплатили бы целое состояние за эти ракеты и технологии, которые они содержат».

Глаза Прудникова были такими большими, каких Анисковачу еще не приходилось видеть.

Анисковач продолжил. «В день убийства Озолса также произошло массовое убийство. Помимо Озолса погибли еще восемь человек. По словам Норимова, на убийцу напала группа других киллеров».

«Какое значение имеет это?»

«Я считаю, что убийцу наняли, чтобы получить информацию, но после завершения работы он стал мишенью для тех же людей, которые его наняли. Мотивом такой атаки, вероятно, было бы сохранение анонимности тех, кто его нанял. Это было бы особенно полезно, если бы эти работодатели были, скажем, сотрудниками ЦРУ». Он сделал паузу для эффекта. «Тогда американцы смогут восстановить Оники и добавить технологию к своим более слабым ракетам. В то же время они смогут отрицать какую-либо причастность к смерти Озолса, как только нам станет известно о его личности и его планах. Мои источники в Париже сообщили мне, что на прошлой неделе в посольстве США было много активности. Без флешки они не будут знать, где искать ракеты, но если они первыми найдут убийцу...

«Мне нужно немедленно передать эту информацию в ГРУ». Прудников откинулся на спинку стула. — Я прослежу, чтобы твое имя было упомянуто, когда я это сделаю. Вы можете уйти сейчас.

Прудников потянулся к телефону. Анисковач остался стоять.

— Ты меня не слышал, Геннадий?

Анисковач, всегда шоумен, помолчал несколько мгновений. — Есть еще один возможный образ действий.

'Такие как?'

— Мы сами возвращаем ракеты.

Бровь Прудникова нахмурилась, и он взял трубку. «Мне не нужны кредиты».

'Я делаю.'

Глава СВР покачал головой. «Я дал тебе момент стать героем, а ты упустил этот шанс сквозь пальцы. И в процессе убили много хороших людей. С чего ты взял, что я дам тебе вторую возможность?»

— Эти люди были убиты на задании, которое вы лично заказывали.

— Следи за языком, Геннадий. Глаза Прудникова были опасны. — Мне нужно напоминать вам о пятне на моей репутации, которое я беру на себя, защищая вас?

«Я напоминаю тебе только потому, что знаю, что ты многим рискуешь, чтобы помочь мне пережить негативную реакцию». Анисковач упустил тот важный факт, что Прудников сделал это только для того, чтобы помочь себе в процессе.

Прудников кивнул. «Я делаю только то, что правильно».

Анисковачу хотелось улыбнуться. Апелляция к обманутому чувству долга и чести Прудникова была хорошей тактикой. — И я благодарю вас за все, что вы сделали, сэр.

Прудников принял благодарность, не меняя выражения лица. 'Что ты спрашиваешь?'

«Позвольте мне найти ракеты самостоятельно».

'С какой целью?'

В переводе на «что в этом для меня?» Анисковач подумал. «Разоблачение планов Озолса, возвращение ракет и предотвращение их захвата американцами поможет восстановить мою репутацию в нашей прекрасной организации».

Прудников, не убедившись, стал набирать в телефоне номера. — На вашем месте я бы не беспокоился так о том, что осталось от моей репутации. Я был бы рад сбежать из тюрьмы и продолжить карьеру после такого ужасного беспорядка».

Анисковач продолжал так, как будто Прудников и не говорил. — И, вернув ракеты и сохранив их от рук наших врагов, я сделал достаточно, чтобы больше не нуждаться в вашей защите. Вы могли бы дистанцироваться от моей ошибки, не опасаясь, что я выдам вашу руку в том, что произошло.

Прудников перестал набирать номер. Анисковач смотрел, как он тщательно обдумывает. Через минуту он положил трубку.

— Хорошо, — сказал он. — Я позволю тебе сделать одну вещь, но на этом наши пути расходятся. Независимо от исхода, я перестаю тебя защищать, а ты постоянно держишь рот на замке.

Анисковач ожидал, что в лучшем случае он получит такое предложение. Ему только хотелось рассказать Прудникову, как он ухитрился совершенно извратить свое обращение так, что это Прудников обращается к нему с просьбой. Он стоял молча, делая вид, что взвешивает предложение, и тем самым создавал восхитительную меру драматического напряжения. Анисковач кивнул.

— У нас есть сделка, — сказал он.

Это все сроки и доставка.

ГЛАВА 49

Париж, Франция

понедельник

21:01 по центральноевропейскому времени

Виктор отвел взгляд от фотографий. Брокер снова стоял, настроил компьютер и расположился так, чтобы видеть ее, экран и входную дверь одновременно, пока они разговаривали. Она все еще боялась его и все еще пыталась скрыть это. Он мог сказать, что она не знала, что он собирается делать в любой момент. Ему это нравилось.

— Значит, тот, кто нас нанял, хочет заполучить этот корабль, — сказал Виктор.

Брокер кивнул. — Или что на нем.

— Оружие?

'Кто знает?' она пожала плечами. — Но то, что находится на этом корабле, стоит того, чтобы убить его.

Виктор молчал.

— Думаешь проверить? Потому что если вы, судя по координатам, корабль находится у восточного побережья Африки. Танзания, кажется.

'Нет. То, что на лодке, меня не касается. Мы придерживаемся плана. Мы уничтожаем наших врагов. Самосохранение. Остальное не важно.'

— Хорошо, — сказал брокер. — Но мы кое-куда движемся. Можешь хотя бы попытаться выглядеть счастливым по этому поводу.

«Это я выгляжу счастливым».

— Тогда я действительно не хочу видеть тебя, когда ты злишься.

— Нет, — сказал Виктор. — Вы действительно не знаете.

Она улыбнулась. Она хорошо улыбалась.

Лампа мигнула и погасла, погрузив комнату в полумрак. Свет из города пробивался сквозь портьеры.

— Проклятая проводка, — пробормотал брокер. «Ничто не работает должным образом в этом месте».

'Молчи.'

Это была не просто лампа. Экран ноутбука потускнел, переключившись на питание от батареи. Виктор ничего не видел под входной дверью. Свет в коридоре тоже был выключен. Он схватил телефон с буфета. Нет гудка.

Через секунду ее волосы были зажаты в его левой руке, Бенчмейд нож — в правой, острие черного стального лезвия пронзило кожу ее шеи, сонная артерия согнулась под давлением.

— Ты привел их сюда.

Белки ее глаз были большими. — Нет, клянусь.

Страх был настоящим. Таков был сюрприз.

Виктор ей поверил. — Значит, они наблюдали.

'Это невозможно. Я был осторожен.

— Значит, ты был недостаточно осторожен.

Виктор отпустил ее и поспешил к двери. Он прижался к нему ухом, ничего не слыша. Он столкнулся с брокером.

— Где твой пистолет?

У нее была ладонь на шее. Слезы стояли у нее на глазах. Она колебалась. — Я же говорил тебе в прошлый раз, что у меня его нет.

— Ты спрятал одну на случай, если решишь меня убить. Где это находится?'

Тогда тишина. «Под диванными подушками».

'Возьми.'

Она сделала.

'Дай это мне.'

Она осторожно протянула его, и Виктор выхватил его у нее из рук. Компактный НК Р2000. Он высвободил магазин, проверил, заряжен ли он, вставил его обратно и потянул затвор, чтобы зарядить патрон. Он выключил предохранитель.

Он быстро огляделся. Входная дверь была единственной доступной точкой входа для нападения. Даже сейчас они могли быть в коридоре снаружи, готовясь к этому.

Виктор указал. «Хватай столько вещей, сколько сможешь, и забаррикадируй эту дверь».

Одной рукой он протащил диван через всю комнату. Брокер взял кресло и поставил его сверху. Он взял стол, на котором стояла лампа, и поставил ее. Баррикада никого не остановит, но замедлит.

'Подписывайтесь на меня.'

Брокер колебался. 'Мой компьютер...'

«Если это не спасет тебе жизнь, оставь это».

— У меня есть печатные копии, но нам нужны эти файлы.

Она схватила наплечную сумку и повесила ее, прежде чем открыть ящик и порыться внутри. Через несколько секунд она убрала руку с картой памяти между пальцами. Она подключила его к ноутбуку и скопировала папку.

«Я настраиваю компьютер на очистку жесткого диска».

'Торопиться.'

Как только она закончила, Виктор повел ее на кухню, взял за плечи и повел туда, где он хотел, чтобы она встала.

'Что ты делаешь?'

Затем он дернул за веревку, чтобы поднять жалюзи, и оттолкнул брокера от окна.

Она крикнула, упала, но окно все еще было целым, а стена напротив не была отмечена. Нет снайпера.

Брокер нахмурился. — Какого черта это было?

Он не ответил ей, открыл балконную дверь, вышел, огляделся. Там была водосточная труба. Если бы он был достаточно сильным, то свалил бы его прямо на землю менее чем за минуту. Он схватил его, резко потянул. Он двигался, но не сильно. Этого хватило бы на короткое время.

Виктор повернулся и увидел, что брокер выпрямляется, и понял, что она никак не сможет взобраться на него. Он ненавидел идти на компромисс со своим курсом действий, чтобы принять во внимание способности или их отсутствие у другого. Он должен был найти другой путь.

Вот оно. В конце здания из-за угла торчит черный металлический стержень. Пожарная лестница. Между ними было еще два балкона. Виктор повернулся к брокеру.

'Снимай свою обувь.'

'Почему?'

«Если хочешь жить, просто делай, как я говорю».

Она скинула их, и он вытащил ее на балкон. Он указал.

— Я собираюсь перепрыгнуть. Он засунул НК за пояс и взобрался на перила, держась за водосточную трубу для поддержки. — Когда я буду там, я вернусь за тобой.

Она яростно замотала головой. 'Что? Ни за что, я не могу этого сделать.'

— Тогда ты останешься здесь и умрешь. В любом случае я ушел.

Он был рад, что у нее была дешевая квартира; между балконами было всего несколько футов. Если бы у него не было другого выбора, он мог бы с места перепрыгнуть с перил на соседний балкон. Но перила были мокрыми. Если он оттолкнется слишком сильно, есть шанс, что его ботинки соскользнут, и он упадет. Он посмотрел вниз. Это был долгий путь.

Вместо того, чтобы прыгнуть, он встал на перила, скорчившись, лицом к стене. Он крепко сжал водосточную трубу левой рукой и

протянул правую ногу, пока его ступня не коснулась перил соседнего балкона.

Виктор вытянул правую руку так далеко, как только мог, пока не ухватился за кирпичную кладку над другим балконом. Затем он потянул правой рукой и оттолкнул левой ногой. Его левая нога коснулась перил прямо перед правой.

Он снова посмотрел на брокера. 'Ну давай же.'

Брокер взобрался на перила так же, как и раньше, только мучительно медленно. Ее дыхание было тяжелым. Он видел, как она изо всех сил старалась не смотреть вниз.

Он потянулся к ней. — Дай мне руку.

'О Боже.'

— Он тебя не слышит. А теперь дай мне руку.

Она протянула дрожащую руку через щель. Он сильно схватил ее за запястье.

'Ты делаешь мне больно.'

— Тогда ты не упадешь. Оставьте левую ногу на перилах и дотянитесь правой. Я буду держать тебя в покое.

Она потянулась, но не могла полностью дотянуться ногой. 'Это слишком далеко.'

'Это не. Когда я скажу, оттолкнись сильно, и я буду тянуть тебя до конца пути. Хорошо?'

'Да.'

'Вы готовы?'

Она кивнула.

Виктор усилил хватку. 'В настоящее время.'

Он сильно потянул, и она толкнула, но потеряла равновесие, и ее левая нога соскользнула. Она закричала. Виктор застонал от напряжения, но сумел отбросить ее к перилам. Она врезалась в них, закричав, но он поднял ее, и она перелезла через них, в конце концов рухнув на балкон.

Она лежала, задыхаясь, на мокром камне, крепко зажмурив глаза. Он опустился рядом с ней и поднял ее за подмышки. Он взобрался на перила на дальней стороне.

— Опять то же самое, — сказал Виктор. «И тогда это не так просто».

В коридор свернула фигура, ее глаза смотрели в прицел пистолета-пулемета MP5SD. Он был одет в черную военную форму, тяжелый кевларовый бронежилет, тактическое снаряжение с гранатами и запасными магазинами. К его правому бедру был привязан пистолет. Над его глазами торчали очки ночного видения.

Четверо мужчин в одинаковой экипировке плавно следовали по коридору, каждый прикрывая разное поле огня, и ни один из них не пересекался с оружием другого.

Они добрались до квартиры цели, заняв свои позиции, по одному по обе стороны от двери, остальные рассредоточились вдоль коридора, ожидая, когда принесут тарана. У носителя было 240 фунтов мускулов и темперамента, и он спешил по коридору, держа барана обеими руками. Шестьдесят фунтов черной стали с грубым белым черепом на рабочем конце.

Он остановился перед дверью, увидел, как его командир подал знак рукой, и взмахнул тяжелым тараном.

Виктор услышал грохот, когда шел ко второму балкону. Брокер, все еще находившийся на предыдущем балконе, вздрогнул от звука и тут же сильнее прижался к стене, явно в ужасе.

Виктор указал. — Перелезай на перила.

— Я не могу.

'Сделай это.'

Брокер покачала головой. — Я не могу.

Едва она успела сделать первый из них, как на них обрушился натиск врагов. Сейчас было бы еще тяжелее. Времени как такового не хватило. Он посмотрел на выступающую перекладину пожарной

лестницы. Он мог добраться до него или взять водосточную трубу и оказаться на земле за тридцать секунд. Но потребуются минуты, чтобы уйти от брокера, замедляющего его. Минуты, которых у них не было.

Было бы так легко бросить ее. Его инстинкты подсказывали ему оставить ее и просто уйти. Что еще она могла знать, что могло бы быть ему полезно? Много было ответом. Но вместе они бы не справились. Она слышала его голос, видела его лицо, знала о нем больше, чем кто-либо другой, и это было еще до того, как они встретились. Виктор не мог допустить, чтобы ее забрали.

Он посмотрел на нее. Ее глаза все еще были закрыты. Виктор вытащил НК и навел его на ее голову, перевел дух. Сдержал. Но не выстрелил.

Он выбил французское окно балкона и ворвался внутрь, даже когда осколки стекла все еще падали. Он поспешил через кухню квартиры в гостиную. Планировка была идентична аренде у брокера.

Виктор выглянул через глазок в коридор снаружи. Света из окна дальше по коридору было достаточно, чтобы он смог разглядеть одетую в черное фигуру, стоящую прямо перед дверью. Он мог различить форму MP5, большую часть бронежилета, края очков ночного видения.

Виктор глубоко вздохнул. Одно дело — убийцы с пистолетами, другое — полностью вооруженная и бронированная тактическая группа. Он мог слышать ворчание и грохот, когда все больше людей пытались пробиться через забаррикадированную дверь дальше по коридору. Они напали не на ту комнату, понятия не имели, что его там нет.

Если он собирался что-то сделать, то только сейчас.

Виктор распахнул дверь, схватил ошеломленного боевика за руки и потащил в комнату. Он был застигнут врасплох, даже не вскрикнул. Виктор выбил ноги из-под себя и ударил прикладом пистолета брокера в челюсть упавшего на пол человека.

Виктор снова захлопнул дверь, запер ее.

Другие боевики в коридоре слышали шум, обернулись, увидели, что своего уже нет.

— Что это было?

«Дерьмо, дерьмо, у него Ксавьер».

— Он в другой гребаной квартире.

— Отойди, отойди, он в 305-м.

В квартире маклера боевики удалились, не закончив обыск. Они поспешили обратно в коридор, занимая новые позиции для штурма квартиры цели.

— Верно, — прошептал командир. — Давай прикончим этого ублюдка.

Виктор засунул стул под ручку двери и выхватил светошумовые гранаты из тактической сбрауи стрелка, засунув их в карманы куртки. Он взял горсть запасных магазинов для МР5 с глушителем.

Парень на полу перед этим был без сознания, с окровавленным лицом. Виктор снял с него очки ночного видения и надел их. Его зрение превратилось в пикселизированное зеленое пятно. Он взял пистолет и нанес бессознательному мужчине два быстрых удара ногой по голове, чтобы убедиться, что тот не проснется в ближайшее время. Если бы он выстрелил, команда немедленно атаковала бы. Как бы то ни было, у него было несколько секунд, пока они готовились и составляли специальный план по спасению одного из своих.

Он узнал знаки различия, которые мужчина носил на униформе, и вздохнул с облегчением. Нападавшие были не ЦРУ, а французской полицией, членами Recherche Assistance Intervention Dissuasion или RAID, антитеррористического подразделения французской полиции. Может быть, за брокером следили, или его заметили в аэропорту и преследовали. Или, может быть, его узнал гражданский и вызвал его. В любом случае он расплачивался за возвращение в Париж.

С MP5SD в руке Виктор выбежал на балкон. Он скривился на секунду, глядя прямо на уличный фонарь через дорогу, очки усиливали свет до неудобных уровней. Он увидел, что маклер в том же состоянии, в котором он ее оставил, прижалась к стене на другом балконе, стараясь не задыхаться.

Виктор встал на перила и прыгнул обратно на следующий балкон, затем сделал то же самое еще раз, чтобы вернуться на первый. Его нога соскользнула с перил, но он ухватился за водосточную трубу, чтобы не упасть, и уронил для этого MP5. Он вздохнул с облегчением, когда пистолет приземлился на балконе.

Он подобрал его и поспешил через кухню в гостиную. Он держал оружие обеими руками, приклад был плотно прижат к плечу, глаза смотрели прямо в прицел, голова и пистолет двигались в унисон.

Диван, письменный стол и стул были сломаны, отодвинуты к одной стороне двери. В гостиной не было парней из RAID. Они были снаружи в коридоре.

Подготовка к проникновению не в ту комнату.

Снова.

ГЛАВА 50

21:13 по центральноевропейскому времени

Двое стояли с одной стороны двери, готовые войти, третий и четвертый ждали с другой стороны, командир держал в руке помповое ружье, готовый снести петли с двери патронами Хаттона. Баран был брошен.

Командир с дробовиком поднял пять пальцев, потом четыре, три, два...

Что-то выкатилось в коридор из квартиры, которую они только что покинули. Что-то металлическое.

Через зернисто-зеленое ночное зрение командиру потребовалась секунда, чтобы понять, что это было. Когда он это сделал, он вдохнул, чтобы выкрикнуть предупреждение. Было слишком поздно.

Светошумовая граната взорвалась с мучительно громким хлопком и невероятной вспышкой света.

Бандиты начали кричать, ослепленные, дезориентированные, с перегруженными чувствами. Один выронил пистолет, другой, спотыкаясь, побрел по коридору, натываясь на стены, пытаясь убежать. Командир крикнул своим людям, чтобы они удерживали свои позиции, но у него так звенело в ушах, что он даже не слышал собственного голоса.

Среди суматохи Виктор вылетел из квартиры брокера в коридор, вынырнув из дыма светошумовой гранаты с поднятым MP5, установленным на очередь из трех выстрелов. Он нажал на спусковой крючок десять раз, MP5 издал серию быстрых щелчков, его прицел менялся по мере того, как падала цель. Он целился в лица и кишки, где тяжелая броня давала наименьшую защиту. С каждым выстрелом из темноты появлялись боевики, на мгновение освещаемые стробоскопическими вспышками дульной вспышки MP5. Тела тряслись и корчились. Кровь запылала в воздухе.

Не прошло и трех секунд, как казенная часть MP5 Виктора оторвалась в последний раз, и все четверо стрелков, сгорбившись, лежали в коридоре. Запах кордита и крови заполнил его ноздри. Дымящиеся гильзы хрустели под ногами.

Никто не двигался, поэтому он перезарядил и повесил MP5 на плечо. Он схватил дробовик командира и использовал его, чтобы снести замок с двери в квартиру, которую они собирались взломать.

Виктор отбросил дробовик и пинком открыл дверь. Он проигнорировал перепуганную алжирку, забившуюся в угол с двумя детьми, и прошел на кухню. Он открыл балконную дверь и схватил

брокера за руку. Она закричала на мгновение, пока не поняла, что это был он.

— Пошли, — сказал он. 'Уходили.'

Виктор потащил ее обратно на кухню и вывел в коридор. Она резко вздохнула, спотыкаясь о тела четырех вооруженных людей.

«О Боже».

«Держи это вместе; их будет больше. Держись прямо позади меня.

Виктор снова держал MP5 в руке, а брокерский пистолет был за поясом. Он провел ее через трупы и по коридору к лифту. Он нажал кнопку, и дверь открылась. Войдя внутрь, он нажал на первый этаж и вышел обратно. Брокер остался стоять в лифте.

— Вон, — приказал Виктор.

'Что?'

Он схватил ее за запястье и потащил обратно в коридор. Двери за ней закрылись. Виктор направился обратно к лестничной клетке, быстро двигаясь, держась правой стороны, плечом касаясь стены.

— Лифт... — сказал брокер.

Виктор проигнорировал ее и быстро повел к лестнице. Он толкнул ее к стене рядом с дверью на лестничную клетку.

'Оставайся здесь.'

Он присел на корточки перед дверью, держа наготове пистолет в правой руке. Он протянул руку и открыл дверь левой рукой, заглянув внутрь. Лестничная клетка была пуста.

'Ну давай же.'

Он бросился вниз по лестнице, держа пистолет наготове, останавливаясь на каждом этаже, чтобы остановиться и прислушаться. Брокер внимательно следил за ним. Виктор остановился на первом этаже, открыл дверь в коридор и провел ее.

Брокер оглянулся. «Это не дно».

'Я знаю.' Виктор не замедлил шаг. 'Хватит говорить.'

Он мог слышать тяжелые шаги, торопящиеся вверх по лестнице вниз. Виктор выдернул чеку из другой светошумовой гранаты, но держал нажатым рычаг бойка. Он заклинил гранату за дверной ручкой так, что рычаг остался на месте. По крайней мере, пока дверь не открылась.

Виктор поспешил по коридору к окну в противоположном конце здания. Он разбил его прикладом автомата и выбил оставшиеся осколки стекла. Пролез, упал.

Он приземлился в переулке в десяти футах ниже, пригнувшись, и тут же перекатился, поглощая удар всем телом. Подошвы его ног

горели, но не было никакой травмы. Он поднялся на ноги, повернулся, посмотрел вверх. Брокер высунулся из окна.

Он сделал жест. 'Пойдем.'

«Я... я не могу; это слишком далеко.»

— Не выпрыгивай, просто падай. Когда вы коснетесь земли, перекатитесь. Сделай это.'

— Я не могу.

Виктор обернулся, открыл мусорный контейнер, схватил полдюжины мешков для мусора и бросил их под окно.

'Ну давай же.'

Она вздохнула. «Я сломаю себе ноги».

«Через пять секунд я уйду. А теперь сделай это.»

Она так и сделала, неуклюже приземлившись ногами вперед и упав на спину. Мешки для мусора лопнули, но замедлили ее падение. Она застонала, попыталась встать, потерпела неудачу и упала навзничь. Виктор протянул ей руку, и она взяла ее. Он поднял ее на ноги.

«Кажется, я вывихнул лодыжки».

— Ты можешь стоять, чтобы не стоять. Переехать.'

Небольшой взрыв заставил брокера вздрогнуть.

Она посмотрела в сторону окна. Виктор не отреагировал, подошел к входу в переулок и прижался спиной к стене, прислушиваясь. Шумы любой улицы: машины и пешеходы. Он вытащил бумажник, вынул матово-черную металлическую трубку с небольшим сферическим зеркалом на конце. Он протянул его, поднял и посмотрел в отражение.

Перед входом в здание стояло несколько автомобилей: два фургона штурмовой группы, четыре полицейских машины с опознавательными знаками и три без опознавательных знаков. Там было около дюжины фигур, несколько костюмов, несколько офицеров в форме.

Он схватил ее за запястье и поспешил в противоположный конец переулка. Он снова воспользовался зеркалом, чтобы заглянуть за угол. Одна маркированная машина. Два офицера. Намного лучше.

'Слушать.' Он притянул брокера ближе. — Они снаружи. Как только мы покинем этот переулок, они увидят нас.

'Что мы будем делать?'

'У тебя есть машина?'

— Я арендовал один, но он по крайней мере в квартале отсюда.

— Это не имеет значения. Я выйду первым и привлечу их внимание. Они придут за мной. Через тридцать секунд ты садишься в машину и убираешься отсюда.

'А вы?'

'Я что-нибудь придумаю. Здесь.' Он достал только что купленный телефон и дал ей. «Убирайтесь из центра Парижа. Держите телефон включенным. Я тебе позвоню.'

— Нам не следует расставаться.

— Это единственный способ.

— Должно быть что-то еще, что мы можем сделать.

— Если у тебя есть план получше, сейчас самое время рассказать мне.

Она смиренно покачала головой.

Он схватил ее за плечо. — Вы понимаете, что делаете?

Она кивнула.

— Тогда так и скажи.

'Я понимаю.'

Он уронил MP5SD. Было стыдно расставаться с ним, но его целью было уйти, а не вести перестрелку. И ходить с автоматом со скорострельностью 800 выстрелов в минуту было не лучшим способом остаться незамеченным.

Виктор вернул брокеру ее пистолет. 'Так, на всякий случай.' У него все еще был нож, 9-мм SIG P-228 с полным магазином и одна светошумовая граната. Ничего особенного, если он наткнется на еще парней в бронежилетах с автоматами, но придется.

— Через тридцать секунд после того, как я уйду, ты уйдешь. Считай секунды.

Он вышел из переулка и побежал.

Первый крик он услышал, когда дошел до середины дороги, услышал выстрел, когда оказался на противоположной стороне улицы. Кусок кирпичной кладки вылетел из ближайшей стены.

Через дорогу Виктор побежал прямо в переулок, слишком узкий, чтобы по нему могли проехать машины. Им придется преследовать его пешком. Он побежал по переулку, петляя вокруг мусорных баков, ящиков. Он поспешил свернуть за угол, тут же взял еще одну и очутился в широком переулке, проходившем между рядами магазинов. Он направился прямо по его центру, свернул, как только появился другой путь.

На главной улице он перешел на бег трусцой, чтобы не привлекать слишком много внимания. Один из лучших способов найти того, кто пытается убежать, — это идти по следу растерянных пешеходов, оглядывающихся через плечо. Он обошел квартал, возвращаясь к улице брокера. Во всяком случае, они ожидали, что он

убежит подальше. Последнее, чего они ожидали от него, — это вернуться.

По той же стороне дороги, что и квартира брокера, он направился по боковой улице, пересек главную дорогу, уклоняясь от медленно движущегося транспорта. С другой стороны он выбрал еще один переулок, выйдя из него на небрежную прогулку по следующей дороге.

Четыре квартала спустя он нашел ночное кафе, полное шумных посетителей, и сел за столик с хорошим видом из окна. Пока он ждал, он не сводил глаз с переулка, из которого вышел, но никто не шел туда. Никто из тех, кого он узнал, не прошел по улице снаружи. Он потерял их. К тому времени, когда к нему подошла официантка, его пульс и дыхание нормализовались.

«Чай со льдом», — сказал он, когда его попросили сделать заказ. — С лаймом, если он у вас есть.

ГЛАВА 51

23:03 по центральноевропейскому времени

Он позвонил брокеру. Она дала ему название бара и его расположение на окраине города. Он поймал такси, сказал водителю место назначения, но заставил его остановиться за пару кварталов. Это мог быть любой бедный район Парижа. Извилистые улочки, казалось, сливались одна с другой. Тихий.

Он пару раз обошел квартал, где располагался бар, проверяя, нет ли ожидающих, кто выглядит неуместно. Если за брокером успешно следили раньше, она может стать такой же снова. Это было не то место, где люди предпочли бы просто сидеть, припарковавшись вдоль обочины. Он никого не видел.

Бар был заурядной питейной. Полы с линолеумом, выцветшие обои и длинная полированная барная стойка, исцарапанная тысячами стаканов и бутылок. Брокер сидел в углу, лицом к двери. Он ожидал, что она сделала это, чтобы увидеть, как он входит, а не высматривать какие-либо угрозы, как она должна была делать.

Виктор сел на табуретку рядом с ней, подогнав ее так, чтобы смотреть на вход и видеть брокера, не двигая головой. Она привела себя в порядок, очистила лицо и снова нанесла макияж. Она тоже была одета иначе. У ее ног лежала сумка с покупками.

«Я купила нам обоим водку с тоником, — объяснила она, прежде чем добавить, опустив глаза, — хотя я пила и то, и другое. Прости.»

'Это нормально.'

Перед ней на столе стояли два стакана, в пепельнице лежали полурастаявшие кубики льда. Она видела, как он смотрит.

«Если у меня нет соломинки, я не могу пить из стакана со льдом. У них здесь нет соломинок.»

Виктор кивнул, как будто это имело значение. Брокер был сильно потрясен, это было очевидно. Адреналин улетучился, и она обдумывала то, что только что произошло.

— Вы впервые оказались в такой ситуации? он спросил

'Ага.' Она глубоко вздохнула. — Ты когда-нибудь привыкнешь к тому, что люди пытаются тебя убить?

— Они не пытались нас убить.

«Все равно было страшно. И вы знаете, что я имел в виду. Итак, — сказала она, — не так ли? Привыкнуть?»

— Да, — ответил он, хотя хотел соврать и сказать «нет». — С каждым разом ты лучше справляешься с этим.

— Значит, мне не будет так плохо, если это случится снова?

«Некоторые люди справляются с этим легче, чем другие».

— Буду?

Виктор увидел страх в ее глазах от того, каким может быть его ответ. Он не знал почему, но решил пощадить ее. — Уверен, тебе станет легче.

Брокер рассказал ему, как она уехала без проблем и за ней не следили. «Я нашла магазин, который все еще был открыт, и купила новую одежду. Я-'

«Давайте просто продолжим с того места, на котором остановились».

— Нам нужно куда-нибудь еще поговорить.

Виктор встал. — Хорошо, но мы идем туда, куда я выберу.

Неоновая вывеска над дверью сообщала о почасовой стоимости номеров. Внутри вестибюль был темным и маленьким, нарочито плохо освещенным. Невысокий мужчина за стойкой администратора искоса смотрел на брокера, пока Виктор отсчитывал деньги. Автомат для презервативов был прикреплен к стене в коридоре снаружи.

Комната была маленькая и ничем не примечательная, если не считать двуспальной кровати, занимавшей почти все доступное пространство. Рядом с изголовьем кровати стояла металлическая коробка, из которой брали монеты, чтобы кровать вибрировала. Виктор не мог поверить, что люди действительно используют эти штуки. В последний раз, когда он видел его в действии, его тошнило.

Брокер стоял перед окном, глядя в полуоткрытые шторы. Виктор собирался сказать ей, что она не должна этого делать, но если бы там был снайпер, она бы уже была застрелена.

Она нервно играла с тканью. Он не выглядел достаточно толстым, чтобы никто не мог заглянуть внутрь. Виктор предположил, что в этом и был смысл, дополнительный кайф для тех, кто пользовался этой комнатой. Он предположил, что вряд ли имеет значение тот факт, что единственные глаза, которые, вероятно, будут смотреть внутрь, принадлежат голубям.

— У меня мурашки по спине мурашки по коже от одного только присутствия здесь, — сказал брокер, не оборачиваясь.

Виктор закрыл за собой дверь, запер ее. Это заставило ее встретиться с ним лицом к лицу. «Меня не волнует, что вам здесь не нравится», — без эмоций заявил он. «Никто нас не найдет. В таких местах не любят афишировать, кто останавливается.

Она не спорила. Он был прав, и он знал, что она это понимает. Она сложила руки перед грудью. Он выключил основной свет и включил лампу у кровати. Он имел тонкий красный оттенок и отбрасывал тусклое малиновое свечение на комнату.

Оба не говорили ни секунды.

Брокер заговорил первым. «В моей квартире, если они не пытались нас убить, почему вы убили их?»

Он ждал такого вопроса. «Светошумовые гранаты действуют всего несколько секунд».

Она ответила быстро, уже зная об этом. — Но у них было ночное видение. Конечно, они были бы ослеплены дольше.

Когда он, наконец, ответил, он не пытался скрыть свое недовольство вопросом. «ПНВ имеют механизм отключения яркого света».

— Хорошо, — наконец сказала она.

— Если бы я их не убил, мы бы не смогли сбежать.

— Но они были всего лишь полицейскими, верно? Хорошие парни.'

— Либо они, либо мы, — сказал Виктор. «И они знали о рисках, когда подписывались». Он дал ей минуту, прежде чем снова заговорить. 'Что же нам теперь делать?'

Она вырвалась из охватившего ее временного беспокойства или чувства вины и выпрямилась. — Эллиот Сейф, — заявил брокер с неожиданной злобой. — Он первый порт захода.

Она достала компьютерную распечатку из сумочки. Это было низкое разрешение, черно-белое изображение головы и плеч худощавого мужчины в костюме лет пятидесяти или старше. Его лоб представлял собой массу глубоких морщин, тонкие губы, темные глаза под густыми бровями. Он был похож на бухгалтера.

'Кто он?' — спросил Виктор.

'Бухгалтер.'

Виктор поднял бровь.

Брокер внимательно посмотрел на него. 'Я что-то пропустил?'

Он покачал головой. 'Продолжать.'

— Сейф — старший партнер крупной лондонской финансовой компании Hartman and Royce Equity Investments. Он распорядился счетом, с которого мне были выплачены деньги, которые я, в свою очередь, использовал для выплаты вам».

— Вы уверены?

— Ты хорош в том, что делаешь. Я тоже.'

Она была хороша — Виктор достаточно знал о ней, чтобы понимать это. Он верил, что она точно знает, о чем говорит. Виктор полез в пальто за сигаретами и спичками.

— Не могли бы вы сделать это? — спросил брокер.

Он посмотрел вверх. 'Прости?'

— Не курите, пожалуйста?

Он немного поколебался, затем положил пакет обратно. — Я все равно пытаюсь бросить.

— Тебе от этого станет лучше.

— Пока нет.

Она коротко улыбнулась, прежде чем вернуться к делу. «Но Сейф — это всего лишь ступенька», — сказала она. — Он посредник, не более того. Канал для денег, чтобы обеспечить дополнительный уровень защиты для тех, кто за этим стоит. Мы должны знать, кто

владеет счетом, который заплатил мне, или мы потерпели неудачу, прежде чем мы действительно начали. Она сделала паузу, чтобы восстановить дыхание, и продолжила через мгновение. — А для этого мне нужен доступ к его файлам.

«Можете ли вы выйти за пределы линии?»

«Команда агентства по криптографии и суперкомпьютер помогут».

'Дело принято.'

«Перевод был осуществлен в электронном виде. Я предполагаю, что это какая-то подставная компания или подставная корпорация. Сеиф запишет это. На жестком диске будет имя. Это все, что мне нужно.'

— Почему бы просто не поговорить с Сеифом?

«Я был бы поражен, если бы он знал, откуда на самом деле взялись деньги, и еще больше был бы поражен, если бы он знал, куда они ушли после того, как покинули его руки. А если бы и знал, то не сказал бы нам.

«Я могу быть очень убедительным».

Она смотрела в его темные глаза. — Нам не нужно туда идти.

— Ты хочешь сказать, что не хочешь туда идти?

«Правильно, я не знаю. В любом случае это было бы слишком сложно. Нам придется схватить его, что не может быть легко. И он мог соврать, направить нас не в ту сторону. У нас нет на это времени. Конечно, получить его файлы будет проще.

Виктор кивнул после нескольких секунд раздумий. — Тогда мы проникнем в его фирму.

«Если это жизнеспособно, но мы спешим, так что, надеюсь, нам это не понадобится. У него обязательно должен быть ноутбук или КПК с информацией о клиенте. Мне не нужно многого, чтобы найти зацепку.

— Сколько времени у нас есть, чтобы это сделать?

— Они могут нацелиться на Сейфа в рамках зачистки, поэтому мы должны добраться до него раньше, чем они. Мой контроль был мертв через несколько дней после того, как эта операция пошла не так. Я не знаю, сколько еще людей вовлечено, но мы должны предположить, что не так много. Так что, если мы не сможем получить файлы Сейфа к завтрашнему дню, то это должно произойти не позднее следующего дня.

— Это ненадолго.

— Я ничего не могу с этим поделать.

Челюсть Виктора дрогнула. Это было утверждение, а не критика. Не в его характере было жаловаться. «С такими короткими временными рамками я никак не могу забрать у него компьютер без его ведома».

Брокер кивнул, неохотно соглашаясь с подтекстом.

— Нам нужна встреча в фирме Сейфа на завтра, — сказал Виктор. — Плюс его домашний адрес и вся необходимая информация, которую мы можем о нем найти.

— Я встречаюсь с одним из его помощников завтра в половине второго.

'Это было быстро.'

Он уловил след гордой улыбки, прежде чем она сказала: — Не могу сказать, что я с нетерпением жду этого. У меня проблема с плохими зубами.

«Это просто стереотип, который американцы любят увековечивать. В Британии зубы не хуже, чем где бы то ни было.

Она покачала головой. «Черт возьми».

'Извините меня?'

— Я думал, ты где-то там сказал «мы».

— Почему я должен это говорить?

— Не обязательно, но если бы он был, я бы сказал, откуда ты.

— Вы думаете, я британец?

Она покачала головой. — Или ты мог бы сказать это вместо «американцы».

— Значит, я американец?

«Ты говоришь так, как будто ты из Соединенных Штатов, иногда как британец, а иногда и из трансатлантического региона. Однако твой акцент постоянно меняется, так что я понятия не имею.

«Я много передвигаюсь».

'Я полагал. Но когда мы разговаривали по телефону, я уверен, что уловил восточноевропейский акцент в твоём английском. Но когда мы встретились, мне показалось, что я слышу немного французского. Я предполагаю, что ваш акцент отражает страну, в которой вы сейчас находитесь.

«Очень наблюдателен».

Она улыбнулась, застенчиво, но в то же время гордо. «Поэтому я решил проверить тебя, посмотреть, не поскользнёшься ли ты и не выдашь ли это».

Ему нравилась её хитрость. 'Повезет в следующий раз.'

«Спасибо, я позабочусь о том, чтобы быть более тонким».

— Тебе придется быть.

Она все еще улыбалась, как будто это были обычные люди, разговаривающие друг с другом, мужчина и женщина, знакомящиеся друг с другом, легко болтающие. Он напомнил себе, что это опасный образ действий. Были веские причины, по которым в его жизни никого не было. Сейчас было не время терять бдительность.

Он заметил, что выражение ее лица изменилось. Она уставилась на него.

'Что?' — спросил он в конце концов.

— Я не поблагодарил тебя за то, что было раньше. В моей квартире.

— Вам не нужно меня благодарить.

'Вы спасли меня. Если не моя жизнь, моя...

Его голос был жестким. — Нам не нужно это обсуждать.

Лицо брокера изменилось. Похоже, он задел ее чувства. Виктор сказал себе, что ему все равно, почему.

Минуту никто не говорил. Брокер снова полез в сумку и достал файл. Она передала его Виктору, не глядя на него.

— Досье Сеифа, — объяснила она. 'Мне жаль; это все, что я смог получить за это время».

Напильник был толщиной в четверть дюйма. Всего за два дня она сделала очень много. Он пролистал, удивленный. Впечатленный.

'Так сойдет.'

ГЛАВА 52

Фолс-Черч, Вирджиния, США

понедельник

16:54 по восточному поясному времени

Сайкс выбрался из своего «линкольна» и с удовольствием хлопнул дверью. Он прищурился от низкого послеполуденного солнца, направил брелок на машину и увидел, как два раза мигнули индикаторы. Вряд ли это было необходимо. Преступность в этом правительстве и в той части штата, где преобладает ЦРУ, практически отсутствовала, хотя за рекой она свирепствовала, но Сайкс был осторожным человеком. Он просто пожалел, что не был осторожнее, когда Фергюсон сказал ему эти бессмертные слова: «Как бы ты хотел разбогатеть?»

Да был ответ, черт возьми, да. Сайкс был на нескольких последних нулях своего трастового фонда, и ему не очень нравилась мысль о том, что ему придется понизить свой образ жизни. Но это было тогда; теперь Сайкс был бы счастлив, если бы ему удалось избежать тюрьмы. Это должно было быть просто. Отставной

российский морской офицер продавал ЦРУ информацию о местонахождении некоторых чрезвычайно ценных ракет. Убейте его и украдите информацию. Убейте убийцу, чтобы остальная часть ЦРУ не узнала, кто его нанял. Восстанавливайте ракеты и продавайте их на черном рынке. На бумаге это звучало легко, но все, что могло пойти не так, пошло не так.

Охота на убийцу по всей Европе, в то же время пытаюсь не быть пойманным собственной организацией, не было тем, на что подписывался Сайкс, и уж точно не тем, ради чего он продал свою честь. Фергюсон, старый бесстрашный ублюдок, почти не вспотел. Для него это была всего лишь еще одна грязная операция за всю жизнь грязных операций. Фергюсон, возможно, много раз проделывал подобное незаконное дерьмо, но Сайкс был настолько зелен, насколько это возможно.

Воздух был неподвижен, но холоден. Он чувствовал, как его внутренности прыгают повсюду. Это говорило о том, что его желудок еще не взорвался. Всю последнюю неделю он не осмеливался выйти из дома без кармана, набитого антацидами.

В конце дороги стоял красивый колониальный особняк Фергюсона площадью три тысячи квадратных футов. Дом располагался на четырех краях леса и находился в безупречном состоянии. Сайкс тяжело вздохнул, приближаясь. Если вчера все было плохо, то сегодня они были в отчаянии.

Фергюсон открыл дверь. Он был небрежно одет в рубашку поло и брюки и не выглядел довольным тем, что его прервали с бутербродом. Сайкс не мог вспомнить последний раз, когда ему удавалось поесть, который не сыграл убийственную роль с его внутренностями. Платком с монограммой Фергюсон вытер уголки рта, пока заканчивал жевать.

— Я полагал, что вы захотите узнать об этом прямо сейчас, — сказал Сайкс.

— Звучит явно зловеще, мистер Сайкс.

Сайкс переместил свой вес. Он говорил по факту. «Тессеракт вернулся в Париж. Он встретился с девушкой Самнер. Была перестрелка. Они оба ушли.

Последовала мучительно долгая пауза, прежде чем Фергюсон заговорил. Его голос был слишком спокоен, и у Сайкса по спине побежали мурашки. — Вам лучше войти.

Сайкс последовал за Фергюсоном в коридор. Он впервые оказался в доме ветерана-офицера ЦРУ. По какой-то причине Сайкс ожидал, что внутри будет холодно, но вместо этого оказалось почти неприятно тепло. Сайкс расстегнул куртку своего голубовато-серого костюма и позволил ей расстегнуться.

Дом Фергюсона был скудно украшен. Место чистого парня. Он был в разводе по меньшей мере десять лет, и, насколько Сайкс знал, у него не было какого-то жесткого любовного интереса. Он заметил клюшки для гольфа возле двери.

— Что, черт возьми, происходит? — спросил Фергюсон, когда дверь закрылась.

Тогда никакой прелюдии, сразу к изнасилованию задницы.

— Именно так, как я сказал. Тессеракт был замечен в Париже. Я не уверен, как именно в данный момент. Сайкс прочистил горло. «Он пошел в квартиру Самнера. Очевидно, у нас никого не было на нее после того, как вы заставили меня перенаправить Рида на Хойта.

Сайкс был рад возможности снять с себя вину так рано в разговоре.

Фергюсон некоторое время молчал. 'Тогда что?'

«Французская полиция пыталась его задержать. Излишне говорить, что это не сработало.

Фергюсон какое-то время взвешивал ответ. «Я только что провел день, преподавая директору национальной разведки урок искусства сдачи, и это несколько испортило мне хорошее настроение». Фергюсон провел рукой по волосам. Он был таким густым, что Сайкс думал, что это парик. Судя по количеству волос, которые Сайкс обнаруживал каждое утро в душе, он ожидал, что к тому времени, когда он достигнет возраста Фергюсона, он станет лысым, как ощипанный цыпленок.

«Это тот тип осложнений, без которых мы могли бы обойтись».

— Мы все еще в безопасности, — предположил Сайкс, скорее для собственного беспокойства, чем для Фергюсона.

Старик хмыкнул. — Спасибо за это маленькое заверение. Я предполагаю, что у нас есть еще трупы.

Сайкс кивнул. «Он убил троих, еще двое находятся в больнице. Я не знаю, выживут ли они.

«Что знают Лягушки?»

— Насколько я знаю, они ничего не знают. Они не знают, почему Тессеракт был в Париже и кем была эта девушка. Квартира не ее, а та, что в Марселе, была арендована под вымышленным именем, поэтому они не смогут связать ее с агентством. Обложка у нее хорошая. Он должен держаться.

— Будем надеяться, — сказал Фергюсон.

Они стояли, не разговаривая, казалось, долгое время. Сайкс почти видел, как в голове Фергюсона вращаются колеса. Когда он больше не мог выносить тишину, Сайкс сказал: «Я не понимаю, как Тессеракт выследил ее».

— Вы слышали что-нибудь о том, что полиция нашла ее тело?

'Нет.'

— Тогда подумайте еще раз.

Сайкс не мог усидеть на месте. Его кулаки были сжаты по бокам, костяшки пальцев побелели. — Я не понимаю.

— Он ее не нашел, — сказал Фергюсон.

Сайкс был так же сбит с толку, как и выглядел. 'Что?'

Фергюсон объяснил это ему. — Либо он связался с ней первым, либо, возможно, она связалась с ним, но это не имеет значения. Важно то, что она поняла, что стала мишенью, поэтому согласилась встретиться с ним.

'Но почему? И как она узнала до того, как Рид добрался до нее?

— Потому что она умная. Скажи мне, если я ошибаюсь, но именно поэтому мы использовали ее.

'Да, но...'

— Может быть, она умнее, чем мы думали. Возможно, Кеннард ошибся и раскрыл свою личность, поэтому, когда он умер, она сложила два и два. Или любой из них мог стать подозрительным и намеренно нарушить протокол. Кто знает?'

— Думаю, в этом есть смысл.

«Итак, — продолжил Фергюсон, — она бежит в квартиру своего кузена в Париже, не подозревая, что мы об этом знаем. Она напугана; она не знает, что делать; ей больше некуда обратиться, и поэтому она обращается за помощью к Тессеракту. Может, предложить ему рассказать, что она знает, если он отвезет ее. Либо он в отчаянии и соглашается, либо идет туда, чтобы убить ее, и передумает, и они решают работать вместе. Она знает больше, он более способный, поэтому каждый может помочь другому. Я бы сказал, что это довольно проницательный образ действий.

Сайкс сильно нахмурился. В последнее время он сильно хмурился. 'Так что же мы будем делать?'

— Мы сидим и ждем, — сказал Фергюсон с раздражающим спокойствием. — Либо Тессеракт убьет ее из предосторожности, либо просто из мести, когда она перестанет быть полезной. Это решит хотя бы одну маленькую проблему. Тогда Тессеракт исчезнет вместе с флешкой, и мы больше никогда о нем не услышим. Мы не получим ракеты и не разбогатеем, но сохраним свободу. Учитывая все, что произошло до сих пор, я считаю это победой».

'Или?'

Фергюсон вышел из холла на просторную кухню. Сайкс последовал за ним.

'Напиток?' — спросил Фергюсон.

— Я выпью пива, — ответил Сайкс после секундного раздумья.

Густые брови Фергюсона сдвинулись ближе. «Я думал больше о соке или воде».

— Тогда я пропущу.

— Как хочешь, — сказал Фергюсон. Он открыл холодильник и достал пакет грейпфрутового сока. Он налил себе высокий стакан. — Или, — продолжил он наконец, — они свяжутся с нами и попытаются заключить сделку. Я думаю, что это более вероятно. Они предоставят нам информацию, если мы оставим их в покое.

Сайкс тяжело выдохнул. 'Хорошо. А если они это сделают, будем ли мы?

Фергюсон выглядел потрясенным. — Конечно нет, идиот. Где твоя голова? Нет, мы не оставим их в покое. Если мы сделаем это правильно, мы сможем манипулировать их сближением, чтобы дать нам возможность вывести их обоих и получить диск за один раз. Мы получаем эти ракеты и выходим чистыми.

— Ты действительно думаешь, что мы все еще можем повернуть это со всем, что произошло?

Фергюсон уставился на него с чем-то близким к отвращению. — Я выбрался из более глубоких дыр, чем эта, мистер Сайкс, и все еще умудряюсь пахнуть розами.

— А как насчет Альвареса?

Старый сотрудник ЦРУ вздохнул, как будто весь этот разговор начал ему надоедать. «Альварес — не более чем бойскаут. Я никогда не думал о нем особенно высоко. Все, что он делает, это идет по пути наименьшего сопротивления. Послушайте, то, что только что произошло, в каком-то смысле даже хорошо для нас. Это даст идиотам в отделе еще немного диких гусей, которых нужно преследовать. И все это время их уводят все дальше и дальше от нас. Если бы у Проктера, Чемберса и Альвареса были мозги, они бы искали, как кто-то вообще мог узнать об Озолсе. Вместо этого они пытаются сделать все

наоборот. Так они никогда никуда не доберутся. Так что сохраняйте хладнокровие, и скоро все это закончится. И, если повезет, когда это произойдет, нас обоих будут ждать десятки миллионов долларов на пронумерованных счетах. Я так понимаю, ты все еще хочешь быть богатым? Я знаю, что.'

Сайкс кивнул, соглашаясь. — Я тут подумал, — сказал он, — это почти позор, что мы должны убить Тессеракт. Я имею в виду, тот факт, что он зашел так далеко, показывает, насколько он хорош. Мы действительно могли бы использовать его в нашей команде, не так ли? Он станет отличным активом. Может быть, мы могли бы привлечь его на нашу сторону.

— Я забуду, что ты это сказал.

Сайкс проглотил высохшее ничто из горла. 'Прости.'

Фергюсон уставился на него. — Разве я вас ничему не научил, мистер Сайкс? Никогда не извиняйся. Всегда. В худшем — это признание вины, в лучшем — просто выставление себя долбаным болваном.

ГЛАВА 53

Лондон, Великобритания

вторник

13:56 по центральноевропейскому времени

Ребекка сидела на удобном кожаном диване в приемной «Хартман энд Ройс Эквити Инвестментс», немного нервничая, но уверенная, что эти нервы не выказываются. Компания Сейфа располагалась на девятнадцатом этаже потрясающей башни Кэнэри-Уорф — пятидесяти этажей из стекла и стали, возвышавшихся над остальной частью лондонского горизонта. Вид был ошеломляющим. Ребекка сконцентрировалась на мерцающем потоке воды, исходящей от умиротворяющего фонтана у стойки регистрации, и позволила гипнотическому отражению света расслабиться.

Стук каблучков заставил Ребекку повернуть голову. К ней подошла секретарша Мелани, сногсшибательная брюнетка с восхитительно дружелюбными манерами и телосложением порнозвезды, втиснутым в лестную тонкую полоску. Мелани вежливо поприветствовала Ребекку, широко улыбаясь и практикуя светскую беседу, настаивая на том, чтобы приготовить ей кофе, пока она ждет. Ребекке было очень трудно сказать ей «нет».

Мелани предложила эспresso в маленькой фарфоровой чашечке с блюдцем. Ребекка взяла его и не удивилась, обнаружив, что Мелани приготовила убийственный эспresso. Крепкий, с легкой горчинкой. Ребекка не могла припомнить лучшего.

«Это фантастика, спасибо».

'Не за что.' Блестящие губы Мелани сложились в улыбку. — Что-нибудь еще, что вы хотите, просто дайте мне знать.

Пока Мелани шла обратно к своему столу, щелкая туфлями на шпильках и походкой с определенной напыщенностью, Ребекка

задавалась вопросом, не было ли в предложении чего-то большего, чем очевидное. Нет, не может быть.

— Она кажется дружелюбной, — сказал голос в ее ухе.

Ребекка поднесла ко рту чашку с эспрессо. 'Очень.'

— Я думаю, ты ей нравишься.

— Ты ревнуешь?

Она сделала глоток, пока ждала его ответа.

'Которого?' — спросил он через мгновение.

— Ничего, это была шутка.

— Я не понимаю.

Она вздохнула. 'Не бери в голову.'

— Не лади с ней слишком хорошо. Мы хотим, чтобы она забыла вас, как только вы выйдете за дверь.

'Понятно.'

Ребекка потягивала эспрессо, наблюдая, как партнеры и сотрудники выходят из лифта после продолжительного обеда. Никто

не удостоил Ребекку второго взгляда, пока они проходили через стойку регистрации, иногда останавливаясь, чтобы перекинуться парой слов с Мелани. Ребекка была просто еще одним клиентом или посетителем. Одно из десятков новых лиц, которые должны появляться каждый день. Не было нужды маскироваться.

Его голос снова раздался в наушнике Ребекки. — По-прежнему никаких признаков его.

— Хорошо, — сказала Ребекка, не шевеля губами.

Он был снаружи, ожидая возвращения Сеифа. Он находился в этом районе с самого утра, ведя наблюдение, наблюдая, как Сейф прибывает и уходит на обед. Они уехали из Парижа посреди ночи. Тессеракт украл машину и отвез их в Кале, где паром переправил их через Ла-Манш. Поезд привез их в Лондон. Она спала во время путешествия.

Они путешествовали как пара, хотя ее компаньон не очень хорошо с этим справился. Ребекка могла сказать, что он привык действовать в одиночку и имел ограниченный личный опыт. Ей было лучше, когда она помогала ему подтягиваться, но она могла сказать, что ему не нравился связанный с этим физический контакт. Она ожидала, что он не привык к тому, что к нему прикасаются люди, кроме тех, кому он должен платить. Он изо всех сил старался не показывать своего беспокойства, и Ребекка изо всех сил старалась не показывать, что заметила это.

Он тоже не доверял ей, это было очевидно, даже если она показала себя союзником, и трудно быть убедительной парой, когда один партнер постоянно высматривает признаки измены. Что ж, возможно, поиск признаков предательства был частью отношений, но Ребекка представляла себе, что большинство мужчин больше

беспокоятся об измене своих партнеров, чем об организации их смерти. К счастью, ситуация была временной. Ребекке тоже не очень нравилась его компания.

Было ясно, что ему тоже не нравилось все, что он делал, даже если он прямо не говорил об этом. Все его действия были под контролем, и она знала, что он обычно делал все возможное, чтобы избежать спешки с работой. Он предпочитал тщательно планировать свои действия, как оператор, который давным-давно понял, что чем больше времени он проводит за чертежной доской, тем меньше сюрпризов в поле. Теперь ему приходилось оперировать половиной фактов за четверть времени.

Его голос снова раздался в наушнике. — Ладно, сейчас он идет через вестибюль.

'Попался.'

Два двадцать вечера, и двери лифта открылись. Из него вышел крупный мужчина в облегающем темно-синем костюме. У него было квадратное лицо и приплюснутый, смещенный от центра нос, наследие потасовочной жизни. У него было серьезное выражение лица, которое соответствовало его очень серьезному телосложению. Ребекка заметила, что под левым рукавом костюма у него был пистолет. В Британии он не сможет носить его легально, будь он телохранителем или нет. Ту ту.

За ним шел мужчина, которого она сразу узнала в Эллиоте Сейфе. Он был невысоким и худым и выглядел точно так же, как на фотографии с веб-сайта. Его кожа была сильно морщинистой и выглядела так, как будто он не видел много солнца. То, что осталось от его волос, было зачесано набок. У него был черный кожаный чехол для ноутбука.

После Сейфа появился второй телохранитель, такого же роста и одетый, как и первый. Сейф вел себя так, как будто их там не было, просто болтая по мобильному. Телохранители шли в его темпе, останавливаясь, когда он останавливался, чтобы обменяться несколькими словами с администратором, прижимая телефон к груди и с обожанием глядя на нее. Мелани бесстыдно флиртовала с ним.

Ребекка чувствовала, как взгляды телохранителей быстро скользят по ней, но продолжала читать последний номер National Geographic, как будто даже не знала, что они там были. Статья о характере миграции морских слонов была увлекательной, хотя и несколько снисходительной.

Оставив Мелани притворно смеяться, Сейф продолжил свой путь между своими телохранителями. Иметь не одного, а двух личных телохранителей было настоящим заявлением. Сейф, очевидно, чувствовал сильную потребность защитить себя, или, возможно, они были здесь больше для галочки. Ребекка подумала, что они, вероятно, произвели хорошее впечатление на некоторых менее желанных клиентов, у которых, несомненно, были телохранители.

Как только они ушли, она встала и повернулась к портье.

'Туалет?'

Мелани указала в направлении, в котором ушел Сейф. Это был единственный коридор. — Сюда, третья дверь слева — она помечена.

Ребекка улыбнулась. 'Спасибо.'

Она шла быстрыми широкими шагами по коридору, достигнув угла как раз вовремя, чтобы увидеть, как Сейф и его телохранители входят в последний кабинет в конце коридора. Второй телохранитель занял позицию за дверью, приняв удобную позу, слегка расставив ноги, сцепив руки перед собой.

Она вообразила, что, пока Сейф находится в своем кабинете, за дверью всегда будет стоять телохранитель. Он посмотрел в сторону Ребекки, но она уже направлялась в туалет.

Вернувшись в фойе, Мелани привлекла ее внимание.

— Мисс Освальд, — начала она с серьезным видом, — мне только что звонил мистер Брайс. Боюсь, его неизбежно задержали, и сегодня он не вернется. Он приносит извинения за неудобства.

Ребекка выглядела разочарованной. 'Это позор.'

— Мистер Брайс интересуется, сможете ли вы перенести встречу на более поздний срок на этой неделе.

«Я лечу обратно в Нью-Йорк завтра, так что это невозможно». Она на секунду замолчала, делая вид, что думает. «Но когда я буду здесь в следующем месяце, я обязательно запишусь на другую встречу».

Мелани кивнула. — Хорошо, я дам знать мистеру Брайсу.

'До свидания.'

— До свидания, мисс Освальд.

Ребекка заметила, как изменилось выражение ее лица, когда Мелани перешла из режима администратора в свое настоящее «я». — И, может быть, когда ты будешь здесь в следующий раз, я смогу показать тебе город. Есть несколько фантастических достопримечательностей.

Ребекка кивнула, медленно, неловко. 'Я могу представить.'

Она направилась к месту встречи, бару/кафе рядом с площадью возле здания Сейфа. Снаружи стояла дюжина столиков и, вероятно, еще дюжина между стеклянными окнами, служившими витриной. Все столы, казалось, были заняты, мужчины в костюмах, женщины в костюмах, странная небрежно одетая особа выглядела сурово неуместной и чувствовала это.

Она попыталась заметить его, когда подошла, и даже стояние снаружи не помогло. Он специально сказал, что будет на столике перед входом. На какое-то долгое ужасное мгновение она подумала, что они добрались до него, и отчаянно огляделась, уверенная, что она будет следующей. Но вместо этого она увидела, как он потягивает эспрессо с открытой рядом с чашкой какой-то лондонской газеты. Он не видел ее; его внимание было сосредоточено исключительно на газете, и она была рада, что он не заметил ее паники. Она не позвала и не помахала рукой, чтобы привлечь его внимание, но какое-то время стояла, наблюдая за ним, наслаждаясь редким чувством тайного наблюдения за ним.

Он перевернул страницу, сделал глоток кофе. Она была удивлена, обнаружив, что он выглядит таким нормальным, сидя наедине со своей

газетой, ничем не отличаясь от окружавших его городских рабочих. В солнечном свете он был даже красив.

Ребекка напомнила себе, что он буквально полная противоположность нормальному, и пробралась между плотно набитыми столами и людьми. Она села напротив него. Ее ждал дымящийся эспрессо.

— Почему ты так на меня смотрел? — спросил он, не поднимая глаз.

— Ой, простите. Я не хотел. Просто я не сразу тебя увидел.

— Если бы вы это сделали, мне бы пришлось подумать о смене профессии.

Она не была уверена, была ли это шутка или он был серьезен. Он поднял голову, чтобы посмотреть на нее. Выражение его лица ничего не выражало. Этого никогда не было. Он был настолько близок к неодушевленному, насколько, по ее мнению, может быть человек.

«Сейф берет с собой свой компьютер, чтобы пообедать с ним, — сказала она.

«Тогда он возьмет его с собой повсюду».

Ребекка сказала: «Думаю, вы можете исключить офис как ударную точку».

'Разрабатывать.'

«Там много сотрудников, а один из его телохранителей стоит у дверей его кабинета и не собирается пропускать вас в спешке. Я уверен, что вы могли бы пробиться, но если кто-то еще войдет в коридор, что весьма вероятно, они увидят двести с лишним фунтов тупоголового, сгорбившегося на полу.

— Я бы так не поступил, но мой путь не будет легким. Один и тот же телохранитель не будет находиться там весь день. Скука заставит его потерять концентрацию. Они будут меняться, наверное, раз в пару часов. Если они умны, то эти времена будут казаться нерегулярными и меняться ежедневно. Нет никакого способа предвидеть смену. Как телохранители Сейфа вели себя в офисе?

«Бдительный, бдительный, даже с горячей секретаршей, на которую можно смотреть».

Он кивнул. «Они, очевидно, обратили внимание во время занятий по защите на опасность самоуспокоенности в знакомой обстановке. Если они не подвели бдительность в офисе, то не подведут нигде».

— Значит, они хороши.

Он пожал плечами. — Они хорошие и плохие. Большие и страшные отлично подходят для того, чтобы проталкиваться сквозь толпу, но делают их громоздкими и медленными, но, хотя они выглядят как тупые обезьяны, они вооружены и очень наблюдательны. Сейф нанял их не просто так.

— Вы видели, что они везут?

Он кивнул, не показывая ни удивления, ни тревоги, ничего.

— Пистолеты? спросила она.

— Да, — ответил он. — Что у них было под плащами?

«Костюмы». Она улыбнулась. «Ты ищешь советы по моде?»

— Какая посадка?

«Вы ищете модные советы».

«Свободно, туго, что?»

«Достаточно тугие, чтобы их нужно было починить, если они согнутся слишком быстро».

Он кивнул.

'Это хорошо?' — спросила Ребекка.

— Это может помочь.

— Слушай, я действительно думаю, что это плохая идея. Если бы это был просто Сейф, все было бы иначе, но эти два парня меняют все. Они как ястребы, большие злобные ястребы с ружьями. Вы не приблизитесь к нему, пока они вас не заставят.

«Если Сеиф станет мишенью зачистки, мне придется воспользоваться любой возможностью, которая мне встретится. У Сеифа есть квартира в Лондоне, а также особняк в Суррее, верно?»

'Правильно. Нам придется расстаться, — сказала она. — Я осмотрю его квартиру, ты — его дом. Если он появится в квартире, я могу позвонить тебе. В любом случае, вы можете избежать телохранителей. Спрячь это.

— А как твои навыки взлома и проникновения?

Она вздохнула. «Хорошо, хорошая мысль. Но что мы будем делать сейчас? Мы не ожидали, что у него будет двое вооруженных охранников.

Она сделала глоток эспрессо. Это не подходило для Мелани.

Человек, которого она знала только как Тессеракта, сказал: «Когда вы закончите это, я хочу, чтобы вы немного подождали и сделали себе большой капучино или что-нибудь, что вы могли бы пить медленно, пока вы на страже. Дай мне знать, как только увидишь, как он уходит. Если он это сделает, позвоните в его офис и попросите поговорить с ним. Они должны сказать тебе, вернется он или нет. Если нет, попытайтесь проследить за ним, но лучше вы его потеряете, чем вас увидит один из его телохранителей.

— Хорошо, но куда ты идешь?

— Я возьму пистолет.

— У вас есть доступ к одному из них в Лондоне?

Он посмотрел на нее. 'Это вопрос?'

— Я знала, где вы живете, не более того, — сказала она. 'Если это то, что вы имеете в виду.'

'Это.'

— Другое дело, делает ли это кто-нибудь еще.

— Телохранители Сеифа вооружены, так что я должен рискнуть.

— По-прежнему двое против одного.

Выражение его лица не изменилось. «Плохие шансы для них».

— Что именно вы планируете?

— Мы не знаем, будет ли он позже в доме или в квартире, и, как вы сказали, его кабинета нет. Остается один вариант.

'Который?'

«Я должен добраться до него где-то между всеми тремя».

ГЛАВА 54

Центральное разведывательное управление, Вирджиния, США

вторник

08:17 по восточному поясному времени

Проктер шел немного быстрее обычного, что для парня его комплекции и возраста было нелегким делом. Он опоздал на утренний брифинг, и его первоочередной задачей было усадить свою толстую задницу в одно из тощих кресел агентства на три минуты позже, чем на четыре. Он вошел в лифт и поднялся на верхний этаж. Он кивал и ворчал приветствия коллегам, шагая по коридорам. Когда он толкнул тяжелую звуконепроницаемую дверь в комнату для совещаний, три пары глаз посмотрели на него.

«Извините, что опоздал. Патрисия не спала полночи, свесив голову над унитазом и выглядя как статистка из зомби-фильма. Я застрял со школьной беготней.

Чемберс улыбнулся и одарил его взглядом, говорящим, что проблем нет. На этот раз она выглядела немного грубой по краям. Фергюсон и Сайкс сидели вместе на противоположной стороне стола для совещаний и выглядели так, словно состояли в своем частном мальчишеском клубе. Проктер выдвинул стул между двумя лагерями.

Перед тем, как Альварес начал свой отчет, последовала небрежная светская беседа.

«Прошлой ночью по парижскому времени агенты контртеррористического подразделения французской полиции попытались, но безуспешно, задержать подозреваемого мужчину, который, по их мнению, убил Андриша Озолса и еще семерых иностранцев неделю назад. Во время покушения завязалась перестрелка, в результате которой несколько полицейских погибли, а остальные остались в больнице».

— Насколько мы уверены, что этот подозреваемый — убийца Озолса? — спросил Чемберс.

— Французы определенно так думают. Насколько я понимаю, агент DGSE в Шарль-де-Голль по другому делу опознал человека, когда он проходил паспортный контроль. За ним была установлена непосредственная слежка, пока он не покинул аэропорт, когда сел в такси, после чего за ним по городу следовал полицейский вертолет. Сомневаюсь, что они знали наверняка, когда его впервые заметили у де Голля, но они бы не пытались его снять, если бы не были уверены. И тот факт, что он выстрелил из рейда, определенно соответствует МО нашего парня. Я думаю, что не может быть никаких сомнений.

Проктер спросил: «Что он делал в Париже?»

— Это еще предстоит установить, — ответил Альварес. «Но его видели входящим в квартиру, которую занимала женщина. Именно там команда рейда попыталась взять обоих под стражу. На данный момент неясно, как именно им удалось сбежать».

— Не думаю, что это имеет большое значение, — пробормотал Фергюсон.

«На данный момент эти детали не являются самым важным моментом, — сказал Чемберс. — Я хочу знать, кто эта женщина?»

— Французы утверждают, что она — неизвестная парижанка и не более того, — ответил Альварес. — Но они знают намного больше, чем говорят нам. Они знают, что мы не совсем откровенны по поводу Озолов, поэтому, пока мы не вступим в небольшую услугу за услугу, я думаю, что мы уже достигли предела того, что они нам скажут.

«Властям до сих пор удавалось держать прессу в страхе, так что таким образом у нас нет информации, но вторая крупная стрельба за неделю с небольшим — это серьезное событие в этой части мира. Более подробная информация может появиться в новостях. Однако нам повезло, и АНБ заполучило несколько полезных перехватов. По данным французской секретной службы, она американка.

Проктер, который смотрел в окно, выпрямился на своем месте. 'Американец?'

«Ее зовут Рэйчел Суонсон, но DGSE считает, что это псевдоним».

— Что еще мы знаем о ней? — спросил Чемберс.

— Пока это все.

Сайкс спросил: «У нас есть что-нибудь, что указывает на то, почему он встречался с ней?»

— Вот в чем вопрос, — сказал Альварес. «Может быть, она его любовница или просто друг, но я думаю, что деловой партнер более

вероятен».

'Работодатель?' — спросил Проктер.

— Это возможно.

Чемберс жестом указал Проктеру: «Я хочу знать все, что можно знать о мисс Суонсон, под псевдонимом или нет».

Проктер кивнул.

«В свете этого события, связанного со Суонсоном, — сказал Альварес, — я думаю, нам следует проверить бывших и нынешних сотрудников ЦРУ».

Брови Чемберса поднялись.

'Извините меня?'

— Что-то меня уже давно беспокоит, — начал Альварес. «Мы предположили, что другой потенциальный покупатель ракет или русские убили Озола. Но мы не можем отрицать, что это кто-то в наших собственных стенах.

«Я уже поговорил с директором, чтобы убедиться, что это не мы заключили контракт с Озолсом, — сказал Чемберс.

— Я бы копал в любом случае. Кто-то может действовать не по правилам. Раньше не было причин предполагать, что это так».

— А что теперь говорит об обратном? — спросил Проктер.

'Предчувствие.'

'Предчувствие?'

— Моя догадка, если быть точнее. Себастьян Хойт мертв.

Чемберс наклонился вперед. — Повтори.

— Хойт, если кто-то забыл, заплатил американскому киллеру Стивенсону тот портфель, полный наличными, чтобы тот убил убийцу Озолса. Он умер от сердечного приступа в воскресенье вечером, когда лежал в ванне. Согласно вскрытию, нет никаких признаков того, что его смерть была чем-то иным, кроме естественного, но это чертовски удобное совпадение для того, на кого Хойт работал.

Проктер не мог не согласиться. 'Я скажу.'

— Скорее всего, Хойта убили просто из предосторожности, но момент, когда это произошло сразу после того, как мы узнали о его роли во всем этом, вызывает у меня подозрения.

Фергюсон покачал головой. — Едва ли достаточно причин думать, что у нас есть крот.

— Я не говорю, что у нас есть крот — может, утечка, а может, мошенническая операция у нас под носом.

— Хорошо, — сказал Чемберс. — Нет ничего плохого в том, чтобы попытаться выяснить, связан ли этот Суонсон с нами или был ли он связан с нами. Я разрешаю полный доступ к нашим кадровым записям, спискам активов и так далее.

— И могу ли я предложить, чтобы любая найденная информация не распространялась дальше людей в этой комнате?

'Конечно.'

Сайкс старался не ерзать на стуле.

ГЛАВА 55

Лондон, Великобритания

вторник

16:46 по центральноевропейскому времени

Снаружи уже темнело, когда Эллиот Сейф и его телохранители добрались до гаража под зданием. Его место было в зоне, отведенной для элиты здания, и в ярком белом свете флуоресцентных ламп было лишь несколько автомобилей.

Сейф придет домой поздно вечером. Работа редко задерживала его вне графика, но его последняя любовница — очень юная и очень

юная Изабелла — часто заставляла его пропускать ужин с женой. После многих лет серийных адюльтеров он был так же осторожен, как всегда, но, хотя Сеиф мог лгать и вводить в заблуждение с лучшими из них в зале заседаний, он был совершенно неубедительным, когда лгал своей жене. Он знал это; она это знала; но они оба притворялись иначе.

В воздухе висел запах выхлопных газов. На прошлой неделе были некоторые проблемы с вентиляцией, и они до сих пор не устранены. Сеиф жаловался несколько раз. Это портило его астму, и ему требовалась каждая унция выносливости, которую могло собрать его стареющее тело, чтобы не отставать от юношеской ненасытности Изабеллы.

Он знал, что она принадлежала ему только из-за бесконечного потока дорогих подарков, которые он щедро осыпал ее, но Сейфу было все равно. Он прекрасно понимал, что его хрупкое тело и морщинистое лицо не обладают обаянием, но определенная порода женщин находила его бумажник непреодолимо эротичным. Деньги, как он уже давно обнаружил, являются афродизиаком номер один в мире. Он считал совершенно справедливым, что Изабелла желала его только из-за его денег, а он желал ее исключительно из-за ее подтянутого молодого тела. Помимо всего прочего, Сеиф умел заключать сделки и считал, что у них очень хорошая договоренность.

Эхо тяжелых шагов нарушило тишину, когда телохранители вышли из лифта. Они выбрали самый прямой путь через бетонное пространство: один телохранитель шел впереди Сейфа и справа, другой сзади и слева. При нормальных обстоятельствах они могли доставить Сейфа от лифта к машине менее чем за сорок пять секунд. Сеиф никогда не ходил быстро.

Его телохранители были начеку. Подземный гараж был опасным местом, но они хорошо это знали. Их взгляд постоянно перемещался

между потенциальными укрытиями, где кто-то мог прятаться. Тот факт, что они проделали одно и то же тысячу раз без происшествий, не означает, что они когда-либо успокаивались.

Любое лицо или транспортное средство, которые они не узнали в этом районе, внимательно наблюдали. Не раз Сейф извинялся от имени своих телохранителей после того, как они были грубы с кем-то, кто совершал, казалось бы, угрожающие действия. Возможно, в тот раз это была шариковая ручка, сказал Сейфу один из телохранителей, но в следующий раз это может быть пистолет. Он действительно хотел подождать, чтобы убедиться? Лучше извиниться за ошибку, чем умереть за нее. Сейф с готовностью согласился.

Они были там для шоу больше, чем что-либо еще. Сейф имел дело с множеством менее чем уважаемых людей, некоторые из которых были достаточно грубы, чтобы попытаться запугать их, чтобы заключить более выгодную сделку, или, по крайней мере, они бы сделали это, если бы у Сейфа не было двух подлых ублюдков в его углу. И если однажды кто-нибудь из отморожков из евромафии поймет, что он ворует их деньги, то, чтобы добраться до Сейфа, им придется сначала пройти через пятьсот фунтов чистого задиры.

Ни одному из его телохранителей не понравилось это место. Он был спроектирован так, чтобы быть как можно более приятным пространством, не заботясь о безопасности. Таким образом, он был полон слепых зон, за которыми нужно было следить с осторожностью. Тем не менее, это было намного безопаснее, чем открытая парковка. Здесь они могли защитить своего клиента.

По крайней мере, так они считали.

Серебристый внедорожник «Мерс» был припаркован в дальнем конце гаража, в самом безопасном месте. Он был припаркован задним

ходом, чтобы Сейф, который ехал сзади, имел телохранителей впереди себя и стену позади себя, когда они были наиболее уязвимы, а также для быстрого выхода. Кроме того, автомобиль был бронирован, и все окна были оснащены пуленепробиваемыми стеклами, изготовленными специализированной немецкой фирмой.

Сейф прижал мобильный телефон к уху и судорожно сглотнул, слушая, как Изабелла в зловещих подробностях описывает, что именно она собиралась сделать с ним, когда он наконец прибудет в ее квартиру. Громкость телефона была увеличена, чтобы компенсировать плохой слух Сейфа, и его телохранители слушали каждое откровенное слово и стон Изабеллы. Они никогда не показывали, что могут, кроме как друг другу.

Первый телохранитель открыл машину с помощью электронного брелока, в то время как Сейф ждал со вторым телохранителем в нескольких ярдах от него. Рядом с водительской дверью первый телохранитель заглянул в окна, прежде чем опуститься в положение для отжиманий, чтобы проверить под внедорожником наличие взрывных устройств. Телохранитель проделывал это сотни раз. Это было скучно, заноза в заднице. И пустая трата времени.

В тесном гараже раздались приглушенные выстрелы.

Телохранитель с криком рухнул на живот.

Наступила секундная тишина, прежде чем другой телохранитель потянулся за своим пистолетом, изо всех сил пытаясь вытащить его из-под куртки. Он был плотно прижат к его груди, чтобы лучше показать его мускулы.

Он крикнул Сейфу: «ЛОЖЬ, ЛАЙПАЙ».

Телохранитель упал на одно колено, не понимая, откуда был произведен выстрел. Его первым побуждением было оглянуться назад в поисках стрелка.

Сеиф просто стоял с открытым ртом, не в силах среагировать, глядя на своего раненого телохранителя. Он лежал на бетоне, лицом вниз, правая рука и нога метались, но его левые конечности, те, что рядом с Мерседесом, были странно неподвижны. Сеиф понял, что мужчина был ранен в левую руку и ногу. Он был слишком большим, слишком тяжелым, и ему было слишком больно, чтобы выпрямиться. Он попытался просунуть единственную здоровую руку под куртку, к пистолету, но рука была слишком большой, чтобы протиснуться под грудью. Он пытался говорить, но не мог произнести ни слова среди криков. Блестящая кровь растекалась по земле.

Второй телохранитель крепко держал свой пистолет. Он лихорадочно оглядывался по сторонам, осматривая окрестности, проверяя вероятные точки, откуда кто-то мог выстрелить. Если не считать автомобилей, место было пустым. Он не видел никаких признаков нападавших. Где, черт возьми, они были?

Он указал на Сейфа. — Вернитесь к лифту. Больной-'

Он вскрикнул, пули попали ему в колено, бедро и лодыжку, пули раздробили кости и залили бетон кровью. Он упал навзничь, все мысли о том. 45 забыл, схватившись за кровавое месиво на ногах.

Сеиф не двигался. Он с ужасом смотрел на двух парней, корчившихся на земле. Он услышал шум, увидел человека в костюме, выскользнувшего из-под «мерседеса» и поднявшегося на ноги. На нем была черная лыжная маска. У него был пистолет. С глушителем.

Сейф все еще держал мобильный телефон у уха, и непрерывный сексуальный гул его любовницы не пропускал ни секунды. Его взгляд был прикован к стрелку в маске. Он не мог двигаться, не мог говорить, не мог даже думать. Он нанял телохранителей, чтобы они могли защитить его в такой день, как этот, но он никогда серьезно не относился к мысли, что что-то настолько плохое может произойти на самом деле.

Стрелок прошел мимо лежащего лицом вниз телохранителя, который отказался от попыток достать свое оружие, и теперь лежал неподвижно и тихо, запрокинув голову, насколько мог, наблюдая за происходящим. Другой телохранитель остался на месте, на спине, с искаженным от боли лицом. Кровь пропитала его брюки. Он пытался удержать расколотое колено левой рукой, а правая потянулась к земле за пистолетом.

Виктор медленно подошел к Сейфу, на секунду направив пистолет на парня, потянувшегося за своим. 45.

— Не глупи, — сказал Виктор.

Телохранитель отдернул руку, и Виктор, проходя мимо, отбросил пистолет. Он остановился прямо перед Сейфом, держа пистолет на расстоянии вытянутой руки, конец глушителя находился не более чем в дюйме от лица перепуганного бухгалтера.

Просьба Виктора была прямой. «Компьютер».

С немигающими глазами Сейф, не колеблясь, поднял левую руку к Виктору. Справа он все еще держал мобильный телефон у уха. Виктор забрал у него компьютер.

'Пароль?'

'Изабелла.'

Сеиф вспотел. Каким-то образом ему удалось заговорить. — Это все, что тебе нужно?

На другом конце провода его любовница думала, что он разговаривает с ней. Она застонала громче. Не сводя глаз с Сейфа ни на мгновение, Виктор свободной рукой взял у него ноутбук. Он не видел вреда в ответе.

'Что вы думаете?'

Сеиф задыхался, дрожал от непонимания. Телефон выпал из его пальцев. «Не навреди моей семье».

Виктор не колебался. — Я бы не стал.

Он дал Сеифу время обдумать замечание, отступил назад, опустил пистолет и обернулся, все время наблюдая за отражением Сейфа и телохранителя на кузове «Мерседеса». Никто ничего не пробовал. Из камеры Сейфа донеслись стоны. Виктор сделал еще шаг, остановился, повернулся и выстрелил в телефон. Он разлетелся на тысячу осколков.

Он считал, что заткнуть рот любовнице Сейфа по цене пули — это не зря потраченные деньги.

ГЛАВА 56

Амстердам, Нидерланды

среда

21:37 по центральноевропейскому времени

Отель был популярен среди британских туристов и управлялся в основном британским персоналом. На этом же этаже в нескольких комнатах устраивался мальчишник, участники которого не были склонны уважать тишину и покой других гостей. Это вполне устраивало Виктора. Чем больше внимания сосредоточено на чем-то другом, тем меньше внимания уделяется брокеру и ему самому.

Этот город был первым выбором Виктора при отъезде из Великобритании. Многочисленные рейсы и паромы перевозили бесчисленное количество британцев через Северное море каждый день в году. Среди толпы было легко выскользнуть из страны. Перед отъездом в аэропорт они опустошили сумку для ноутбука Сейфа. В нем был его компьютер и его периферийные устройства, несколько газет и фильм под названием «Непослушные школьницы должны быть наказаны».

— Я видел его, — сказал брокер. «Это дерьмо».

Виктор изо всех сил старался держать губы прямыми.

— Я знал это, — сказал брокер.

— Знал что?

— Чтобы ты мог улыбаться.

«Не привыкай к этому».

— Не буду.

Ее глаза были озорными. Ему это понравилось.

Они оба спали днем, и теперь он стоял на страже, пока брокер возился с компьютером Сейфа. На жестком диске были тысячи файлов, полные финансовые отчеты десятков компаний, огромное количество информации. Это был электронный лабиринт.

«Мы ищем деньги, — объяснил брокер. «Перевод денег. Деньги, чтобы заплатить нам, поступили к Сейфу от одной из этих компаний». Она указала на огромный список на экране. — В одном из них будут записи, совпадающие с вашими предыдущими контрактами. Вам всегда платили одинаково, половину до, половину после.

'Правильный.'

«Итак, мы ищем пары платежей».

— Просмотр всех этих файлов займет несколько часов.

— Да, будет, — согласилась она. — Ты хочешь сделать это для меня?

Виктор покачал головой. — Я оставлю это в твоих умелых руках.

'Спасибо.'

Он стоял сбоку от окна, вглядываясь в ночь сквозь тонкую щель между занавеской и стеной. Он мог видеть небольшую парковку, ее въезд, и он наблюдал за теми машинами, которые подъезжали, и людьми, которые вылезали. В основном это были пары, никого он не считал опасным. У него не было оружия, и это играло у него на уме. Если бы кто-нибудь пришел за ними, у него были бы только руки, чтобы защитить себя.

Снаружи Амстердам был жив. Узкие улочки были полны людей, которые пили, курили и хорошо проводили время. Рядом были кафе с лицензией на продажу марихуаны, и через открытое окно Виктор чувствовал запах наркотика в воздухе. Это заставило его вспомнить долгие ночи на маневрах.

«Почему бы вам не попробовать и не расслабиться», сказал брокер позади него. «Ты пугаешь меня, просто стоя там».

«Я не могу расслабиться».

'Почему нет?' спросила она. «Вы не можете поверить, что кто-то придет за нами сюда».

Он не обернулся. «Каждый день я ожидаю, что меня убьют», — заявил он. «Потому что день, когда меня не будет, станет днем, когда я

буду».

Она громко выдохнула. «Тогда ты, возможно, захочешь переосмыслить то, чем ты зарабатываешь на жизнь».

«Что я зарабатываю на жизнь, так это поддерживаю твою жизнь».

Она вернулась к своей работе.

Эта часть города, вдали от печально известного квартала красных фонарей, была прекрасна даже зимой. Благодаря каналам и причудливой архитектуре город казался уютным и гостеприимным. Виктор приезжал сюда несколько раз, всегда проходил мимо, никогда не оставался. Он решил, что когда все это закончится, он обязательно вернется.

Щелканье клавиш ноутбука было постоянным фоновым шумом в течение последних двух часов. Мальчишник наконец-то двинулся в город, и тихое ритмичное щелканье клавиш Виктора как-то успокаивало, звук расслаблял, а веки тяжелели.

Время от времени боковым зрением он видел, как маклер поднимает на него глаза от своей работы, но уже не с той настороженностью, которую она когда-то демонстрировала. Брокер говорил намного больше, хотя и редко отвечал. Теперь, когда она посмотрела в его сторону, страх исчез, даже если настороженность не исчезла полностью. Она меньше беспокоилась о том, что он может сделать, и чувствовала себя более комфортно в его присутствии. Виктор хотел бы сказать то же самое о ней.

Если до этого дойдет, сказал себе Виктор, он убьет ее как можно безболезненнее. По крайней мере, она сделала достаточно, чтобы гарантировать это.

Он заметил, что люди в толпе на улице внизу, казалось, сливались друг с другом, цвета выравнивались. Звук печатающего брокера стал тише. Он понял, что его голова склонилась вперед, и вернул ее на место позвоночника.

— Мне нужно немного воздуха.

Виктор направился к двери.

— Хорошо, — сказал брокер, подняв глаза. — Я буду рядом. Позвоните на мобильный, если что-то вызовет у вас подозрения.

Он взял за правило не оглядываться.

За пределами отеля улица была шумной и полной людей. Он наблюдал за наблюдением, пока совершал короткую прогулку, никогда не отклоняясь назад больше, чем на короткий спринт. Он хотел остаться подольше, побыть один, но он не мог оставить брокера одну слишком надолго ради их безопасности. На обратном пути в отель он позвал ее, чтобы зарегистрироваться, и остановился в баре отеля, чтобы выпить бутылку пива.

Наличие партнерши, если ее можно было так назвать, было не тем, к чему он привыкнет в ближайшее время. Он так долго работал один, что чувствовал себя задушенным, работая рядом с кем-то еще. К этому она тоже не привыкла; ее полевые навыки были в лучшем случае базовыми. Ему пришлось использовать один глаз, чтобы смотреть ей в спину, оставив только один, чтобы следить за своим. Не

помогало и то, что она была женщиной, привлекательной женщиной. Она была тем отвлекающим фактором, к которому он не привык.

Он допил свое пиво и вышел из бара отеля, отступив в сторону, чтобы избежать встречи с троицей молодых женщин, разгоряченных коктейлем и хорошо проводящих время. Они насмеялись над ним, когда он проходил мимо, одна предлагала себя менее изощренным образом. Он нашел это забавным и просто поднял бровь, глядя на нее. Они расхохотались.

Когда Виктор вошел в вестибюль отеля, он заметил часы и понял, что отсутствовал гораздо дольше, чем планировал. Он поднялся по лестнице на второй этаж и подошел к их комнате. У каждого из них был электронный ключ, и они договорились, что постучат один раз и сделают паузу, прежде чем войти. Он так и сделал и открыл дверь. Она подняла взгляд от своей работы на него, и они встретились взглядами. Она полуулыбнулась ему. Это заставило Виктора чувствовать себя неловко.

«Сколько времени это займет?»

Ей не понравился его резкий тон. — Я не прошу вас объяснять ваши методы, — сказала она. — Пожалуйста, окажи мне такую же любезность.

Виктор направился в ванную. «Я вижу, ты развиваешь костяк».

Она была такой же резкой. — И я вижу, у тебя развивается чувство юмора.

Тогда Виктор коротко улыбнулся, вопреки себе, зная, что она не может этого видеть, стоя к ней спиной, но тут же напомнил себе, что

она всего лишь инструмент. Больше ничего. Просто помощь в его собственном выживании. ничем не отличается от пистолета. Полезный, но его следует выбросить, как только его полезность будет израсходована. Ничего хорошего не выйдет, если он будет думать о ней иначе.

Он пошел в ванную, чтобы плеснуть немного воды на лицо. Он услышал голос брокера из другой комнаты.

— Тебя долго не было, — сказала она.

Он уставился на свое отражение. — Я выпил пива.

— Ты шутишь, — был ее ответ.

Виктор вытер лицо полотенцем. — Я не шучу.

— Я не думал, что вы, ребята, употребляете алкоголь.

«Ты смотришь слишком много фильмов».

Она сказала еще что-то, но он уже закрывал дверь в ванную и набирал ванну. Он быстро вымылся и вернулся в спальню высохшим и одетым.

Он обнаружил, что брокер откинулась на спинку стула, скрестив руки за головой. Она небрежно улыбалась. Ее это устраивало.

— Я нашла его, — объявила она без фанфар. «Деньги были выплачены Сеифу организацией под названием Olympus Trading».

'Продолжать.'

«Olympus недавно сделал несколько примечательных трансферов Сейфу. Последнее было за неделю до того, как ты убил Озолса.

'И другие?' — спросил Виктор, видя, к чему она клонит.

«За месяц до Озолса, какую работу вы выполняли?»

— Торговец оружием в Швеции.

«В то время Сейфу было сделано два платежа: один примерно за неделю до его убийства, а второй такой же суммы через неделю после. Мне нужно продолжать?»

Виктор покачал головой.

Брокер продолжил: «Чем бы ни была Olympus Trading, она также служит подставной компанией для любой части ЦРУ, с которой мы имеем дело».

«Подкупный фонд».

'Точно. Чтобы заплатить за тайные операции.

— Может быть, это существует только на бумаге.

«Мне кажется искренним. А реальная работающая компания гораздо лучше отмывает деньги, чем бумажная».

Виктор почувствовал, как его тело расслабилось, он был счастлив, испытал облегчение, зная, что они на шаг ближе к тому, чтобы положить этому конец. Никаких внешних признаков этого он не показывал.

— Мы уезжаем завтра, — сказал он. «Какой пункт назначения?»

— Скажем так, — с ухмылкой сказал брокер. «Вы будете хорошо выглядеть с загаром».

ГЛАВА 57

Вашингтон, округ Колумбия, США

среда

19:40 по восточному поясному времени

Большинство людей, знакомых Фергюсону в его возрасте, начинали по-настоящему это чувствовать, но Фергюсон чувствовал себя таким же подтянутым и здоровым сейчас в свои шестьдесят, как и в свои сорок. Возможно, за прошедшие годы он немного похудел, но его тело не показывало никаких признаков того, что в ближайшее время он наберет вес. Он планировал насладиться долгой и спокойной пенсией и, если повезет, очень богатой. Он представил себе, как он

бездельничает на пляже на Сейшельских островах, не беспокоясь ни о чем, кроме линий загара.

Конечно, все это зависело от сложной проблемы устранения мошеннической операции, которая пошла не по плану. Фергюсону еще предстояло запаниковать из-за событий последней недели и немного. За свою жизнь он сталкивался как с метафорическими, так и с реальными пулями, и видел в этом еще один неловкий узел, из которого нужно выскользнуть. Он был еще в двух шагах от раскрытия. И он планировал оставаться таковым.

От его машины до мемориала было несколько минут ходьбы. Он видел ее вблизи сотни раз или даже больше, но она все равно не переставала его впечатлять. Огромное здание в греческом стиле, в котором находилась статуя Линкольна, было ярко освещено, и, хотя было почти восемь часов вечера, на ступенях, ведущих к нему, все еще стояли десятки людей.

Фергюсон начал подниматься по ступенькам в поисках Сайкса. Он не мог его видеть, но предположил, что это свидетельство мер предосторожности, которые они оба принимали. Наконец, запыхавшись сильнее, чем он ожидал, Фергюсон поднялся наверх по лестнице. Сайкса по-прежнему нет. Фергюсон посмотрел на часы. Он давал ему максимум пять минут, а потом звонил на мобильный.

Он увидел его не более чем через три минуты. Мужчина выглядел откровенно испуганным. Фергюсону становилось все более очевидным, что он неправильно оценил характер Сайкса. У него был острый ум и ловкая проницательность для разведывательной работы, но он не был создан для участия в операции, сопряженной с ощутимым риском.

— Приятной ночи, — сказал Фергюсон, когда Сайкс подошел к нему.

Молодой человек был выше, крупнее сложен и носил более толстое пальто, но холодным вечером он выглядел гораздо менее комфортно. 'Это?'

Фергюсон двинулся вперед, Сайкс автоматически последовал за ним. — У нас есть ситуация, о которой вы должны знать, мистер Сайкс.

Сайкс потер руки. — Какая ситуация?

— Эллиот Сейф был убит сегодня утром.

'Так? Это хорошо, верно? О черт, неужели Рид облажался?

— Нет, конечно. Полиция считает, что Сейф застрелил свою жену, а затем направил пистолет на себя. Домашний спор пошел не так.

Прошло несколько мгновений, прежде чем Сайкс снова заговорил. 'Тогда что?'

«За день до убийства Сейфа его ограбили».

— Ограбили?

Фергюсон кивнул. «Кто-то застрелил его телохранителей и забрал компьютер Сейфа».

Сайкс обработал информацию. — Тессеракт?

— Я думаю, это справедливое предположение.

— Что, черт возьми, случилось?

Фергюсон шел медленным шагом. Его маленькие глаза двигались из стороны в сторону, прежде чем он заговорил, проверяя, не выглядит ли кто-нибудь неуместным.

«Из того, что есть в полицейском отчете, следует, что кто-то добрался до Сейфа в гараже под его домом. Грабитель был в маске. Других свидетелей нет, камеры слежения были отключены, оба телохранителя даже не выстрелили. И Сейф сообщил, что его компьютер был украден. Больше ничего, ни кошелька, ни часов, только его компьютер. Сайкс ничего не сказал. Фергюсон остановился и посмотрел на него. — Какая информация о нем есть у Сейфа?

Сайкс выглядел сбитым с толку; он изо всех сил пытался говорить в течение секунды или двух. 'Я не уверен, что ты имеешь в виду.'

— Тессеракт не грабил его, чтобы скоротать время, и ноутбук он не брал в качестве сувенира. Он взял это по причине. Что они могут с этим сделать?

Сайкс покачал головой. «Я не понимаю, зачем он вообще пошел за Сейфом? Вы сказали, что они свяжутся с нами, чтобы попытаться вернуть диск. Вы сказали, что они попытаются договориться.

— Ну, — начал Фергюсон, — очевидно, они этим не занимаются.

— Тогда какого черта они делают? Я не понимаю. Все это не имеет никакого смысла.

Фергюсон вздохнул. — Думайте головой, мистер Сайкс. Разве это не очевидно?

'Что? Что очевидно?

— Они идут за нами.

Рот Сайкса открылся. 'Что?'

— Если бы они хотели попытаться обменять двигатель на свою жизнь, они бы уже сделали это. Нет.

— Но это не значит...

— Тессеракт не смог бы узнать о Сейфе без помощи Самнера, — перебил Фергюсон. «И единственной логической причиной, по которой они коллективно преследовали Сейфа, было бы то, что они думали, что могут получить информацию, что-то, что они могли бы использовать, чтобы добраться до нас, что-то с его компьютера. Итак, я снова спрашиваю вас, что это могло быть?»

Сайкс не думал, он реагировал, паниковал. «О, черт».

— Пожалуйста, успокойся.

«Как я могу сохранять спокойствие, когда я только что узнал, что нахожусь на вершине списка убийц? Я не хочу, чтобы этот социопат преследовал меня. Вы забыли, что только за последнюю неделю он убил дюжину человек, и это только те, о которых мы знаем. Я не хочу быть счастливым с тринадцатым чертовым номером.

Сайкс постоянно оглядывался, как будто ожидал, что Тессеракт прячется в тени. Фергюсона смущало, что он когда-либо думал, что Сайкс сможет справиться с такой операцией. Проще говоря, Фергюсон знал евнухов с большими яйцами.

Он пошел говорить, но пара, взявшись за руки, прошла рядом. Он увел Сайкса подальше, пока они не оказались вне пределов слышимости.

«Должно быть, они придумали какой-то способ выследить нас; вот почему они забрали компьютер Сейфа. Подумайте, зачем им это делать?

— Сейф всего лишь бухгалтер. Он обрабатывал транзакции со счетами, которые использовал Tesseract. Он ничего не знает.

— Что-то должно быть, — подсказал Фергюсон.

Ему потребовалось несколько секунд, прежде чем Сайкс пробормотал: «Ах».

'Что?'

«Они пытаются следить за деньгами».

— Объясните, — потребовал Фергюсон.

— Это единственная тропа, — объяснил Сайкс. Он говорил быстро. «От одного счета к другому. У Сейфа будут записи о совершенных транзакциях. Они могли узнать, откуда взялись деньги.

— А откуда деньги?

«Олимп».

Уже глубокие морщины на лбу Фергюсона углубились. — Я полагаю, вы не имеете в виду дом Зевса.

— «Олимп Трейдинг», — поправил Сайкс. «Это одна из подставных компаний, которой мы пользуемся».

'А что это такое?'

— Это импортно-экспортная компания на Кипре. Это просто скелет, пара сотрудников, здание, какие-то складские помещения. Деньги промыли через его бухгалтерские книги по пути в Сейф.

Фергюсон впитывал информацию несколько секунд. «Что они могут из этого узнать? Худший вариант.»

— Думаю, в худшем случае они ничего не найдут.

'Ты думаешь?'

'Я знаю.' Сайкс звучал почти уверенно. — Там нет ничего, что могло бы привести к нам. Просто аккаунт за аккаунтом. У Олимпа должна быть сотня клиентов и заказчиков. Было бы невозможно получить что-либо из его книг.

— Вы уверены в этом?

Он кивнул. «Олимпус я устанавливал сам. Бумажный след приведет их на Луну и обратно, прежде чем приведет к нам.

'Хорошо. Тогда нам не о чем беспокоиться.

Сайкс выглядел далеко не убежденным. — Если только они не придумали способ сделать это, о котором мы не подумали.

Фергюсон больше ничего не успокаивал. Он начал уходить, когда Сайкс окликнул его. Фергюсон обернулся. 'Что это?'

Сайкс догнал его. «Олимп» — это тупик, но они об этом не знают, не так ли?

— Я не уверен, что понимаю вас.

— Разве это не очевидно?

Фергюсон ранее сказал то же самое Сайксу, и Фергюсон заметил самодовольный тон Сайкса. Ему нравилось иметь знания, силу.

— Нет, — сказал Фергюсон. 'Это не.'

— Я хочу сказать, — объяснил Сайкс с более чем дерзким видом, — что если они отправятся в Сейф, они отправятся туда, на Олимп.

Фергюсон кивнул, понимающий и впечатленный. — Очень хорошо, мистер Сайкс. Действительно очень хорошо.'

ГЛАВА 58

Лондон, Великобритания

Четверг

04:02 по центральноевропейскому времени

Рид стоял у окна своего гостиничного номера, глядя на город сквозь щель между стеной и занавеской. В осколке стекла он увидел отражение голой кожи, раскинутые на простынях конечности. Девушка повернулась лицом к двери, подальше от него, золотые волны ее волос разметались по подушке. Рассеянный свет сгладил мелкие недостатки, которые она несла. Кроме того, что она перевернулась, она не двигалась с тех пор, как он выбрался из постели. Он мог видеть в окне то, как вздымалась и опускалась ее грудь, прерывисто, неравномерно. Бодрствующий.

Он сделал глоток из своего напитка, наблюдая за ней. Некоторое время они молча играли в эту игру: она притворялась, что спит, а он притворялся, что не смотрит. Рид медленно напряг мышцы рук от плеча до запястья.

Когда она, наконец, нарушила молчание, ее голос был тихим. — Почему ты смотришь на меня?

Рид сделал еще один глоток из своего напитка. — Почему вы позволяете мне смотреть?

Она повернула голову, чтобы посмотреть на него через одно тонкое плечо. «Ты хочешь сделать меня снова?»

И она проявила такую элегантность по прибытии. Рид повернулся и прислонился к стене рядом с окном. Было прохладно на его голой спине.

— Я почтительно откажусь.

Она смеялась. «Мне просто нравится, как вы, ребята, говорите».

Рид находил довольно смешным, что его острый английский язык произвел на нее впечатление. Она утверждала, что ей двадцать один год, но на самом деле была моложе. Австралиец. Он держал свое презрение при себе и ответил на ее замечание легким кивком. Закончив свое лондонское задание, Рид остался в городе, ожидая следующего обновления. Девушка помогла скоротать время.

Она потянулась за пультом и включила телевизор.

— Вы не возражаете, не так ли?

Рид покачал головой. 'Будь моим гостем.'

Она пролистывала каналы с паузой в полсекунды на каждом. Ее глаза были прикованы к мелькающим изображениям и постоянно меняющемуся звуку. Он наблюдал в тихом недоумении за ее простым удовольствием.

В тусклом свете мелькнула голубая вспышка, которая сразу же привлекла его внимание. Рид подошел к источнику и взял смартфон с того места, где оставил его на буфете. Он открыл письмо. Он внимательно прочитал сообщение, затем еще раз. Он просмотрит прикрепленные файлы, как только уйдет. Он начал собирать свою одежду с пола.

— Я должен уйти, — сказал он.

Она сжала свои маленькие груди руками и надула губы. 'Вы уверены?'

— Увы, да.

К его удивлению, девушка выглядела искренне разочарованной. Она села, чтобы лучше посмотреть, как он одевается. 'Почему?'

'Работа.'

— Но уже поздно. Тебе обязательно?'

'Боюсь, что так.'

Она вздохнула. — Ты так и не сказал мне, чем занимаешься.

Ответ Рида был честным.

«Я решаю проблемы».

ГЛАВА 59

Ротов, Россия

Четверг

17:50 МСК

В старые добрые времена для начала операции требовалось лишь желание высокопоставленного офицера. В то время как советская империя стояла крепко, КГБ действовал быстро и решительно, отвечая только на самом верху. В наши дни дела шли гораздо медленнее, с горечью подумал Анисковач, и власть СВР была лишь тенью той, которой наслаждался КГБ. В России двадцать первого века, как и в западных аналогах СВР, слой за слоем бюрократия душила каждое командование.

Высокий полковник СВР потирал руки в перчатках, ожидая загрузки в самолет. Солдаты с мрачными лицами взяли на борт рюкзаки, полные припасов: водолазного снаряжения, оружия, спасательного снаряжения и взрывчатки. Это был ильюшинский Ил-76, почтенная рабочая лошадка советских, а теперь и российских ВВС. Этот конкретный самолет принадлежал СВР и использовался исключительно этой организацией. Оригинальные военные знаки различия все еще были видны сквозь тонкий слой краски, покрывавший их. Серп и молот все еще выстояли, хотя и слабо.

В юности Анисковач воочию стал свидетелем того, как последний вздох коммунизма вырвался из легких его любимого народа. Эта система, возможно, не сработала так, как предполагалось, но, по крайней мере, она дала его стране собственную идеологию и яростно сильную национальную идентичность. В эти дни Россия была всего лишь бедным приемным ребенком капитализма, пытающимся сделать свой первый шаг без посторонней помощи. Если Россия была деревом, то она уже купалась в летнем тепле и теперь объята зимним холодом. Весеннее отрастание было далекой мечтой. Анисковач надеялся, что доживет до восстановления законного места России во главе мира.

Он стоял молча, наблюдая. Нечего было сказать. Солдаты не нуждались в его инструкциях. Они были бойцами спецназа, спецподразделения российской армии, но все они, как и Анисковач, были одеты в штатское. Каждый член команды из семи человек был выбран из-за его образцового опыта как в нырянии, так и в сносе зданий. Каждый из них был хорошо обученным и превосходно дисциплинированным воином, искусным в планировании и логистике, а также в бою. После того, как Анисковач проинформировал команду о целях миссии, они выбрали собственное оборудование и припасы.

СВР не контролировала спецназ, который был полком российской армии, но иногда элитные солдаты отдавались в аренду СВР на основе разрешения. Любые подобные операции обычно не

фикси́ровались солдатами. ГРУ, собственная армейская разведывательная служба и яростный соперник СВР, часто было известно об этих действиях, но ГРУ ничего не знало об этой конкретной миссии благодаря влиянию Прудникова.

Обход обычных каналов значительно замедлял всю операцию. Анисковач, если бы это зависело исключительно от него, уехал бы в Танзанию не менее суток назад, но Прудников перестраховывался. Недавно он один раз обжегся и не хотел так скоро ощущать огонь во второй раз, даже если Анисковач был уверен, что миссия увенчается полным успехом. Обеспечение как услуг спецназа без ведома ГРУ, так и самолета для перевозки оборудования заняло целых три дня. Пройдет еще день, прежде чем самолет сможет взлететь.

Ветер, дувший с востока, щипал лицо Анисковача, особенно раненую щеку. База была слабо защищена от стихии. Единственная полоса взлетно-посадочной полосы и три ангара, составлявшие аэропорт, были скелетными остатками базы советских ВВС, давно заброшенной военными и теперь используемой в частном порядке. Сегодня вечером единственными клиентами были SVR.

Вскоре самолет был загружен. Оборудование, хотя и слишком большое для перевозки отдельными лицами, не требовало для перевозки самолета грузоподъемностью сорок тонн. Однако без использования такого самолета было бы невозможно переправить оборудование через несколько международных границ и в пункт назначения.

Предположительно, самолет должен был отправиться с гуманитарной миссией в Танзанию, чтобы доставить медикаменты для благотворительных организаций, работающих в Руанде, на северо-запад. Тот факт, что помимо оборудования, необходимого команде Анисковача, груз самолета состоял из пустых ящиков, не имел

значения. Соответствующим чиновникам в правительстве Танзании будет предложено денежное поощрение за участие в этом фарсе.

Анисковач и его команда отправлялись в Танзанию в коммерческих целях двумя отдельными группами, прежде чем соединиться в пункте назначения. Восемь русских, путешествующих вместе, привлекли бы чрезмерное внимание, особенно если бы только трое говорили не на их родном языке. Первая группа заберет оборудование из самолета и отправится на север из столицы Танзании Дар-эс-Салама в Тангу. После того, как они воссоединятся как команда, они соберут оборудование, которое будет их ждать, и наймут подходящую лодку. Затем они возьмут лодку и найдут Льва.

Полковник СВР не собирался возвращать все ракеты, как бы впечатляюще это ни выглядело; только системы наведения могли бы предоставить доказательства вероломного обмана Озолса. Остальные будут уничтожены вместе с фрегатом, чтобы другие стороны не получили российские технологии. Затем Анисковач мог раскрыть Москве весь заговор и свою роль в его предотвращении. Пятно петербургской ошибки смывается начисто.

Пальцем в перчатке Анисковач рассеянно погладил свое изуродованное лицо. Временами боль все еще была сильной, но он следил за тем, чтобы никто не видел, как он принимает таблетки или те моменты, когда боль брала верх над его волей. Это было достаточно плохо, чтобы быть изуродованным, но при этом не казаться слабым.

К нему подошел коренастый капрал спецназа.

— Оборудование загружено и закреплено, сэр.

'Очень хороший.'

Капрал отступил назад и присоединился к своим коллегам.

Хотя для успеха операции было необязательно, чтобы он сопровождал группу, Анисковач, тем не менее, возьмет на себя непосредственное командование. Он абсолютно верил в способности спецназа, но для сильных мира сего было бы лучше, если бы он был там лично.

Самолет прибудет в Танзанию рано утром в субботу, а к полудню припасы должны прибыть в Тангу. Найти затонувший фрегат или завершить подъем и взорвать «Лев» не займет много времени.

Движения лица причиняли ему сильную боль, так что Анисковач и близко не выглядел таким довольным, как он себя чувствовал. Через несколько коротких дней он знал, что его честь будет восстановлена.

ГЛАВА 60

Никосия, Кипр

Четверг

15:49 по центральноевропейскому времени

После холода Лондона и Амстердама тепло Кипра стало долгожданной переменой. Даже в ноябре температура колебалась за семьдесят. Перелет из Амстердама в международный аэропорт

Ларнаки был достаточно приятным и занял чуть более четырех часов. Ребекка прибыла лишь немного утомленной.

Она была поражена, что не почувствовала себя хуже. Последние десять дней были самыми напряженными в ее жизни, и легче не становилось. Она объединилась с безжалостным наемным убийцей в попытке устранить людей, пытавшихся убить ее, людей, которые по чистой случайности оказались не только ее нанимателями, но и мошенниками внутри ЦРУ. Полгода назад это было бы нереально, даже смешно, но это было слишком реально. Она никогда еще не чувствовала себя такой взволнованной, такой испуганной.

Тессеракт, или как там его на самом деле звали, был почти нечитаем. Если у него и были какие-то опасения по поводу того, что они делают, он не показывал этого. Он был полностью уверен в себе, и его абсолютное спокойствие помогало ей контролировать нервы. Если она могла продолжать делать свою часть, она была уверена, что он сможет сделать свою. Но даже если у них это и получится, что она тогда будет делать? Ребекка провела последние семь лет, работая аналитиком разведки в ЦРУ, прежде чем ее уволили из-за этой кошмарной операции. Даже если она не подвергнется судебному преследованию за участие в крайне незаконной операции, ей никогда не вернут прежнюю работу. Ей больше никто не поверит. Она бы их тоже не винула.

Она старалась не думать об этом слишком много. Прежде чем она задумалась о своей карьере, нужно было преодолеть более насущные проблемы. Вроде остаться в живых.

Они путешествовали отдельно. Он сказал ей, прежде чем они покинули Амстердам, что есть шанс, что их враги будут искать их обоих, предполагая, что они вместе, так что было безопаснее лететь в одиночку. Она не была уверена, что поверила ему; в конце концов, они вместе ездили в Лондон, а затем вместе в Амстердам и оба раза

останавливались в одних и тех же отелях. Она предположила, что он хочет побыть один, но ничего не сказала. Единственное, что Ребекка могла прочесть в нем, это то, что она заставляла его чувствовать себя некомфортно. Разве не должно было быть наоборот?

Гостиница, в которой они остановились, располагалась в южной греческой части города. Таково было их предназначение. Выгоревшая на солнце вывеска с объявлением об Olympus Trading на греческом и английском языках была установлена на безобидном складе, выбеленном, хотя и выглядящем совсем не так. Грязь залепила окна, краска на ставнях облупилась.

Он поправил солнцезащитные очки. «Очень стильно».

Они стояли в переулке в бедном районе на юго-востоке города. Район находился в стороне от основных туристических зон, был полон складов и небольших магазинов; рыночные прилавки, казалось, были повсюду.

Только несколько белых облаков плыли по глубокому синему небу над головой. Она могла сказать, что ее спутнице не нравилась жара. Она вообразила, что большую часть дня он спит; видение мира под покровом темноты сделало его бледную кожу, которая уже начинала гореть, и по тому, как он дышал, она могла сказать, что он плохо переносит высокие температуры. Он покрыл лицо, шею и открытые руки солнцезащитным кремом, но даже в тени ему было неудобно.

Наоборот, Ребекке это нравилось. Ее кожа уже была коричневой, и она положила солнцезащитный крем прямо вниз, когда он вручил ей бутылку. Она продемонстрировала немного плоти, голые ноги торчали из-под юбки, обнаженные руки и живот, но по его просьбе она обернула вокруг себя шаль, чтобы скрыть декольте, выставленное напоказ от

верха бикини. Он сказал ей, что это привлечет слишком много внимания. Она ответила ему взглядом, от которого он быстро уклонился. Она кратко улыбнулась.

В этой части города были в основном местные жители, рыночные прилавки торговали фруктами или рыбой. Дальше по улице пьяный сидел, прислонившись к стене, потягивая ром из бутылки, а турист рассматривал персики в торговом киоске. Тощий мальчишка толкал тачку, полную старых газет, мимо старика с густой бородой, который жарил креветки на ржавом мангале.

Широкополая шляпа и солнцезащитные очки служили ей базовой маскировкой, которая сработала бы против беглого взгляда, но не более того. По его указанию она остригла волосы короче и осветлила их. Быть бутылочной блондинкой определенно не шло ее цвету лица, но даже Ребекка больше не узнавала себя в зеркале.

— Вы думаете, здесь никого нет? — спросил он и откусил ванильное мороженое. Он попросил у продавца двойную.

Ребекка стояла рядом с ним. В руке у нее был путеводитель, и она наклонила голову вперед, словно читая его.

«Олимп» — это больше, чем просто бумажный след, это рабочий фронт, поэтому там есть люди. Судя по внешнему виду, это всего лишь горстка сотрудников. Сомневаюсь, что кто-нибудь узнает, на кого они на самом деле работают.

Ребекка водила свободным указательным пальцем по странице, как будто искала информацию.

— Между прочим, неплохой штрих, — сказал он.

Она не сводила глаз со страницы. 'Я быстро учусь.'

Ему нужно было быть быстрым, чтобы половина его мороженого не развалилась. — Ты действительно думаешь, что мы найдем там что-нибудь?

«Не разговаривай с едой во рту». Она перевернула страницу в книге. «Мы не знаем, пока не посмотрим».

Он отошел по улице на несколько шагов, протянув руку, как бы показывая. — Хорошо, — сказал он. — Я вернусь сегодня вечером, когда соберу кое-какие вещи.

Их отель находился всего в полчаса ходьбы. Они ушли тем же путем, которым пришли, неторопливо преодолевая лабиринт переулков. Ребекка взяла его руку в свою, пока они шли, и почувствовала напряжение в его прикосновении, но не отпустила, и вместе они выглядели как любая другая пара, наслаждающаяся зимним солнцем.

Турист, поедая свой идеально созревший персик, никогда не отставал.

ГЛАВА 61

21:01 по центральноевропейскому времени

В баре было шумно от разговоров, смеха и традиционной греческой музыки. Ребекка сидела одна за маленьким столиком у стены. Перед ней стоял салат с сыром фета, нетронутый, за исключением черных оливок. Было трудно есть, когда она была так напряжена. Каждые несколько минут она смотрела на часы. Его не было несколько часов. Ему нужно было получить «оборудование». Было бы неплохо иметь некоторое представление о том, как долго он пробудет.

Ей не нравилось быть одной, зная, что она уязвима, зная, что без его помощи, если кто-то заиграет за нее, она погибнет. Поначалу она боялась находиться в его присутствии, наемного убийцы, но рациональная часть ее мозга подсказывала ей, что с ним она в большей безопасности, чем одна. Он пережил два спонсируемых ЦРУ покушения на его жизнь, и она собственными глазами видела, как он расправился с французской группой рейда. На данный момент он был лучшим и единственным другом, который у нее был. Ребекка отчаянно хотела снова оказаться рядом с ним, снова почувствовать себя в безопасности.

Она чувствовала себя немного лучше в окружении большого количества людей. Бар был полон обедающих пар и тусовщиков, только несколько местных жителей. За столиком рядом с Ребеккой, где Ребекка играла в выпивку, сидела особенно шумная группа парней. Бар находился через дорогу от ее отеля, и с того места, где она сидела, она почти могла видеть вход в отель. Он сказал ей ждать в таком месте.

Может быть, он проверял ее. Ребекка могла сказать, что он не доверял ей полностью. Она бы не удивилась, если бы он наблюдал за ней прямо сейчас, и прошло несколько минут после того, как он якобы ушел, чтобы получить то, что ему еще нужно. Может быть, он ждет, пока я его подставлю, подумала она. Если он уже не доверял ей, то, не говоря уже слишком прямо, он мог отправиться к черту.

Пару раз парень из соседней группы что-то кричал ей. Они выглядели как военно-морские. Британцы по акценту. Они казались довольно безобидными, просто пьяные парни. Она ничего не ответила, только улыбнулась вежливой, но незаинтересованной, общепризнанной, прощающей улыбкой и отвела взгляд.

Ребекка воткнула вилку в кусочек феты и снова в ломтик помидора. Она запихнула в рот немного еды. Ее одежда начала чувствовать себя немного свободной. Прошло много времени, прежде чем она, наконец, сглотнула и тут же почувствовала себя полной. Она подозвала официанта, чтобы тот принес еще один бокал вина.

Когда парень при поддержке своих приятелей поднялся со своего места, она не сводила глаз с еды, молча надеясь, что он в последнюю секунду потеряет самообладание и уйдет. Он этого не сделал. Некоторые мужчины просто не могли понять намека.

— Привет, меня зовут Пол, — объявил он, садясь напротив нее.

— Привет, — сказала она, встретившись с ним взглядом всего на секунду. Он неплохо выглядел, но не был бы в ее вкусе, даже если бы она была в настроении.

— У тебя есть имя, любовь моя?

Она колебалась, отчасти потому, что не хотела, чтобы кто-нибудь знал ее настоящее имя, но в основном потому, что просто не хотела с ним разговаривать.

— Рэйчел, — наконец ответила она.

Он улыбнулся. 'Милое имя.'

Он говорил, задавал вопросы, шутил. Ребекка каждый раз отвечала как можно короче. Она изо всех сил старалась обескуражить его, но в Поле было слишком много голландской храбрости, чтобы сдаться без боя. Иногда он получал настороженные поощрения от своих друзей.

— Послушайте, — сказал он, наконец перейдя к делу. «Мы с уважаемыми коллегами переходим в другой бар. Для меня будет честью, если вы присоединитесь ко мне.

— Я так не думаю, — сказала она.

Он не ожидал этого. 'Почему нет?'

«Мне просто это не интересно».

'Конечно ты.' Он был настойчив, если не сказать больше. «Я красивый парень, ты красивая девушка; подумайте обо всех интересных вещах, которые мы могли бы сделать.

Когда очарование терпело неудачу, отчаянные всегда пытались обмануть апелляцию. — Просто оставьте меня в покое, Пол.

Он на мгновение нахмурился. «Все вы, суки-янки, одинаковые; вы думаете, что вы настолько выше.

— Наверное, потому, что мы такие, — сказала Ребекка, окончательно потеряв терпение. — А теперь сделай одолжение нам

обоим и, если найдешь, иди на хуй.

Он быстро встал, сверкая взглядом, и на секунду ей показалось, что она зашла слишком далеко. Голос прервал противостояние.

— Я принес нам обоим выпить.

Ребекка подняла глаза. Это был он. Тессеракт. Убийца.

С полной небрежностью он поставил на стол пару стаканов. — Водка с тоником, — сказал он. — В твоём нет льда.

Пол оглядел его сверху донизу. — Ты что, её бойфренд?

— Мы деловые партнеры.

— Тогда ты не будешь возражать, если мы с Рэйчел познакомимся здесь.

— Ты мне мешаешь.

Пол усмехнулся. — Просто отвали, приятель. Пусть работает.

— Я скажу это как можно проще, чтобы вы не запутались. Его голос был ледяным. 'Уехать.'

Пол встал, повернулся, протянул руку, словно хотел его подтолкнуть. Большая ошибка. Менее чем через секунду он уже стоял

на коленях, его рука была выкручена и сжата, готовый быть схваченным с унцией большего давления. Пол закричал от боли.

Его собутыльники вскочили со стульев. Тессеракт чуть сильнее надавил на руку Пола, и они замерли от его крика.

' ВОУ ВОУ!' Ребекка встала на ноги ладонями вверх. «Полегче, мы не должны делать это таким образом». Она посмотрела на Пола. — А мы?

«БЛЯТЬ НЕТ».

Она посмотрела на своего спутника. 'Отпусти его.'

Его глаза были сосредоточены на четырех других парнях, но он говорил с Полом. — Обещаешь вести себя прилично?

Пол лихорадочно кивнул.

Он освободил его. «Найди другое место, чтобы выпить».

Пол поднялся на ноги, баюкая больную руку. Он вернулся к своим друзьям, и, пока они бросали угрозы и оскорбления, они попятились из бара. Все остальные молчали. Люди смотрели на них. Ее сердце колотилось. Ее охватили в равной степени облегчение и гнев.

Он взял ее за плечи и прижал к себе в неловком объятии. Ребекка какое-то время сопротивлялась, прежде чем обнять его руками, положить подбородок ему на плечо, всякая злость исчезла, когда она

почувствовала их тела вместе, защиту его объятий. От него пахло дымом, но ей было все равно. Это было хорошо.

Она заметила, что держит его крепче, чем он ее, и поняла, что это было для шоу, для людей, наблюдающих, чтобы поддерживать игру пары.

Ребекка отстранилась. Она видела удивление и неловкость на его лице. Села, смущенная. Он сел напротив нее, взял ее вилку и начал есть ее салат. Постепенно уровень шума в баре начал возвращаться к норме.

'Что это было?' — тихо спросила она.

Его тон был разочаровывающе небрежным: «Что было что?»

Ребекка нахмурилась. — Вы шутите?

— Я же говорил тебе, что не шучу.

Она покачала головой. — Слушай, тебе не нужно было ничего делать. Я позаботился об этом.

Он поднял голову и перестал жевать. Он ничего не сказал.

— Я позаботилась об этом, — повторила она.

— Я бы сказал, что это лестно положительная оценка.

Она посмотрела на него. — Когда мне понадобится твоя помощь, я попрошу ее.

— Когда я сочту нужным помочь, — начал он, — я это сделаю, попросите вы об этом или нет.

Она заметила что-то в том, как он это сказал, неожиданную защитную реакцию. Он увидел, что она тоже это заметила, и отвернулся. Он продолжал атаковать ее салат, чтобы не смотреть ей в глаза. Она сделала глоток водки с тоником.

«Спасибо, что принесли без льда».

Он кивнул, не глядя на нее.

Ребекка смотрела на него с минуту. — Вы получили все, что вам было нужно?

Он кивнул, ничего не сказал.

'Так, что дальше?' спросила она.

Он продолжал есть еще несколько минут, прежде чем заговорить. — Я проникну в «Олимп» и возьму файлы.

'Просто так?'

'Просто так.'

Она кивнула. «Тогда мы на шаг ближе к плохому парню».

Он придал ей выражение, которого она не поняла. Ребекка вопросительно посмотрела на него. 'Что?'

Он поднял бровь.

«Я плохой парень».

ГЛАВА 62

Париж, Франция

Четверг

21:2 @СЕТ

Просто чтобы сделать день Альвареса еще более разочаровывающим, шел дождь. Жесткий. Зонта у него не было, никогда не было и никогда не будет, и он шел быстро, сгорбившись вокруг шеи. Дождь хлестал по макушке, стекал по лицу и шее, промокая пальто и рубашку. Он вышел из кабины всего три минуты, но уже был мокрее студентки на весенних каникулах. Впрочем, дождь соответствовал его настроению. Следствие быстро иссякло. Когда Хойт был мертв, а с ним исчезло единственное твердое преимущество, Альварес практически застопорился. Убийца Озолса и местонахождение ракет удалялись все дальше и дальше.

Ему потребовалась еще минута, чтобы промокнуть до нитки, прежде чем он заметил нужное кафе на улице, где, казалось, их было несколько десятков, и поспешил внутрь. Интерьер был маленьким, с низким потолком, и все столики были заняты. Альварес вытер капли дождя с волос и лица и оглядел комнату. Он увидел Лефевра, сидящего в одиночестве и читающего газету. Невысокий, тщательно ухоженный французский лейтенант выглядел точно так же, как когда Альварес впервые столкнулся с ним полторы недели назад у отеля убийцы. Однако теперь его манера казалась другой; тогда он был весь высокомерие и превосходство. Сейчас он выглядел как обычный парень. Он не видел, как вошел Альварес, и только поднял взгляд, когда Альварес выдвигал стул напротив него.

— Я рад, что ты не подвел меня, — сказал Альварес, садясь на свое место. — Потому что после того, как я так промок, мне пришлось бы выследить тебя.

Лефевр закрыл свою газету. 'Напиток?'

'Ага. Кофе, пожалуйста.'

Француз подозвал официантку и заказал себе две чашки кофе и шоколадку. Альварес улыбнулся. Полицейские были одинаковыми во всем мире. Все они ели свои национальные пончики. Альварес снял свое насыщенное пальто и повесил его на спинку стула.

— Ты хотел меня видеть?

Лефевр кивнул. 'Верно. Спасибо что пришли.'

'Без проблем.'

— Я верю, что мы можем помочь друг другу.

— Я пытался сказать тебе это больше недели назад.

Лефевр пожал плечами. — А я должен был послушать. Но мне нужно было разобраться с отелем, полным трупов. Пожалуйста, примите мои извинения за грубость с моей стороны».

'Принятый.'

— Я буду краток.

Альварес вытер еще немного дождя с головы. 'Мне идет.'

— Андрис Озолс, — начал Лефевр, — был отставным офицером российского и советского флота. Правильный?'

Альварес не ответил.

— Я расценю ваше молчание как согласие, — сказал французский лейтенант с полуулыбкой. — Я знаю, что это правда, и я совершенно уверен, что вы тоже. В любом случае, мы оба знаем, что на прошлой неделе он был убит профессиональным убийцей. Убийца, который сам стал мишенью всего два часа спустя в своем отеле, где он застрелил большое количество людей. Этот пока еще безымянный убийца несколько дней назад вернулся в Париж. Его узнали и преследовали, но он избежал ареста и при этом убил нескольких полицейских. Перед побегом он встречался с американкой».

— Зачем ты мне все это рассказываешь? — спросил Альварес.

Лефевр откинулся назад. — Потому что ты можешь сделать с ним больше, чем я.

'Почему ты это сказал?'

— Джон Кеннард, — сказал Лефевр.

Услышав это имя, Альварес представил себе этого парня. Мертв. Зарезанный и лежащий на дерьмовом полу в ванной. 'Что насчет него?'

— Он работал с вами, да?

— Послушайте, я здесь не для того, чтобы отвечать на ваши вопросы, ясно?

Лефевр кивнул. «Это зависит от вас. Я говорю вам то, что знаю, и ничего не прошу взамен. Но я надеюсь, что когда я закончу, вы будете более откровенны со мной.

Официантка вернулась с их заказом. Альварес сделал глоток кофе. 'Продолжать.'

«На следующий день после убийства Кеннарда бездомный, хорошо известный моим людям, попытался использовать свою кредитную карту для покупки алкоголя. Его подобрал офицер и допросил. При нем среди прочего был сотовый телефон, принадлежавший вашему коллеге. После продолжительного допроса мужчина заявил, что забрал предметы из мусорного бака, увидев, как

другой мужчина их выбросил. Я верю ему. У него нет истории насилия, на нем не было ни ножа, ни крови на его одежде, одежду он не стирает и не снимает».

Лефевр продолжил: «Человек, выбросивший телефон и кредитную карту, описывается как одетый в костюм и говорящий с английским акцентом. Как и следовало ожидать, мне это не показалось типичным парижским грабителем. В убийстве явно было нечто большее, чем кто-либо думал сначала. В рамках расследования были проверены все последние звонки Кеннарда. Звонили друзьям, членам семьи, коллегам и так далее — ничего подозрительного, кроме одного французского номера, с которого дважды звонили на телефон Кеннарда после того, как его убили».

Альварес изо всех сил старался не реагировать на услышанное.

— Этот номер соответствует квартире в Марселе, где мы нашли сложное коммуникационное оборудование. Мой аналог в Марселе обнаружил, что эта резиденция заброшена. Там были взяты женские отпечатки пальцев, которые совпадают с теми, что были найдены в квартире здесь, в Париже. Та самая квартира, откуда сбежал убийца Озолса с той американкой.

Альварес был ошеломлен. Он поставил свой кофе.

— Как видите, между вашей коллегой, этой американкой, и человеком, убившим Андриаса Озолса, есть какая-то связь. Я не знаю, что это за связь, и беру на себя большой риск, сообщая вам всю эту информацию. Насколько я знаю, вы тоже в этом замешаны.

— Уверяю вас, что это определенно не так.

Лефевр кивнул, как будто его не нужно было убеждать. — Я полицейский. Моя работа - привлекать преступников к ответственности. Но я знаю, как работает разведывательный бизнес. Я знаю, что есть вещи, которые мне никогда не расскажут, вещи, которые мне нужно сказать, и без всех доказательств, как я могу что-то решить?

Лефевр взял с пола коричневый кожаный портфель и достал папку.

'Что это?' — спросил Альварес, просматривая файл.

— Для вас, — объяснил Лефевр, — все, что у нас есть. Все улики.

Альварес взял файл. Он задал простой вопрос. 'Почему?'

— Как я уже сказал, потому что ты можешь сделать с ним больше, чем я. Я бы предпочел, чтобы один из нас преуспел, чем мы оба потерпели неудачу. Справедливость важнее для меня, чем доверие. Люди мертвы. Они заслуживают мести. За это я уступаю тебе. Все, о чем я прошу взамен, — сказал Лефевр, — чтобы вы сказали мне не для записи, когда добьетесь успеха.

Это была небольшая цена. — Буду, — сказал Альварес и имел в виду именно это.

Лефевр указал на файл. — Внутри вы найдете отпечатки пальцев американки. Я предлагаю вам начать с выяснения того, кто она на самом деле.

— Я не знаю, как вас отблагодарить.

Лефевр улыбнулся. — Тебе не нужно.

ГЛАВА 63

Никосия, Кипр

Четверг

23:49 по центральноевропейскому времени

Ребекка села на край кровати, переключая каналы спутникового телевидения отеля. Это была причудливая смесь каналов на английском и греческом языках с местным кипрским телевидением. Тессеракт собирал свой рюкзак. Ее любопытство заставило ее спросить, для чего предназначено это оборудование, и, к ее удивлению, он ей ответил. Сначала был портативный жесткий диск большой емкости для клонирования содержимого жестких дисков компьютеров. Затем передатчик, радиоприемник и звукозаписывающее устройство для прослушивания телефона, если он не найдет то, что им нужно. В объяснении ей не нуждались отвертки, плоскогубцы, гаечный ключ, шестигранные ключи, карандаши и бумага. Инструменты для взлома замков, стеклорез и присоска были помещены вместе в отдельную небольшую сумку, которую затем добавили к рюкзаку.

— Думаешь, тебе все это понадобится? — спросила Ребекка.

Он покачал головой. «Но лучше я возьму то, что мне может не понадобиться, чем останусь без того, что мне нужно».

Когда все было надежно упаковано, он взял с собой комплект одежды в ванную и закрыл дверь. Она не была закрыта до конца, и через щель она могла видеть его отражение, когда он менялся. Она мельком увидела его голую руку, худую, но с выступами твердых мышц. Она продолжала смотреть, чтобы украдкой взглянуть на остальную часть его тела, но вместо этого вздрогнула от того, что увидела.

Она поймала взгляд на его торс и шрамы на его теле. Огромный круглый синяк размером с кулак возвышался над центром его груди. Она увидела два шрама, которые могли быть пулевыми ранениями, и еще больше, которые, как она предположила, были оставлены лезвиями. Были и другие, но она не смотрела достаточно долго, чтобы идентифицировать их. Ребекка отвернулась, потрясенная и испуганная.

— Такая хорошенькая?

Она подняла голову и увидела, что он смотрит на нее через зеркало. Ее лицо покраснело от смущения, и она отвела глаза. Прежде чем она набралась смелости ответить, он полностью закрыл дверь. Она услышала, как скользнул болт.

Он вышел через несколько минут, и она смотрела, как он взял складной нож с прикроватной тумбочки и сунул его в карман. Он купил его в городе. Попытка найти пистолет привлекла бы слишком много внимания, сказал он ей.

— Я полагаю, ты ненавидишь растворимый кофе так же сильно, как и я, — сказала Ребекка. — Так что я сделал нам обоим чай.

Он взял у нее кружку и сделал глоток. Должно быть, все было в порядке, потому что секундой позже он сделал еще один глоток.

— Я все еще думаю, что мне следует пойти с вами, — сказала она.

Он не смотрел на нее. «Я работаю один».

— Вряд ли это имеет значение. Я-'

— Кроме того, — сказал он, перебивая ее. — Для тебя будет безопаснее, если ты останешься здесь.

Она вздохнула. Спорить с ним было бесполезно. Он был как ребенок. Упрямый и урколобий, слишком привык делать все по-своему, чтобы признать, что кто-то другой может помочь.

«Помните, — сказал он, — не выходите из комнаты до утра. Если я не вернусь к восходу солнца, значит, со мной что-то случилось, и я никогда не вернусь. Немедленно покиньте остров и исчезните. Возьми лодку, а не самолет...

'Знаю, знаю. Мы уже проходили через это однажды.

— И мы будем повторять это до тех пор, пока я не буду уверен, что вы все понимаете.

— Было бы неплохо, если бы вы могли отдать мне должное.

Он посмотрел на нее на мгновение. 'Вот что я делаю.'

Ребекка видела, что пробивается сквозь стену, которой он себя окружил, даже если единственный способ пробить ее — заставить его потерять терпение. Ей хотелось еще больше разрушить эту стену, но вместо этого она сказала что-то другое.

— А зачем ты это делаешь?

Он посмотрел на нее пустым взглядом. 'Что?'

«Я сказал, почему ты делаешь то, что делаешь?»

Ребекка изучала его лицо, пока он пытался ответить на ее вопрос. Она ожидала какого-то быстрого возражения, отказа или полного отказа от ответа. Не это. Он выглядел смущенным, даже огорченным, и она тут же пожалела, что спросила его.

— Все в порядке, — сказала она, пытаясь поднять настроение. — Тебе не обязательно говорить.

— Это единственное, в чем я когда-либо был хорош.

Она видела, что это не было ни оправданием, ни даже признанием. Это было признание. Он отвернулся и схватил рюкзак с кровати. Она наблюдала за ним, обнаруживая, что начинает видеть мужчину, а не убийцу.

— Как вам удастся спать по ночам?

— Сначала я закрываю глаза, — невозмутимо объяснил он. «Остальное приходит само собой».

Ее ноздри раздулись. — Я думал, ты не шутишь.

'Я изучаю.'

Она увидела след самодовольства на его лице. Он был доволен собой, но она видела его ответы избеганием. 'Скажите мне ваше имя.'

'Что?'

— Я знаю тебя почти неделю, — сказала она. — И у меня до сих пор нет настоящего имени, чтобы звать тебя.

Ребекка хотела спросить его и раньше, но никогда не решалась на это. Теперь она обнаружила, что ей не нужно мужество. Она видела в нем уязвимость, страх, который она вселила в него, заставив говорить о себе.

Она смотрела, как он возится с рюкзаком, словно что-то проверяя. — Вам не нужно меня как-то называть.

'Только скажи мне.'

Он прекратил делать вид, что делает, и посмотрел на нее. — Если хочешь называть меня как-нибудь, зови меня Джек.

— Это не твое настоящее имя.

«Я работаю под тем именем, которое указано в паспорте, которым я пользуюсь».

Она нахмурилась. — Значит, мне следует называть тебя Джек?

Он повесил рюкзак на плечо. — По крайней мере, пока я не поменяю паспорта.

Ребекка встала и посмотрела на него через кровать. — Если у тебя так много других имен, какая разница, если ты назовешь мне свое настоящее имя?

«Я тот, кто указан в моем паспорте», — объяснил он. «Я буду более убедительным, если буду думать о себе как об этом человеке».

«Ты так говоришь, как будто пытаешься убедить себя больше, чем меня».

«Имя само по себе ничего не значит». Теперь он говорил громче, злясь, но пытаясь скрыть это. «Никто не знает моего настоящего имени. Так оно и останется».

— Тогда как семья называет тебя?

Он не ответил. Она могла догадаться, что он этого не сделает.

— А как же ваши друзья, знают ли они ваше настоящее имя, или все они называют вас одним и тем же вымышленным именем, или разные люди знают вас под разными именами?

Она использовала пульт, чтобы выключить звук телевизора, пока ждала ответа. Он поправил лямку на рюкзаке и перебросил его через плечо. Он не ответил на ее вопрос.

— Боже, — сказала она с пониманием. — Как ты можешь так жить?

— Это лучше, чем умереть, — просто ответил он. — Или из-за меня погибнет невинный человек. Он направился к двери. — Уже поздно, — сказал он. 'Я должен идти.'

Даже с не самыми современными отмычками вход в заднюю дверь Olympus занял несколько секунд. Виктор не видел никаких следов системы безопасности, так что не было необходимости отключать электричество в здании. Рядом не было уличных фонарей, и дороги были пустынные. Виктор проскользнул внутрь и закрыл за собой дверь. Он стоял в темноте у двери, прислушиваясь. Он оставался неподвижным, пока не убедился, что не слышно ни звука, кроме его собственного дыхания.

Он включил тонкий фонарик и использовал его луч, чтобы осмотреть интерьер. Он был на складе, который был пуст, если не считать нескольких ящиков, сложенных вместе в одном углу. За ними было видно кресло, телевизор и стол — чье-то убежище, — но там никого не было. Не издавая ни звука, Виктор отошел в дальний конец,

все время держась вплотную к стене. Узкая лестница вела к офисам над складом. Он брал их медленно, один осторожный шаг за раз.

Офис не был заперт. В луче фонарика он увидел несколько столов и пару компьютеров — рабочее место для двух-трех сотрудников. У одной из стен стоял высокий картотечный шкаф, а в кирпичной кладке был зарыт небольшой сейф. Рядом с одним из мониторов лежала свернутая газета.

Сначала он подошел к шкафу с документами, пробираясь по ящикам снизу вверх. Там были счета-фактуры, заказы на поставку, накладные, лицензии, корреспонденция, меморандумы. Он искал конкретные даты — его прошлые контракты — любую крупную сумму денег, которая была обработана непосредственно до или сразу после этих дат. Он брал все, что выглядело хотя бы отдаленно полезным.

Прежде чем обратить внимание на сейф, он открутил жесткие диски двух настольных компьютеров. Если бы можно было найти что-то еще, это было бы там. В рюкзаке у него был тонкий, но мощный ноутбук, на который была установлена специальная программа, разработанная специально для взлома кодов электронных ключей. Программное обеспечение провело атаку грубой силы через беспроводное соединение, вмешавшись в замок на своем порту программирования, прежде чем запускать непрерывную строку чисел, пока не будет найдена комбинация. Виктор загрузил программное обеспечение с веб-сайта компании, заплатив за это значительные средства, но без эффективных контрмер оно того стоило. Хотя против традиционного циферблатного кодового замка, с которым столкнулся Виктор, он был совершенно бесполезен.

Сейфу на вид было лет тридцать. К счастью, это выглядело как группа 2 — наиболее распространенный из двух безопасных типов и наименее безопасный. Не было бы никаких контрмер, о которых ему пришлось бы беспокоиться, никакого высвобождения кислоты против

несанкционированного доступа, чтобы уничтожить содержимое. Тем не менее, без надлежащих инструментов на его взлом могут уйти часы. Доверьте подставной компании ЦРУ сейф почти такого же возраста, как и он. Мощный ноутбук в рюкзаке был для него не более полезен, чем пресс-папье.

Что оставило Виктора с тремя способами взломать сейф: взрывчатка, сверление или манипулирование замком. У него не было ни взрывчатки, ни дрели, так что придется действовать по старинке. Виктор разложил высокотехнологичные инструменты для работы: блокнот с миллиметровой бумагой, карандаш и стетоскоп.

Все традиционные кодовые замки работали одинаково проверенным способом. Когда циферблат поворачивался, прикрепленный шпиндель поворачивал приводной кулачок, который затем вращал комбинированные колеса. В каждом колесе была вырезана выемка, которая при наборе правильной комбинации идеально совпадала. Прямо над колесами располагалась небольшая металлическая планка, называемая забором. Когда все выемки совпали, ограждение попало в образовавшуюся щель, позволив болту, крепящему дверь сейфа, скользнуть и открыть сейф.

Виктор снял куртку и сложил ее, чтобы использовать как импровизированную подушку. Он собирался долго стоять на коленях.

Первым шагом при взломе сейфа было определение количества колес в сейфе. Каждое колесо за циферблатом соответствовало одному числу в комбинации. Как и в колесах, в приводном кулачке была прорезана выемка, чтобы забор мог попасть в нее при наборе правильной комбинации. Между ограждением и дверным засовом находился рычаг, который при повороте приводного кулачка издавал тихий щелчок, когда носик рычага соприкасался с выемкой на приводном кулачке.

Виктор воспользовался стетоскопом и внимательно прислушался к щелчкам — один, когда носик рычага попал в выемку, называется правым щелчком, а второй, когда нос выходит из выемки, называется левым щелчком. Этим щелчкам соответствовали цифры на циферблате, а пространство между ними называлось контактной площадкой.

Как только он определил, где находится зона контакта, Виктор установил циферблат в прямо противоположное положение, известное как стоянка колес. Затем медленно повернул диск по часовой стрелке. Каждый раз, когда циферблат проходил парковочное положение, раздавался небольшой щелчок. Виктор подсчитал, сколько щелчков было до того, как они прекратились. Виктор насчитал три щелчка, по одному на каждое колесо, так что он знал, что имеет дело с сейфом, в котором была комбинация из трех цифр.

Виктор перезагрузил сейф, несколько раз повернув диск по часовой стрелке. Затем он остановил колеса на нуле и медленно повернул их против часовой стрелки. Каждый раз, когда раздавался щелчок, по одному как для левой, так и для правой стороны выемки, он наносил числа на график, пока не завершил одну окружность.

Он снова начал процесс, переустанавливая колеса, медленно поворачивая циферблат против часовой стрелки, но начиная с трех цифр против часовой стрелки от нуля. Это означало, что площадь контакта, где рычаг и выемка встречаются, будет другой. Он снова нанес положение кликов на график.

Виктор повторял процесс с интервалом в три, пока не были нанесены все точки на циферблате. Наконец трудоемкий и кропотливый процесс был завершен, и у него было два графика, один из которых показывал положение левых кликов, а другой — положение правых кликов. Он соединял точки, пока не получил два зигзага.

Числа, нанесенные на два графика, сошлись ровно в трех точках, по одной для каждого колеса и, следовательно, числа комбинации. Виктор записал эти три числа и записал их во всех шести различных комбинациях. Он пробовал их по очереди. На четвертой комбинации сейф открылся. Он посмотрел на свои часы. Это заняло у него семьдесят минут. Неплохо.

В сейфе были пять стопок с наличными, папка и бутылка джина. Каждая стопка наличных равнялась пяти тысячам евро. Виктор положил их в рюкзак и открыл папку. Там было полно файлов. Они последовали за наличными. Он вышел из кабинета и начал спускаться по лестнице.

Работа с документами никогда не была сильной стороной Виктора, но маклер сможет быстро проанализировать файлы и выяснить, что им нужно. Он был рад, что объединился с ней. В одиночку он бы никогда не зашел так далеко. Он по-прежнему будет бежать вслепую, никуда не идя, ожидая, пока ЦРУ найдет его. Несколько раз она зарекомендовала себя как чрезвычайно ценный партнер — даже партнер, хотя было странно признавать, что это так.

Он не хотел этого признавать, но она была больше, чем просто это. Еще не друг, но компаньон, с кем он действительно хотел поговорить, хотя ему все еще было трудно общаться с ней. Это было отчасти из-за того эффекта, который она на него произвела, и отчасти из-за характера Виктора. Когда он играл роль, он мог быть красноречивым и очаровательным с противоположным полом, если это было необходимо, но когда играл самого себя, он был неуклюжим и неуклюжим. Он сильно отвык от практики, хотя на самом деле никогда не был на практике.

Он отрицал влечение, но знал, что оно есть. Его взгляд задерживался на ней всякий раз, когда она не смотрела. От взгляда на ее тело его пульс участился сильнее, чем у любой проститутки. Но дело было не только в желании, которое она пробудила в нем. Она была единственной женщиной в его жизни, когда-либо в его жизни, которая знала, кто он на самом деле, и даже знала, что она не смотрела на него с отвращением. Прежде чем он ушел, он даже увидел сочувствие в ее лице, когда она смотрела на него, даже если сострадание обычно не согласовывалось с его одиноким менталитетом выживания.

Виктор снова и снова говорил себе, что в жизни ему никто и ни для чего не нужен. Может быть, когда-то так и было, но, может быть, сейчас это было не так. А может быть, просто всегда было легче убедить себя, что он никому не нужен, чем признать правду.

Он вышел со склада, поняв, что с нетерпением ждет встречи с ней, когда вернется в отель. Он нахмурился. Это была плохая идея, сказал себе Виктор, не ходи туда.

Только он больше не слушал этот конкретный голос.

ГЛАВА 64

01:1 ©СЕТ

Ребекка зевнула. Ее глаза болели. Его не было около часа, и она понятия не имела, когда он вернется. Он был уклончив, когда она давила на него какое-то время. «Столько, сколько потребуется», — был

лучший ответ, который он ей дал. Она хотела не спать, когда он вернется, поэтому сняла трубку и позвонила в номер, чтобы заказать тройной эспрессо. Если это не мешало ей спать, то ничего не могло.

Она остановилась на просмотре новостного канала. Это помогало ей держать веки поднятыми, даже если истории не представляли для нее интереса. Поторопись и возвращайся, подумала она. Ей не нравилось оставаться одной, даже в относительной безопасности гостиничного номера. Никому не открывай дверь, сказал он ей. Она начала находить его паранойю невыносимой.

Но потом она увидела его шрамы. Это было откровением. Ребекка не могла представить себе существование, в котором кто-то может получить столько травм. И если он носил столько телесных ран, то сколько психологических шрамов было у него в голове? Она поняла, почти к своему изумлению, что ей действительно было жаль его.

Она вспомнила, что произошло в баре, как он заступился за нее. Было ли это потому, что он на самом деле хотел помочь, или это было просто для того, чтобы оставаться в тени? В то время она была оскорблена тем, что он не позволил ей вести ее собственную битву, думая, что, может быть, даже киллеры могут быть рыцарскими, хотя это было неуместно, но потом она поняла, что он, скорее всего, просто защищал себя, не пуская ее. неприятностей. Теперь она была уверена, что он просто присматривал за ней, и эта мысль тронула ее.

Дважды он в каком-то смысле спас ее. Она улыбнулась. Как ангел-хранитель. Хотя ангел-хранитель смерти был бы лучшим описанием.

Убьет ли он ее, когда все это закончится? Это был вопрос, который она задавала себе раз десять или даже больше за последние несколько дней. Поначалу, даже после того, как он сказал, что она

больше никогда его не увидит, Ребекка ожидала, что он пустит ей пулю в череп, как только она перестанет быть ему нужна. Идея соблазнить его, чтобы не допустить ее к его списку целей, когда-то была в планах — она видела, как он смотрел на нее, — но у нее не хватило смелости.

Теперь, после того, как он избегал называть ей свое имя, она была уверена, что он не собирался ее убивать. Если бы он сказал ей, она стала бы еще большим риском для него, и его профессиональный менталитет заставил бы его устранить этот риск. Он не хотел этого делать. Возможно, когда-то он планировал убить ее, но не больше. Она улыбнулась, зная, что она ему нравится, даже если он никогда не признается в этом.

У нее не было иллюзий относительно того, кем он был и чем зарабатывал на жизнь, но, возможно, за всем этим скрывалось что-то близкое к человеку. Может быть, когда все это закончится, она узнает, как выглядел этот человек.

Когда ей принесли кофе, она уже была в полусне. Ребекка открыла дверь и взяла у парня чашку с блюдцем, ее глаза щурились от света в коридоре позади него. Она вернулась в комнату, чтобы взять немного денег на чаевые.

Обернувшись, она увидела, что он уже за дверью. Хотя ее зрение было расплывчатым, она поняла, что он выглядит слишком старым для официанта в отеле. Его волосы были черными, но оттенок кожи был светлым, не греческим. Внезапно испугавшись, она отступила от него, дальше в комнату.

Выражение его лица ничего не выражало, когда он закрывал за собой дверь. Он двигался вперед плавно, не торопясь. Она увидела его глаза: ледяные голубые. Это были глаза человека без души.

Ребекка молилась, чтобы человек, имени которого она не знала, вернулся в этот момент, но его не было видно.

На этот раз он не собирался ее спасать.

ГЛАВА 65

01:49 по центральноевропейскому времени

Основной свет был выключен, когда Виктор вернулся в комнату. Хорошо. Он сказал ей не надевать его. Только вторичный свет. Они тоже были выключены. Он слышал, как работает душ. Он не говорил ей никогда им не пользоваться. Если кто-то придет за ней, он сомневается, что это что-то изменит.

— Это я, — сказал он.

Нет ответа. Она не могла слышать его из-за шума душа. В шторах была трещина. След лунного света проник в комнату. Свет из ванной просочился под дверь. Освещения было достаточно, чтобы он увидел, что все в порядке. Однако он был осторожен — он всегда был таким. В темноте он подошел к своей кровати, самой дальней от двери. Он включил лампу. В комнате оставалось темно.

Вздыхнув, он прошел вокруг кровати ко второй лампе рядом с кроватью брокера. Они всегда использовали двухместные номера с двумя кроватями. Было достаточно трудно спать, зная, что она находится в одной комнате, но при этом не лежать в той же постели.

После стольких лет сна в одиночестве Виктор не знал, сможет ли он с кем-то рядом. Он не хотел пытаться и потерпеть неудачу, чтобы узнать, насколько он далек от нормальности.

Он щелкнул выключателем, но он тоже остался выключенным. Виктор обернулся. Свет в ванной горел, значит, электричество работало, но обе лампочки погасли. Это казалось слишком большим совпадением.

В его руке появился нож.

Он подошел к главному выключателю света. Было противно протоколу включать его, если был доступен меньший источник света, но его не было. Его рука протянулась, его палец коснулся выключателя. Но он не сбросил его. Что-то было очень не так.

Ему казалось, что его направляют к этому. Он мог ошибаться, но не собирался рисковать. Он убрал руку с выключателя и достал из кармана тонкий фонарик. Он осветил на выключатель. Это был обычный выключатель света, ничем не отличавшийся от того, каким он был, когда они впервые вошли, за исключением того, что головки винтов выглядели поцарапанными. Он осветил фонариком на пол под выключателем. Ему потребовалось несколько секунд, прежде чем он заметил крохотное белое пятнышко на ковре. Он присел на корточки и коснулся его пальцем. Штукатурка.

Комната была безупречной, когда они приехали.

Его пульс начал расти. Не было ни вместительных шкафов, ни места под кроватями. Это оставило ванную.

Виктор включил телевизор, прибавил громкость. Он вернулся к кровати. В левой руке у него был фонарь, в правой — нож. Он молча подошел к двери ванной и встал лицом к ней. У него было ужасное предчувствие того, что он увидит внутри. Его желудок был напряжен как никогда.

Он выбил дверь.

Ванная была маленькой. Там никто не прятался, никто не ждал.

Все равно никого в живых.

Она по-прежнему хорошо выглядела, даже с мокрыми волосами, упавшими на лицо. Ее голова покоилась на краю ванны, как если бы она отдыхала, но под невозможным углом от остального тела. Вода из душа брызнула ей на лицо и широко открытые глаза. Виктор медленно подошел и выключил душ.

Никакое контролируемое дыхание не могло замедлить его сердцебиение. Виктор присел на корточки рядом с ванной, нож выскользнул из его пальцев. Он знал, что это бессмысленно, но все же проверил ее пульс. Ее кожа была еще теплой. Он протянул руку и убрал светлые волосы с ее лица. Она жаловалась, когда он приказал ей отбелить его. Он осторожно закрыл ее веки. Она выглядела спящей, умиротворенной. Он продолжал смотреть на нее гораздо дольше, чем считал благоразумным.

Он подобрал нож с пола и снова встал, костяшки пальцев побелели. Он почувствовал себя плохо. Виктор вышел из ванной с холодным гневом в глазах.

Не было ни оборонительных ран, ни следов какой-либо драки, ни следов крови, ни кожи под ногтями, ничего, что указывало бы на то, что она вообще сопротивлялась. Виктор знал ее достаточно хорошо, чтобы понять, что она не умерла бы без боя. Но против того, кто убил ее, эта битва закончилась в ту же секунду, как началась. Убийца был хорош. А он все еще был рядом. Брокер был не единственной целью. Он пришел за ними обоими. Виктор обернулся и посмотрел на выключатель.

За ним должен был быть выключатель, подсоединенный к детонатору, который взрывался, когда через него проходило электричество. В свою очередь, взрыв приведет к детонации пластиковой взрывчатки, упакованной за стеной, достаточной для того, чтобы никто в комнате не выжил после взрыва. Это убило бы их обоих, если бы она отправилась с ним на Олимп. Но она этого не сделала. Он сказал ей остаться. Это было безопаснее.

Убийца был снаружи. Он не стал бы просто устанавливать бомбу и уходить, надеясь, что все получится. Он должен убедиться. Он был рядом, наблюдая, ожидая. Он уйдет только тогда, когда огненный шар пробьет окно.

Виктор не собирался заставлять его ждать.

Он использовал нож, чтобы отвинтить выключатель, и осторожно снял переднюю пластину. Внутри все было именно так, как он себе представлял. Детонатор был присоединен к основной проводке и имплантирован в большое количество чего-то похожего на американский С-4. Это было не в блоке; его тщательно замесили и втолкнули в полость за стеной. Там было несколько фунтов. С ним были пластиковые бутылки из-под газировки, наполненные дизельным топливом, чтобы взрыв вызвал непрекращающийся огонь, предположительно для того, чтобы сжечь их трупы и не оставить

следов тому, кто это начал. Он ожидал, что и другие бутылки будут спрятаны по всей комнате и в ванной.

Убийца, наблюдавший издали, увидел бы, как Виктор вошел в отель. Если он не увидит взрыва в ближайшее время, то может понять, что произошло. Виктор не мог этого допустить. Он отключил телевизор, отрезал провод от задней части телевизора и сорвал вилку, оставив ему три фута кабеля. Он отключил телефон в комнате и поднес его ближе к двери. Затем он оторвал пластиковую оболочку телефона и прикрепил провода на концах телевизионного кабеля, ведущего к проводам внутри телефона. Другой конец он присоединил к детонатору, предварительно аккуратно удалив исходные провода. Когда все было в порядке, он подключил телефон к розетке рядом с телевизором.

Когда телефон звонил, электричество, проходящее по его проводам, взрывало детонирующий заряд. Последует пластическая взрывчатка. Виктор быстро собрал вещи и ушел. Он не мог терять время.

Ему нужно было позвонить.

*

Даже посреди ночи различные бары и кафе вдоль улицы были открыты и заняты, киприоты и туристы хорошо проводили время. Рид сидел за столиком возле одного из наименее шумных заведений и тихо потягивал из высокого стакана свежавыжатый апельсиновый сок. Перед ним на столе лежала книга, которую он не читал, но это помогало объяснить его нелюдимое присутствие. Он знал, что официантка до сих пор недоумевает, почему он просидел здесь большую часть вечера, но завтра в это время Рид вернется в Англию, наслаждаясь большим бокалом коньяка Hennessy Ellipse.

Со своего места он мог видеть темный прямоугольник, который был окном в комнату Тессеракта. Пульс Рида был на три удара в минуту выше обычного, пока он ждал большого взрыва. Он ожидал этого в ближайшее время, так как всего несколько минут назад он видел, как Тессеракт вернулся в отель. То, что у него не было другого имени, чтобы назвать свою добычу, немного раздражало Рида. Ребекка Самнер не смогла сказать ему, несмотря на его значительные усилия убедить ее. В конце концов он поверил ей, что Тессеракт отказался назвать свое настоящее имя. Что, как он полагал, было уместно. Такие люди, как Тессеракт, как и он сам, не имели настоящих имен.

Он спрашивал ее и о других вещах. Сколько ему было лет? Какова была его история, его подготовка, его биография? Риду нравилось иметь такую информацию о своих целях, и тем более, когда целью был такой же профессиональный убийца с очевидным, хотя и никоим образом не сравнимым мастерством. Досье, которое его работодатели предоставили на Тессеракт, было ужасно неадекватным, и Рид не получал удовольствия от убийства людей, которых, как ему казалось, он не знал должным образом. Увы, она не могла сказать ему ничего, кроме самых голых подробностей, ничего значительного, чего бы он уже не знал. Она не лгала. Люди никогда не лгали Риду. Он был самым убедительным.

Ударная волна взъерошила его рубашку и заложила уши. Стекло посыпалось на улицу. Кирпичи пробивали лобовые стекла припаркованных автомобилей. Пламя вырывалось из выбитых окон. Густой дым поднялся в ночное небо.

Рид закрыл глаза и представил себе восхитительный момент, когда щелкнул бы выключатель света и с стертых костей Тессеракта содрали плоть. Рид был уверен, что это было бы зрелище, даже если бы он никогда не умел пользоваться бомбами. Они пошли против его доктрины убийцы. Они были слишком очевидными, слишком

неразборчивыми, со слишком большой вероятностью побочного ущерба. Они были оружием террориста, а не наемного убийцы с непревзойденными способностями.

Первоначальная ошеломленная тишина, последовавшая за взрывом, быстро сменилась истерией. Еще один из прискорбных побочных эффектов взрывных устройств. У них была неприятная привычка расстраивать прохожих. Вокруг него все вскочили на ноги, смотрели, тыкали пальцами, некоторые кричали. Он был рад видеть, что падающие обломки никого на улице не ранили, хотя, если бы кому-то посчастливилось пройти мимо двери комнаты, когда взорвалась бомба, он бы рассыпался. По крайней мере, они бы умерли мгновенно. Никаких страданий. Это имело значение для Рида. Соседнюю комнату тоже снесут, но по соседству гостей не было. Рид проверил первым. Он никогда не убивал невинных, если только это не было неизбежно. Он был профессионалом, а не психопатом.

C-4 было достаточно, чтобы гарантированно разорвать Тессеракт на бесчисленные неузнаваемые куски, и достаточно ускорителя, чтобы сжечь оба набора останков. Это было непреложным условием клиента. Он не хотел абсолютно никаких следов. С ограниченным временем и ресурсами, а также с опытным противником, Риду ничего не оставалось, как использовать взрывчатку и огонь, чтобы сделать тела неопознаваемыми.

Риду потребовалось время, чтобы допить свой напиток, прежде чем встать. Тессеракт никак не мог пережить взрыв такого масштаба, поэтому работа Рида была завершена, и к его и без того впечатляющему резюме добавился еще один достойный скаल्प. Жаль, что это была такая хорошая ловушка, что его жертва никогда бы не узнала, что он попал прямо в нее. Англичанин собрал книгу и газету и оставил особенно щедрые чаевые.

Он пробирался сквозь потрясенную толпу возле отеля, медленно идя, наслаждаясь теплым ночным воздухом очаровательного города, не подозревая, что он был не единственным человеком на улице, которого не затронул взрыв.

ГЛАВА 66

Арлингтон, Вирджиния, США

Пятница

12:30 по восточному поясному времени

Фергюсон сидел, тихо пережевывая, за угловым столиком в холле своего джентльменского клуба. Он наслаждался своей любимой едой, тартаром из бифштекса и большим бокалом бургундского. Его телефон был переведен в беззвучный режим, чтобы он мог есть без перерыва. Становясь старше, Фергюсон обнаружил, что предпочитает делать все больше и больше вещей в одиночку. Слишком большую часть своей жизни он провел в компании идиотов, чтобы тратить оставшиеся годы впустую. Он особенно любил есть в одиночестве, не болтая о делах или банальностях между глотками.

Его телефон замигал, но Фергюсон проигнорировал его. Клуб был в основном пуст, лишь горстка мужчин пенсионного возраста, вроде него, рассредоточилась по огромному залу с панелями из красного дерева. В мраморном камине, встроенном в стену, бушевал огромный настоящий огонь. Клуб был его личным убежищем, и он

посещал его почти два десятилетия, наблюдая, как другие лица стареют, талии становятся шире, а разговоры тише.

Фергюсон чувствовал усталость. Он не так хорошо спал. Он сохранял вид абсолютного спокойствия, и в подавляющем большинстве случаев это спокойствие было искренним, но были случаи, когда его внутреннее состояние было не таким устойчивым, как его внешний вид заставил людей поверить. Учитывая, что на карту поставлено так много и игра ведется так близко к линии, это неудивительно.

Это почти бросало вызов вере в то, что Тессеракту удавалось оставаться в живых так долго. Но, рассудил Фергюсон, в прошлом он получил изрядную долю удачи в операциях, поэтому он полагал, что такая неудача с этой операцией вполне естественна.

Фергюсон положил в рот еще один кусок сырого мяса и прожевал. Он надеялся, что смерть Тессеракта и Самнера была лишь вопросом времени, и, как только ему больше не придется беспокоиться о каком-то убийце, отказывающемся умирать, он сможет рассчитывать на очень радужную пенсию. Только до тех пор, пока он не заполучил эту флешку.

На дне морского дна находились технологии стоимостью не менее ста миллионов долларов. Фергюсон был так близок к тому, чтобы разбогатеть сверх своих самых смелых мечтаний, что почувствовал это на вкус. До сих пор ему просто не везло, вот и все. Фергюсон был в этом уверен. Стейк тартар было трудно проглотить.

Его телефон снова замигал, и Фергюсон увидел на экране имя Сайкса. Безвольный дурак все утро пытался дозвониться до него. Очевидно, это было что-то важное, или, по мнению Сайкса, важное, но Фергюсон пока не был в настроении слушать об очередной лаже.

Если что-то еще пойдет не так, Фергюсону предстоит еще несколько трудных ночей. Если бы все было аккуратно завернуто, все, что было до этого, все равно пришлось бы убирать. Даже если Альварес ни к чему не приведет, Чемберс и Проктер не оставят все в покое. Как бы сильно Фергюсон не любил их, особенно Проктера, он с болью осознавал, что толстый ублюдок и страдающая анорексией сука были пронизательными и решительными людьми.

Фергюсон знал, что огромный нос Проктера все обнюхивает, и ему придется довести дело до решения без каких-либо недочетов. В противном случае Проктер будет продолжать тянуть, пока все не развалится. Единственный способ решить проблему — это если кто-то возьмет на себя ответственность за найм Тессеракта. Должен быть плохой парень.

Разговор в несколько децибелов не по правилам вежливости прервал его мысли. Он поднял голову и увидел, что Сайкс спорит с метрдотелем. Фергюсон вздохнул и жестом пригласил Сайкса пройти.

Фергюсон взял за правило есть и не смотреть на него, пока Сайкс сел напротив. Файл упал на стол.

«Счастливого гребаного Рождества».

'Извините.'

Фергюсон взглянул вверх и увидел улыбающееся лицо Сайкса. Его лицо выглядело так, как будто оно было в рекламе ряда средств по уходу за мужчинами для не очень молодых и не очень привлекательных.

«Рождество наступило рано, — объявил он. 'Это конец.'

'Что?'

'Это конец.' Сайкс снова объявил

Шестидесятисемилетнее сердце в груди Фергюсона начало биться быстрее. 'Он умер?'

Лицо Сайкса вытянулось еще больше. «Разлетелся вдребезги».

— Самнер?

— Тоже мертв. Рид получил их обоих. Недостаточно осталось ни того, ни другого, чтобы идентифицировать. Ничто не вернется к нам. Всегда.'

По спине Фергюсона побежали мурашки. — Слава Богу, — сказал он, присоединяясь к Сайксу с собственной улыбкой. «Этот мальчик стоит каждой копейки. Я очень надеюсь, что британцы оценят его навыки». Он сделал паузу на мгновение, чтобы насладиться сладким вкусом победы. «Я был почти обеспокоен там на мгновение».

Сайкс рассмеялся. 'Ты говоришь мне. Мое сердце было у меня во рту уже больше недели».

— Приятно чувствовать облегчение, не так ли, мистер Сайкс?

— Бля, да. Но становится лучше.

— У него есть двигатель? — с волнением в голосе спросил Фергюсон.

Сайкс кивнул. Он указал на файл.

Фергюсон поднял бровь и наморщил лоб. Он потянулся за файлом. 'Уже?'

Сайкс кивнул. — Я пытался связаться с вами несколько часов. У меня было достаточно времени, чтобы разобраться.

Фергюсон осторожно открыл файл и просмотрел внутри изображения гидролокатора. 'Где это находится?'

— Примерно в восьмидесяти милях от побережья Танги, Танзания, — вполголоса объяснил Сайкс.

Ветеран ЦРУ задумался на несколько мгновений. — Вам нужно вылететь как можно скорее. Я придумаю вам причину посетить посольство от моего имени.

Нежелание на лице Сайкса было очевидным. — Вы хотите, чтобы я пошел лично?

Фергюсон кивнул. «Уже было допущено слишком много ошибок из-за использования третьих лиц. Ты нужен мне там. Тонкое, но лестное обращение сработало мгновенно. Фергюсон видел, как Сайкс проникся этой идеей. Он продолжил. «Возьмите пару водолазов —

некоторых бывших морских котиков, базирующихся на континенте, не составит труда найти».

— Некоторое время назад я составил список подходящего персонала, — сказал Сайкс с кажущейся небрежностью, но с тонко замаскированным самодовольством.

— Очень хорошо, — сказал Фергюсон. — Спланируй, чтобы они встретились с тобой там, и проинформируй их, только когда будешь на корабле. Достаточное количество денег должно развеять любые сомнения, которые могут возникнуть у них по поводу согласия на миссию, прежде чем они получают все факты.

'Хорошо.'

— И давайте удостоверимся, что знаем о них достаточно, чтобы, в случае необходимости, мы могли устроить несколько несчастных случаев, которые произошли бы с ними, разновидностью Рида. Сайкс кивнул, но немного неловко. «И как только вы все организовали, пришло время связаться с потенциальными покупателями, чтобы мы могли совершить продажу как можно скорее. Чем дольше у нас будут эти ракеты, тем больше мы будем подвергаться риску.

— Я разберусь.

'Хороший человек.'

Сайкс начал подниматься.

«Ах, — начал Фергюсон, — учитывая печальные события прошлой недели, я думаю, было бы разумно вычеркнуть из списка

всех западных покупателей».

Сайкс снова сел. 'Извините меня?'

— На всякий случай, — заверил Фергюсон. «Лучше всего, если мы будем продавать ракеты за пределами Европы или Северной Америки».

— Но весь смысл был в том, чтобы продать их Пентагону. Наша страна заплатит больше, чем кто-либо».

Фергюсон сделал глоток вина. — Все изменилось, — сказал он. — Сейчас это слишком рискованно. Всегда было чрезвычайно трудно иметь дело с нашей собственной страной и оставаться незамеченным, и это было до того, как произошла резня в центре Парижа. У нас есть Альварес, который рыщет вокруг, как ищейка, и распространяет подозрения, что все это может быть незаконной операцией. Как вы думаете, что произойдет, когда мы отправим счет военным? И если мы будем продавать их в Европе, наши люди здесь тоже чертовски быстро узнают об этом. Я думаю, нам лучше придерживаться только других частей света.

— Какие еще части света? Ни Северной Америки, ни Европы — они уже есть у России и Китая — остались только страны, которым они нужны, — это Ближний Восток или Северная Корея».

Фергюсон сделал глоток вина и кивнул.

— Ого, подожди минутку, — сказал Сайкс, наклоняясь вперед. — Теперь вы говорите о продаже оружия государствам-изгоям или грёбаным террористам. Это все равно что нарисовать мишень на спине

нашей нации. К черту это. У меня нет на совести гибели одного из наших авианосных флотов. Я не предатель; Я люблю свою страну.'

Фергюсон нахмурился. «Мистер Сайкс, могу я напомнить вам, что эти ракеты уже могут быть использованы против нас в гнев, независимо от того, продаем мы их или нет. И, позвольте мне сказать вам, эта планета была бы намного более стабильной, если бы Америка потеряла немного мышечной массы.

— Это довольно непатриотическая точка зрения.

— Постарайтесь не принимать отсутствие мужества за патриотизм, мистер Сайкс. Я провел свою жизнь, сражаясь в битвах за эту страну, и при этом пролилась моя кровь, так что не смейте сейчас читать мне лекции о патриотизме».

Сайкс усмехнулся. «Избавь меня от геройской речи».

Если бы они были наедине, костяшки пальцев Фергюсона соединились бы с извинением Сайкса за челюсть.

— Геройская речь? Фергюсон сплюнул. 'Как ты смеешь? Я отдал двадцать пять лет и свой брак борьбе с холодной войной, чтобы вы могли сидеть и щеголять своими полированными винирами и дизайнерским кремом для лица. Эта страна до сих пор жива благодаря таким людям, как я, людям, которые сделали все возможное, чтобы разгрести то дерьмо, к которому больше никто не приблизится».

Сайкс начал говорить, но Фергюсон перебил его. — Но я никогда не считал себя героем, ни разу, понимаете? И я вам сейчас скажу, я шел на тот бой, зная, что мне придется носить свои медали наизнанку, что это будет виски вместо парадов и вместо двадцати одного салюта будет

оставлено на произвол судьбы. гнить в каком-нибудь дерьмовом уголке ада, о существовании которого средний Джо даже не подозревал. Обеспечение безопасности Америки было моей жизнью, и это высосало меня досуха, поглотило каждое мгновение моей жизни — моего существования.

«Затем холодная война закончится, и угадайте, что произойдет? Эй, ты сделал это, ты выиграл битву. Это конец. Твоя рука пожата, тебя похлопывают по спине, и слова благодарности длятся до тех пор, пока ты их произносишь. И вскоре ты забыт, устарел, пережиток. Вы продолжаете работать, но никто больше не хочет, чтобы вы этим занимались. Ваш опыт теперь бесполезен, потому что вы действительно выиграли свою битву. И с чем ты остаешься? Нет денег. Тебе платили копейки, и тебе было все равно. Вы согласились на эту работу, потому что любили свою страну. Но что произойдет, если вы обнаружите, что ваша страна не любит вас в ответ? Что у вас осталось? Он глубоко вздохнул.

— Я скажу вам, — сказал Фергюсон. 'Ничего такого. Это то что. Ты лишний, бывший. Старый. Вы не говорите по-арабски; ты говоришь по-русски. Какой ты теперь хороший?

Потрясенное выражение лица Сайкса подсказало Фергюсону то, что он и так знал: ему следовало молчать. Фергюсон схватил свой бокал бургундского и сделал большой глоток.

— Дело не в деньгах, — наконец сказал Сайкс. — Вы никогда не собирались продавать эти ракеты нашим военным, не так ли? Ты хочешь отомстить. Ты хочешь отомстить дяде Сэму за то, что он забыл о тебе.

Фергюсон поставил стакан. — Вот тут ты ошибаешься. Я больше не забочусь о своей стране, чтобы мстить. Это о деньгах. Я хочу

получить возмещение за все годы верной службы, когда мне было не все равно».

«Ну, я не помогу вам сделать это, если это будет означать продажу этих ракет гребаной Северной Корее или еще хуже».

— Вот здесь вы снова ошибаетесь, мистер Сайкс. Вы будете делать то, что вам приказано, изо всех сил. Ты знаешь почему? Потому что ты был соучастником нескольких убийств. Американские граждане погибли благодаря вам, или вы забыли? Единственный выход из этого — смертельная инъекция.

Сайкс пристально посмотрел на Фергюсона.

Фергюсон допил остатки вина. — Не смотрите на меня так, мистер Сайкс. Если ты продал свою душу дьяволу, ты не можешь просить ее обратно».

ГЛАВА 67

Никосия, Кипр

Суббота

02:59 по центральноевропейскому времени

Упражнения всегда очищали его голову и сосредотачивали внимание. Простое удовольствие от физического напряжения было тем, чего большинство людей всеми силами старались избежать. Рид не мог этого понять, но он все равно не мог понять большинство людей. Он хмыкнул. Он упирался пальцами ног в высокую кровать в своей комнате, чтобы увеличить сопротивление отжиманий на одной руке. Он тяжело дышал. Пот стекал с его носа.

Смартфон вспыхнул, нарушив его концентрацию и сбив ритм. Он зажмурил глаза, чтобы снова сосредоточиться, решив остановиться только ради самой смерти. Тренировки заключались в том, чтобы победить свое тело силой мысли, а с таким идеально отточенным телом это никогда не было легко.

Он продолжал бороться — выдох, толчок, вдох, опускание, повтор, повтор, повтор. Наконец он рухнул, больше не в силах продолжать. Он с минуту лежал лицом на ковре, пока не отдышался.

Весь свет в его гостиничном номере был выключен, и он действовал только с помощью своего естественного ночного зрения. Телефон казался тяжелым, когда он поднимал его, но он знал, что усталость скоро пройдет. Рид был на пике физической формы. Новое сообщение было от его последнего клиента. Он сел на край кровати, чтобы прочитать ее.

Другой контракт. Рид впитывал детали и с минуту размышлял. Условия работы требовали, чтобы он немедленно отправился в Африку, но цель могла быть отправлена только после того, как Рид получил зеленый свет от клиента, который отметил, что цель является легким достижением для навыков Рида. Англичанин покачал головой. Апелляция к его тщеславию была особенно явной, даже со стороны клиента, который, как он предположил, был американцем.

Идея взять еще один контракт сразу после убийства пятерых других Рид обычно не делала. Ему нужно было вернуться к работе в Фирме как можно скорее. Он мог так долго отсутствовать только в одно время, не создавая проблем. Плюс ему не особо нравилось, как звучит полет в Танзанию, а потом ожидание, пока клиент даст добро. Перспектива еще одного крупного пожертвования на его банковский счет перевесила все сомнения.

Рид составил ответ и отправил его клиенту. Он посмотрел на часы. Путешествовать было уже поздно, поэтому он решил сначала поспать несколько часов. Он взял с кровати подушку и положил ее на пол. Он лежал на спине, ладони у бедер, нож в пределах легкой досягаемости.

Он проснулся ровно через три часа и позвонил на стойку регистрации, попросив организовать поездку от его имени. Затем он принял душ, оделся и собрал вещи. Он выписался и получил информацию о рейсе от консьержа.

Он сел в такси перед отелем и велел водителю отвезти его в аэропорт. Рид никогда раньше не был в Танзании. По крайней мере, эта поездка расширит его кругозор.

*

Когда такси Рида отъехало от тротуара, мужчина на противоположной стороне улицы опустил газету. Он был одет как турист: шорты, футболка, солнцезащитные очки и бейсболка. Он подождал, пока такси не пересечет перекресток, и направился вдаль, прежде чем бросить газету в мусорное ведро и перейти дорогу. Было теплое утро.

Мужчина снял кепку с головы, когда вошел в отель. Он прошел через просторный холл и поднялся на лифте, словно гость, возвращающийся в свою комнату. Он использовал ключ-карту, которую он украл у горничной накануне, чтобы открыть дверь гостиничного номера. Внутри он закрыл за собой дверь и полез под каркас кровати. Через мгновение его рука схватила устройство и выдернула его из ленты, которая удерживала его на месте.

Устройство состояло из двух компонентов: небольшого радиоприемника и приставного аудиоманитофона. Сев на кровать, Виктор прокрутил активированные шумом записи, не обращая внимания на звуки уборки пылесосом горничной, хлопнувшую дверь и несколько выпусков новостей по телевидению. Это была последняя запись, которую он прослушал дважды, делая пометки в маленьком блокноте.

Он отвинтил крышки на обоих концах телефонной трубки в комнате и открыл футляр. Внутри концы двух новых проводов были туго обмотаны вокруг оголенных участков медного провода, идущего по всей длине приемника. Эти провода образовывали цепь, по которой звуковые волны голоса передавались в виде флуктуирующих электрических токов между динамиком телефона и микрофоном.

Новые провода, в свою очередь, были присоединены к маленькому передатчику размером с крышку бутылки, прикрепленному к корпусу телефона с помощью суперклея. Передатчик работал, излучая электрический сигнал, проходящий по проводам, в виде радиоволн. Поскольку передатчик был таким маленьким, отправляемый сигнал был слабым, и его можно было принять только на небольшом расстоянии. Чтобы быть уверенным в отличной записи, Виктор поместил трубку всего в нескольких футах под кроватью.

Он снял передатчик и провода с телефона, прежде чем снова собрать приемник. Виктор вышел из гостиничного номера и направился обратно в вестибюль. Снаружи к газете присоединились ключ-карта, радиоприемник и передатчик.

В ночь взрыва Виктор сразу узнал убийцу. Ошибиться с ним было невозможно. Никто из тех, кто был свидетелем взрыва бомбы, не вел себя так. Нет, если только они не оказались бомбардировщиком. Он ушел небрежно, казалось бы, ни о чем не заботясь. Он был одет в брюки цвета хаки и белую рубашку с длинными рукавами. Он был похож на туриста, а не на убийцу. В этом была суть.

Виктор увидел явные признаки контрнаблюдения в поведении убийцы, хотя и считал, что его работа завершена. Он никогда не ходил долго в одном темпе, иногда переходя дорогу без видимой причины, иногда резко возвращаясь назад. Он часто останавливался, чтобы заглянуть в витрины магазинов, проверить в отражении, нет ли там тех, кто может следовать за ним. Он был хорош, очень хорош.

Виктор шел за ним вровень, повторяя его движения, оставаясь вне поля зрения. Он стоял близко, но не слишком близко, его лицо терялось в толпе, стоявшей между ними. Несмотря на все меры предосторожности, убийца не был настолько тщательным, насколько мог бы. Но ослабить бдительность, когда работа была сделана и опасность миновала, было ошибкой, которую каждый совершал в какой-то момент.

Виктор поправился. Почти все.

Узнав, где остановился убийца, Виктор подкупил недовольного вида консьержа, чтобы узнать, какая комната принадлежит ему. После кражи ключ-карты Виктор прослушивал комнату, когда ее обитатель

обедал в ресторане отеля. Теперь он знал, что его цель покидает Кипр и куда он направляется, даже каким рейсом он вылетит.

То, что он уезжает, доказывает, что враги Виктора считали, что он погиб в результате взрыва бомбы. Он больше не был мишенью. С таким обширным ущербом от пожара власти никогда не смогут сделать вывод, что только один из двух гостей находился в комнате во время пожара. Все, что нужно было сделать Виктору, это выбраться с острова и исчезнуть. Даже если его враги в конце концов поймут, что он все еще жив, он будет в десяти тысячах миль с новым лицом и новой жизнью. Они никогда не найдут его.

План состоял в том, чтобы убить любого, кто хотел его смерти, стереть угрозу, остаться в живых. Теперь ему не нужно было этого делать. Он мог прожить свою жизнь, не ожидая пули убийцы.

Он выиграл.

Виктор поймал такси и велел водителю отвезти его в аэропорт. Он сидел сзади, молча глядя в окно. Он думал о том, куда бы он мог отправиться, думал о тех странах, где он никогда не бывал, куда всегда хотел поехать. Из благоразумия лучше сначала отправиться куда-нибудь в Южную Америку. У него был хороший испанский, и он быстро заговорил. Он мог бы заплатить там за новую личность, за настоящую личность, может быть, стать гражданином Аргентины. Тогда оттуда, Кто знал, куда он пойдет?

Но он не собирался в Южную Америку, какой бы разумной ни была эта идея. Потому что было что-то, в чем он нуждался в первую очередь. То, без чего он не смог бы прожить всю оставшуюся жизнь. Что-то, чего он никогда раньше не хотел.

Мечь.

ГЛАВА 68

Харрисонбург, Вирджиния, США

Суббота

08:12 по восточному поясному времени

«Я всегда хотел кататься, когда был моложе, — сказал Проктер. Его руки были скрещены и покоились на прочном деревянном заборе. В поле с другой стороны паслись две гнедые лошади. «Однако шанса не было. Теперь я слишком стар и слишком толст, чтобы начать. Он не выглядел несчастным из-за этого заявления. «Это удивительные существа, полные характера и грации».

Альварес стоял рядом с Проктер. «Все, что я вижу, это два больших тупых животных, которые едят траву».

Проктер рассмеялся и посмотрел на него. — Значит, никогда не хотел быть ковбоем?

— Я слышал, конина очень вкусная.

Они находились в самом сердце сельской Вирджинии, фермерской местности. Их машины были припаркованы на узкой дороге, окруженной полями. Никакие другие транспортные средства

пока не проезжали мимо. Светило солнце, но воздух был свежим. Проктер был одет в джинсы и повседневную рубашку под пальто. Альварес был в костюме и пальто. Он почти ничего не носил в течение нескольких недель.

Проктер обернулся. 'Как прошел полет?'

'Длинная.'

'Я могу сказать. Ты выглядишь измученным.'

«Я устал, какдохлый пес».

Проктер потер руки. — Тебе следует попытаться лечь спать. Я слышал, что это рекомендуемое средство от усталости.

— Я посплю позже.

— У меня есть термос в машине. Хочешь чашечку кофе?

Альварес покачал головой. «Я пытаюсь уменьшить потребление кофеина».

'Действительно?'

«Это не хорошо для тела».

— И как это у вас получается?

'Не так хорошо, как хотелось бы.'

Проктер снова повернулся и прислонился своим значительным весом к забору. Дерево издало громкий, угрожающий скрип.

— Вы этого не слышали, — сказал он.

— Что слышишь?

Заместитель заместителя директора всегда был коренастым парнем размера 3XL, но без костюма, который немного худел, он выглядел так, будто нес больше веса, чем нужно для двух человек, не говоря уже об одном. Альварес, измеривший собственный жир в отдельных процентилях, увидел, что вот-вот должен произойти сердечный приступ.

— Сегодня суббота, — заявил Проктер, — выходные.

'Я знаю.'

— Вы знаете, что такое выходные?

'Раньше я.'

— Что у тебя на уме, что не могло подождать до понедельника?

'Девушка.'

Проктер улыбнулся. «Мой папа говорил, что за хмурым взглядом каждого мужчины скрывается представительница прекрасного пола».

— Вероятно, это правда, — сказал Альварес. — Но это не просто женщина. Он вынул блокнот из-под пальто и открыл его. — Ее зовут Ребекка Самнер, она же Рэйчел Суонсон, гражданка США, раньше она работала в Управлении разведки и работала в европейском офисе около четырех месяцев назад.

Лицо Проктера стало серьезным. — Женщина, которая встречалась с убийцей Озолса?

Альварес кивнул. «Она была хорошим аналитиком, трудолюбивой, на подъеме, амбициозной, все такое дерьмо. Она оставила свой пост, чтобы работать в частном секторе. На первый взгляд не более чем государственный служащий, ушедший за большей зарплатой. Только она не согласилась работать ни с одним из обычных подозреваемых. На самом деле она покинула страну по фальшивому паспорту через три недели после того, как покинула свой рабочий стол в компании. Она уехала во Францию и сняла небольшую квартиру в Марселе, заплатив за полгода вперед. Купюрами.»

Проктер выглядел скептически. — На приеме у аналитика?

— Если так, — сказал Альварес, — значит, я не на той работе, и вы можете прямо сейчас подать мне устное заявление об уходе. Но нет, с ее банковского счета не было снятий, соответствующих депозиту. Деньги ей дал кто-то другой. У нее не было работы во Франции, но ежемесячно на ее банковский счет в США поступали пожертвования в размере ее прежней зарплаты».

'Без шуток?'

Альварес перелистнул пару страниц. «В среду французская полиция проникла в ее квартиру и обнаружила несколько примечательных вещей, таких как раковина, полная сожженных документов и средств связи. Половины ее одежды не было. Ящики остались открытыми. Входная дверь не была заперта.

— Что ее напугало?

«Соседка подтвердила, что она покинула свою квартиру рано утром в пятницу. Прежде чем она ушла, Самнер сделала пару звонков на мобильный телефон Джона Кеннарда. К тому времени он, конечно, уже был мертв, и Самнер не оставил сообщения. Это был первый раз, когда она звонила ему. Они никогда не работали вместе в агентстве и не тренировались вместе на ферме. Они жили в двадцати милях друг от друга, имели разные круги общения, не имели общей семьи, не было причин объяснять, откуда у нее был его номер телефона. Кажется, когда он не ответил на ее звонок, она собрала чемоданы и исчезла.

'В Париж.'

Альварес кивнул. — У ее двоюродной сестры там есть квартира, которую она использовала. В любом случае, она пробыла там меньше дня, пока французские власти пытались задержать подозреваемого, которого они считали ответственным за резню в отеле. Его видели входящим в здание с Самнером. Очевидно, мы знаем, что произошло дальше.

«Убийца знает Самнера, который знает Кеннарда. Ради спора предположим, что они работали вместе. Кеннард был со мной в Париже, работал над выяснением местоположения этих ракет у Озолса. У него был доступ ко всем моим записям. Что еще более важно, он был там, когда Озолс сообщил мне время и место встречи.

Возможно, он передал это Самнеру, который сделал то же самое с убийцей. Хорошая аранжировка. Эффективный. Меньше рисков.

«Но что-то идет не так, потому что Кеннард убит, что пугает Самнера и заставляет покинуть Марсель. Она думает, что она следующая, поэтому встречается с убийцей Озолса, пережившим покушение. Хойт тонет в ванне.

«Уборка».

'Точно.'

— Так кто за этим стоит?

— Точно не знаю, — честно ответил Альварес. «Я не могу представить Самнера и Кеннарда, двух молодых сотрудников ЦРУ, превращающихся в наемников. Кеннард, может быть, но тот факт, что Самнер продолжала получать зарплату, равную ее прежней зарплате, говорит мне, что ее могли обмануть, заставив думать, что она была частью законного, хотя и не зарегистрированного, оп.

«Только кто-то из агентства мог это повернуть», — заявил Проктер. — У вас есть подозреваемый, не так ли?

— У меня нет доказательств.

'Продолжать.'

«Помните: российские ракеты, о Хойте знали только шесть человек. Я один из них, другой технар в Париже, а остальные четыре

человека в комнате для совещаний, когда я делал доклад.

— И я один из них, — сказал Проктер.

Альварес кивнул.

Проктер выдохнул немного воздуха. Он покачал головой. — Старый ублюдок уходит на пенсию в следующем году.

— Может быть, он хочет пополнить свой пенсионный фонд.

Проктер выглядел задумчивым. Он долго не говорил.

— Ты проделал хорошую работу, Антонио, — наконец сказал он. — Но учитывая деликатность того, что вы мне только что сказали, я не хочу, чтобы вы снова говорили об этом кому-либо. В том числе и я.

'Что ты говоришь?'

«Я собираюсь рассказать вам это, потому что вы мне нравитесь, а не потому, что вам нужно это знать», — объяснил Проктер. «Я уже давно знаю, что у нас есть проблема в NCS, кто-то играет по своим правилам. Это происходит не в первый раз. У меня были люди, которые какое-то время рассматривали все это под другими углами». Они наблюдали за проезжающей мимо машиной, пока она не стала маленькой вдалеке. — Но раньше мне никогда не удавалось приблизиться. И я никогда бы не подумал, что Фергюсон станет тем, за кем я охотюсь, но теперь мы могли просто сделать этот очень важный перерыв. Вы уже неоценимо помогли, но вы слишком близки к этому. Ты-'

Альварес нахмурился. Он поправил свою опору. «Сэр, не снимайте меня сейчас, когда я так близок к тому, чтобы прибить этого ублюдка. Если Фергюсон действительно стоит за этим, и мы его поймем, мы сможем поймать убийцу Озолса следующим, а затем того, кто убил Джона. Все.'

Проктер положил руку на плечо Альвареса. «Я уважаю вашу самоотверженность, но вы сделали все, что могли. Если это Фергюсон, то он знает, что вы идете по его следу. Вероятно, у него есть люди, которые следят за всем, что ты делаешь.

— Вы серьезно в это верите?

'Почему нет? Фергюсон так старался замести следы, что убил или пытался убить всех, кто хоть немного разобрался в головоломке. Если это так, то он чертовски уверен, что будет следить за человеком, пытающимся собрать эти кусочки воедино».

Альварес огляделся. Он мысленно вернулся, пытаясь вспомнить, видел ли он что-нибудь, что могло быть слежкой. Не было, но он мог просто не обнаружить его. Альварес был хорошим оперативником, но не заблуждался насчет своих навыков. Он не мог гарантировать, что за ним никто не следил.

— Так что нам теперь делать?

— Если вы продолжите открытое расследование, мы можем вынудить его отказаться от своих планов и, возможно, больше никогда не приблизимся к нему так близко. У нас этого не может быть. Мы притворимся, что дело закрыто, и заставим Фергюсона чувствовать себя в безопасности, пока будем искать улики. Вы не можете быть

вовлечены в это. Смотри, что произошло, когда ты узнал о Хойте. Через двадцать четыре часа он умер.

Альварес не мог скрыть своего разочарования. «Я работал над этим в течение последних двух недель, потеряв добрых пять фунтов в процессе попыток выследить убийцу Озолса и эту чертову флешку — не говоря уже о всех месяцах, которые мне понадобились, чтобы заставить Озолса играть в мяч, чтобы мы могли получить эти ракеты и не дать государствам-изгоям завладеть технологией. Мой коллега мертв, убит теми же людьми, что убили Озолса. Этот человек — кто-то внутри Лэнгли, если это Фергюсон, то он чертов предатель, которому я пожал руку, и вы хотите, чтобы я отпустил его?

Ему потребовалась вся его воля, чтобы не повысить голос.

Проктер сочувственно посмотрел на него. — Не отпускай, отдай. Вы сделали все, что могли.

— Сэр, я все еще думаю, что могу быть вовлечен в это, и никто об этом не узнает. Мы можем-'

Проктер отошел от забора и направил брелок на свою машину. — Я принял решение, Антонио. Он сделал несколько шагов, прежде чем обернуться. «Принеси мне бумажные копии всего, что у тебя есть, и принеси их в мой офис в понедельник утром. Уничтожьте собственные копии. Это порядок.'

Альварес сделал всемогущий успокаивающий вдох.

По полю бегали четвероногие. Проктер какое-то время наблюдал за ними, прежде чем обернуться к Альваресу.

— Иди домой, — сказал большой парень. — Иди домой и поспи.

У Альвареса побелели костяшки пальцев на руле его седана «Додж». Его глаза смотрели вперед, видя дорогу, движение, но фокусируясь на далекой точке. Его ноздри раздувались с каждым большим, регулярным выдохом. Гнев внутри него заставил его сердце биться сильнее. Он не был уверен, сколько времени он ехал, по крайней мере, час, может, два. Он не знал, куда шел, но шел в никуда. Он проезжал те же ориентиры, выезжал на те же перекрестки, кружил над сельской местностью, чтобы поговорить — попытаться поговорить — чтобы самому не натворить глупостей.

Но это не сработало. Чем больше он думал, тем злее становился, пока не повернул направо там, где трижды до этого поворачивал налево, и через двадцать минут притормозил, чтобы проехать мимо большого дома в колониальном стиле, где некий предательский засранец сделал свой домой. Это было прекрасное место, это было очевидно, и Альварес задумался, сколько денег было заплачено долларами помимо дяди Сэма. Фергюсон был дома, судя по двум машинам на подъезде.

Альварес остановился на противоположной стороне дороги через пару домов. Он выключил двигатель и отрегулировал зеркала так, чтобы видеть подъездную дорожку Фергюсона. Он посмотрел на часы, полагая, что долго ждать не придется.

Если бы он был где-нибудь еще, он бы уже спал, но гнев, адреналин и решимость не давали усталости взять верх. Это случилось через десять минут, один парень на рыжевато-коричневом «форде». Он остановился на той же стороне дороги, что и Альварес, через два дома, по другую сторону от дома Фергюсона. Через свои зеркала Альварес наблюдал, как парень регулирует собственные зеркала.

Хорошо. Альварес волновался, что Проктер не начнет действовать достаточно быстро, но он позвонил, и чертовски быстро кто-то следил за Фергюсоном. Очень хороший. Теперь Альварес не сможет выбить дверь Фергюсона и пригрозить заткнуть этого старого ублюдка, если тот не расскажет правду.

Альварес дал ему минуту или две, прежде чем запустить двигатель. Он увидел, как парень в желтовато-коричневом «форде» зарегистрировал его, и ожидал, что будет сделана заметка. Проктер, вероятно, набросится на него, когда узнает, но Альварес сегодня был вынужден съесть столько дерьма, что еще немного показалось бы просто десертом.

Он направился в Вашингтон, немного превысив скорость, и добрался до места назначения вовремя. Он снова остановился на противоположной стороне дороги и посмотрел в зеркало на здание. Сайкс жил на третьем этаже роскошного особняка из коричневого камня, который был гораздо выше того, что он мог себе позволить. Альварес знал, что родители Сайкса были богаты, поэтому он не собирался спешить и считать, что парень гнилой только из-за того, где он живет.

Машины приезжали и уезжали, но Альварес не видел никакой слежки. Это понял. Было очень дорого наблюдать за людьми, особенно за агентами, и подозреваемым был Фергюсон, а не Сайкс. Но Альварес был убежден, что если все это было мошеннической операцией, которой руководил Фергюсон, то он уж точно не руководил ею в одиночку.

Фергюсон был слишком тщательным и осторожным, чтобы запачкать руки лично. Должен был быть канал между ним и имуществом на земле. Если это был не Сайкс, то Альварес должен был искать в другом месте, но если это был Сайкс, то Альварес работал над

опережением, просто сидя в своей машине. Проктер сказал ему держаться подальше от Фергюсона. Он ничего не сказал о Сайксе.

Через час Альваресу начало сильно хотеться помочиться, но через десять минут он совершенно забыл о своем мочевом пузыре. Сайкс выходил из передней двери здания. Он нес чемодан и выглядел очень торопливым. Альварес сел на свое место, пристально наблюдая за Сайксом, пока тот ловил такси, заводил двигатель, когда подъезжало одно из них, включал передачу, когда Сайкс садился в машину.

Такси было легко следовать. Альварес остановил две машины, быстро сообразив, что она направляется к Даллесу. Может быть, Сайкс собирался за границу, куда-нибудь в солнечное место на побережье Индийского океана.

Альварес достал свой сотовый телефон и просмотрел свои номера, пока не нашел имя, которое искал. Он набрал номер, переключил телефон на громкую связь и положил его на колени, чтобы снова взять руль обеими руками.

После семи гудков ответил мужчина. 'Ага?'

— Джо, это Антонио. Мне нужна услуга, быстро.

«Чувак, я федерал только по будням. Я в парке с ребенком. Разве это не может подождать?»

— Стал бы я звонить, если бы это было возможно?

Пауза. «Хорошо, что я могу сделать?»

— Мне нужно, чтобы вы проверили транзакции по кредитным картам на имя Кевина Сайкса. Он дал адрес Сайкса.

«Что я ищу?»

— Он купил авиабилет, и мне нужно знать, куда он направляется.

«Сколько времени у меня есть?»

— Он сейчас на пути в аэропорт, так что ненадолго.

«Моя жена бросает на меня грязные взгляды. Сегодня вечером я ничего не получу.»

— Избавь меня от подробностей. Только поторопитесь, пожалуйста. Это важно.'

— Я сейчас позвоню в офис.

Альварес поблагодарил его и повесил трубку. Его телефон зазвонил через одиннадцать минут.

«Хорошо, ваш друг мистер Сайкс использовал свой AmEx, чтобы оплатить поездку туда и обратно из Даллеса в Килиманджаро, Танзания, через Париж и Амстердам. Эйр Франс вылетает в одиннадцать пятнадцать. Это двадцать четыре часа полета. И я подумал, что если вы хотите знать, куда он летит, вы захотите знать, куда он направляется, когда доберется туда.

'Ага. Где?'

— Какой-то город в Танзании, Танга. Это на побережье. Он забронировал себе номер в отеле.

— Откуда, черт возьми, ты это знаешь?

— Так же, как я знаю о его бегстве. Его кредитная карта.

— Черт, я даже не подумал.

— Ну, ты кажешься усталым.

'Я.'

— Ну вот. Кроме того, ты никогда не был очень умным с самого начала.

Через несколько секунд Альварес звонил в аэропорт. Он не мог рисковать тем же рейсом, что и Сайкс, даже если бы они встречались лично всего пару раз. Альварес узнал, что следующий рейс Air France вылетает через шесть часов, что дает Сайксу слишком большую фору. Он также узнал, что рейс Northwest, вылетающий через час после Сайкса, может доставить его прямо в Амстердам вовремя, чтобы присоединиться к тому же рейсу в Танзанию. Это было также дешевле.

Удивленный, но довольный, Альварес без колебаний сообщил данные своей кредитной карты оператору. Если Сайкс собирался в Танзанию, то это могло быть только по одной причине.

Он знал, где ракеты.

ГЛАВА 69

Восемьдесят миль к востоку от Танги, Танзания

понедельник

12:27 ЕСТЬ

Сайкс прищурился от яркого послеполуденного солнца. Он стоял на палубе коммерческого спасательного судна, нанятого Дальвегом и Вичманом. Эти двое были бывшими морскими котиками, у них была собственная водолазно-спасательная компания, расположенная в нескольких сотнях миль от побережья в Кении. У них не было лучших послужных списков, прежде чем они покинули свои команды, в частности Дальвег. Он ушел из флота с позорным увольнением за то, что так сильно избил проститутку, что она чуть не умерла. Но отставные ребята из спецподразделения уже использовались компанией в сомнительных операциях и знали, как держать рот на замке.

Пара прибыла в Тангу за день до Сайкса, наняла лодку и купила оборудование, которое не смогла перевезти через границу. Значительная часть наличных уже была переведена на банковский счет компании Дальвега и Вичмана. Они получают ту же сумму снова, когда миссия будет завершена.

Как ясно дал понять Фергюсон, Сайкс сначала проинформировал их о грубых деталях их задачи, а полный брифинг дал им только тогда, когда они были на лодке.

«Это повысит гонорар на двадцать пять процентов», — сказал Дальвег.

Сайкс заверил его, что позаботится об этом, когда работа будет сделана. Предполагая, что это произойдет, Сайкс предложил им только половину того, что Фергюсон был готов заплатить. Даже с их увеличенным гонораром Сайкс все равно ушел бы с несколькими толстыми К от общей суммы в своем кармане. Он был очень доволен своими брокерскими навыками, и ему тоже было приятно обдирать этого ублюдка Фергюсона.

Сайкс считал Дальвега и Вихмана типичными бывшими военными, особенно бывшими парнями из спецназа. Они были крупного телосложения и загорелые, с морщинистыми и обветренными лицами и взглядами, от которых могли свернуться сливки. Обоим было около сорока, и у них были шрамы и истории, которые есть только у мужчин, стрелявших из ружья в гневе. Несмотря на их склонность к ругательствам и безвкусицу в шутках, Сайкс находил их исключительно деловыми.

С тех пор, как судно покинуло порт, температура медленно повышалась, и Сайкс потел сильнее, чем за последние годы. Он был одет в длинные шорты и футболку с темными пятнами под мышками и в центре груди. Он бы снял рубашку, но, несмотря на еженедельные посещения спортзала, он чувствовал себя очень хорошо рядом с двумя бывшими морскими котиками, у которых руки были толщиной с его бедра. Он знал, даже не взглянув на его ручки любви, что они уже смотрели на него свысока, как на мягкотелого агента ЦРУ, которому не было места в полевых условиях.

Они спустились в море двадцать минут назад и заверили Сайкса, что разведывательное погружение займет не более получаса. С помощью стандартных водолазных танков они спустились на морское дно, чтобы осмотреть фрегат и ракеты. Затем они всплывали на поверхность и планировали, как лучше всего извлечь их из затонувшего корабля. Если повезет, они вернутся в порт до наступления темноты, и все, что не удастся достать сегодня, будет извлечено завтра.

На палубе была установлена большая гидравлическая лебедка, рядом с которой было большое количество оборудования, которое Сайкс не узнал, и он не хотел показывать свое невежество, прося объяснений. Он знал, что это оборудование для спасения и разрушения, но это был предел его знаний. Он отвинтил крышку от бутылки с водой и сделал большой глоток.

Океан оказался намного спокойнее, чем он ожидал, но Сайкс был признанным любителем земли и предпочитал плавательный бассейн и шезлонг пляжу и серфингу. На всякий случай он выпил пару таблеток от морской болезни, и почти пришло время принять еще.

Обычное ожидание без дела расстроило бы Сайкса, но он глубоко задумался. Не так давно он фантазировал о портфелях, полных долларовых купюр, и банковских счетах с множеством нулей. Уже нет. Близкие вызовы и побеги за последние пару недель, в сочетании с новым пониманием планов Фергюсона, заставили его чувствовать страх и сожаление. Если бы он не был так глубоко погружен, Сайкс пошел бы прямо к Проктеру, чтобы признаться. Комментарий Фергюсона о смертельной инъекции никогда не покидал Сайкса.

Что бы ни случилось, Сайкс был уверен в одном: добром это не кончится. Фергюсон показал себя совершенно беспринципным и злобным ублюдком, которому Сайкс едва мог доверять. После того, как Фергюсон убедился, что все, кто хоть что-то знал о его планах, встретились с мрачным жнецом, откуда Сайкс знал, что он сам не станет такой же обузой, которую нужно заставить замолчать?

Эта мысль означала, что он почти не спал с тех пор, как Фергюсон приказал ему лететь в Танзанию. Он провел рукой по шортам сзади и убедился, что SIG все еще там. Он носил его каждую секунду с момента приземления. Дальвег и Вихман не казались ему из тех парней, которые стали бы киллерами за несколько дополнительных баксов, но он не собирался рисковать.

Он знал, что, возможно, у него просто паранойя. Фергюсон нуждался в нем. Но Сайкс, который осознавал свою значительную полезность и иррациональность его убийства, также прекрасно осознавал, что Фергюсон не всегда проявлял себя как самый рациональный человек.

Пока все не успокоится, Сайкс останется начеку. Если бы кто-нибудь хотя бы посмотрел на него смешно, он бы сдался. Может быть, он смог бы заключить сделку, дать показания против Фергюсона, чтобы избежать иглы. Лучше провести свою жизнь за решеткой, чем стать жертвой безумия Фергюсона.

Он смотрел куда-то вдаль. Вокруг была вода. Бескрайнее синее море, слившееся с небом на горизонте. Он чувствовал себя совершенно одиноким. На задворках его сознания мелькнула тревога. Что, если Дальвега и Вихмана сожрут акулы или их аквариумы разорвутся? Сайкс не умел управлять лодкой и уж точно не умел ориентироваться.

Он сделал еще один глоток воды и обернулся, услышав шум. Голова появилась из моря в нескольких футах от лодки. Вихман. Он снял очки с глаз и снял мундштук. Он откинул с лица светлые волосы песочного цвета.

'На что это похоже?' Звонил Сайкс.

Вихман покачал головой. — Это крушение.

'Я знаю это.'

Бывший «морской котик» проплыл небольшое расстояние до лодки. Когда он добрался до задней части, он забрался на борт. — Хорошо выглядит, — сказал он. «Корпус раскололся очень хорошо, так что у нас есть открытый канал прямо к ракетам».

'Ага?'

«На борту восемь человек, четверо раздавлены, разбиты или еще как-то облажались. Корпуса еще двух лопнули, и морская вода разъела их к чертям. Мы можем получить два точно. Однако на это уйдет целый день из-за того количества другого дерьма, которое их похоронит внизу.

«Два хорошо». Глаза Сайкса прищурились за солнцезащитными очками. — Мы никогда не рассчитывали получить их всех.

— Похоже, это просто учебные боеголовки.

— Неважно.

Дальвег всплыл и поплыл к лодке. Вихман вытер воду с глаз. — Однако ублюдки большие, больше, чем я думал; мы никогда не доставим их сюда целыми. Сначала нам придется демонтировать их как можно лучше. Затем поднимите их с помощью воздушных шаров, прежде чем мы поднимем их на борт.

'Все, что нужно.'

'Хорошо.'

Дальвег присоединился к ним на палубе. — Считай, если повезет, мы доставим тебе двух хороших до того, как нам придется возвращаться позже. Всегда можно вернуться завтра, чтобы посмотреть, можно ли восстановить что-нибудь еще».

— Все в порядке, — сказал Сайкс. «Только убедитесь, что вы не взорвете себя».

Дальвег рассмеялся, но Сайкс не шутил.

Он сел, пока два ныряльщика разбирали свое снаряжение. Он не понимал, как, черт возьми, он попал в такое месиво. Он отказался от своей чести только из-за денег. Не то чтобы он был даже беден с самого начала. Он просто хотел большего, чем имел. Сайкс приложил руку к груди, почувствовав внезапный ожог поднявшейся кислоты. Если его внутренности не растают до конца этой штуки, он будет очень удивлен.

К счастью, все уже почти закончилось. У них будет две чрезвычайно ценные ракеты в течение суток, и они продадут их джихадистам, или Северной Корее, или кому-то из психов, которые заплатят больше. Тогда они смогут разработать собственные арсеналы противокорабельных крылатых ракет, и Сайкс проведет остаток своей жизни, молясь, чтобы ни одной из них не было потоплено американское судно.

Сайкс знал, что он жаден, глуп и труслив.

Но, по крайней мере, он собирался разбогатеть.

ГЛАВА 70

Танга, Танзания

понедельник

17:03 поесть

Цель была явно обеспокоена. Его манера говорить о человеке встревоженном и огорченном. Его движения были поспешными и неуклюжими, на лице отразилась тревога. Что его беспокоило, Рид мог только догадываться, но даже если бы он угадал правильно, ему было бы все равно. Рид стоял, скрестив руки на груди, прислонившись к низкой стене. Между Ридом и его добычей было не менее двух десятков человек. Глаза Рида были спрятаны за парой зеркальных солнцезащитных очков.

Двое крупных мужчин, один светловолосый, другой темноволосый, вышли из кабины трехтонного грузовика, заляпанного грязью. Они были попутчиками цели. У обоих был глубокий загар и массивные конечности. Вместе с целью двое мужчин подошли к задней части грузовика и заглянули внутрь. Вроде бы довольные, они перешли дорогу и подошли к своему отелю. Никто из троих не видел кавказца, который стоял в толпе местных жителей, наблюдая за ними аморальным взглядом.

Отель был приличный, по крайней мере, для этой части света. Танга была большой и раскинувшейся, но казалась тихой и сонной, почти безлюдной в центре, где когда-то впечатляющие немецкие колониальные здания поддались старению и ветхости. Вокруг шумного рынка Танга был более оживленным и многолюдным, с красочными, оживленными улицами, вдоль которых стояли более современные, но менее величественные строения.

Здесь дороги были проложены асфальтом, гравием или утрамбованной грязью. Риду еще предстояло увидеть тротуар. Воздух

был горячим и влажным, где-то около восьмидесяти градусов. Он чувствовал запах курицы-гриль, жареной рыбы и маринованных шашлыков мишикаки с ближайшего рынка. Продавцы использовали погремушки семян для рекламы своих товаров, а покупатели торговались, чтобы получить более выгодные цены.

Кожа Рида покрылась тонкой пленкой пота. Время, проведенное на Кипре, изменило его бледное лицо, которое он обычно носил как типичный англичанин, на несколько оттенков. Он был одет, как турист, в свободные брюки-карго и легкую льняную рубашку. С длинными рукавами. Сандалии были бы уместны, но не давали сцепления, необходимого при спешке, поэтому он выбрал спортивную обувь консервативного цвета.

Цель бросилась вверх по лестнице отеля, а двое его товарищей следовали за ним. У каждого на плече был рюкзак, а в каждой руке у одного была большая спортивная сумка. В досье говорилось, что они будут вооружены. Оба были бывшими командос, и одно это давало Риду повод уважать их, но они участвовали в экспедиции по нырянию и сносу зданий и не были телохранителями. У Рида тоже не было планов убивать, если только им не посчастливилось встать у него на пути.

Клиент организовал для него сбор оружия по прибытии: винтовку и пистолет. Винтовка, штурмовая винтовка Armalite AR-15, оснащенная оптическим прицелом для снайперской стрельбы, была спрятана под выброшенными крышками в полумиле отсюда. Пистолет, Glock 17 с прикрепленным глушителем, был в наплечной сумке Рида. Оба уже были проверены, разобраны и тщательно вычищены Ридом. Учитывая такую огневую мощь, примечание его работодателя о том, что смерть цели не должна казаться естественной или случайной, было несколько излишним.

Рид не планировал использовать какое-либо оружие. Местность была неподходящей для снайперской стрельбы — узкие, оживленные улочки, из которых было мало шансов на прямую видимость. Пистолет больше подходил для окружающей среды, но, учитывая выбор, Рид предпочитал более интимный эффект, обеспечиваемый лезвием.

Он все еще ждал приказа от клиента и уже решил, что гостиница будет лучшей точкой удара. Можно было казнить цель на улице, но Рид не хотел устраивать сцену без необходимости. Тихая казнь в гостиничном номере была гораздо привлекательнее. Ему не терпелось выполнить эту работу, не создавая шума. То, что он применил бомбу на Кипре, продолжало грызть его профессиональные чувства.

Цель исчезла за главным входом в отель, и Рид посмотрел на часы. Танзанийец в замасленной футболке пытался продать ему кокосы. Мужчина говорил на своем родном суахили. Рид бегло говорил на нескольких языках, неплохо понимал еще несколько, но суахили был и никогда не будет одним из них. Когда Рид покачал головой, мужчина попробовал ломаный английский, язык постнемецких мастеров Танзании. Рид снял солнцезащитные очки, и мужчина, взволнованный выражением глаз Рида, повернулся и оставил его в покое.

Рид надел солнцезащитные очки и подошел к отелю. Яркое солнце мешало ему видеть сквозь стекла окон или дверей. Он дал цели целых четыре минуты, чтобы покинуть вестибюль, а затем перешел улицу. Он толкнул вращающийся вход. В вестибюле было на несколько градусов прохладнее, чем снаружи, большие потолочные вентиляторы усердно работали, чтобы поддерживать в комнате приятную температуру. Сразу же Рид стал больше ощущать пот на своей коже.

Как он и ожидал, цель и его спутники отсутствовали. Рид подошел к стойке регистрации, заплатил наличными за одноместный номер и поднялся по лестнице на пятый этаж. В отеле использовались

обычные металлические ключи, и Рид обнаружил причудливость, которую по крайней мере в одном уголке мира еще предстоит модернизировать. Это также облегчило бы проход через запертые двери, если бы ему пришлось вести себя тихо. Комната Рида была функциональной и чистой, но обстановка была безвкусной. Независимо от того. Рид был там не для того, чтобы развлекаться.

Он снял с плеча сумку и достал пистолет. Он положил оружие под одну из подушек кровати. Носить сумку с собой нужно было избегать. Это привлекло бы внимание. Он провел десять минут, осматривая комнату, прежде чем открыл двери балкона, чтобы впустить немного воздуха. У Рида был вид на гавань и дау, плывущие по ярко-бирюзовому морю. Он не собирался оставаться в отеле, но номер придавал легитимность его присутствию. Его белое лицо делало его слишком узнаваемым, чтобы иначе задерживаться поблизости.

В досье уже говорилось, что цель находится в номере 314. Два дайвера были в коридоре в номере 320. Там был лифт и две лестницы. Рид всегда предпочитал пользоваться лестницей, если это было практично. В лифте он оказался практически в ловушке и полностью разоблачен, когда двери открылись для того, кто ждал. Он вышел из комнаты и вернулся в вестибюль.

Там был скромный гостиничный бар, который казался достаточно приятным. Он купил бутылку минеральной воды и сел так, чтобы ему было достаточно видно вестибюль, чтобы знать, ушла ли цель. Риду сообщили, что его добыча будет в Танге по крайней мере пару дней, но англичанин, тем не менее, был осторожен. Минеральная вода была освежающе холодной. Ему было немного скучно.

Хотя Рид убил пятерых человек за неделю и вскоре должен был убить еще одного, только убийство цели, которую он знал как Тессеракт, давало ему хоть какое-то удовлетворение. Даже это было ограничено, так как его уничтожение не требовало значительных

навыков Рида. Первоначально он отдавал должное Тессеракту за его выступление в Париже, но теперь пришел к выводу, что выживание в этой атаке было больше связано с некомпетентностью нападавших, чем с собственными способностями Тессеракта. Действительно способный профессионал не был бы так легко убит на Кипре. Жаль, что потенциально достойный противник оказался таким недостающим — прискорбно, но Рид еще не встречал никого, кто соответствовал бы такой мантии. Короче говоря, Тессеракт был дилетантом по сравнению с Ридом.

Бар был почти пуст, за исключением нескольких иностранцев, которые сгрудились в углу и смеялись над несколькими напитками. Рид сделал маленький глоток воды. Может быть, пришло время брать только сложные контракты. Это больше соответствовало его способностям. Возможно, до нового года ему следует выступать только для Фирмы и отказываться от любых частных предложений, которые ему поступают. Ну, если только они не взывали к его авантюризму. Рид забегал вперед, он знал. Ему все еще предстояло выполнить эту работу, и, несмотря на то, что она была необременительной, ему все еще нужно было сохранять концентрацию. Когда концентрация ослабевала, следовали ошибки. Смартфон Рида был в кармане брюк. Он вынул его и положил на стол перед собой.

Он ждал.

ГЛАВА 71

Центральное разведывательное управление, Вирджиния, США

понедельник

09:15 по восточному поясному времени

Зазвонившему телефону потребовалось несколько секунд, чтобы вырвать Фергюсона из дремоты, и еще несколько секунд, прежде чем он понял, что его разбудило. Прошли десятилетия с тех пор, как Фергюсону приходилось быть настороже во время отдыха, и его когда-то острые чувства притупились с возрастом и бездействием. Он протянул тонкую руку, чтобы схватить телефон. Он хотел лишь на мгновение закрыть глаза.

Его голос был хриплым. 'Да?'

'Это сделано.'

'Это кто?'

Это был Сайкс. Он говорил торопливо, судорожно. — У нас есть ракеты, ну, две из них, что мы могли от них получить. Мы вернемся завтра, посмотрим, что еще мы можем спасти. Хотя они сомневаются, что мы что-нибудь получим.

— Помедленнее, — сказал Фергюсон. — И скажи мне еще раз.

Сайкс говорил медленнее, точно описывая, что было извлечено, и ситуацию с оставшимися ракетами. Фергюсону потребовалось несколько минут, чтобы переварить то, что ему сказали. Он сел.

— У вас есть две ракеты? В вашем распоряжении?'

— Не сто процентов, а двигатели, электроника и так далее. В грузовике снаружи.

Фергюсон смотрел в окно своего кабинета. Ему казалось, что кто-то впрыснул ему чистую радость.

«Это потрясающие новости. Молодец, мистер Сайкс.

'Спасибо.'

Тон Сайкса не отражал радости самого Фергюсона. Не то чтобы это имело значение.

— Оставайтесь в отеле и ведите себя тихо сегодня вечером, а завтра вы увидите, что еще можно найти.

'Хорошо.'

Фергюсон повесил трубку. Он чувствовал усталость, как умственную, так и телесную, но, по крайней мере, все было почти кончено. Всего лишь еще одно грязное задание за всю жизнь необходимого, но неаккуратного служения своей нации. Нация, которая зарегистрировала его устаревшим. После стольких лет добросовестной службы было совершенно правильно, что он получил щедрую пенсию.

Было бы неплохо иметь больше ракет, но чем их больше, тем сложнее будет их скрытно транспортировать и хранить. Двух ракет

было достаточно. Черт, ему нужно было продать всего одну банку больше денег, чем он когда-либо мог потратить.

Когда пыль уляжется, Фергюсон станет белее белого. Не будет даже малейшего намека на то, что он имеет какое-то отношение к Тессеракту, Озолсу или ракетам. Он думал обо всех событиях, которые привели к такому результату, пока компьютер включался. Что он мог сделать, чтобы все пошло более гладко? Даже если оглянуться назад, было не так много того, что следовало бы сделать по-другому. Никто не мог предвидеть, что Тессеракт выживет в той засаде в Париже. Только после этого все стало грязно. Единственная ошибка, которую Фергюсон совершил, заключалась в том, что он использовал Сайкса, но, к счастью, он был в состоянии это исправить.

Его верный заместитель возьмет на себя вину за все. У Сайкса была сила, чтобы довести дело до конца, с амбициями и идиотизмом, чтобы убить себя в процессе.

С Далвегом и Вихманом связались накануне и проинформировали о том, что должно было произойти и что они должны были делать после этого, так что Фергюсону оставалось отправить только одно сообщение. На написание электронного письма у него ушло несколько секунд, и отправка доставила ему огромное удовольствие. В письме было всего одно слово.

Продолжить.

ГЛАВА 72

Танга, Танзания

понедельник

17:17 ЕСТЬ

На кухне было еще жарче, чем на улице, и доносился громкий шум напряженной работы. Около дюжины кухонных работников лихорадочно работали, готовя и готовя еду, мыли, убирали. Огромный повар выкрикивал приказы с энергией сержанта-инструктора. Виктор с небольшим ящиком фруктов на плече, не привлекая ни взглядов, ни слов, петлял среди рабочих тел. Казалось, у него была цель и причина быть там, а занятые люди редко прерывали свою работу, чтобы бросить вызов кому-то другому, который, казалось, тоже работал.

Голова Виктора была слегка наклонена вперед, поэтому никто не мог видеть его глаза. Зрительный контакт помогал людям вспомнить. Его взгляд скользнул по рабочим поверхностям, пока он двигался, пытаясь найти нож, который можно было бы взять в ладонь. Он ничего не видел и не хотел рисковать, слоняясь и привлекая внимание только для того, чтобы заполучить его. Оружие всегда было полезно, но для того, что он планировал, он мог обойтись без него. Он оставил ящик на полу у внутренней двери, прежде чем проскользнуть внутрь.

Убийца все еще ждал снаружи, когда Виктор оставил его. Он вылетел тем же рейсом в Танзанию в летном автобусе, пока убийца летел первым, и с тех пор следовал за этим человеком. При нормальных обстоятельствах он бы и не подумал о своих шансах выследить столь искусную цель, но у Виктора было одно существенное преимущество. Он должен был быть мертв.

Виктор представил себе, как вонзает нож в плоть убийцы рядом с позвоночником и пронзает сердце или, может быть, подрезает

человеку подколенное сухожилие, чтобы сначала посмотреть, как он корчится на земле, прежде чем прикончить его. Но это было не то, что сделал Виктор, даже если бы он был в состоянии. Он не зарезал людей на улице при десятках свидетелей, как бы ему этого ни хотелось. Это то, что делали любители, и любители убивали себя.

Даже если представится возможность, Виктор не сможет убить его, по крайней мере пока. Убийца был не более чем наемным убийцей, наемным убийцей, ничем не отличающимся от него самого. Виктор ненавидел это сравнение. Человек, за которым он следовал, не был его настоящим врагом; он был просто конечностью. Виктор хотел отрубить голову.

Задние коридоры отеля были узкими, но достаточно прохладными. Местами штукатурка на стенах потрескалась, а двери тонкие и плохо покрашены. В этой части отеля не было камер. Охраны тоже нет.

Подойдя к двери, Виктор остановился и на несколько секунд провел рядом с ней ухом. Он слышал, как люди разговаривали. Он пошел дальше, остановившись у другой двери, чтобы прислушаться. На этот раз шума не было. Он пошел дальше. Он попробовал еще три, прежде чем услышал тихое гудение электронных машин. Он медленно попробовал ручку. Он был разблокирован.

Внутри комната была крошечной, чуть больше шкафа. Места как раз хватило для стула, стола, двух телевизионных мониторов и сопутствующих магнитофонов. На экранах телевизоров одновременно шли прямые трансляции с камер видеонаблюдения отеля. На каждом экране было по четыре канала; по одному у главного входа, вестибюля, лифта и по одному на каждом этаже.

Виктор сел и нажал на перемотку назад, глядя на время, пока не дошел до полудня. Затем он нажал кнопку воспроизведения и стал смотреть. Пару минут спустя он увидел цель убийцы и двух товарищей, которые вошли через переднюю часть. Они исчезали из одной ленты и появлялись в другой, когда пересекали вестибюль. Лифт доставил их на третий этаж, и камера зафиксировала, как они вошли в свои комнаты.

Качество изображения было недостаточно хорошим, чтобы разглядеть номера комнат, но Виктор посчитал, сколько дверей было между камерой и комнатами, в частности той комнатой, куда вошел одинокий мужчина.

Он был ключом. Было очевидно, что двое других были просто наемными помощниками. Первым порывом Виктора было то, что они телохранители, но он видел, как все трое действовали вместе, и отверг эту идею. Ранее в тот же день Виктор последовал за убийцей, а он, в свою очередь, последовал за человеком в гавань, где цель присоединилась к двум другим мужчинам. Оборудование, которое Виктор видел на лодке, указывало на то, что это были водолазы.

То, что безымянная цель находилась в тени убийцы, означало, что он важен. Судя по тому, как он себя вел, он не был оперативным офицером. Он был чьим-то подчиненным, которого послали лично наблюдать за последней частью операции. Чтобы спасти то, что было на этом затонувшем корабле, что было так ценно и что, без сомнения, теперь было в грузовике снаружи.

Он вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Он направился к лестнице и начал подниматься на третий этаж. Цель убийцы что-то знала, что-то, что делало его целью, что-то, что было обузой для того, кто был ответственным. И это то, что Виктору нужно было услышать.

Ему просто нужно добраться до него раньше, чем это сделает убийца.

*

Рид закрыл письмо и встал. Он положил смартфон обратно в карман брюк. Он оставил воду на столе. Вестибюль был мирным. Шум веселья донесся из бара, когда он добрался до лестницы и поднял их на пятый этаж. Он прошел по коридору и вошел в свою комнату.

Пистолет был под подушкой, как он его и оставил, и он отодвинул затвор, зарядив пулю в патронник. Он засунул его в переднюю часть брюк, так что глушитель спустился вдоль его левого бедра. Его свободно свисавшая рубашка скрывала рукоятку пистолета.

Брюки также были достаточно свободны, так что, если бы он был осторожен в походке, никто бы не заметил, что он вооружен. Хотя спуститься по лестнице было невозможно из-за большого куска металла в штанах. Неважно, вместо этого он мог спуститься на два этажа на лифте.

Рид достал из ранца запасные магазины и сунул их в карманы брюк: два в левый, один в правый. Он не рассчитывал использовать даже один магазин патронов, и только тогда, если обстоятельства действительно были против него. Но Рид поднялся на самую вершину лестницы убийц, будучи дотошным и всегда готовым к худшему. Сейчас он не собирался менять свои привычки.

Он вышел из комнаты и направился к лифту. Он нажал кнопку вызова и терпеливо ждал. Рид знал, что умеет ждать. Однако он также знал, что у него гораздо лучше получается убивать.

Виктор поднялся на третий этаж и вышел в коридор, который образовывал грубый квадрат вокруг гостиницы. Он ходил по окружности, ориентируясь, пока находил камеру. На этаже было около пятнадцати комнат. Коридор был широким, но без ковра. Полы были отполированы и чисты.

Он нашел камеру рядом с лифтом, расположенную так, чтобы она могла видеть двери лифта и прилегающий коридор. Виктор пересчитал двери и увидел нужную ему комнату на полпути между лифтом и дальним перекрестком. Виктор знал, что мужчина был один, но всегда оставался шанс, что один или оба его товарища присоединились к нему в комнате, так как Виктор смотрел записи с камер видеонаблюдения.

Если бы у них было оружие, что Виктор должен был предположить, все могло бы быстро испортиться. Но если бы он был быстрым, он мог бы получить необходимую ему информацию, возможно, просто имя, или адрес, или, может быть, номер телефона, и, как он надеялся, выбраться, прежде чем кто-либо еще заметит, что он здесь.

Потребовалось всего несколько секунд, чтобы добраться до двери, но прежде чем он успел сделать движение, дальше по коридору открылась еще одна дверь. Виктор продолжал идти, пока один из двух больших парней не вышел из его комнаты. Он был немного ниже Виктора, со светлыми волосами и взлохмаченной бородой. Он был одет в длинные шорты и свободную футболку. Его сила была очевидна. Взгляд мужчины остановился на Викторе, когда они прошли мимо друг друга.

Виктор сохранил темп и свернул за угол в конце коридора, сопротивляясь естественному желанию оглянуться. Мужчина будет наблюдать за ним, пока не покинет свое видение. Виктор остановился, когда тот скрылся из виду, и прислушался. Он услышал стук, а через

несколько секунд дверь открылась. Приглушенные голоса, прежде чем дверь снова закрылась.

Двое в одной комнате все усложняли, но, по крайней мере, это означало, что каждый будет отвлекать другого. Это дало бы ему больше шансов получить элемент неожиданности. Виктор пошел дальше по коридору, вместо того чтобы свернуть назад. Он не хотел, чтобы камера сделала снимок его лица, плохого качества или нет.

Он шел так быстро, как только мог, не торопясь. Отель казался относительно пустым. Он и не предполагал, что даже в лучшие времена это имело большой успех. Его пульс был медленным и ровным.

Виктор подошел к повороту, где находился лифт. Он услышал звон, когда тот достиг пола. Это было все, что ему было нужно, еще один гость или сотрудник отеля поблизости, чтобы доставить ему еще больше проблем. Он замедлил шаг, желая, чтобы человек вышел из лифта перед ним, а не позади. Он услышал, как открылись двери.

Вышел мужчина лет сорока с небольшим, высокий, светлокожий, со славянскими чертами лица, с чемоданом в руках. Его можно было бы считать красивым, если бы не недавняя рана, зашитая на правой стороне лица.

Это лицо Виктор видел неделю назад в Санкт-Петербурге в прицел снайперской винтовки.

Виктор не замедлил шага и никак не отреагировал. Он надеялся, что ошибся, хотя и знал, что это не так. СВР были здесь. Первой мыслью, которая пришла ему в голову, было то, что они выследили его, но это не имело смысла. Организация располагала частью ресурсов и технологий ЦРУ, и ее влияние за пределами старого советского блока

было ограниченным. Если только они не следили за ним со времен России, это было выше их возможностей. И если бы они последовали за ним сюда, он бы не встретил одного из них случайно.

Русский повернул голову и посмотрел в сторону Виктора. Всего лишь случайный взгляд, и на несколько секунд ему показалось, что он не узнал его. Он отвернулся и сделал еще один шаг от лифта. Затем его голова невольно откинулась назад, чтобы посмотреть в сторону Виктора, все тело напряглось, выражение лица изменилось, когда он узнал человека, идущего к нему.

Между ними было не более трех ярдов, когда полковник Геннадий Анисковач сунул руку под куртку. Виктор бросился вперед, быстро сокращая дистанцию. Анисковач выхватил пистолет, но Виктор оказался в пределах досягаемости, прежде чем он успел полностью вытянуть руку.

Виктор схватил запястье русского и резко повернул. В то же время он ударил свободным кулаком в лицо Анисковача. Удар попал в нос, мгновенно сломав его и выпустив брызги крови из ноздрей. Анисковач застонал от боли, и пистолет выпал из его руки. Его глаза наполнились водой. Виктор пнул пистолет в лифт и швырнул туда же ошеломленного русского.

Внутри Виктор схватил Анисковача за рубашку и швырнул его в зеркальную стену. Кровь текла из его носа, быстро капала с подбородка. Вода полилась из его глаз. Виктор обыскал его, нашел запасной магазин и сунул в карман.

'Как вы меня нашли?' — спросил он по-русски.

Анисковачу потребовалась секунда, чтобы заговорить. — Я... не делал.

Виктор убрал руку с одежды русского и схватил его за горло, пальцы Виктора с одной стороны пищевода, большой палец с другой. Он начал сильно сжимать, перекрывая поступление воздуха. Анисковач задохнулся.

Виктор дал ему десять секунд без кислорода, прежде чем ослабить давление, достаточное для того, чтобы он заговорил. Он закашлялся. — Я только что пришел...

Он снова начал кашлять. Виктор понял — они здесь не для него. Флешка. СВР узнал, что в нем было, и пришел забрать все, что было на затонувшем корабле. Значит, взяли у Норимова. Двери лифта закрылись, и он начал подниматься.

Виктор крепче сжал шею Анисковача. — Ты убил его?

Русский выглядел растерянным. 'ВОЗ?'

Свободной рукой Виктор вдавил пальцы в израненную щеку Анисковача. Он закричал, и Виктор сильнее сжал его горло. Русский задыхался и отплевывался, его лицо покраснело, пока Виктор не ослабил хватку настолько, чтобы он мог говорить.

'Вы знаете, кто.'

Анисковач сплюнул изо рта мокроту и кровь. — Норимов?

'Да.'

— Мы его не убивали. Русский сделал серию глубоких вдохов и поднял голову. — Он работал на нас.

'Что вы сказали?'

— Норимов... продал тебя нам. Анисковач очень обрадовался эффекту, который произвели его слова. Его лицо скривилось в улыбке, тонкие губы блестели от крови. Он говорил между кашлем. — И он сделал это... гораздо дешевле, чем... я бы заплатил.

Хватка Виктора непреднамеренно ослабла. Какое-то время он не мог говорить, не мог ничего сделать. Норимов, единственный человек, которого он даже близко мог считать другом, предал его. Ни за что, кроме денег. Он чувствовал пустоту.

Двери лифта открылись на пятом этаже, и шум вернул Виктора обратно в мир. Он оглянулся через плечо, готовый вывести из строя любого, кто ждал. Возле лифта стоял мужчина. У него было худощавое, мускулистое телосложение, темные волосы и голубые глаза, одетый небрежно.

Рид.

ГЛАВА 73

17:22 ЕСТЬ

Два убийцы смотрели друг на друга в течение одного долгого момента. У Рида было преимущество, его враг был вполоборота, сжимая руки другого человека, прижимая его к задней части лифта. Но Рид не двигался.

Рид редко удивлялся, но он был словно парализован. Тессеракт был мертв. Он умер в номере отеля в Никосии, разорванный на атомы искусно заложенной бомбой. Тессеракт был мертв, но стоял не более чем в четырех футах от него. Рид тупо смотрел вперед, выражение его лица выражало недоверие, пока его мозг пытался рационализировать то, что было очевидно. Он потерпел неудачу.

Рид отреагировал вторым, только начав вытаскивать Глок, когда Тессеракт уже отдирает другого человека от стены.

Виктор развернул Анисковача на сто восемьдесят градусов и выбросил его из лифта как раз в тот момент, когда Рид протянул руку и выстрелил; мужчина получил пулю, предназначенную для Тессеракта, в грудь, на мгновение скривившись, прежде чем врезаться в Рида. Оба мужчины были отправлены в погоню.

Рид упал на пол первым, на спину, тело Анисковача приземлилось на него мгновением позже. У него не было времени собраться, и удар на мгновение оглушил его тело, но вновь пробудил разум.

Он не мог видеть Тессеракт, а выбраться из-под тяжестей не было времени, поэтому Рид повернул «Глок» и выстрелил вслепую.

Виктор нажал кнопку вестибюля и бросился в сторону лифта, прижавшись спиной к деревянным панелям за долю секунды до того, как пули ударили в заднюю стену. Зеркало разбилось, и Виктор закрыл

лицо рукой от осколков. Острые осколки посыпались на пол. Двери закрылись.

На боку Виктора в металле появился треугольник из вмятин. Лифт опустился, и стрельба прекратилась. Избегая разбитого стекла, Виктор выхватил пистолет россиянина из дальнего угла. Браунинг калибра 9 мм. Он вытащил и проверил магазин, вставил его обратно, сдвинул затвор и снял предохранитель. Готовый.

Через несколько секунд лифт достиг первого этажа, и двери открылись. Прежде чем Виктор вышел в вестибюль, он костяшками пальцев нажал кнопки второго, третьего и четвертого этажей и быстро вышел, прежде чем двери за ним закрылись. Рядом никого не было.

Браунинг был заткнут за пояс, а рубашка свободно свисала, чтобы прикрыть его. Его правая рука зависла над рукояткой, пока он осторожно шел вперед. Его взгляд был прикован к входу на лестничную клетку, полагая, что убийца помчится за ним. Ему потребуется значительно больше времени, чем Виктору, чтобы добраться до вестибюля, но все же недолго.

Убийца тоже знал бы это, и он также подсчитал бы, что Виктор знал это. Спуститься по лестнице будет самым быстрым путем, но при этом убийце придется рискнуть тем, что Виктор ждет его. Были и другие более безопасные пути на первый этаж, которые заняли бы больше времени. Если бы их роли поменялись местами, Виктор не был уверен, что бы он сделал.

У него не было времени думать об этом дальше, так как он увидел группу мужчин, выходящих из бара отеля. Все они были белыми, с загорелой или блестящей кожей, которая начинала загорать. Мужчины были одеты как гражданские, но имели безошибочную

осанку военных типов. Виктор знал, что они русские, еще до того, как услышал, как они разговаривают.

Пара из них посмотрела в его сторону, но остальные не обратили на Виктора никакого внимания. Одни несли рюкзаки и выглядели уставшими от дороги, а остальные выглядели посвежевшими. Очевидно, они путешествовали по отдельности двумя группами, чтобы избежать подозрений. Это имело смысл. Это был самый большой отель в городе и недалеко от порта. Туристы были здесь обычным явлением, что делало это место идеальным, чтобы оставаться анонимным.

Любое желание Виктора ждать и устроить засаду на убийцу исчезло, когда в вестибюле находились семеро, скорее всего, вооруженных русских солдат. Новоприбывшие пошли к лифту. Виктор размеренным шагом направился прямо к выходу, просто гость, спешащий в город. Несколько русских посмотрели в его сторону, но не более того. Те, у кого не было рюкзаков, собрались в центре вестибюля.

Проходя мимо первой группы, Виктор надеялся, что никто из семерых не причастен к инциденту в Санкт-Петербурге. Они бы видели ту фотографию, о которой говорил Норимов. Если бы они это сделали и Виктора узнали, шансов на побег у него не было бы. Он подошел к середине вестибюля, сворачивая вправо, чтобы избежать встречи с русскими, прикинув, что у убийцы было достаточно времени, чтобы добраться до нижней части лестницы. Но дверь оставалась закрытой.

Убийца явно имел в виду что-то другое.

*

Рид спустился по лестнице, делая глубокие и быстрые вдохи, поскольку гнев грозил взорваться сквозь его спокойную внешность. Тессеракт был жив. Риду не удалось убить его. Он пережил взрыв бомбы. Нет, Тессеракт нашел ловушку и запустил ее, чтобы обмануть Рида, заставив его думать, что он добился успеха. Англичанин стиснул зубы. Он помнил, что думал о Тессеракте как о любителе, но если Тессеракт был любителем, что это делало с Ридом?

Рид не мог вспомнить, когда в последний раз выходил из себя, но сейчас он чувствовал чистейшую ярость. Тессеракт избил его, выставил из него дурака. Рид нуждался в оправдании.

Он знал, что никогда не опередит лифт до вестибюля, а если он поднимется по лестнице на первый этаж, Тессеракт будет ждать его, чтобы устроить засаду. Рид не собирался бросаться в ловушку.

Он добрался до третьего этажа и вошел в коридор. Он быстро подошел к окну на противоположном конце, которое, как он знал, даст ему идеальную точку обзора. Он выходил на улицу перед входом в отель, и с этой позиции Рид мог ждать, пока Тессеракт появится из главного входа и воткнет две пустые точки ему в затылок.

Рид вытаскивал полупустой магазин из «Глока», мышцы его челюсти периодически напрягались под кожей. Раньше он никогда не испытывал эмоций по отношению к цели, но теперь это переполняло его. Рид повернул голову, услышав, как позади него открылась дверь, и увидел, как цель, которую он должен был убить в Танзании, вошла в коридор из его комнаты. Он направлялся к лифту, когда посмотрел в сторону Рида и заметил пистолет в руке Рида.

Сайкс отступил, с широко открытыми глазами, открытым ртом, удаляясь в свою комнату.

Рид положил выброшенный магазин в карман и перезарядил полный. Он открыл окно и встал с Глоком перед собой, целясь туда, где, как он ожидал, появится Тессеракт.

Боковым зрением он увидел, как из той же комнаты, куда только что сбежала цель, вышел один из громадных наемников цели. Он двигался хорошо, быстро, пистолет был сжат обеими руками, опущен вниз и сбоку, предохранительный захват, которым люди обучены пользоваться, чтобы не застрелить кого-то по ошибке. Недостатком было то, что для захвата цели требовалась дополнительная доля секунды.

Не двигая головой, Рид дважды выстрелил парню в грудь. От удара он отлетел назад, отскочив от стены, прежде чем рухнуть на пол мертвым человеком.

Рид снова прицелился на улице снаружи и терпеливо ждал. Потребовались секунды, чтобы открыть дверь цели и выполнить контракт, но это дало Тессеракту достаточно времени, чтобы сбежать. Рида не заботила работа, которую он должен был выполнить в Танге. Он заботился только о человеке, которого ему не удалось убить. Человек, который избил его. Он заботился только о победе.

Его заботило только убийство Тессеракта.

Двумя этажами выше Анисковач пришел в сознание и поднялся на ноги. Каждый вдох был мучением. Он прижался левой рукой к стене для поддержки, а правой нащупал пулю, застрявшую в его бронежилете. Он проверил под ним кровь, но пуля не прошла с другой стороны.

Полковник СВР всегда был осторожным человеком, но после того, как в Санкт-Петербурге он был на грани смерти, Анисковач

принял во внимание безопасность. Несмотря на боль, жить было приятно. Он не был уверен, как долго он был без сознания, но надеялся, что время еще есть. Он полез в карман и вытащил телефон.

Рингтон разнесся по всему вестибюлю. Это была какая-то новая мелодия, которая, если бы обстоятельства не были столь опасными, заставила бы Виктора нахмуриться. Он увидел, как один из русских полез в карман куртки, чтобы ответить. Виктор прошел мимо, чувствуя желание ускориться. Выход был прямо впереди. Он был так близко.

Русский ответил на звонок и через секунду посмотрел в сторону Виктора. Виктор увидел отражение лица мужчины в стекле перед собой.

Русскому потребовалась еще секунда, чтобы набрать воздуха в легкие, чтобы закричать, но Виктор уже бежал. Две секунды, чтобы преодолеть расстояние до главного входа, еще одна, чтобы пройти через дверь. Еще три, чтобы добраться до укрытия снаружи. Шесть секунд. Слишком долго, если у кого-то из русских есть пистолет в пределах досягаемости. Он будет мертв с пулями в спине задолго до того, как доберется до безопасного места. Бар был меньше половины расстояния. Он бросился туда.

Другие русские медленно реагировали на неожиданное волнение, и он достиг и прошел через вход в бар, прежде чем услышал движение позади себя — новые крики, звук открываемых сумок, металлическое эхо вынимаемого оружия.

Виктор обогнул столы и стулья, пробираясь в дальний конец длинной комнаты. Он услышал, как за ним гонится русский, не такой проворный, как он, — стучит по столу, проливает напитки, — но все же быстро.

Виктор толкнул служебную дверь в дальнем конце бара и побежал по коридору с другой стороны. Он направился на кухню, ворвался в распашную дверь и толкнул ее в сторону.

На кухне было еще оживленнее, чем прежде, полно шума, пара, жары. Узкие проходы между рабочими поверхностями были забиты людьми.

Виктор попятился, зная, что не сможет пробиться, пока русские не догонят и не зальют кухню свинцом. Либо так, либо он даст им время, чтобы сбить его с толку.

Он вышел обратно в коридор и увидел преследующего его русского, бегущего к нему. Внезапное появление Виктора удивило его, и на долю секунды он заколебался. Виктор не знал.

Он рванулся вперед, рассчитывая время атаки так, чтобы пятка его ботинка врезалась в живот бегущего человека на пике силы удара.

Русский ахнул, согнувшись пополам. Виктор схватил его за плечи и ударил головой о ближайшую стену. Раздался глухой треск штукатурки, и голова русского отскочила назад. Он споткнулся, размахивая руками.

Виктор прыгнул на него, пока тот был ошеломлен, ударив локтем в лицо русского, и человек бесшумно рухнул.

Он услышал шум, не был уверен, откуда он исходит, но вытащил браунинг и дважды выстрелил в дверь, ведущую в бар. Виктор не стал ждать, чтобы убедиться, что он был прав, и направился в соседний коридор.

Автоматический огонь пробил дверь бара. Виктор уже спрыгивал с траектории, когда пули ударили в стены и пол, взметая в воздух дерево, штукатурку и пыль.

Он вскочил на ноги и через секунду взбежал по той же лестнице, по которой поднимался ранее. Подниматься наверх, когда ему нужно было выбраться, было плохой идеей, но его первые два пути к бегству были отрезаны, и ему нужен был еще один.

Он двигался быстро, но осторожно, выставив пистолет прямо перед собой, всегда синхронно с тем, куда он смотрел. Русские были ниже его, а убийца выше.

В ловушке.

Сайкс стоял в центре своего гостиничного номера совершенно неподвижно, не сводя глаз с двери, крепко сжимая SIG в потной руке. Звуки выстрелов эхом разнеслись по комнате. Он никогда в жизни так не боялся.

В одну минуту он шел в бар, чтобы выпить, а в следующую уже пялился на серьезно злобного парня с пистолетом. Вихман, как идиот, выскочил с пистолетом в руке, чтобы посмотреть, что происходит. Затем раздались выстрелы с глушителем и отчетливый удар тяжелого предмета размером с человека, ударившегося о палубу.

После этого не было больше шума в течение, казалось, нескольких минут. Сайкс не был уверен, как долго. Он стоял, уставившись на дверь, ожидая, когда парень с пистолетом придет и убьет его.

Происходило что-то безумное, и Сайкс оказался в самом центре.

Ужасное осознание начало формироваться в сознании Сайкса. Человек с пистолетом узнал его.

Нет, этого не может быть.

Дальвег ворвался в комнату, и в панике Сайкс чуть не застрелил его. Лицо Дальвега исказилось гневом.

— Джек мертв, — выплюнул он. — Что, черт возьми, происходит в этом месте?

Сайкс хотел было сказать, что не знает, но тут началась новая стрельба.

Рид слышал шум в вестибюле через несколько секунд после того момента, когда, по его мнению, Тессеракт должен был выйти на улицу снаружи. Он опустил руку, повернулся и направился от окна к коридору. Снизу донесся звук непрекращающегося автоматического огня. Пистолет-пулемет с высокой скорострельностью. Бизон наверное.

Англичанин сделал быструю оценку обстоятельств. У человека, на которого Тессеракт напал в лифте, явно были друзья, и эти друзья были вооружены и теперь охотились за Тессерактом. Рид вспомнил иностранцев в баре. русские. Почему они оказались здесь, в Танзании, Рид не знал, да и не хотел знать. Что действительно интересовало его, так это то, что они пытались убить Тессеракта и мешали его собственной попытке сделать это. Если они продолжат, что вполне вероятно, то окажутся между прицелами Рида. Рид не позволит ничему встать между ним и его противником, и он не позволит никому, кроме

себя, совершить убийство. Рид был лучшим. Он должен был это доказать. Если кто-то другой убьет Тессеракт до Рида, его собственная жизнь продолжится как тень его прежнего существования.

Русские не позволили Тессеракту уйти через главный вход. Таким образом, единственным логическим выходом из вестибюля был бы бар отеля. Это приведет его на кухню и на служебную лестницу.

Рид поторопился. Его добыча была близко.

ГЛАВА 74

17:24 ЕСТЬ

Виктор добрался до второго этажа и помчался по коридору, обеими руками сжимая Браунинга, вытянув руки и слегка согнув в локте, взгляд смотрел прямо в прицельные приспособления 9-мм ружья. Завыла пожарная сигнализация. Он мог слышать крики людей. Он не мог понять, о чем они кричали, но голоса звучали скорее испуганно или испуганно, чем больно.

Он свернул за угол, нашел дверь в нужном месте, выбил ее ногой, быстро вошел, быстро осмотрел комнату. Односпальная, аккуратно заправленная кровать, никаких личных вещей. Незанятый. Пустой. Виктор направился прямо к окну, схватил стул, швырнул его.

Стекло разбилось. Он шагнул вперед, на мгновение наклонился через открытое пространство. Под ним был ряд аккуратно

припаркованных машин, сверкающих осколками стекла, за ними разбитое кресло. Стоянка растянулась примерно на двадцать ярдов. Низкая стена обозначала край гостиничного комплекса. Никаких русских. Нет убийцы.

Падение было слишком далеко, чтобы рисковать, даже с машинами, чтобы предотвратить падение, но рядом с окном была водосточная труба. Виктор засунул браунинг за пояс, взобрался на подоконник, балансируя на носочках, опираясь руками на раму. Он повернулся лицом к комнате и потянулся к водосточной трубе.

Тень появилась на стене через открытый дверной проем. Тень человека с ружьем.

Виктор тут же отпустил его, отшатнувшись назад, увидев появление убийцы и краткую вспышку дула пистолета, когда тот выстрелил.

Пуля рассекла воздух над ним, и на безмятежную долю секунды Виктор упал, разбитое окно отлетело от него. Он приземлился на припаркованный седан, смяв крышу силой удара. Боковые стекла взорвались, лобовое треснуло, воздух выдавили из легких.

Он глубоко вдохнул, не обращая внимания на боль, и вытащил браунинг из-за пояса. Конечности ныли, но все еще работали, значит, кости не сломаны.

Он нажал на спусковой крючок, как только показался Рид, но все еще трясся, его поза была неловкой. Он скучал. Виктор выстрелил еще дважды, промахнувшись, но заставив своего врага вернуться в комнату, прежде чем он смог открыть ответный огонь.

Виктор скатился с крыши автомобиля, приземлившись на ноги. Он развернулся, нацелив пистолет на окно, и пригнулся, чтобы не сбиться с пути. Адреналин захлестнул его. Он ровно дышал в тщетной попытке контролировать его последствия. Если он и был ранен, то не чувствовал боли. Прошло пять секунд. Десять.

Нет. Убийца отступил, переместившись на другую позицию. Виктор осмотрел другие окна на том же этаже, выходящие на парковку. Следующая атака может исходить от любого из них. Он никак не мог наблюдать за ними всеми. Куда бы он ни посмотрел, создавалось слепое пятно, из которого убийца мог получить идеальный выстрел.

Его взгляд искал способ спастись. Стоянка была слишком пуста, пробежка через нее оставила бы его слишком незащищенным. Там была дверь, но слишком далеко, чтобы рисковать прорваться через нее. Пожарный выход был ближе, но закрыт.

Противопожарная дверь распахнулась, ударившись о стену, и из нее вышли двое русских, оба вооруженные автоматами ПП-19 «Бизон».

Виктор упал позади разбитой машины, его тело расположилось за задним колесом со стороны водителя. Он почувствовал вибрацию спиной, когда пули попали в кузов. Он не стал дожидаться окончания стрельбы, упал на живот и вытянул руки под машину.

Он выстрелил дважды, одна пуля попала ближайшему русскому в голень. Оба отступили через открытый выход для огня, и Виктор вскочил на ноги, выставил еще одного вокруг них и побежал через стоянку, лавируя между припаркованными машинами, направляясь к дороге, надеясь, что убийца тоже отвлекся.

Асфальт взорвался у его ног.

Он укрылся за другой машиной, развернулся. Виктор открыл ответный огонь, но невредимый русский нырнул обратно в прикрытие дверного проема.

Движение этажом выше привлекло внимание Виктора, и он вовремя среагировал, чтобы избежать встречных пуль. Один врезался в неровную землю, где он стоял на коленях, другой выбил окно машины рядом с ним.

Виктор бросился с линии огня, выйдя вперед. Он вздохнул, быстро обдумав свой выбор. У него было два отдельных нападающих на двух разных огневых точках, одна на возвышенности, и поблизости было больше врагов, которые вступали в бой в считанные минуты. Это была битва, в которой он не собирался побеждать. Ему нужно было двигаться. И быстро.

Виктор скользнул под внедорожник, задев локтями твердую землю. Он сделал то же самое под другим. Больше пуль не было. Никто не знал, где он.

Он вскочил, выстрелил в окно, где только что был убийца, и в пожарный выход, не дожидаясь цели. Пуля попала в невредимого россиянина, когда он выходил из укрытия.

Виктор побежал, направляясь прямо через парковку, прочь от отеля, надеясь, что скорость уберезет его от ударов. Он быстро преодолел оставшуюся землю, прыгнул на небольшую стену, которая отделяла стоянку от улицы за ней. Он услышал плевки заглушенного выстрела, и под его ботинком рассыпался кусок кирпичной кладки. Он потерял равновесие, упал вперед, потеряв равновесие, неуклюже

приземлившись, споткнувшись о дорогу, чтобы удержаться от инерции, чтобы не сбить его с ног.

Загудел рог. Завизжали шины. Бампер попал ему в середину левого бедра, отбросив его на капот автомобиля. Он врезался в лобовое стекло, разбил его, перекатился вверх и перелетел через крышу, отскочил от багажника, прежде чем удариться о дорогу, инстинктивно перекатившись, чтобы смягчить удар.

Машину занесло и она потеряла управление, выехала на тротуар и продолжила движение по низкой стене, врезавшись в стоявший на другой стороне внедорожник.

Все казалось медленным и тихим. Виктор оторвался от раскаленной земли и поднялся на ноги, поморщившись, перенеся вес на левую ногу. Он весь болел. Он почувствовал привкус крови во рту. Его зрение было размытым. Он прищурился сквозь дымку, его зрение вернулось, очертания снова стали четкими. Рядом с ним с открытым ртом стояли человек четыре-пять. Он увидел разбитую машину, пар поднимался из-под капота, потрясенная женщина-водитель, спотыкаясь, вышла. Позади нее мужчина спускался по водосточной трубе сбоку отеля.

Виктор понял, что Браунинг не в его руках. Он лихорадочно огляделся.

Он видел его лежащим рядом с разбитой машиной. Он торопливо подошел к оружию, неуклюже перепрыгивая через стену, осознавая, что все его тело движется медленнее, чем он велел. Он взял 9-миллиметровую винтовку обеими руками и повернулся туда, где увидел убийцу.

Виктор выстрелил, его прицел был ужасен, пули попали в стену точно сбоку от его цели, которая пролетела последние пару ярдов, исчезнув из виду за рядом припаркованных машин. Мгновением позже он снова появился, стреляя и двигаясь, используя машины в качестве прикрытия. Виктор выстрелил в ответ, укрываясь за разбитой машиной. Пули врезались в кузов.

Нажмите.

Браунинг был пуст.

Виктор немедленно перепрыгнул через стену позади него, перекатившись, чтобы смягчить падение, и плавно перейдя в спринт, несмотря на боль. Полноприводный джип с выгоревшей на солнце краской и засохшей грязью, прилипшей к колесам и бокам, отъезжал от тротуара дальше по улице. Идеально. Виктор вскочил на капот, сделал два шага, спрыгнул с другой стороны, приняв падение правой ногой, чтобы оставить левую. Джип резко остановился. Водитель уже убегал, прежде чем Виктор успел его выгнать.

Пуля пролетела мимо его головы.

Виктор залез внутрь и захлопнул дверь. Внутри было грязнее, чем снаружи, сиденья расколоты, обивка вывалилась в нескольких местах, приборная панель потрескалась, обивка порвана, все в пыли. Виктор взглянул направо и увидел, как убийца спешит через парковку отеля, на ходу перезаряжая свой пистолет.

Виктор нырнул в сиденье, перевел джип на первую передачу, закрипела коробка передач, и прибавил газу. Окно пассажирской двери вылетело, осколки стекла разлетелись по его голове и спине. В его сторону пролетело еще несколько пуль, влетевших в разбитое окно и врезавшихся в кузов.

Виктор перезаряжал одной рукой, пока вел машину. Последний журнал. Браунинг вмещал тринадцать пуль. Хорошо, подумал Виктор.

Не повезло тому, кто последовал за ним.

Рид наблюдал за тем, как джип выезжает из зоны действия «Глока», опустил оружие и осмотрел местность в поисках подходящей машины для погони за Тессерактом. Там было несколько машин, в основном старые седаны, у которых не было ни лошадиных сил, чтобы догнать джип, ни полного привода, чтобы справляться с неравномерными дорогами Танги на скорости. Гнев грозил взорваться сквозь его спокойную внешность. Тессеракт снова выжил, и Рид снова испытал негодование из-за того, что его навыки оказались недостаточными. Ему нужно было подтверждение, которое могла дать только кровь.

Он услышал поблизости русские голоса и, оглянувшись в их сторону, увидел нескольких мужчин, входящих на стоянку через пожарный выход. Все были вооружены Бизонами и выглядели жаждущими насилия. Перед ними на земле лежал мертвый один из товарищей.

Англичанин спрятал «Глок» за бедро и вел себя как потрясенный сторонний наблюдатель, когда русские поспешили выйти на улицу. Они кричали на местных жителей, но танзанийцы их не понимали, а русские в свою очередь не понимали, что было сказано в ответ.

Там было четверо русских, настолько похожих внешне и движениями, что они могли быть клонами друг друга военного воспитания. Спецназ, предположил Рид. Он с большим уважением относился к хорошо обученным и очень боеспособным российским спецподразделениям, считая их третьими после своих британских и

американских коллег. Появился пятый человек, явно их командир, но не военный, вероятно, ГРУ или СВР. Это был человек, которого Тессеракт бросил в Рида и в которого Рид, в свою очередь, выстрелил.

Рид отвернулся и отвернулся. Он не хотел рисковать, что его узнают, как бы маловероятно это ни было. Офицер приказал своим солдатам добраться до своих машин и продолжить преследование. Он не последовал за ним, так как его люди разделились на две пары и бросились прочь. Он прислонился к стене, положив руку на грудь. Он, должно быть, был в жилете, чтобы пережить пулю Рида в грудь. Самый удачливый.

Рид шел быстро, пока не скрылся из виду русских, после чего бросился бежать. Он уворачивался от пешеходов, бегая вокруг отеля, пока не оказался на его передней стороне. Машины были припаркованы вдоль полукольца подъездной дорожки, которая соединяла отель с главной дорогой. Он знал, что у него нет времени ни заварить машину, ни найти ключи от другой. Но ему это было не нужно. Мужчина закрывал дверцу ухоженного «Лэндровера».

Рид сбросил водителя с сиденья и забрался внутрь.

ГЛАВА 75

17:26 ЕСТЬ

Сайкс поспешил вниз по лестнице, следуя за Дальвегом. Большой бывший «морской котик» вытянул перед собой «беретту» и двигался быстро и уверенно, а Сайкс, запыхавшись, плелся за ним,

одной рукой свободно сжимая собственный пистолет, а другой держась за перила, чтобы удержаться на ногах. Страх и кислотный рефлюкс — смертельный коктейль.

Выстрелы заставили Сайкса задуматься. Они были громкими, по-видимому, исходящими из-за пределов задней части отеля. Дальвег ничуть не смутился, добрался до конца лестницы и занял позицию, чтобы заглянуть в соседний коридор. Он снова посмотрел на Сайкса.

— Пошли, — сказал он. — Ты должен не отставать, иначе я просто оставлю тебя здесь. Мне все равно.

Дальвег направился по коридору, а Сайкс последовал за ним, стараясь не вздрагивать от каждого удара. Это звучало так, будто шла полномасштабная война, но он был рад, что те, кто пытался убить друг друга, больше не делали этого внутри здания. Ладонь Сайкса вокруг рукоятки SIG была влажной.

Вестибюль был пуст, если не считать пары сотрудников отеля, спрятавшихся за стойкой регистрации. Дальвег набрал скорость, почти бегом пробежав по открытому пространству вестибюля, прежде чем добраться до главного входа. Он прислонился плечом к стене и выглянул в окно. Он перешел к другому и снова выглянул.

— Выглядит ясно. Я думаю, у нас все хорошо.

Сайкс сглотнул и вытер рукавом футболки потное лицо. Непрерывный шквал автоматического огня заставил его замереть на месте, и даже Дальвег вздрогнул. Затем последовал крик. Это звучало как русские в соседнем баре и коридорах.

Шквал мыслей обрушился на Сайкса. Если русские были здесь, они должны были узнать о ракетах. Но с кем они сражались? Кто был тот человек, который застрелил Вичмана? Что, черт возьми, происходит? Ответ испугал его.

Сайкс почувствовал руку Дальвега на своем плече. Он посмотрел на него.

— Послушай, ты, бесполезное маленькое дерьмо, — сказал Дальвег. — Если ты хочешь, чтобы я вытащил тебя из этого, мне нужно больше денег. Чертовски много больше.

Сайкс несколько раз кивнул. 'Конечно, как хотите. Просто заведи меня к черту отсюда. Пожалуйста.'

Дальвег презрительно взглянул на него и толкнул главную дверь отеля. Солнечный свет проникал сквозь дверной проем и заставил Сайкса щуриться. Он оставил свои солнцезащитные очки в своей комнате вместе с остальными вещами, не задумываясь.

Дальвег выскочил на яркий свет и занял позицию для прикрытия за машиной, припаркованной перед отелем. Сайкс побежал за ним и присел рядом, задыхаясь от ужаса.

Дальвег посмотрел налево и направо вдоль улицы. Местные жители собрались в ответ на стрельбу. Они выглядели более любопытными, чем напуганными.

— Я никого не вижу, — сказал Дальвег.

Сайкс все равно держался на низком уровне. — А грузовик?

— Он все еще там.

— Никого нет рядом?

Дальвег покачал головой. «Если бы они были, я бы сказал, идиот. Что бы здесь ни происходило, дело не в этих ракетах.

'Это должно быть.'

Дальвег посмотрел на него, нахмурившись. — Тогда почему, гений, эти клоуны стреляют друг в друга из-за спины, а не удирают с грузовиком?

Сайкс пожал плечами.

— Вот именно, — сказал Дальвег.

'Что мы будем делать?'

'Уходили.'

Дальвег встал и поспешил через улицу к грузовику. Он остановился и жестом пригласил Сайкса следовать за ним. Сайксу потребовалось три глубоких вдоха и нерешительная молитва, чтобы его ноги двигались. Он выскочил из-за машины и пересек улицу, направляясь туда, где Дальвег забирался в кабину грузовика.

Сайкс услышал звук приближающейся машины и прижался к грузовику, когда джип подлетел ближе. Он в шоке уставился на водителя. Джип промчался мимо, и Сайкс смотрел на него с открытым ртом, не веря своим глазам. Тессеракт.

Движение привлекло его внимание. Из переулка вышел мужчина. У мужчины была короткая стрижка и шея, похожая на ствол дерева, кожа слишком светлая, чтобы быть местным. Мозгу Сайкса потребовалось несколько секунд, чтобы осознать то, что он видел, и за это короткое время мужчина бросился прямо на него.

Сайкс поднял руку с пистолетом, но он был далеко не достаточно быстр, и 205 фунтов разгневанного латиноамериканца ударили его плечом в живот, отбросив Сайкса назад, сильно ударившись спиной о пыльное асфальтобетонное покрытие. Пистолет вылетел из его руки и с грохотом исчез из поля зрения.

Сайкс захрипел, покраснев, отчаянно пытаясь набрать воздуха в сдутые легкие.

Альварес был на ногах всего за несколько секунд. Он был большим парнем, но все же обладал большей скоростью, чем многие ожидали. Небольшая толпа танзанийцев наблюдала за ним, но он проигнорировал их и огляделся в поисках пистолета Сайкса. Его нигде не было видно, а времени на поиски уже не было.

Он сделал шаг назад, обернулся. Высокое квадратное брезентовое покрытие защищало заднюю часть грузовика и имело запертую дверь посередине задней панели. Альварес распахнул дверь и заглянул внутрь. Мимо него промчались два пикапа. Болезненный резкий запах соленой воды заставил его вздрогнуть. Толстые брезентовые простыни покрывали груз. Альварес отвел их в сторону, увидев множество предметов: водолазные баллоны, регуляторы, подводный резак, ремешки, ласты, подъемные сумки с открытым дном, подводные фонари, коробку сигнальных ракет.

Среди оборудования лежали огромные трубчатые секции из окрашенного в белый цвет металла, которые шли по всей длине

грузового отсека и были шириной с плечи Альвареса. Очевидно, их разобрали, чтобы поднять на поверхность, но ракеты все же были намного крупнее, чем предполагал Альварес.

— Джекпот, — прошептал он.

Альварес услышал, как открылась водительская дверь, прижался спиной к двери багажника и стал ждать.

Сайкс попытался позвать на помощь, но у него не хватило дыхания, чтобы произнести слова. Он боролся на раскаленной земле, испуганный и в агонии. Он смотрел, как с подъездной дорожки к отелю набирает скорость «Лэнд Ровер», и слышал голос Далвега.

— Какого хрена?

Сайкс попытался поднять глаза, чтобы увидеть Далвега, но у него не хватило сил. Вместо этого он повернул голову в сторону, глядя на мир под искажённым углом и наблюдая, как Дальвег приближается к нему вдоль борта грузовика, направляясь на помощь. Сайкс повернул голову в другую сторону и увидел Альвареса, ожидающего позади грузовика, вне поля зрения Дальвега.

'Что с тобой случилось?' — спросил Дальвег.

Сайкс снова запрокинул голову и попытался предупредить Дальвега, но его крики вырывались из его запыхавшейся груди не громче хныканья. Он попытался указать, но Дальвег не понял.

Второй «Дальвег» достиг Сайкса, Альварес шел за ним. Он бросился на Дальвега сзади, повалил его на землю и ударил по дороге

слева от того места, где лежал Сайкс. Оранжевая пыль взметнулась в воздух.

Сайкс попытался убраться с дороги, когда двое мужчин сцепились и ударили друг друга рядом с ним. Он все еще хрипел, но острая боль в груди медленно угасала с каждой секундой. Ему удалось перевернуться вправо, сначала на живот, а затем снова на спину. Он слышал хрюканье и тошнотворный стук, когда кулаки врезались в плоть всего в нескольких футах от него. Капли крови упали на лицо Сайкса.

Сайкс медленно поднялся на ноги и пошатнулся, пока не нашел стену, на которую можно опереться. Некоторые местные жители начали приветствовать бой.

Прямо перед ним Альварес и Дальвег выбили друг друга из колеи. Оба парня были сильными, и оба умели драться. Альварес пробился на Далвега, используя левую руку, чтобы прижать правую руку Далвега к земле, в то время как он ударил Далвега кулаком и локтем своей правой. Из раны на щеке Дальвега хлынула кровь. У него уже шла кровь изо рта. Сайкс понимал, что через несколько секунд все закончится.

Своего пистолета он не видел, но «беретта» Дальвега лежала рядом на дороге, вне досягаемости любого бойца. Сайкс оттолкнулся от стены и бросился к оружию так быстро, как только мог. Он кружил вокруг того места, где сражались Альварес и Дальвег, шатаясь, чтобы сохранить равновесие.

Альварес увидел, что происходит, отпустил Далвега и бросился за Сайксом. Он догнал его до того, как Сайкс добрался до оружия, обхватил руками бедра Сайкса, поднял его с ног и снова опустил на землю. Жесткий.

Руки Сайкса смягчили падение, но не настолько, чтобы помешать его лицу коснуться асфальта. Он обмяк и тихо застонал.

Альварес поднялся на ноги. Он повернулся к Дальвегу и увидел, что тот направляется обратно к такси. Дверь уже была открыта, и он полез внутрь. Когда Дальвег вытянул руки, в его руках был Узи.

Альварес схватил «Беретту» и убежал с линии огня прежде, чем Дальвег поднял пистолет-пулемет. Альварес лихорадочно огляделся в поисках укрытия, понял, что поблизости нет места, достаточно близкого, чтобы добраться вовремя, повернулся и выстрелил в Дальвега через брезентовую обшивку грузовика, надеясь на удачное попадание.

«Узи» взревел в ответ, и в полотне появилось скопление дымящихся дыр. Снаряды выбили куски из кладки вокруг Альвареса. Он опустился на руки и колени, низко наклонившись, чтобы заглянуть под грузовик. Дальвег находился за одним из задних колес, видна была только его тень. «Узи» дал еще одну очередь, и над головой Альвареса пронеслось еще больше пуль.

Альварес, насколько мог, прицелился и выстрелил.

Пуля пробила шину грузовика, прошла сквозь резину и попала Дальвегу в ногу с другой стороны. Он взвыл от боли и покинул свою позицию. Альварес выстрелил ему вслед еще раз, но Дальвег был вне его поля зрения.

Альварес встал вертикально, приблизился к задней части грузовика и спрятался за одним из больших колес, как это сделал

Дальвег. Секундой позже в его сторону попало еще несколько патронов.

Он высунул голову из-под укрытия на достаточно долгое время, чтобы увидеть, что Дальвег стоит за небольшой стеной на другой стороне дороги, а затем вытащил его череп обратно вниз. Он чувствовал эхо, когда пули попали в грузовик, и молча молился о том, чтобы неудачный выстрел не взорвал одну из боеголовок. Альварес не знал, были ли они вооружены или неразорвавшиеся, и в любом случае это должно было быть далеко, сказал он себе, но он не хотел ждать, чтобы проверить теорию.

Он отшатнулся в сторону и протянул руку назад и вокруг руля, чтобы сделать пару выстрелов в направлении Дальвега. Его шансы попасть, вероятно, были выше, чем у одной из боеголовок, которая взорвется, но он не мог сделать слишком плохо, так как «Узи» перестал стрелять на несколько секунд.

Альварес не упустил возможности и сменил позицию, поспешив к передней части грузовика и укрывшись там за рулем. Сгорбившись, он обогнул переднее крыло, высунулся из укрытия и выстрелил. Он смотрел, как пуля пробила дыру в стене, защищавшей Дальвега.

Вернувшийся град в 9 мм заставил Альвареса вернуться за руль. Снаряды отскочили от капота грузовика, разбили окна кабины, врезались в землю. Альварес услышал звук бегущей воды и, посмотрев налево, увидел выплескивающееся из лопнувшего топливного бака топливо с пулевыми отверстиями с обеих сторон.

Альварес первым признал бы, что в его понимании химии нет ничего особенного, но он знал, что у дизельного топлива более высокая температура воспламенения, чем у бензина, и его гораздо

труднее зажечь. Даже матч не поможет. Но этот факт мало утешал, когда рядом с ним образовывалась лужа.

Он отпрянул от дизеля, желая убежать, но осознавая, что полностью прижат к земле. Выйти из-под укрытия грузовика означало выдержать бурю свинца. Альварес был смелым, но не глупым.

Он выскочил из-за грузовика, чтобы выстрелить в Дальвега еще одной пулей, но прежде чем он успел полностью нажать на курок, он почувствовал жжение в правом плече, и его ноги подкосились.

Альварес приземлился на спину, скривившись от невероятной боли, когда попытался пошевелить правой рукой. Он приложил пальцы левой руки к ране, почувствовав маленькое входное отверстие в передней части внешней дельтовидной мышцы. Он протянул пальцы, чтобы коснуться гораздо большего выходного отверстия на задней части плеча. Насквозь. Кости не пострадали, но когда Альварес убрал левую руку, он увидел, что она залита кровью.

'Вот дерьмо.'

ГЛАВА 76

17:26 ЕСТЬ

Виктор шел по пыльной дороге, которая огибала гостиничный комплекс и удалялась от него. Впереди она выходила на главную дорогу, ведущую вглубь города. Главная дорога была самым быстрым

путем из этого района, но это также был и самый очевидный выбор. Это должно было бы сделать. Виктор недостаточно хорошо знал местность, чтобы ходить по переулкам без необходимости.

Он притормозил, чтобы смешаться с потоком машин, ожидающих на перекрестке. Он проверил задний обзор.

Навстречу ему мчались два пикапа, «Тойота» и «Форд».

Виктор разогнался, вырулил из очереди машин на встречную полосу, переключился на повышенную передачу и помчался через перекресток. Он свернул на перекресток, снова перешел на правую сторону дороги и снова перешел на другую.

Пикапы последовали за ним, мчась через перекресток, оставляя за собой подрезанные и разбитые машины.

Виктор отпустил газ; ударил по тормозам, и джип резко повернул вправо; затем сразу же разогнался, задняя часть пробуксовывает, автомобиль дребезжит под нагрузкой. Он мчался по боковой улице. Секундой позже он увидел, как пикапы следуют за ним, медленнее поворачивая за угол и поглядывая на припаркованные машины, пытающиеся не отставать от него.

Виктор свернул в другой угол и помчался через перекресток. Он не сводил глаз с дороги, следя за ней, пока она огибала квартал плотно стоящих зданий, побеленные каменные дома в колониальном стиле с вкраплениями лачуг. Лысые грузовые шины валялись кучками на обочине дороги. Он объезжал более медленные машины, слыша гудки и видя, как водители выражают ему свой гнев.

Дорога выровнялась и разделилась на две части. Секунду Виктор колебался, но потом свернул налево, на широкую улицу, спускавшуюся вниз. Он посмотрел в зеркало. Следом за ним пикапы обгоняли другие автомобили или сбивали их с пути.

Снова посмотрев вперед, он увидел испачканное грязью такси, которое выехало из переулка и выехало на дорогу прямо перед ним. Не было времени тормозить, не было возможности увернуться. Виктор сбил его с ног, врезавшись в переднюю часть такси, более крупный и тяжелый джип отбросил такси назад, отбросив его на встречную машину, разбив обе машины. Виктора отбросило вперед на сиденье, но ремень безопасности удержал его голову от столкновения с рулем.

Он изо всех сил пытался удержать джип под контролем, дико виляя, наконец, выпрямившись как раз вовремя, чтобы увидеть, как первый пикап, «Тойота» в пятидесяти ярдах позади, сворачивает на тротуар, чтобы избежать искореженной машины и такси. Искры летели от стены, когда грузовик скользил по ней, боковое зеркало стерлось. Его занесло обратно на дорогу, из-под колес сыпалась пыль.

Второй пикап притормозил раньше, легко уворачиваясь от разбившихся машин, и набирал обороты. В зеркале заднего вида Виктор мог видеть лицо русского за рулем, мрачное и решительное.

Впереди Виктора улица повернула влево. Он последовал за ним на широкий, обсаженный деревьями проспект, полный машин. Поверхность дороги была гладкой и ровной. Вдоль улицы стояли ветхие двухэтажные жилые дома с верандами с колоннами. Некоторые были окрашены в шелушащиеся пастельные тона — кремовые, желтые и голубые. Верветки играли в растительности вдоль дороги.

Виктор, сцепив руки на руле, швырнул джип сквозь медленно движущиеся машины, помяв колесную арку, когда протиснулся в щель,

прежде чем она снова закрылась. Пикапы теперь были прямо за ним, пробиваясь сквозь другие машины меньшего размера. Завыли рога.

«Тойота» была достаточно близко, чтобы Виктор мог видеть внутри кабины и русского на пассажирском сиденье, готовящего свой автомат.

Рид последовал за разрушением. Ленд Роверу было всего пару лет; в идеальном состоянии; и, в сочетании с его ловкими навыками вождения, быстро везли его по дорогам Танги. На коленях у него лежал «Глок», заряженный, взведенный, готовый.

Он не заметил джип, но знал, что на правильном пути. Он промчался мимо поврежденных автомобилей и тех, которые остановились, чтобы избежать аварии, или тех, которые уже разбились. В результате дороги стали для него чище.

Он прибавлял с каждой секундой, и скоро Тессеракт снова окажется в его прицеле.

Российский пассажир первого пикапа высунулся из окна и попытался занять огневую позицию из своего Бизона. Виктор не дал ему шанса. Он съехал с дороги на узкую улочку, в промежутке между припаркованными машинами едва хватало места для одной машины. Одежда и постельное белье с яркими узорами висели на веревках для стирки, протянувшихся между зданиями.

За ним последовал пикап, виляющий на повороте слишком быстро, его задняя часть потеряла сцепление с дорогой. Стрелявшему удалось забраться обратно в кабину как раз перед тем, как «Тойота» заскребла по неподвижному автомобилю, скрежеща металлом о металл.

Виктор ускорился, пересекая перекресток, не решаясь сбросить скорость и дать преследователям шанс догнать. Он рванулся в сторону, другая машина врезалась в его заднюю часть справа, развернув джип и прижав Виктора к двери, пока машина не остановилась как вкопанная. Другой автомобиль занесло и врезался в витрину магазина.

Ведущий пикап быстро выехал с перекрестка, но затем резко затормозил, из-под колес вырвался дым. Водитель свернул, чтобы избежать столкновения с джипом посреди дороги. Второй пикап ехал еще быстрее и последовал за первым, промчавшись мимо Виктора. Водитель надавил на тормоз, и пикап замедлил ход, прежде чем задеть заднюю часть «Тойоты» и рвануть в сторону, перепрыгивая через бордюр и через ряд рыночных прилавков, защищенных от солнца крышами, покрытыми соломой из морских водорослей. Взорвавшиеся маракуйи и кокосы полетели во все стороны. Торговцы сбежали.

Виктор включил передачу джипа, дал задний ход, раздавив при этом еще одну рыночную палатку, затем переключился на первую, повернул руль и ускорился. Он видел, как первый пикап сделал трехочковый поворот, чтобы преследовать его. На этот раз пассажир уже выпал из окна. Виктор пригнулся на сиденье, когда 9-мм снаряды попали в джип.

Он снова переоделся, пытаясь увеличить дистанцию между собой и первым пикапом, но что-то застряло под джипом и замедлило его. Он переключился на задний ход и ускорился, двигаясь задним ходом по улице в сторону пикапов. Перед ним появился сломанный деревянный ящик, выброшенный из-под его машины.

Виктор затормозил, снова переключился на первое и обогнул остатки ящика; Затем он быстро свернул обратно на узкую улицу, заставленную машинами, зная, что пикапам будет трудно маневрировать обратно.

У джипа вылетело заднее стекло. Стеклянные камешки разбросаны по интерьеру. Пули пробили лобовое стекло.

Виктор вышел из-за перекрестка, оглядел улицу в обе стороны. В одном направлении автомобили перегородили дорогу, остановившись в ответ на погоню. В другой на него мчался «Лэнд Ровер».

Он увидел темный силуэт водителя и понял, кто едет.

Другого пути не было. Виктор повернулся к приближающемуся Ленд Роверу. Он держал одну руку на руле, а другой схватил браунинг с колен. Ленд Ровер мчался по противоположной стороне дороги. Виктор поднял пистолет и, когда они были в пяти ярдах друг от друга, выстрелил в лобовое стекло. В то же самое время в него снова попали снаряды.

На мгновение Виктор увидел бесстрастное лицо водителя, когда машины разъезжались. В зеркало заднего вида Виктор увидел тормозящий «Лэнд Ровер». Он услышал гудок, посмотрел вперед и увидел ржавый автобус дала-дала, поворачивающий за угол на улицу. Он шел прямо туда, некуда было свернуть. Он ударил по тормозам и потянул за ручной тормоз. Все четыре шины закрипели и извергли дым. Он остановился достаточно близко, чтобы увидеть перепуганные лица пассажиров автобуса, смотрящих на него сверху вниз.

Водитель показывал ему пальцем, когда Виктор включил заднюю передачу и сделал быстрый трехочковый поворот. Пикапы выехали с перекрестка и повернули в его сторону, «форд» врезался в борт «лендровера», разогнавшегося до 180.

Виктор свернул с дороги на другом перекрестке, не увидев результата столкновения. Пикап «Тойота» резко затормозил позади него, вошел в тот же поворот, быстро набрал скорость, пока не оказался почти у его бампера.

Он сделал еще один поворот, резко, быстро, надеясь направить пикап не в ту сторону, но русского водителя не так-то просто было обмануть. Он последовал за ним, но потерял некоторое расстояние. Виктор выехал на пыльное шоссе. Движения было немного, и он ускорился. Джип затрясся от напряжения. Его немного тянуло вправо, и Виктор это компенсировал.

Через секунду последовал пикап, выигравший благодаря более новому, более мощному двигателю. В свое зеркало Виктор увидел пассажира, высунувшегося и наводящего автомат.

Снаряды пробили защитное стекло лобового стекла джипа, покрывая обзор Виктора трещинами. Рядом с его головой были отверстия. Слишком близко. Виктор ударил по тормозам, и стрелка спидометра качнулась против часовой стрелки.

«Тойота» тоже была вынуждена затормозить, чтобы не врезаться ему в спину, а стрелок из спецназа крутился вокруг, не в силах стрелять.

Когда стрелка достигла сорока, Виктор вывернул руль влево. Он снял ногу с педали тормоза и одновременно потянул за ручной тормоз. Джип занесло вбок, и Виктор снял ручной тормоз, резко повернул руль, разогнался, шины завизжали и дымили, теряя сцепление с дорогой, когда джип вилял, сто восемьдесят.

Первый пикап снова затормозил, его колеса заблокировались, но Виктор оказался на встречной полосе, пронесся прямо мимо него,

вытянув руку в окно, и выстрелил из «браунинга» в водителя двумя пулями. Осталось десять.

Он продолжал ускоряться, не зная, попал ли он в кого-нибудь, и не желая снижать скорость, чтобы проверить. В зеркало он увидел, как пикап неуклюже развернулся. К тому времени, когда он завершил маневр, Виктор был в полумиле от него. Идеально. Он выполнил свой собственный разворот, быстрее, возвращаясь в другую полосу. Он ускорился.

В двухстах ярдах от Виктора «Тойота» выехала на ту же полосу. Виктор продолжал разгон, увидел, как пассажир высунулся из бокового окна, Бизон поднялся. Из ствола автомата вырвались дульные вспышки. Обе машины двигались слишком быстро, чтобы стрелявший мог сделать точный выстрел, но расстояние быстро сокращалось. Русский перестал стрелять, прицелился.

Сто ярдов. Пятьдесят.

В двадцать стрельба началась снова, и Виктор щелкнул рулем, сворачивая влево на другую полосу, обгоняя пикап на противоположной стороне от стрелка. На этот раз Виктор не промахнулся.

Кровь брызнула на внутреннюю сторону лобового стекла Toyota.

Пикап, потеряв управление, накренился в сторону, врезаясь из стороны в сторону в полуприцеп, раздавив русского пассажира, прежде чем он смог вернуться внутрь.

«Тойота» отскочила от полуприцепа, хаотично виляя, встала на два колеса, перевернулась раз, другой, соскользнула по шоссе на

крыше, расплющенное тело русского боевика безвольно свисало в окно.

Виктор увернулся от встречного транспорта и оставил пикап медленно вращаться в своем заднем обзоре.

Он глубоко вздохнул и сосредоточился на дороге впереди и на том, куда она его приведет. На данный момент все было кончено. Дорога была широкая, пустынная, она шла на север, в Кению, всего в двадцати милях от границы. Он ни за что не мог рисковать, возвращаясь к цели убийцы. К тому времени, как он вернется в гостиницу, она будет кишеть властями и русскими. Кроме того, парень все равно уже давно бы ушел. Виктору придется использовать то, что он нашел на Олимпе, чтобы продолжить свою охоту, разобраться с документами. Делайте это по-брокерски. Он держал стрелку на шестидесяти.

В его заднем обзоре появился автомобиль, пытающийся прорваться через пробку, заблокированную разбившимся пикапом.

Ленд Ровер.

Виктор нажал на педаль акселератора, и через несколько секунд «Лэнд Ровер» исчез в размытом пятне позади него. Все, что Виктору нужно было сделать, это держать педаль газа нажатой, и к тому времени, когда убийца выберется из хвоста, Виктор уже будет слишком далеко, чтобы его поймать.

Он представил себе капли воды, отражающиеся от мертвых глаз.

Мышцы челюсти Виктора напряглись, взгляд стал жестче, и он нажал на педаль газа. Стрелка качнулась против часовой стрелки до

тридцати. Прошло десять секунд, затем двадцать, и Виктор увидел, как в его зеркале появилось темное пятнышко, которое росло, становилось все четче, ближе. Хорошо.

Он свернул на следующий съезд с шоссе, снова ослабив давление на педаль акселератора, приближая убийцу. Улица, на которую он свернул, была широкой, застроенной одноэтажными домами из шлакоблоков, покрытыми гофрированной жестью или соломой из морских водорослей. Силовые кабели висели низко над дорогой. На стенах были нацарапаны граффити.

Ленд Ровер последовал за ним через несколько секунд. Через зеркало заднего вида глаза Виктора встретились с глазами Рида. Виктор увидел ненависть в его взгляде и знал, что убийца видел ответную ненависть.

Виктор ускорился и занесло за следующий поворот, выскользнув из машины. Он боролся с рулем, когда джип рванул вправо, водительская сторона врезалась в ряд припаркованных машин, вмятина на крыле, крушение фар.

Он свернул обратно на середину дороги. Он был на узкой пыльной улице, окруженной лачугами. Поворотов не было видно. Вдалеке лачуги превратились в пышную саванну. Вдоль дороги стояли перевернутые старые гребные лодки, днища потрескались и покоробились от солнца. Позади него «Лэнд Ровер» был достаточно близко, чтобы он мог видеть поднятое оружие убийцы.

Виктор услышал резкий треск незаглушенной стрельбы. В лобовом стекле появились новые дырки. Пуля оторвала кусок от приборной панели, и Виктор поехал уклончиво, виляя то влево, то вправо. Стрельба прекратилась, и Виктор в обзоре сзади увидел, что нападавший обеими руками снова взялся за руль.

Ленд Ровер врезался в него сзади, отбросив Виктора на сиденье. Через несколько секунд еще один удар отбросил джип вправо, и, прежде чем Виктор успел оправиться, «Лэнд Ровер» рванулся вперед, приближаясь к нему так, что обе машины заняли всю доступную дорогу, а за ними клубилась густая пыль.

Рид одной рукой держал руль, другой стрелял из «Глока», переводя взгляд с Виктора на дорогу. Виктор открыл ответный огонь, когда мог — осталось восемь патронов, шесть, четыре, — но угол был плохой, выстрелить толком не получалось.

Боеприпасов у него не было, так что он бросил браунинг себе на колени и повернул руль вправо, боком врезавшись в «Лэнд Ровер». Металл взвизгнул. Пули прострелили джип.

Виктор потянул влево, потом вправо, сильно ударив «Лэнд Ровер», потом еще и еще. Стрельба прекратилась. Виктор смотрел в немигающие глаза убийцы.

Обе машины мчались по дороге от двери к двери. Руки Виктора были сцеплены на руле, мускулы напряжены, зубы стиснуты, взгляд попеременно метался то вперед, то назад то на дорогу, то на врага.

Виктор подождал, пока убийца снова поднял пистолет, чтобы выстрелить, а затем отпустил педаль акселератора, резко сбросив скорость, и джип заскользил рядом с «Лэнд Ровером». Пули пробили капот. Пар шипел сквозь отверстия.

Виктор свернул вправо, двигаясь прямо за «Лэнд Ровером».левой рукой он управлял рулем, правой взял «браунинг» и выпустил последние четыре патрона прямо в собственное лобовое стекло. В

заднем бампере Land Rover появились две дыры, с дороги выдуло пыль, но четвертая пуля попала в цель.

Взорвалось заднее колесо со стороны водителя.

Ленд Ровер хаотично раскачивался, крутился, поднимая пыль, на секунду вставал на два колеса, прежде чем опрокинуться и скатиться с дороги в кусты.

Виктор выбросил пустой браунинг и сбросил давление с педали акселератора. Джип не замедлился. Его начало трясти, из двигателя валил пар. Виктор попытался затормозить, но ускорение было заблокировано. Завизжали тормоза, из-под колес клубилась тормозная пыль, но джип все еще делал пятьдесят. Из-под капота валил дым. Вслед за пламенем. Он мчался к Т-образному перекрестку, двигаясь слишком быстро, чтобы свернуть за угол. Капот распахнулся, закрыв лобовое стекло.

Он попытался угадать угол и свернул вправо, джип слетел с дороги и врезался в растительность. Он боролся с рулем, ничего не видя из-за поднятого капюшона, ехал быстро, высокая трава и деревья проносились мимо дверных окон.

Виктор дернулся на сиденье, когда подвеска джипа боролась с неровностями. Без предупреждения земля, казалось, на мгновение идеально сгладилась, пока джип не накренился вперед, и Виктор понял, что падает, как раз перед тем, как все погрузилось во тьму.

17:34 поесть

Альварес использовал грузовик для поддержки, чтобы помочь себе встать. Его правая рука беспомощно болталась в боку. Кровь испачкала его рубашку и прилипла к коже. Из-за боли и тошноты у Альвареса не хватило сил подобрать «Беретту» из того места, где она заскользила под грузовик, но, прижав одну руку к голове, порез над левой бровью, он увидел приближающегося к ней Сайкса.

Сайкс опустился на колени и поднял пистолет.

'Что ты здесь делаешь?' — спросил его Сайкс.

— Я собирался спросить тебя о том же.

Сайкс не ответил. Он вытер пыль с «беретты» своей футболкой. Альварес наблюдал.

Дальвег, прихрамывая, обогнул заднюю часть грузовика, его левая икра покраснела от крови в том месте, где пуля задела его плоть. Он небрежно держал «узи» в одной руке.

«Невезучий придурок, — сказал он Альваресу. «Попался вам с моим последним раундом».

Лицо Дальвега превратилось в кровавое и опухшее месиво. Он подошел к Альваресу и ударил его прикладом «Узи» в живот. Альварес опустился на колени, а Дальвег ухмыльнулся.

— Теперь мы квиты, — сказал он. Он посмотрел на Сайкса. — Кто, черт возьми, этот парень?

— Он агентство, — объяснил Сайкс. 'Это долгая история.'

Прошло несколько секунд, прежде чем Альварес перестал кашлять и увидел, что ствол «Беретты» нацелен прямо ему в лицо.

Глаза Альвареса встретились с глазами Сайкса. — Ты не хочешь этого делать, чувак.

— Что ж, я делаю это, — сказал Сайкс. — И не вини меня. Вам не нужно было приходить сюда; вам не нужно было вмешиваться.

'Да, я сделал.'

— Тогда ты не оставляешь мне особого выбора.

— Ты знаешь, что в этом грузовике? — спросил Альварес, посмотрев сначала на Сайкса, а затем на Дальвега.

Дальвег сплюнул кровь изо рта.

— Конечно, знаю, — сказал Сайкс.

Альварес поднялся на ноги и обхватил здоровой рукой боковое зеркало грузовика для поддержки. Он посмотрел на Дальвега. — Ты действительно собираешься помочь ему сделать это?

— Вот за что он мне платит.

— Я вижу эту темно-синюю татуировку на твоей руке. Вы хотите сказать это после того, как мы потеряем тысячу моряков, когда один из наших авианосных флотов взорвется?

Дальвег нахмурился. «К черту флот. Меня выгнали из команды только потому, что какая-то проститутка получила несколько дерьмовых синяков». Дальвег улыбнулся. «Я должен расплатиться».

'Те вещи-'

Дальвег шагнул к Альваресу. 'Молчи.'

Альварес снова посмотрел на Сайкса. — Я всегда думал, что ты патриот, Кевин. Вы действительно собираетесь продать свою страну только для того, чтобы пополнить свой банковский счет?

Дальвег вонзил «Узи» в живот Альвареса, и Альварес упал на колени, задыхаясь. 'Я заикался? Я сказал, заткнись.'

Сайкс нахмурился и вздохнул. — Я слишком увяз в этом, чтобы выбраться сейчас.

Альварес перестал кашлять, чтобы сказать: «Всегда есть выход».

Дальвег сплюнул кровь изо рта и отошел. Он указал на Сайкса. «Просто пристрели мудака, чтобы мы могли свалить отсюда».

Пот блестел на лице Сайкса. Он направил пистолет туда, где стоял на коленях Альварес.

— Поторопись и сделай это, — сказал Дальвег, подходя ближе.

Сайкс навел прицел на левый глаз Альвареса и глубоко вздохнул.

Дальвег стоял рядом с Сайксом. 'Пристрели его.'

Сайкс затаил дыхание.

— Сделай это, — сказал Дальвег.

Когда Сайкс выпустил воздух из легких, он превратился в слово «Нет».

«Черт возьми, сделай это».

'Нет.' Сайкс опустил пистолет. «Я не перейду эту черту».

'Ты сошел с ума? Ты не можешь просто оставить этого парня в живых. Завтра в это же время за вами будет охотиться все ЦРУ.'

— Мне все равно, — сказал Сайкс Дальвегу, не глядя на него. — Садитесь в грузовик. Собирались.'

Когда Дальвег не пошевелился и не ответил, Сайкс повернул голову. Он как раз вовремя услышал, как Дальвег сказал: «Ну, мне не

все равно», за секунду до того, как большой кулак ударил его прямо по скуле, и он рухнул на землю.

«Киска-задница педик. Я знал, что у тебя нет яиц, когда я встретил тебя. Я не допущу, чтобы этот мальчик и его банда преследовали меня. Дальвег перешагнул через извивающееся тело Сайкса, чтобы достать «беретту». «Хочешь, чтобы работа была сделана, ты должен сделать ее сам».

Он столкнулся с Альваресом, поднял пистолет.

— Есть какие-нибудь последние пожелания, хомбре?

Альварес уставился на Дальвега, сузив глаза, стиснув зубы, без страха, только с ненавистью. 'Иди к черту.'

Дальвег усмехнулся, показывая треснутые и окровавленные зубы. 'Дамы вперед.'

Дальвег вскрикнул, когда Сайкс ударил его пяткой по задней части поврежденной голени Дальвега с той силой, которая у него осталась. Дальвег не подошел, а споткнулся об Альвареса, который вскочил с колен и ударил лбом незащищенное лицо Дальвега. Кости, хрящи и зубы не выдержали, и Дальвег отшатнулся назад, ударившись о борт грузовика и упав на землю в лужу дизельного топлива, в сознании, но ошеломленный, с «Береттой» в руке.

— Ты чертовски мертв, — завопил Дальвег.

Его рука вытянулась в сторону Альвареса, и пистолет выстрелил. Пуля вонзилась в стену справа от Альвареса, промахнувшись, но

Альварес не стал задерживаться, пока Дальвег не пришел в себя достаточно, чтобы выстрелить прямо. Альварес поспешил прочь, а Дальвег корчился на залитой топливом дороге, а Дальвег сделал еще три выстрела подряд. Альварес вздрогнул, но не попал. Он направился в переулок, прижав левую ладонь к выходному отверстию на задней стороне плеча. Ни выстрелов, ни звуков погони больше не было, поэтому он остановился, чтобы прислониться к стене и отдышаться. Он выдернул резец из кожи между бровями.

Мгновением позже он услышал, как завелся двигатель грузовика, и, шаркая ногами, вернулся к углу, где переулок переходил в улицу, выглянув наружу. Сайкс все еще лежал ничком на дороге, его левая щека была в синяках и, вероятно, сломана. Он никуда не собирался в ближайшее время.

Из выхлопной трубы поднялись клубы дыма, и грузовик попытался отъехать от бордюра. Спереди и сзади были припаркованы автомобили, что затрудняло маневр. Проколотое заднее колесо еще больше замедлило его. Дизель продолжал брызгать из разорванного топливного бака.

Альварес знал, что если он не предпримет что-то в ближайшее время, грузовик исчезнет, а вместе с ним и ракеты. Он представил, как через несколько дней их продадут на черном рынке Ближнего Востока. Он вздохнул. Время последнего шанса.

Альварес вытер кровь с левой руки о штаны и выбежал на дорогу, оставаясь со слепой стороны водителя. Он подошел к задней части медленно поворачивающего грузовика и здоровой рукой ухватился за заднюю дверь. С ворчанием он вскочил и рухнул на грузовую палубу.

Он уже знал, что ищет и где их найти. Он быстро открыл коробку и взял сигнальную ракету. Он потерял равновесие, когда грузовик резко остановился, ударившись раненым плечом об один из водолазных баков. Он вскрикнул и несколько секунд лежал, пытаясь прогнать боль из головы, в то время как грузовик начал медленно двигаться задним ходом. Переехать.

Альварес набрал воздуха в легкие и зажал ракету в зубах, чтобы открыть дверь багажника и выпасть на дорогу.

Его колени выдержали удар, а лицо исказилось от еще большей боли. Он перевернулся на спину, когда грузовик перевернулся над ним, задними колесами остановились по обе стороны от его плеч. В воздухе воняло дизельным выхлопом.

Альварес схватил сигнальную ракету ртом, зубами ухватился за колпачок, пока вытаскивал сигнальную ракету из рукоятки. Грузовик перешел на первую передачу над ним. Зубами открутил колпачок и выплюнул, оставил факел так, чтобы зубами держался за дно, зацепил указательным пальцем запальный шнур и дернул.

Вспыхнула вспышка, и из конца, направленного в сторону от лица Альвареса, хлынуло количество света и тепла, равное тридцати тысячам кандел.

Грузовик снова двинулся вперед, и Альварес перекатился на правый бок, смирившись с болью в плече, чтобы вонзить горящий конец сигнальной ракеты в лужу дизельного топлива, скопившуюся на дороге.

Топливо вспыхнуло мгновенно, и лицо Альвареса залило жаром. Он отшатнулся от огня. Он быстро распространился на топливный бак

и в обе стороны по дороге. Пропитанные дизельным топливом шины загорелись, оставив на земле полосу расплавленной резины.

Через секунду грузовик проехал над Альваресом, оставив его лежать на спине на дороге, задыхаясь от густого дыма от шин.

Альварес знал, что, хотя дизель не взрывоопасен, как бензин, он горит гораздо сильнее. Через несколько секунд пламя охватило всю правую сторону грузовика, и машина резко остановилась.

Все еще лежа на спине, Альварес использовал ноги, чтобы оттолкнуться от постоянно растущего огня. Его лицо казалось обгоревшим на солнце, и он чувствовал запах сожженных волос. Он увидел, как местные жители подошли поближе, чтобы проверить горящий грузовик. Он крикнул им, чтобы они вернулись, но они его не поняли. Взорвался баллон со сжатым воздухом, и последовавший за этим взрыв и вспыхнувшее пламя убедили толпу отступить. Сайксу удалось подняться на ноги, и он, спотыкаясь, побрел по дороге.

Водительская дверь открылась, и Дальвег выпрыгнул наружу, приземлившись на четвереньки, прежде чем отчаянно карабкаться прочь от горящего грузовика. Когда он был на безопасном расстоянии, он оглянулся на пламя, лизнувшее высокие края брезента, и закричал от гнева.

У Альвареса не было сил пошевелиться, но он на секунду поднял голову и увидел, как Дальвег повернулся к нему.

'Теперь ты чертовски счастлива, Эзе? '

Альварес хотел сказать «да», но вместо этого закашлялся. Дальвег подошел ближе, на его разбитом лице отразилась угроза. Его

кулаки были сжаты по бокам.

— Я могу не получить свои деньги сейчас, — выплюнул он. — Но я соглашусь на то, чтобы вырезать твое чертово сердце.

Он вытащил из поясных ножен водолазный нож. Он мерцал в свете горящего грузовика.

Альварес снова посмотрел вверх, чтобы оценить угол, поднял левую руку и метнул сигнальную ракету.

Она попала Далвегу в центр его пропитанной дизельным топливом груди.

ГЛАВА 78

17:38 ЕСТЬ

Глаза Виктора открылись, и несколько секунд он не мог понять, что происходит. Все было неправильно. Цвета и звуки не имели смысла. Мир был коричневым, размытым, странным. У него болела голова. Он сделал вдох, но вдохнул через нос только воду.

Он наклонился, кашляя, поднимая глаза и нос от реки. На мгновение он повис вниз головой, задыхаясь. Он не знал, как долго он был без сознания, но предположил, что это могло быть всего несколько минут. Он быстро оценил свое тело, сгибая руки, руки, ноги, пальцы

ног и двигая головой, чувствуя при этом приступы боли, но его конечности выполняли свои команды. Серьезных травм нет.

Он отстегнул ремень безопасности, упал на потолок — теперь на пол — ушел под воду, а затем выкарабкался через разбитое водительское окно. Гласс порезал ему руки и ноги. Река была медленной, мелкой, глубиной в два фута. Он с трудом поднялся на ноги, отшатнулся на шаг от перевернутого джипа, липнувшая к нему мокрая насквозь одежда. Он поднял руку, чтобы защитить глаза от низкого солнца.

Виктор почувствовал острую боль в макушке, когда прищурился. Он протянул руку и вытащил из головы длинный кусок металла. Кровь смешалась с водой и стекала по лицу. Он прислонился к джипу, пытаясь восстановить ориентацию. Он чувствовал дрожь, чувства повсюду. Он тяжело дышал. Его левая нога особенно болела там, где его сбила машина, и в ответ он перенес свой вес на правую ногу. Множество мелких ударов и царапин, похоже, не причиняли такой уж сильной боли; адреналин, бушующий в нем, был идеальным тормозом. Если он доживет до утра, то будет чувствовать себя ужасно. Он с нетерпением ждал этого чувства.

Оглянувшись, он увидел, что дальний берег реки находился примерно в двадцати ярдах от него, а ближний берег меньше половины этого расстояния. Виктор мог видеть раздавленные кусты и небольшие наклоненные деревья, тропинку, по которой джип пробил листву, прежде чем выстрелить в высокий участок берега. Металлический привкус крови наполнил его рот.

Он не мог видеть, где разбился убийца, и, возможно, он был мертв, но если Виктор выжил, то и его враг тоже. Он должен был быть уверен. Ему нужно было увидеть тело. После нескольких минут отдыха он слез с джипа и направился к ближайшему берегу реки, пробираясь по колено в воде. Он был густой и темный от почвы,

которая становилась все мельче по мере приближения к берегу. Он чувствовал себя голым без оружия.

Он сделал два шага вверх по илистому берегу, когда увидел, как из-за деревьев появился русский, полупригнувшись, с уверенными движениями, с Бизоном в руке.

Пули № 9 пробили Виктора, поэтому он остановился и стал ждать. Русский улыбнулся Виктору и жестом пригласил его подойти. Их разделяло пять ярдов.

Русский сказал: «Тебе повезло, что он хочет, чтобы ты был жив. Сейчас.»

Виктор ничего не сказал.

В каждом пикапе было по два россиянина. Где был второй? Виктор приближался медленно, шаркая ногами, притворяясь более раненым, чем был на самом деле. Он огляделся. Он не мог видеть дорогу сквозь деревья и растительность, но знал, что она там, может быть, в сотне ярдов дальше, на вершине склона. Несмотря на солнце, под навесом было темно. Три ярда.

Русский жестом велел Виктору подойти еще ближе, и тот продолжал идти вперед, морщась при каждом шаге, как будто едва мог стоять. Ему нужно было быть рядом, чтобы попробовать что-нибудь, но как только он оказался в пределах досягаемости, он знал, что приклад автомата ударит его по черепу. Он не контролировал свое дыхание, позволяя адреналину вспыхнуть, обостряя чувства, перезаряжая мышцы. Два двора.

Еще шаг, и Виктор бросится в атаку, полагая, что русский купился на притворство слабости — слабый шанс, но его единственный.

Из-за спины русского раздался холодный голос: «Никто не убьет его, кроме меня».

Подавленные выстрелы. Два. Двойной тап.

Русский вытянулся вперед, черты его лица исказились от шока, страха и боли на одну секунду, прежде чем его тело обмякло, и он рухнул лицом в грязь прямо перед Виктором. Две дырки в его позвоночнике так близко друг к другу, что соприкасались.

Не более чем в десяти ярдах от него Рид неподвижно стоял в подлеске за телом. Он держал «Глок» в боевой хватке двумя руками, целясь Виктору прямо в грудь. Рид не говорил. Он не моргнул.

Виктор вздохнул, поняв, что он мертвец. Убить русского можно было, но этот враг не хотел брать его живым. На таком близком расстоянии Виктор не промахнется, даже будучи раненым, и он знал, что убийца тоже этого не сделает. Единственное укрытие, к которому нужно было бежать, означало двигаться еще ближе, чтобы попасть в линию деревьев. Даже без ноги он мог бы просто ходить, он не приблизился бы. Возвращаться в реку, чтобы попытаться добраться до джипа, было бы еще более безнадежно. Даже если бы он каким-то образом смог добраться до машины, не получив выстрела, что бы он сделал дальше?

Ничто не было ответом. Виктор ничего не мог сделать, чтобы остаться в живых.

Он полагал, что есть что-то подходящее для того, чтобы его убил один из его сородичей. Норимов сказал ему, что для кого-то, кто так заботится о том, чтобы остаться в живых, он жил так, как будто желал смерти. Если у него и было такое желание, оно должно было сбыться.

Виктор шагнул вперед и выпрямился, показывая своему врагу, что он не собирается съезжиться или просить. Это было немного, но это все, что осталось у Виктора, пока он ждал пули в сердце или в мозг. Ему не пришлось долго ждать.

Рид выстрелил.

ГЛАВА 79

17:41 ЕСТЬ

Но он не стрелял в Виктора.

Раздался звук, потрескивание растительности. Рид мгновенно развернулся к источнику, на девяносто градусов влево от него. Он выстрелил один раз в темноту под навесом, упал на одно колено, уменьшив размер своего тела и в то же время обеспечив более устойчивую огневую позицию. Снова выстрел. Приглушенный автоматический огонь вернулся к нему, грязь взлетела вверх, когда пули разметали землю вокруг его позиции.

Виктор, не колеблясь, двинулся вперед, пока Рид отвлекался на то, что должно было быть вторым русским из пикапа. Он бросился к

Риду, к мертвому русскому, к бизону, все еще сжатому в руке русского.

Рид снова выстрелил в невидимого стрелка, и из-за деревьев раздался крик. Виктор быстро покрылся землей, но Рид уже развернулся к нему. Виктор напрягся, предвкушая попадание пули, но тут он увидел, что затвор вернулся к «глоку» в руке Рида.

Пустой.

Виктор подошёл к Бизону и сгреб его в руки. Он прицелился, чтобы выстрелить, но Рид уже был рядом с ним, толкая ствол пистолета в сторону, прежде чем он выровнял его. Чья-то рука схватила Виктора за рубашку за долю секунды до того, как ступня обвилась вокруг его ноги.

Он рухнул на землю, на спину, правая рука вытянута, рука все еще сжимала пистолет-пулемет. Рид приземлился на Виктора, его вес выбил воздух из легких Виктора.

Из дула Бизона вырывалось пламя. Выброшенные латунные гильзы ударились о грязь. Отдача заставила руку Виктора трястись и бешено вертеться. Рид надавил указательным пальцем Виктора на спусковой крючок. Магазин опустел чуть более чем за три секунды, последняя пуля вылетела из пистолета в ближайшую растительность.

Виктор потянулся к волосам Рида, но обнаружил, что они слишком короткие, чтобы ухватиться за них, и вместо этого потянулся к глазам, но Рид уже катался. Он поднялся на ноги в нескольких ярдах от него, и Виктор тоже поднялся.

Какое-то время двое мужчин смотрели друг другу в глаза. Виктор оценивал своего противника, хотя знал, что его тоже

оценивают. У убийцы перед ним было компактное телосложение, но Виктор мог сказать, что каждый фунт был отточен для силы и скорости. Он носил короткие волосы и не заботился о моде или стиле, не более сантиметра или двух в длину на всем протяжении. Как выяснил Виктор, он слишком короток, чтобы враг мог ухватиться за него.

Кровь текла из правого уха убийцы. Поверхностные раны на его туловище и руках, как предположил Виктор после аварии, были видны там, где его рубашка была красной. Его лицо было влажным от пота, на нем не было ни гнева, ни волнения, ни даже решимости. Словно в его глазах не было ни мысли, ни чувства.

Медленным, небрежным движением Рид засунул большой и указательный пальцы правой руки в левый рукав рубашки. Он вытащил нож из ножен на запястье и плавно раскрыл сложенный клинок.

У него было четырехдюймовое частично зазубренное лезвие крисса с гладиаторским острием. Это была матово-черная, точно обработанная керамика, прочная, как гнутая сталь, но намного легче и острее, невидимая для металлоискателей. Виктор никогда раньше не видел эту модель. Сделано на заказ, значит, для эксперта.

Виктор отступил на шаг.

Они были в пяти ярдах друг от друга, достаточно далеко, чтобы Виктор мог оторвать рубашку и туго намотать ее на левую руку. Он крепко сжал край рубашки в кулаке, чтобы удержать ее. Рид кивнул ему — лук убийцы — знак уважения между врагами.

Виктор не кивнул в ответ.

В нижней части спины росла боль, позвонки были ушиблены в результате аварии или предыдущего падения. Становилось все хуже, но на его лице не было никаких признаков этого. Рид тоже стоял, как будто он не был ранен и кровоточил в нескольких местах. Ни один из мужчин не проявил никакой слабости, чтобы их противник не воспользовался преимуществом.

Рид свободно держал нож в правой руке, острие вверх, большой палец упирался в центр лезвия. Он держал его на уровне груди, согнув руку в локте, стоя, ноги на ширине плеч, колени слегка согнуты, равновесие готово сместиться в одно мгновение. Виктор стоял в той же позе. Он был выше своего врага. Это не имело значения.

Он сделал еще шаг назад, инстинктивно отступая от лезвия, но также двигаясь к реке, где вода могла поддерживать его ногу.

Рид бросился вперед, быстро преодолевая расстояние, тыча вверх в шею Виктора. Его скорость была невероятной. Виктор увернулся, услышав свист, когда лезвие рассекло воздух. Он использовал защищенное предплечье, чтобы отразить последующий удар в живот, ударив по лезвию сверху тыльной стороной запястья. Виктор ударил правой рукой, надеясь попасть противнику в открытую челюсть.

Рид отстранился, левой рукой блокировал удар и взмахнул ножом. Виктор увидел это, шевельнулся, но почувствовал, как лезвие порезало ему правую руку. Нож был настолько острым, что почти не причинял боли.

Они отошли в унисон, оба одинаково уязвимы для другого, и ни один из них не желал идти на необдуманный риск. Каждое лицо было пустой маской, бесстрашной.

Виктор обдумывал свою тактику, поскольку знал, что его противник тоже. У убийцы мог быть нож, но он не был дураком. Он не станет слепо брать на себя обязательства, пока не наступит нужный момент, и Виктор тоже. Но в их первой схватке Виктор был ранен, а убийца не пострадал. Все, что нужно было сделать его врагу, это повторить процесс, каждый раз изнуряя Виктора. Но он попробует что-нибудь другое, подумал Виктор; он не будет повторять ту же атаку.

Рид прыгнул вперед, держа нож высоко и широко, и нанес ему дикий удар по глазам Виктора. Виктор не попался на удочку. Он отпрыгнул назад, вне досягаемости противника, когда рука убийцы повернулась, направляя нож вниз. Вместо того, чтобы вонзиться в шею Виктора, лезвие попало только в воздух.

Виктор отвел руку с ножом в сторону и пнул Рида в живот. Рид махнул левой рукой, приняв удар там, где он почти не подействовал.

Виктор отшатнулся назад, его ноги оказались под водой. Следующая атака последовала с пугающей скоростью, когда Виктор увернулся. Рид не сбавлял темпа, продвигаясь вперед с каждым выпадом, удерживая Виктора в обороне. Все усилия Виктора были сосредоточены на том, чтобы не дать острию ножа войти в его плоть. Он блокировал и уклонялся, всегда отступая. Вода достигла середины его голени. Он получил удар в живот, когда Рид изменил свою атаку, а Виктор был недостаточно быстр, чтобы избежать этого.

Рана заставила Виктора вздрогнуть, и он проклинал себя за то, что показал боль. Движение по воде замедлило его, но было легче для его раненой ноги. Скорость его врага также пострадала, но его рефлексы по-прежнему были ослепительно быстрыми. Теплая кровь на животе и руке Виктора доказывала, что эти рефлексы были быстрее, чем его собственные. Порез на его животе был неглубоким, но он чувствовал, как разрывается сильнее с каждым движением. Он не

позволит этому замедлить его. Если он порвал себя на части, так тому и быть.

Виктор сконцентрировался на парировании, надеясь измотать противника, пока ждал возможности контратаковать. Рубашка, обернутая вокруг его руки, была порезана в дюжине мест, но до сих пор она защищала его руку от лезвия ножа. Он был острым, как бритва, как он и ожидал, но все же не мог проникнуть сквозь толстые слои ткани одним ударом. Но каждая атака брала свое, и пока Виктор парировал, его щит медленно разрушался. Если повезет, это может длиться еще несколько минут, прежде чем станет бесполезным. Когда это происходило, Виктор использовал голую руку как щит.

Рид внезапно остановился, позволив Виктору отступить на несколько шагов. Воды было почти по колено. Его враг избегал рискованных действий, не желая продолжать безжалостную атаку и высасывать собственную энергию. Он знал то же, что и Виктор: защищаться было менее утомительно. Он ходил взад и вперед, зная, что поединок не закончится быстро. По мере нарастания усталости реакции замедлялись.

Виктор рискнул отвести взгляд от врага, быстро огляделся, ища что-нибудь, что могло бы ему помочь. На берегу, невидимый за деревьями, находился второй русский, застреленный убийцей. Рядом с ним должен был лежать автомат, но Виктор никак не мог добраться до него. Он также не мог вернуться назад. Дальний берег был слишком далеко. Он никогда не сделает это. Если бы было темно, у него был бы шанс сбежать, если бы он смог увеличить расстояние между ними, но в таком случае он был бы мертв задолго до этого. Кровь была скользкой на его руке и животе. Боль в спине и ноге была непрекращающейся. Считать. Считать.

Рид снова выступил вперед, нанося удары по талии Виктора, пытаясь засунуть нож Виктору под руку после того, как ему не удалось

подняться над ним. Виктор неловко заблокировал удар, вынужденный вывернуть предплечье так, чтобы ладонь была направлена вверх. Он не мог рисковать и использовать нижнюю сторону, где прямо под кожей проходили артерии.

Виктор отразил нападение, ощутил горячее жало, когда нож глубоко вонзился ему в предплечье. Лезвие на секунду застряло среди сложенных слоев рубашки, и Виктор воспользовался этим преимуществом, чтобы броситься вперед, ударив противника локтем в грудь, надеясь сломать ему ребра.

Рид пожертвовал своим равновесием, перенес весь свой вес на одну ногу, чтобы вовремя оторваться. Локоть лишь коснулся его грудной клетки. Виктор заблокировал еще один удар защищенным предплечьем. Красный окрасил рубашку.

Нож появился снова, как в тумане, но Виктор ударил убийцу по руке левым предплечьем, получив еще один порез, когда попытался ухватиться за запястье правой рукой. Рид был быстрее и перехватил руку Виктора, поймав запястье левой руки. Виктор рванулся вперед, оказавшись в пределах досягаемости убийцы. Прежде чем Рид успел нанести ответный удар, Виктор врезался лбом в лицо врага.

Рид хмыкнул, отшатнулся, высвободив запястье Виктора. Глаза Рида наполнились водой, из раны на переносице потекла кровь. Он отчаянно размахивал ножом, рассекая воздух перед собой, удерживая Виктора на расстоянии.

Виктор держался подальше от смертоносного лезвия, приветствуя возможность перевести дыхание. Кровь капала с подбородка Рида. Виктор сделал два тяжелых вдоха, но ему хватило только одного.

Убийца атаковал, целясь высоко. Виктор отступил в сторону, толкнул Рида локтем в голову. Рид парировал удар левой рукой. Нож вонзился Виктору в лицо сбоку, нанеся удар, но Виктор низко пригнулся, чтобы избежать удара, отпрыгнул и ударил правой ногой. Рид отшатнулся назад, уклоняясь от атаки, но не смог удержать равновесие.

Виктор левой рукой отбросил нож в сторону, а правым кулаком нанес прямой удар. Его костяшки пальцев вонзились в челюсть убийцы, но это был скользящий удар, скользящий в сторону, сила перенаправлена — его враг слишком быстр.

Рид поднялся на ноги и прыгнул на Виктора с низкого приседания. Виктор поймал приближающуюся руку обеими руками, отвел ее, но ему пришлось отпустить ее и отвернуться, чтобы избежать ответного удара Рида. Оба мужчины отступили. Русло реки было твердым и каменистым под ногами.

Даже противник Виктора теперь выглядел усталым, с открытым ртом, делая большие глотки воздуха при каждом вдохе. Это была битва на истощение, способности каждого человека были равны, и ни один из них не мог быстро закончить бой. С каждой атакой и парированием выносливость обоих истощалась, работая до такой степени, что усталость приводила к неизбежной ошибке. Но Виктор, истекая кровью из обеих рук, живота и ребер, знал, что при нынешнем положении вещей он достигнет этой стадии раньше.

Боль была крайней. Он больше не мог удержать его от своего лица ни на секунду. Его руки казались тяжелыми. Рубашка была изодрана, пропитана речной водой и кровью — больше всего мешала. Виктор выпустил его и стряхнул с руки. Он думал о том, чтобы бросить его в своего противника, но это был бы жалкий поступок. Он не собирался унижать себя.

Его грудь вздымалась; его рот был открыт. Он сморгнул пот с глаз. Рид бросился вперед. Виктор использовал свое левое предплечье, чтобы заблокировать лезвие, чувствуя, как оно входит в его кожу. Рид тоже это почувствовал, и его глаза сверкнули. Виктор отбросил его назад, хотел атаковать, но споткнулся, его лицо исказилось от внезапной агонии. Оба действия фальшивые.

Рид снова сделал выпад, почувствовав убийство, соблазнившись чрезмерным рвением. Он пренебрег протоколом, перенапрягшись. Виктор легко отступил в сторону, оттолкнул лезвие правым предплечьем и ударил Рида левым кулаком поперек лица.

Раздался удовлетворительный шлепок, удар отбросил Рида в сторону. Руки Рида ошеломленно опустились. Виктор извернулся, нанося еще один тяжелый удар, пытаясь извлечь выгоду из смены инициативы, пока у него был шанс, но Рид уже начал низко приседать, и Виктор понял, что его одурачили, против него использовали его собственную тактику.

Рид вскочил прямо на руку Виктора, и нож устремился прямо к его шее.

Виктор сделал единственное, что было в его силах, и бросил левую руку ему навстречу.

Он почувствовал, как острие ножа проткнуло нижнюю часть его предплечья, рассекая кожу, мышцы и кровеносные сосуды, царапая локтевую и лучевую кости.

Гладиаторское острие вышло прямо из другой стороны его руки, матово-черное лезвие стало совершенно красным. Капли его

собственной крови забрызгали лицо Виктора. Он задыхался, стараясь не закричать. Его ноги подкосились.

Он схватил врага за запястье, попытался вытащить нож, но сил уже не было. Рид водил ножом из стороны в сторону, увеличивая размер раны, усиливая агонию. Кровь хлынула из руки Виктора. Ему потребовалась вся его воля, чтобы устоять. У него ничего не осталось. На лице Рида появилась жестокая ухмылка.

Эта улыбка ужалила Виктора больше, чем лезвие в его руке. Это пронзило что-то глубоко внутри него, напомнив Виктору, что он еще не умер. У него был последний шанс спасти свою жизнь.

Он откинулся назад, намеренно падая.

Рид схватил Виктора свободной рукой, чтобы остановить его, удержать в вертикальном положении и пронзить, но у него не было рычага. Позволить Виктору упасть означало отпустить нож, но падение также означало, что он приземлится на Виктора сверху, смягчив собственное падение и поймав свою добычу под воду. Это сделало бы прикончить его еще проще.

Рид тоже упал.

Прежде чем они коснулись воды, Виктор поднял правую ногу и успел опереться коленом в основание грудины Рида.

Виктор исчез под рекой, принимая на себя боль от их совокупного веса, вода смягчала падение, но каменистое русло усиливало его. Эта сила была направлена прямо через колено Виктора прямо в солнечное сплетение его Рида.

Рид вскрикнул, когда его диафрагма парализовалась, а дыхание вырвалось из легких. В этот момент силы покинули его полностью.

Тут же Виктор толкнул вверх левую руку. Он вынырнул из-под воды, и он вонзил острие торчащего из предплечья ножа в обнаженную шею Рида. Дюйм лезвия полностью вонзился в плоть англичанина.

Глаза Рида расширились.

Виктор, голова все еще была под водой, крутил лезвием из стороны в сторону, крича от боли в собственной руке, когда он пронзил шею нападавшего. Рид замолчал. На мгновение возникло сопротивление лезвию. Толстые стенки сонной артерии.

Рид бросился прочь, прижимая руки к шее, но было слишком поздно.

Из раны хлынул поток крови.

Водянистое небо Виктора стало красным. Рид упал в реку, вокруг него заплескалась вода.

Виктор приподнялся и втянул драгоценный воздух. Он с трудом поднялся на ноги, баюкая пронзенную руку. Перед ним в реке плыл Рид, багровое облако быстро расширялось вокруг него, обе ладони были прижаты к его горлу, он отчаянно пытался остановить брызги крови и сделать невозможное — остаться в живых.

Виктор проигнорировал его. Нож по самую рукоятку вонзился в его руку, кровь сочилась сверху и снизу, со всех сторон. Используя

только правую руку, Виктор соскользнул с ремня и обернул его вокруг своего левого бицепса так сильно, как только мог. Он протолкнул металлическую защелку через кожу, чтобы создать новое отверстие для ее крепления.

Убирать нож было бы самоубийством, поэтому он оставил его на месте. Пояс бы помог, но это была лишь временная передышка. При той скорости, с которой он выходил, большинство, если не все, основные кровеносные сосуды в его руке были перерезаны. При его весе и с помощью ремня, который ему помогал, Виктор прикинул, что у него осталось менее получаса, прежде чем он истечет кровью. Он, вероятно, не сможет ходить через пятнадцать минут, двадцать, если повезет.

Рид издавал хриплый звук, изо рта пузырилась кровь. Его лицо было белым, с яркой кровью, почти черным на фоне кожи. Он посмотрел на Виктора, не моргая. В его глазах не было ни страха, ни ненависти, только холодное принятие своей судьбы. Виктор задумался, что выдадут его собственные глаза, когда придет его очередь. Он в последний раз отвернулся от Рида и подумал о Ребекке.

Он побрел по воде и по берегу, нетвердо держась на ногах. Он пробрался сквозь деревья по дорожке, проторенной джипом, пока не увидел пикап русского, припаркованный вдоль дороги. Он наткнулся на него. Ключи все еще были в замке зажигания.

Взгляд Виктора метался между аналоговыми часами на приборной панели и дорогой впереди, когда он возвращался в город. В идеале ему нужно было уехать как можно дальше, прежде чем отправиться в больницу, желательно за границу. Но не было времени. Он бы истек кровью за рулем, если бы попытался.

Он вел машину с тяжелыми веками, чувствуя себя все холоднее и холоднее. Он зевал, подъезжая к больнице Танга. Он почувствовал, что уходит, когда наткнулся на отделение неотложной помощи. Его приветствовал короткий крик.

Рука медсестры схватила его за правую руку и потащила по коридору. Он опустился на колени, пытаясь не отставать от нее. Она кричала и задавала ему вопросы. Он не мог понять, что она говорит. Затем он услышал английский, и каким-то образом Виктору удалось заставить рот работать, и он выкрикнул свою группу крови так громко, как только мог. Он бы упал, но невидимые руки поставили его на ноги. Его зрение ухудшилось, когда он лег на кровать. Вокруг него были другие люди, еще медсестры, возможно, врачи.

Он услышал скрип колес.

ГЛАВА 80

Дар-эс-Салам, Танзания

среда

12:03 поесть

Сайкс делал все, что было в его силах, чтобы сохранять спокойствие, но он знал, что терпит неудачу. Он почти не спал два дня, но был слишком на взводе, чтобы чувствовать хоть какую-то усталость. Несмотря на то, что здание было идеально кондиционировано, Сайкс старался не обращать внимания на сырость, собиравшуюся под мышками.

После катастрофы в отеле Сайкс бежал из страны, пересекая северную границу Кении. Он прокручивал варианты в голове,

закидывая антациды в горло и периодически вызывая рвоту, когда они заканчивались. В конце концов он понял, что у него не хватит мужества для жизни в качестве беглеца или ноу-хау, чтобы продержаться в качестве беглеца.

Если бы он действительно постарался, был бы небольшой шанс, что он сможет разобраться во всем достаточно, чтобы пережить неизбежные последствия. Но Рид был в отеле Сайкса. Он был в этом уверен. Человек, который застрелил Вичмана. И единственным объяснением присутствия Рида было то, что Фергюсон послал убийцу убить Сайкса. Этого было достаточно, чтобы изменить приоритеты Сайкса. Разбогатеть и его карьера заняли второе место после того, как он остался в живых.

Он сдался в посольстве и с тех пор находился под стражей ЦРУ. Десять минут назад его привели из его комнаты в офис агентства в подвале здания посольства.

Сайкс молча стоял перед Проктером, который сидел за столом на стуле, явно слишком маленьком для него. Прошло десять секунд. Двадцать. Проктер увидел, что он изо всех сил пытается начать.

— Не хотите ли присесть? он спросил.

— Я хотел бы встать, если вам все равно, сэр.

— Это твои ноги.

Сайкс держал руки сцепленными за спиной. Он сделал бы это с некоторым достоинством. На самом деле, напомнил он себе, это единственное, что у него осталось. Сайкс говорил без пауз почти тридцать минут. Он начал с самых ярких моментов: Фергюсон пришел

к нему с планом; его согласие; вербовка Кеннарда и Самнера; использование Самнера для найма Тессеракта и его идентификации с помощью фиктивных заданий; заставить Хойта нанять Стивенсона; сокрытие денежного следа через Сейфа и Олимп; использование информации, предоставленной Кеннардом, чтобы помочь Тессеракту убить Озолса; попытка команды Стивенсона убить Тессеракт; отправив МакКлюри за Тессерактом, когда Стивенсон потерпел неудачу; отправив Рида убить Кеннарда, Хойта, Сейфа, Самнера и Тессеракта; думая, что Рид добился успеха на Кипре; расшифровка флешки, поиск и восстановление ракет; и как все пошло не так.

Когда он закончил, Проктер казался слишком спокойным, учитывая то, что только что сказал ему Сайкс.

— И, — начал Проктер, — целью его в высшей степени незаконной деятельности, которая привела к большому количеству смертей, было продать ракеты «Оникс» тому, кто больше заплатит?

— Да, — признал Сайкс. «Мы сделали это из-за денег».

'Ладно, хорошо.' Проктер казался довольным его сотрудничеством. — И вы участвовали в этой операции с самого начала, не так ли, мистер Сайкс?

Сайкс знал, что ему тяжело. И он это заслужил.

«Я играл важную роль с самого начала».

«Я ценю вашу честность. Я, конечно, понимаю, как это тяжело для вас.

Что происходило? Он только что услышал какое-то сочувствие? Проктер явно готовил его к убийственному удару.

«Теперь, — продолжил Проктер, — вы можете удивиться, узнав, что я уже знал многое из того, что вы мне только что рассказали».

Что-то взорвалось внутри желудка Сайкса. 'Как?'

'Как не важно. Важно то, что вы пришли добровольно. Если бы я был вынужден привести вас сюда против воли, этот разговор был бы явно более неприятным. Расскажите мне больше о том, что произошло в понедельник.

В горле Сайкса пересохло. Он рассказал о Дальвеге и Вихмане, об извлечении ракет с затонувшего фрегата и их возвращении в гостиницу, о разговоре с Фергюсоном. «Именно тогда все пошло плохо». Он объяснял вещи так, как помнил.

Проктер молча принял все во внимание и время от времени кивал. Когда Сайкс закончил, Проктер спросил: «Почему Тессеракт был в деревне, в отеле?»

Сайкс покачал головой. «Единственное, о чем я могу думать, это то, что он шел за мной».

— Но как он вообще узнал о вас?

«Каким-то образом Самнер пронюхал, что она была мишенью, и избегал Рида. Затем она объединилась с Тессерактом, чтобы преследовать меня и Фергюсона. Думаю, она поняла, кто мы такие. Я не знаю как.

Проктер на мгновение замолчал, а затем начал задавать вопросы. Много вопросов. Сайкс ответил. Все кровавые подробности. Он упустил тот факт, что видел Рида в Танге, так как это не принесло бы никакой пользы, если бы Проктер знал, что причина, по которой Сайкс признавался, заключалась в том, что Фергюсон хотел его смерти. Если эта информация выйдет позже, пусть будет так, но сейчас Сайкс хотел чувствовать, что он не так низко, как Фергюсон, на лестнице предателей-подонков.

— Вы заполнили множество пробелов в этом грязном и презренном деле, — сказал Проктер, — и за это я вам очень признателен. Однако вы сознательно участвовали в преступной деятельности, которая представляет собой высшую меру наказания, предусмотренную законом».

— Я понимаю это, сэр. И я принимаю последствия».

Было приятно быть благородным, хотя бы на несколько минут.

— Но, — продолжал Проктер, — было видно, что вы ни в чем не виноваты, кроме как в подчинении приказам. Фергюсон был зачинщиком этого нелепого беспорядка, а вы стали жертвой его безумия. Сайкс не знал, что ответить, поэтому промолчал. — Я вижу, что у вас не было никакого желания проводить эту операцию, но вы оказались в безвыходной ситуации. Фергюсон был вашим начальником, героем этой организации. У тебя не было выбора, кроме как сделать то, что тебе сказали, и я могу это оценить.

«С самого первого дня мы учим вас подчиняться начальству, выполнять приказы, которые вы можете не понимать, потому что вы не всегда владеете полной информацией. И вы должны подчиняться им

буквально, даже если вы с ними не согласны. Потому что, если вы этого не сделаете, вы можете уничтожить что-то очень важное.

Если Сайкс не ошибся, в конце очень темного туннеля появилась вспышка света.

Проктер продолжил: «Лояльность, которую вы продемонстрировали своему начальнику, заслуживает похвалы. Но теперь вы должны выбрать, в чем состоит ваша истинная преданность. В агентство или к своему наставнику?

Не было даже секундного раздумья, но Сайкс мысленно досчитал до десяти, чтобы казалось, будто выбор был непростым. Он чувствовал, что пауза прекрасно продемонстрировала внутренний конфликт, который якобы был внутри него.

— Я верен этому агентству, сэр.

Проктер торжественно кивнул. — Я очень рад, что ты это сказал. Действительно очень рад. Потому что мне нужна твоя помощь.

— Я не уверен, что понимаю.

— Большая часть того, что вы мне рассказали, не может быть подтверждена, не так ли?

Сайкс на мгновение задумался. 'Нет, сэр.'

«И в этом заключается загвоздка».

— Я все еще не уверен, что понимаю.

— Это твое слово против слова Фергюсона.

Сайкс кивнул. 'Да сэр.'

— И его слово дороже твоего.

Мысль о том, что Фергюсон уйдет чистым, заставила его кровь закипеть, но его слова прозвучали жалко, а не гневно. 'Это не справедливо-'

«Справедливо это или нет, такова ситуация. Так что мы должны быть умными, не так ли?»

Сайкс был в замешательстве. 'Да сэр.'

— Фергюсон не узнает о том, что происходит, и не узнает, что вы мне сказали. Вот что я хочу, чтобы ты сделал. Я хочу, чтобы вы вели себя как обычно и делали то, что вам говорит Фергюсон. Просто запишите это. Проктер встал и положил ладони на стол. — Мне нужны доказательства, достаточно доказательств, чтобы связать Фергюсона за горло так туго, что он не сможет вывернуться. Нам нужно, чтобы дело против Фергюсона было настолько ошеломляющим, а обвинения настолько суровыми, чтобы об этом невозможно было молчать. Люди должны знать, что произошло.

Сайкс начал понимать. Проктер отчаянно пытался убедить, что это не осталось незамеченным.

«И привлечение Фергюсона к ответственности будет означать, что я смогу забыть о любых неосторожных действиях, совершенных вами до этого момента», — продолжил Проктер. «Я не забуду тех людей, которые помогали в его ходе. Но я не хочу заставлять вас делать что-то, чего вы не хотите».

Сайкс выпрямил спину, зная, что уже собрал более чем достаточно доказательств, чтобы забить гвозди в гроб Фергюсона. Было бы приятно сделать это. Сайкс внутренне улыбнулся. Он знал, что задумал Проктер, хитрый ублюдок. Проктер станет крестоносцем, который очистит — а не очистит — ЦРУ от коррупции и покажет, что один из величайших героев организации прогнил до основания. Такого рода достижения ускорили бы его прямо в режиссерское кресло всего за несколько лет. После этого кто знал? Проктер был на высоте, это было несомненно. И если Сайкс останется таким же умным, каким он себя считал, он тоже пойдет туда. У Сайкса был план.

«Я хочу все исправить», — сказал он, и он имел это в виду.

Проктер улыбнулся. 'Повезло тебе.'

ГЛАВА 81

13:13 ЕСТЬ

— Как ты себя чувствуешь, Антонио?

Альварес немного выдохнул и в ответ поднял перевязанную правую руку настолько, насколько позволяла боль. У него было несколько таблеток в организме, и они сняли остроту.

«Мне сказали, что он должен хорошо зажить», — сказал Проктер.

«Не будет качки в ближайшее время, хотя.

Проктер вошел в гостиничный номер, и Альварес закрыл за собой дверь. Поначалу комната была не особенно большой, но теперь, когда Проктер занимал большую часть доступного пространства, она была прямо-таки тесной.

— Вы знаете, сколько крови вы потеряли?

Альварес покачал головой. — Нет, но держу пари, что теперь я наполовину африканец.

Одной рукой Альварес отодвинул сумку в сторону и сел на односпальную кровать в комнате. Сумка была маленькая, в ней было только грязное белье и несколько личных вещей Альвареса. Одежда, которую он носил, была куплена для него, когда он провел большую часть ночи на больничной койке. Его доставили в столицу Танзании на вертолете посольства и предоставили номер в отеле для отдыха.

— Но тебе повезло, что ты не отделался еще хуже, — сказал Проктер заметно более серьезным тоном. — Уйти в одиночку вот так. О чем ты думал?

«У меня не было много времени, чтобы подумать».

Проктер нахмурился. — Как офицеру ЦРУ вам, наверное, следовало ответить по-другому.

«Я под кайфом от болеутоляющих».

Проктер показал несколько зубов. — Тогда я позволю этому пройти.

Альварес ничего не сказал. Он потянулся к тумбочке и взял бутылку минеральной воды. Он переложил ее в правую руку, чтобы открутить крышку левой, но вода в бутылке была влажной от конденсата и слишком скользкой в его ослабленной хватке.

— Позвольте мне принести это вам, — предложил Проктер, подходя ближе.

Альварес держал бутылку подальше от Проктера. 'Я понял.'

Он прижал бутылку к груди и с дополнительной поддержкой сумел снять крышку. Он сделал небольшой глоток и поставил его обратно.

— Не так хочется пить, как ты думал? — спросил Проктер.

'Думаю нет.'

— Знаешь, — сказал Проктер, — часть меня хочет накричать на тебя за то, что ты не подчиняешься моим командам.

— Так почему бы и нет?

— Потому что я не уверен, что это было бы просто эгоистичным разговором. В конце концов, вы проделали хорошую, хотя и нестандартную работу.

«Мы не получили ракеты».

Проктер пожал плечами. «Вторые Озолы были убиты, и двигатель пропал, мы никогда не получим эти ракеты. Это было безнадежное дело с самого начала, независимо от того, что говорил Чемберс».

Альварес потер плечо.

Проктер продолжил: «Вы помешали кому-либо получить их. Это самое главное».

— Статус-кво сохраняется?

«Это то, чем мы занимаемся».

— Что будет с Фергюсоном и Сайксом?

— Сайкс сдался. Он заключит сделку, поможет делу против Фергюсона.

— Когда Фергюсон получит хорошие новости?

Проктер какое-то время обдумывал свой ответ. 'Это собирается взять еще некоторые беготни. Но не беспокойтесь, он получит то, что ему причитается. Он протянул руку к воде. 'Разум?' Альварес покачал головой, и Проктер сделал большой глоток. — И не думай снова идти соло, — сказал он, снова завинчивая крышку. «Я не буду таким хорошим парнем в следующий раз, когда ты затеваешь такое дерьмо».

Альварес снова приподнял руку. — Не смог бы, даже если бы захотел.

Проктер внимательно посмотрел на него. — Но ты хочешь?

Альварес на мгновение задумался, затем покачал головой. — Одного раза было достаточно.

'Хорошо. Потому что ты будешь какое-то время сидеть за столом. Отчасти потому, что тебе нужно время, чтобы исцелиться, а отчасти потому, что я должен увидеть, как я тебя отчитываю. У агентства нет времени на индивидуалистов.

Альварес кивнул.

— Во сколько у тебя рейс? — спросил Проктер.

Альварес перевернул запястье, чтобы посмотреть на часы. 'Скоро.'

«Убедитесь, что вы на нем».

'Я буду.'

— Что ты собираешься делать, когда вернешься?

«Обычные вещи. Приготовьте барбекю, сходите на игру в мяч. Посмотри на моего ребенка.

— Звучит неплохо, — сказал Проктер.

ГЛАВА 82

Москва, Россия

среда

14:11 мск

Полковник Геннадий Анисковач прошел по коридорам штаба СВР и с сдерживаемой долей гнева признал, что его лицо теперь притягивает к себе больше испорченных взглядов, чем когда оно было красивым. Секретарша Прудникова, прежде всегда смотревшая на него с наглой тоской и желанием, отвела глаза, когда он подошел к ее столу. Анисковач подождал, пока она объявит о его присутствии по интеркому, и, несмотря на причиняемую им боль, одарил ее своей лучшей улыбкой, когда она, наконец, взглянула на него, прежде чем он вошел в кабинет Прудникова.

Директор читал какой-то отчет и не поднимал глаз. Не было светской беседы. Анисковач знал, что исчерпал это особое удовольствие. В конце концов Прудников отложил отчет в сторону. Он отрегулировал его так, чтобы он был перпендикулярен его столу.

Он налил себе стакан воды и выпил. «Мое горло охрипло от того количества объяснений, которое мне пришлось давать от вашего имени. Как и следовало ожидать, ГРУ, в частности, не очень-то довольны тем, что четыре награжденных бойца нашего спецназа погибли и еще трое были ранены во время операции, о которой мы им ничего не сказали — операции, которую они должны были провести в первое место.»

Он потер лоб, прежде чем посмотреть вверх, серые глаза сузились. — Мне не нравится, что вы снова поставили меня в такое положение. Я сделал, как вы просили, и дал вам задание вернуть эти ракеты, в то же время дав вам шанс восстановить свою запятнанную репутацию. И что ты делаешь? Вы ответственны за еще больше смертей; ты создаешь мне еще больше проблем. И ты даже не вернулся с пригоршней болтов.

— Я хотел бы напомнить вам о непредвиденных обстоятельствах, которые помешали выполнению миссии, — спокойно ответил Анискович. «И все же мне удалось успешно уничтожить ракеты и, таким образом, лишить Америку возможности получить наши технологии». Анисковач стоял с прямой спиной. — И я искренне сожалею о гибели людей, сэр.

Глава СВР ухмыльнулся. — Даже ты не можешь произнести это искренне, Геннадий. Хотя другие могут не замечать твоего обаяния, меня не так легко ввести в заблуждение. Я разговаривал с солдатами в госпитале и знаю, что произошло на самом деле. Вы не имели никакого отношения к уничтожению ракет. Это было всего лишь удачное совпадение, так что не пытайтесь претендовать на признание.

Я всегда знал, что ты безжалостен, но теперь я знаю, что у тебя нет совести, даже когда хорошие люди умирают, чтобы служить твоим амбициям. Если бы это зависело только от меня, я бы вышвырнул тебя из организации или, по крайней мере, приковал бы тебя к столу до конца твоей карьеры, где ты не мог бы причинить больше вреда.

— Сэр, я...

'Тишина.' Прудников махнул рукой. — Не проливай на меня свои лживые слова. В этом нет необходимости. Я говорю это честно: ваша способность извлекать выгоду из собственных ошибок чрезвычайно впечатляет. Даже в лучшем виде я не думаю, что смог бы вывернуться из сети рыбака так же хорошо, как ты.

— Я не понимаю.

— Уверен, что нет. Но похоже, что ГРУ было не единственным получателем информации об операции в Танзании. То, что мы чуть не уступили американцам наши ракетные технологии, вызвало волнение в бассейнах власти над моей головой. Это был особенно умный ход с вашей стороны — рассказать о том, что случилось, тем, кто не знает лучше, чтобы иллюзия успеха могла защитить вас от вашей неудачи. По крайней мере, я должен уважать ваше коварство.

Первоначально Анисковач планировала показаться шокированной известием об утечке, но теперь предпочла остаться без эмоций. Казалось, нет смысла вести себя невежественно.

«Есть много тех, кто заботится только о заголовках, которые чрезвычайно довольны вашими действиями. Пресс-релизы уже готовятся, чтобы похвастаться нашей победой». Прудников вздохнул. — Настоящий герой, не так ли?

«Я исполняю свой долг, как могу».

Прудников горько засмеялся и откинулся на спинку стула. «Похоже, ваши акции резко выросли, и у вас появились новые друзья в Кремле, друзья, которые сообщили мне, что вы сделали Россию гордой, друзья, которые сообщили мне, что это ослабит саму нашу нацию, если я понизлю уровень вашей ответственности. . Судя по всему, жизни четырех заслуженных бойцов, четырех настоящих героев — лишь малая цена за сохранение нашего ракетного превосходства. Мне приказано поздравить вас, даже наградить.

Полковник СВР старался не выглядеть слишком довольным собой. Все шло даже лучше, чем он ожидал.

'Спасибо, сэр.'

— Незачем меня благодарить, Геннадий, когда это целиком и полностью твоя заслуга. Поэтому любая благодарность, которую вы получаете, должна быть направлена исключительно на вас самих».

— Тогда я благодарю себя.

Глаза Прудникова сузились до щелочек. «Ваше высокомерие погубит вас».

— Возможно, — начал Анисковач, — но пока всякая заносчивость более чем оправдана. Нет оснований предполагать, что оправдание не должно продолжаться. В этом случае уверенность была бы более точным выбором слова. Сэр.'

Прудников, показывая вид чистого пренебрежения, долго рассматривал Анисковача. Он не возражал, и Анисковач воспринял его молчание как знак уступки в словесной баталии. В конце концов глава СВР поправил очки и откашлялся. «Поскольку я не могу понизить вас в должности, — сказал он, — я могу с таким же успехом использовать вас. Вам предстоит продолжить поиски убийцы генерала Банарова. Надеюсь, в этом вопросе вы уже достигли пределов любого ущерба, который вы могли причинить. Знаем ли мы о нем что-нибудь еще?»

Анисковач не рассказал Прудникову всего о том, что произошло в Танзании, и полностью исключил причастность убийцы Банарова. Такая информация была слишком ценной, чтобы отказываться от нее до самого подходящего момента. А пока не помешала бы одна маленькая деталь, чтобы успокоить Прудникова.

— Ну, — начал Анисковач с тщательно выверенной дозой драмы. «У нас было очень интересное развитие в этом отношении».

ГЛАВА 83

Танга, Танзания

среда

16:50 ЕД.

Когда Виктор очнулся, ему хотелось блевать, но он заставил себя оглядеться вокруг, как только это позволяло сознание. Он лежал на

больничной койке, окруженный москитной сеткой. Его зрение было расплывчатым, но это было яркое дневное время. Над головой гудел потолочный вентилятор. Комната была маленькая. Он был один.

Каждый дюйм его тела, казалось, болел. Везде были синяки. Раны по всему телу были перевязаны. Кольцо бинтов было туго обмотано вокруг его живота, но сильнее всего было перевязано левое предплечье. Ничего не было шинировано или залито, так что он знал, что костей нет, но, опасаясь повреждения сухожилий, осторожно согнул левую руку. Он вздрогнул от боли, но все его пальцы, казалось, двигались правильно. Он надеялся, что не будет никакого долгосрочного ущерба. Если он вернется в Европу, то на всякий случай отдаст его на осмотр специалисту.

Он чувствовал себя слабым; трудно было сидеть прямо. Он предположил, что страдал от побочных эффектов от любых болеутоляющих и седативных средств, а также от полученных травм. Он отмахнул москитную сетку. Так как внутри него не было трубок, он высунул ноги из-под одеяла, и ступни коснулись прохладного пола.

Он не знал, почему оказался в отдельной палате, а не в палате, может быть, только из-за цвета кожи. Ему было трудно встать, и он медленно подошел к окну. Выглянув, он увидел, что находится на втором этаже, не более чем в пятнадцати футах от земли. Недалеко, но в его нынешнем физическом состоянии он сомневался, что сможет выдержать собственный вес, не говоря уже о том, чтобы карабкаться. Окно было потенциальным путем побега, а не его первым выходом.

Он должен быть осторожен в выборе ухода. Если бы он ускользнул незамеченным, это могло бы создать шумиху; воспоминания людей были бы острее, если бы вопросы о нем задавались позже. Если бы он не торопился, выписался без происшествий, то, если бы кто-нибудь пришел задавать вопросы,

никто бы его толком не вспомнил, кроме его расы и ран. После ухода он возвращался и платил стажеру за кражу его записей.

Он наслаждался ощущением солнца на своей коже. Хорошо быть живым, лучше, чем он мог себе представить. Но он не был в безопасности. Он был удивлен, что возле его комнаты не было охранников. Возможно, танзанийские власти не знали о его причастности к убийствам прошлой ночью. Он понял, что его чувство времени было отключено. Он не знал, который сейчас час дня и сколько времени прошло с той поножовщины в реке. Он помнил, что просыпался раньше, может быть, дважды, но не мог вспомнить никаких подробностей. Он надеялся, что только на следующий день.

Дверь открылась, и он быстро обернулся и увидел, как входит доктор. Виктор едва мог видеть лицо, его глаза с трудом фокусировались. Доктор был высоким и толстым. Белый. На вид ему было за пятьдесят.

'Как ты себя чувствуешь?'

Его акцент был странным. Виктор не мог понять.

«Грогги», — был его ответ.

Доктор казался взволнованным. — Тебе следует отдохнуть.

— Как долго я здесь?

— Почти два дня.

Виктор знал, что ему повезло, что люди, которые имели значение, еще не знали, что он был здесь после столь долгого времени. Но любое дополнительное время, проведенное в больнице, давало врагам больше шансов сфокусироваться на его позиции. Ему нужно было уйти сейчас же, невзирая на то, что он вызовет переполох. Виктор открыл шкаф возле кровати и нашел часть своей одежды.

— Мне нужно идти, — сказал он.

— Я хотел бы поговорить с вами до того, как вы это сделаете.

— У меня нет времени.

— Вы совершенно уверены?

В тоне было что-то такое, что заставило Виктора поднять голову. Лицо стало проясняться. На лице доктора отразилось любопытное выражение. Его белое пальто выглядело нетронутым. В кармане не было ни ручек, ни стетоскопа на шее, ни удостоверения личности.

Виктор перестал одеваться. 'Кто ты?'

— Я не врач.

— Эту часть я придумал сам.

Мужчина, который не был врачом, улыбнулся. — Я был бы разочарован, если бы вы этого не сделали.

— Если ты здесь, чтобы убить меня, ты слишком долго ждал.

— Ты думаешь, я убийца? Он рассмеялся про себя. 'Едва ли.'

— Тогда кто ты?

«Думай обо мне как об администраторе».

Виктор продолжал одеваться. — Акцент необходим?

'Это лучше?' Американец.

— Где твоя поддержка?

— У меня их нет.

Ложь.

— Тогда что мешает мне убить тебя?

— В твоём нынешнем физическом состоянии, я думаю, даже ты бы боролся с этим. Но, что более важно, то же самое, что помешало бы мне сделать то же самое». Администратор указала, жестом указала через дверное окно на коридор снаружи, полный пациентов и персонала больницы — дворника, медсестер. Свидетели. — Я просто хочу поговорить.

— Мы разговариваем, — сказал Виктор. — У тебя есть время, которое мне нужно, чтобы одеться.

— Тогда я буду краток.

Виктор все это время не сводил глаз с администратора. Он не мог видеть признаки того, что он был вооружен. 'Пожалуйста, сделай.'

«Я здесь, потому что мы можем помочь друг другу».

'Как?'

«Мы оба хотим одного и того же».

'Который?'

«Это дело должно закончиться».

'И?'

— Я могу это сделать.

'Почему?' — спросил Виктор, искренне заинтригованный.

«Не ведитесь на приятную внешность», — сказал администратор. — Я действительно не очень хороший человек.

— Меня не обманули, — сказал Виктор. — И вы не ответили на мой вопрос.

«Мои причины — мои собственные. Но весь этот беспорядок никогда не должен был быть создан. Я хочу почистить его.

Вещи начали обретать смысл. — А кого именно вы представляете?

«Правительство Соединенных Штатов Америки».

— Я очень в этом сомневаюсь, — сказал Виктор.

— Я представляю США по-своему, — поправил администратор.

Мгновение говорил Нетер, а администратор достал из кармана брюк какой-то предмет и бросил его Виктору. Он поймал его правой рукой. Нож убийцы. Виктор медленно развернул его. Его левое предплечье пульсировало.

— Это довольно необычное оружие, — сказал администратор. 'Сделанный на заказ. Нет металла. Керамическое лезвие, фурнитура из углеродного волокна, гладиаторское острие, крисс кромка.

— Ты знаешь свои ножи, — сказал Виктор.

— Я не всегда был дежурным жокеем, — бесстрастно объяснил администратор. — Что случилось с человеком, который ударил тебя им?

Виктор сложил лезвие. — Я ударил его ножом в ответ.

На мясистых губах администратора появилась улыбка. Виктор хотел вернуть нож, но на его пути поднялась ладонь. 'Оставь это. Тебе от этого больше пользы, чем мне.

Виктор держал его в руке. — Раз уж ты великодушен, — сказал он, — у тебя есть сигарета?

Администратор покачал головой. «Возможно, я могу достать один для вас».

— Забудь, — сказал Виктор через несколько секунд. «Кажется, я только что уволился».

— Молодец, — сказал администратор. — Значит, ваш ответ — да?

«Это возможно. Но это не единственная причина, по которой вы здесь, не так ли?»

Администратор улыбнулась. «Очень проницателен. Ты прав; есть еще кое-что, что я хочу. Я хотел бы сохранить ваши услуги. Временами.»

— Я подумываю уйти в отставку.

— Я надеюсь, вы передумаете.

— Зачем вам нужен такой человек, как я, на вашей службе?

«Мой коллега совершил ошибку, используя вас как расходный материал. Я понимаю, что ваш потенциал гораздо выше.

«Мое эго не нуждается в массаже».

«Как бы то ни было, бывают случаи, когда необходимо иметь возможность отдавать деликатные задания вне дома. Использование обычных каналов для выполнения работы не всегда является наиболее эффективным использованием времени или ресурсов. Особенно, когда эта работа технически нелегальна.

— У вас должны быть контактные данные тысячи таких, как я. Зачем тебе еще один?

— Потому что эти люди существуют, а тебя нет. Несмотря на все, что произошло за последние две недели, у вас все еще есть ваша анонимность, а также ваша жизнь. Агентство по-прежнему ничего о вас не знает; никто не делает. Это какое-то достижение.

— Ты все же нашел меня.

«После понедельника это не такая уж сложная задача. Но даже так я не знаю, кто вы, и сомневаюсь, что когда-нибудь узнаю. Я считаю прошедшие две недели вашим интервью. Вы доказали, что очень подходите для должности, которую мне нужно заполнить.

«Мне очень повезло».

«Я не верю в удачу. Я не верю, что ты тоже.

— И как эта договоренность будет работать?

— Вы не будете выполнять никакой другой работы, кроме той, которую делаете для меня. Эти контракты будут исходить непосредственно от меня или моего партнера. И это все. Простой.'

Выражение лица Виктора ничего не выражало. «Я знаю, что вы получаете от этого, но какую пользу я получу?»

— Деньги, конечно.

— Вы еще не знаете, какой у меня гонорар. Думаю, я собираюсь увеличить свои ставки.

Администратор ухмыльнулся. — Я уверен, что мы сможем вам позволить.

«Что еще я получаю, кроме денег?»

Иммунитет. Мы можем помочь вам избежать ненужных осложнений с другими странами. Французы все еще заняты поисками вас после Парижа, и я уверен, что швейцарцы тоже захотят задать вам несколько вопросов. И не будем говорить о русских».

— Вы делаете убедительную подачу.

Администратор продолжил. «Самое главное, если вы будете делать все в точности, как велено, и не будете выставять себя напоказ, я смогу убедиться, что никто на моей стороне Атлантики вас тоже не побеспокоит».

— Что, если я скажу «нет»?

— Я не верю, что вы это сделаете.

Виктор выдержал его взгляд, точно зная, что произойдет, если он скажет «нет». Широкоплечий дворник, пытавшийся выглядеть занятым в коридоре снаружи, скорее всего, потянулся к своему слишком чистому ящику с инструментами за чем-то другим, кроме отвертки.

— Хорошо, — сказал он. 'Я согласен.'

— Я так и думал.

— При одном условии, — добавил Виктор.

'Назови это.'

«Мне нужен человек, который начал это. И это не подлежит обсуждению».

Лицо администратора практически не изменилось. — Я подумал, что вы могли бы сказать что-нибудь на этот счет. Вы можете получить его. Он достал из блокнота конверт и положил его на край кровати. Я свяжусь с вами через пару недель, как только у вас будет время отдохнуть, чтобы мы могли обсудить, что делать дальше».

Когда администратор был уже почти у дверей, Виктор заговорил. — Есть еще кое-что.

— Я все думал, когда ты собираешься спросить. Администратор остановился и повернулся к нему. — Вы хотите знать, что было на той лодке, не так ли? Вы хотите знать, что все это было о.

Виктор не оглядывался. «Мне на это наплевать. У меня никогда не было.»

Широкий лоб администратора сморщился, и он скрестил руки на груди. 'Тогда что это?'

— Там была женщина. Виктор стоял у окна. 'Ребекка.'

— Ребекка Самнер, — сказал администратор с явным любопытством в голосе. — Ее убили на Кипре.

— Верно, — медленно сказал Виктор.

— Так что вы хотите знать о ней?

Яркий солнечный свет согрел лицо Виктора.

'Все.'

17:02 поесть

Администратор закрыл за собой дверь и пошел по оживленному больничному коридору. Он старался не смотреть на уборщика, задержавшегося рядом с комнатой Тессеракта. Простой кивок послужил бы сигналом для его человека войти и казнить раненого убийцу, а Роланд Проктер не хотел, чтобы его новый сотрудник был убит без необходимости.

Найти Тессеракт было относительно просто. После того, как Сайкс закончил инструктаж Проктера, он использовал местные ресурсы для поиска. Это не заняло так много времени. В городе было очень много недавно госпитализированных белых парней.

Проктер подумал о Фергюсоне. Все это произошло из-за того, что старый ублюдок не получил достаточного количества пощечин за свою работу двадцать лет назад. Это не повод становиться предателем за несколько миллионов. Это был печальный конец карьеры некогда прекрасного человека. Проктер руководствовался не деньгами; он хотел власти. Власть могла купить все, что можно было купить за деньги, а также все, что она не могла купить.

Вышел из больницы в отличном настроении. За несколько коротких дней он составил бы дело против Фергюсона, настолько убедительное, что даже писаки с холма не смогли бы замести его под ковер. Благодаря тщательной утечке информации в прессу Проктер позаботится о том, чтобы его лицо было видно за каждым завтраком в городе. Он решил, что «Спаситель ЦРУ» — довольно броское название.

Он ожидал повышения в течение шести месяцев. Чемберс был там только до тех пор, пока они не нашли кого-то другого, и Проктер скоро станет идеальным кандидатом. После смерти Фергюсона

восхождение Проктера станет еще более весомым. Запятнать имя мертвого героя было бы даже дороже, чем уничтожить живого. Все, кто имеет значение, в агентстве и на Капитолийском холме, хотели бы, чтобы скандал такого масштаба оставался в тайне. Если бы он предпочел хранить молчание, количество политической валюты, которую Проктер мог бы получить от высшего начальства, было бы огромным.

Убийство Фергюсона едва ли пошатнуло моральный компас Проктера, уже сломанный. Фергюсон был предателем и убийцей, и было справедливо казнить его за свои преступления. Проктер приказал убить гораздо более уважаемых людей, чем Фергюсон, и все еще спал, как пухлый младенец. Кроме того, это убийство сопровождалось дополнительным бонусом: оно привлекло Тессеракт на сторону. Теперь у Проктера был свой любимый киллер.

Он улыбнулся. Все бы прекрасно сложилось само собой, хотя Проктер напомнил себе не быть слишком дерзким. Он был хорош, это было несомненно, но всегда те, кто не осознавал, что они не непобедимы, не могли полностью раскрыть свой потенциал. Он не собирался совершать те же ошибки, что и Фергюсон.

Проктер знал, что он слишком хорош для этого.

На улице возле больницы к нему присоединился изможденный мужчина. Он был одет в белый льняной костюм и казался особенно неудобным под танзанийским солнцем. Пот заливал его бледное лицо.

Проктер шел рядом с ним. 'Как прошло?'

«Ничего не подлежит восстановлению», — сказал мужчина. — Фрегат в беспорядке, а ракеты на борту разобраны, проржавели или и то, и другое. А что касается грузовика, то ракеты и так были

полуржавые. Огонь прикончил их. Если что-то и уцелело, то разграблено.

«Было бы неплохо вернуть один», — сказал Проктер. «Но вы не можете победить их всех».

— Нет, ты никогда не сможешь.

— А как насчет Тессеракта?

«Наши люди прибыли сюда слишком поздно, чтобы взять отпечатки пальцев, а он этого не заметил, но у нас есть образец крови, когда он пришел, и, что более важно, фотографии. И есть еще кое-что, чем мы займемся, когда вернемся». Изможденный человек обошел группу смеющихся детей, направлявшихся в противоположную сторону. — Все здесь.

Он передал тонкий файл, и Проктер ненадолго открыл его. — Хорошая работа, мистер Кларк.

Кларк мало что показывал в своем выражении. — Ты же не думаешь, что он будет придерживаться сделки, не так ли?

— У него нет выбора.

Кларк выглядел каким угодно, только не убежденным.

Проктер сказал: «Когда вы приводите опасную собаку в свой дом, ожидая, пока она не откусит кусок от вашей задницы, слишком поздно выяснять, кто в доме хозяин». Он посмотрел в сторону Кларка.

«Мы обязательно дадим этому животному знать с самого начала, что оно находится в самом низу стаи. Если он не будет обучаться дома, есть простое решение. Мы его посадили.

— Если ты помнишь, — сказал Кларк. «В прошлый раз, когда кто-то пытался, все получилось не слишком хорошо».

— Верно, — кивнул Проктер. — Но у нас есть одно неоспоримое преимущество перед нашими предшественниками. С этим, — Проктор постучал по новому файлу Тессеракта, — он принадлежит нам.

ГЛАВА 85

Фолс-Черч, Вирджиния, США

Суббота, три недели спустя

22:49 по восточному поясному времени

Шторы зашевелились. Ветер из открытого окна был легким и прохладным. Уильям Фергюсон лежал в своей постели, его волосы были влажными после душа, на прикроватной тумбочке стояла бутылка виски с водой, а на коленях лежал открытый экземпляр его любимого ежедневного журнала. Если у него не было возможности прочесть ее полностью в течение дня, он всегда дочитывал ее перед сном.

В его доме было тихо. Прошло много времени с тех пор, как кто-то еще жил с ним, и он предпочитал собственную компанию. Однако в редких случаях он пропускал чужой шум. Маленький зеленый огонек привлек его внимание. Это означало, что все в порядке. Дом Фергюсона был оснащен самой современной системой безопасности, поставленной и установленной агентством. Свет вспыхнет красным, если что-то, человек или что-то еще, нарушит периметр. Ему еще ни разу не приходилось нажимать тревожную кнопку.

Казалось, прошло очень много времени с тех пор, как Сайкс вернулся из Танзании со шляпой в руках. Простая операция превратилась в огромный беспорядок, даже Фергюсон был вынужден это признать, но теперь все кончено. Так что он пока не разбогатеет. У него было еще достаточно времени для одного последнего плана, прежде чем он уйдет на пенсию. Ему удалось не допустить, чтобы его страна заполучила в свои толстые незаслуженные руки ракеты «Оникс», по крайней мере. Это было немного, но это была небольшая месть за то, как его игнорировали и недооценивали. Фергюсон позволил бы всему утрястись, прежде чем обдумывал свой следующий шаг.

Сайкс, счастливый сукин сын, каким-то образом сумел избежать убийства Ридом, но, к счастью, понятия не имел, что когда-либо был мишенью. Рид выпал из сети, и единственным объяснением его исчезновения было то, что он был убит, как бы невероятно это ни было. У Фергюсона не было возможности узнать больше о событиях в Танзании, не вызвав подозрений.

Однако Фергюсон знал, что он был в чистоте. Альварес больше не искал улики, а у Проктера и Чемберса были более насущные проблемы. Пока Фергюсон держал голову опущенной, он был в безопасности.

Сайкса все еще нужно было удалить. У метросексуального слабака просто не хватило ума или желудка для такой работы, и теперь он был не более чем ходячей обузой. Он был последним звеном между неудавшейся операцией и Фергюсоном, и ему нельзя было позволить остаться в живых. Теперь, когда Рид мертв, Фергюсону придется найти кого-нибудь другого, кто бы сделал эту работу. Он даже сделал бы это сам, если бы ему пришлось. Вероятно, ему бы это понравилось.

Ветеран ЦРУ перевернул страницу своей газеты и сделал глоток из виски, смакуя вкус во рту, прежде чем проглотить. Он поставил стакан обратно и нахмурился, заметив, что ему холодно. Взорванное открытое окно.

Он пытался не обращать на это внимания, но к тому времени, когда он перевернул следующую страницу, он начал действовать. Фергюсон откинул одеяло и прошел через свою просторную спальню в примыкающую пристройку. Раздражённо фыркнув, он захлопнул окно, пытаясь вспомнить, когда вообще открывал его. Он молился богу, в которого никогда не верил, что его разум не в порядке.

Вернувшись в постель, он допил виски и бросил газету на пол. Он уселся в свою обычную позу для сна и выключил лампу. Он поискал щекой гладкий участок подушки. Фергюсон вздохнул, довольный.

Мгновение спустя прохладный металл прижался к его виску.

Он задохнулся.

Человек говорил с ним из темноты. Это был последний голос, который он когда-либо слышал.

— Приятно наконец познакомиться с вами.